

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 5 / 2016
СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсоецбанк»

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Александр КАТКОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Агата РЫЖОВА,
Ирина ТЮНИНА,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции и издателя:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

16+

Содержание

ПРОЗА

- Николай Дорошенко.** Золотой век. Главы из романа
- Кирилл Леонидов.** Вольтерьянец. Повесть
- Георгий Панкратов.** Чувство рохли. Повесть
- Виктор Коняев.** Лена и Юленька. Отрывок из повести «Непогасимая лучина»
- Александр Брюховецкий.** Без лица. Рассказ
- Вячеслав Рукосуев.** Рассказы

ПОЭЗИЯ

- Андрей Правда.** Стихи из цикла «Бегущая строка»
- Станислав Ливинский.** Бабушкин стол.....
- Наталья Поляченко.** Розовая ото сна.....

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

- Екатерина Ермолина, Екатерина Каргопольцева, Александр Рудыка, Владимир Обухов, Алексей Бурко, Диана Лунгина, Татьяна Христенко**.....

ОЧЕРК

- Евгений Мельников.** Я никогда не ездил на слоне

ПУБЛИЦИСТИКА

- Борис Бурмистров.** Корневая система.....

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

- Денис Злобин** (о. Дионисий). С любовью к Донбассу, и Кузбассу, и всему Отечеству

И БОЛЬШИМ, И ДЕТАМ

- Нина Глушкова.** Магнитные лужи

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

- Автобиография Буравлёва Евгения Сергеевича
- Виктор Чурилов.** Баллада о Поэте

КНИГА ПАМЯТИ

- Виктор Сенк.** От шахты – к городу!

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

- Нина Ягодинцева.** Образ и его преобразование.....

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин**.....

Писателю Гарию Леонтьевичу НЕМЧЕНКО – 80 лет!

«Не зря ударную стройку Запсиба назвали Западно-Сибирской Сечью. Было, было там и братство, и молодёжная вольница, и труд от души, и спорт во все лопатки, и много чего. Немалую лепту в сибирский общий, как говорится, котёл внесли кубанцы с их стойкостью и жизнерадостным юмором при любой погоде – в жгучий кузбасский мороз или азиатский испепеляющий зной. Гарий Немченко выразил суть в коротком афоризме: «Сибирское братство». Подробности живописал в своих 50 книгах, посвящённых в большинстве своём Кузбассу и Антоновской площадке на правом берегу Томи, где возводился Западно-Сибирский металлургический комбинат (ЗСМК)».

Руслана Ляшева

Поздравляем замечательного русского писателя,
верного автора журнала «Огни Кузбасса»
с 80-летним юбилеем!

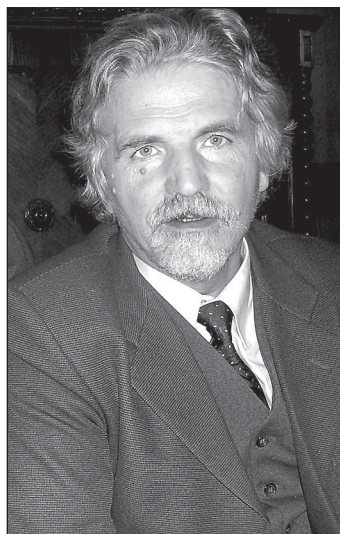
Читайте прозу Гария Немченко и материалы о нём на с. 103, 115, 117.

Дорогой Николай Иванович, поздравляем Вас со славным 65-летним юбилеем, поём «Многая лета!», желаем чистого неба над головой, сил и упорства на Вашем, столь непросто и важном поприще.

**Николай
ДОРОШЕНКО**

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Из романа «Душа»

**Глава первая.
О ТОМ ВРЕМЕНИ, КОГДА МЕНЯ
ВО МНЕ НЕ БЫЛО**

В тысяча девятьсот шестьдесят первом году в свои десять лет я почему-то никак не решился заглянуть в личико только что привезенного из роддома племянника — еще красненькое, еще словно бы недосотворенное, но уже обрамленное тем белым, с тонюсенькими кружавчиками, чепчиком, который сшила моя старшая сестра, а теперь, значит, уже и его мать Нина.

А тетя Фрося очень уж настойчиво меня подбадривала:

— Ты не бойся, ты подойди поближе, оно же тебя не видит! Ему пока еще ангелы небесные поют!

Да и Нина при этом мне улыбалась так, как будто я уже и не я, и она уже — не она. А её муж Алексей попытался было спичкой поджечь свою папиросу, но тетя Фрося сразу же прогнала его.

Видимо, сколько-то шагов я все-таки сделал в приближении к племяннику, но потом тихонечко отступил и вышел во двор к Алексею, одному и с папиросой в оскаленных зубах сидящему у порога. Он меня тут же подхватил за пояс, ря-

дом с собой примостил, совсем не по-взрослому спросил:

— Ты-то хоть его разглядел?

И я, уставясь на мысок его до блеска начищенного хромового сапога, вдруг понял, что и он, до сих пор одним только своим встрепанным чубом, одною только своею совсем уж за-небесной улыбкой всегда повергавший меня в щенячий восторг, может оказаться таким же неприкаянным, как и я.

И с этого мига я полюбил его уже как обыкновенного человека, а не только как того вихря, который на своем редком по тем временам мотоцикле или иным способом вдруг возле нашего двора появлялся и столь весело да напористо с нами разговаривал, что каждый раз, когда они с Ниной, им все-таки завоеванной, уходили прогуляться до клуба, то и я, и даже мои родители какое-то время должны были приходить в себя.

— А правда, что ангелы ему поют? — спросил я у Алексея.

— Да так поют, что даже, ты ж видишь, мне и покурить нельзя! Только возле роддома сегодня утром дали чуть на руках подержать! — жарко и отчаянно ответил он и сунул в зубы новую папиросу.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович родился в Курской области, окончил Литературный институт им. А. М. Горького, живет в Москве. В настоящее время — секретарь правления Союза писателей России, главный редактор газеты «Российский писатель» (электронная версия www.rospisatel.ru). Автор книг прозы «Видения о Липенском луге», «Хозяин неизвестного музея», «Ушедшие» и др. Лауреат Большой литературной премии за повесть «Запретный художник», Литературной премии им. И. А. Гончарова за повести «Ушедшие» и «Выстрел», премии им. Е. И. Носова за книгу «Дерево возле дома» и др.

Впрочем, в дальнейшие их церемонные у нас гостевания был он уже более спокойным, но — и не прежним парубком, а всего лишь веселеньким мужичком с теплыми и волглыми, как согретый воск, глазами в темных и острых ресничках. И едва мой племянник успевал хныкнуть с нашей кровати, поперек которой его укладывали, Алексей тут же устремлял к Нине свой вдруг весь заострившийся, как и его реснички, взгляд. И у меня сердце начинало щемить от этого его беспокойства, а Нина Алексею в ответ улыбалась как-то очень уж снисходительно; и мне казалось, что это от одной лишь её улыбки, медленной, для меня пока непривычной, племянник мой опять затихал. Алексей же, нашарив в просторном кармане своего пиджака папиросы, устремлялся на волю двора.

И я по своей щенячьей привычке вслед за ним выходил. Он то ли приобнимал меня за плечи, то ли даже меня общупывал и с восхищением сообщал:

— Вот станет он таким же, как и ты, хлопчиком с косточками, буду я его от мамки с собою даже и на покосы брать!

Мой отец тоже выходил к нам. Садился рядом с Алексеем, чтобы с торжественной оцепенелостью помолчать.

— Что ли, и вам не позволяют его на руки взять? — начинал допытываться у него Алексей.

Отец ничего не отвечал. Потом, опамятавшись, приказывал нам:

— К столу надо идти, а то всё стынет там...

Потом, как самое неважное, добавлял:

— А чё тебе, Алексей, его на руки брать, пусть растёт себе *оно* и растёт... А когда ты понадобишься ему, то никуда не денешься...

Потом, на Алексея не глядя, строго добавлял:

— Ты ото папиросы свои выкинь... Какой пример будешь подавать, когда *оно* вырастет... Ты ж с сих дней уже перестал быть парубком...

И за столом, чтобы не разбудить Колю (племянника называли, как и меня, Колей), он в женские медленные разговоры не вступал.

А я уже вполне смело подходил к племяннику, чтобы увидеть, как он безмятежно посапывает в своем — словно бы от всех нас далеко-далеком — сне.

И казалось мне удивительным то, как он, все-таки уже почти настоящий человек, в своей далечине пока еще не догадывается, что я на него — уже смотрю.

А вот теперь я много отдал бы за то, чтобы вспомнить пение также и своих ангелов.

Может быть, пение это еще не истаяло; может быть, где-то в самых уже неразличимых потемках моей памяти оно хранится. Может быть, я теперь всего лишь не могу различить его сквозь тесную толщу своих прожитых лет, а оно, уже и неслышное, само во мне потихоньку длится и длится.

Однако же, хоть и смутно, но помню тоненькое посверкивание голоса моей матери над, должно быть, моею, подвешенной к потолку, люлькой. Или — это даже не столько голос матери мне запомнился, сколько впервые запечатленный в моем сознании её образ, от которого все-таки сбереглось во мне вот это, как вечный небесный жаворонок, невесомо и немолчно звучащее мерцание.

Трудно мне теперь угадать, что обнаружил я рядом с собой, впервые открыв глаза.

Да уже и стал я путать то, что запомнилось мне увиденным наяву, с тем, что увидел я в своих первых и причудливых сновидениях. Потому что, едва я просыпался, мать всегда с певучей радостью спрашивала: «А что моей пчёлочке золотенькой присни-и-лося?» И я невольно оглядывался в свой сон прежде, чем успевал его забыть.

К тому же, рождение моего первого племянника окончательно спутало всё, что я о своем младенчестве в тогдашние десять лет не успел забыть, а что из забытого, на нового Колю глядя, вдруг припоминал.

Например, когда мать по своей крестьянской простоте советовала Нине пеленать Колины ножки потуже, «чтобы они у него не кривенькими выросли», то я вроде бы как вспоминал собственные колени, стиснутые пеленками или — уж не знаю, во что меня заворачивали в послевоенной нищете моего тысяча девятьсот пятьдесят первого года рождения. И когда племянник приучился ползать, я, сострадая его ненасытному упрямству, обнаруживал, что мои ладони и коленки всё еще хранят память о бугорочках узелков на наших самотканых половичках, о гладких, утром холодных, а к полудню горячих камнях у порога нашего дома, о шершавом, в гусяном помете и пухе, пространстве нашего двора и о ласковой, как тонкий шелк, земляной пыли у амбара, в которой, видимо, издревле купались и нежились все поколения наших кур.

Моя младенческая память оказалась живой еще и по причине того, что слишком долго на мне, как на самом младшем, было сосредоточено в нашей семье всеобщее внимание. Не давали моей памяти обесцветиться постоянные, из года в год, рассказы и пересказы о том, как и по каким причинам я рыдал, чем меня от рыданий можно было отвлечь, чему я, «делая губы колечком», внимал наиболее охотно и радостно.

Брат Саша был старше меня на пять лет, а сестра Катя – всего лишь на три года. Но именно они оказывались моими сторожами и пастухами после того, как мать, убаюкав меня, спешила на огород. И когда я просыпался, то они должны были со мною изо всех сил играть. Но я уползал от них в поисках матери, я начинал плакать, когда они моему устремлению препятствовали. И пока я полз, брат и сестра, видимо, играли в то, что вот я все-таки ползу, а они мне, как плененной божьей коровке, не позволяют выбрать неверный путь.

Хотя не могу я теперь понять, как эти малыши, сами нуждающиеся в опеке, меня опекали. Да и через много лет однажды нашел я на чердаке сплетенную из тонкой лозы, наподобие корзины, «стоячую люльку», в которой, как оказалось, мать всех нас в нашем беспомощном возрасте, спящих или бодрствующих, вслед за своими заботами по хозяйству переставляла, в том числе и на огороде. Может быть, всего лишь несколько раз она меня оставила на попечение сестры и брата, а я это на всю жизнь хоть и смутненько, но запомнил.

Да и предположим, что аж до полутора лет – но ведь не дольше же? – ползать мне было сподручнее, чем ходить. Но – ладони мои и колени всё еще отчетливо помнят гладенькую тропочку огородной межи, мягенькие кудряшечки травы по её обочинкам (эта трава почему-то называлась «гусиными лапками»), а также вездесущий молочай и суховатые, всегда припыленные листки подорожника. И невольно чуть ли не вздрагиваю я до сих пор, когда вспоминаю, как вдруг обжигал мое голенькое плечо свирепейший наждак стеблей или листьев подсолнухов, высаженных по обе стороны этой моей первой и, как мне тогда казалось, бесконечно длинной дороги. Еще помню, как вдруг под, видимо, особо крупными листьями подорожника обнаруживал я внимательно вглядывающиеся в меня круглые и влажные глаза огромной лягухи, как

пережидали мы вместе с нею свой осторожный друг к дружке интерес и как она вдруг упрыгивала с межи в свою тайную лягушечью жизнь. И еще помню, как не без удивления поглядывали на меня ногастые кузнечики своими цяточками глаз, как я пытался хотя бы одного схватить, как эти кузнечики в сей же миг неизвестно куда пропадали. И помню, как брат опережал меня, когда я пытался сунуть себе что-нибудь или кого-нибудь в рот. Помню, с каким трудом проглатывался мною воздух, настоящий на теплой земляной влаге, на душных запахах картофельной ботвы, на медянном гуле пчёл, на прозрачном и призрачном стрекоте и шорохе всяких иных насекомых; как сонный, но хладенький ветерок эти запахи и шумы то ли шевелил, то ли взламывал и тем помогал мне их все-таки вдыхать и выдыхать. И, помню, как уже в полном изнеможении я начинал различать голос матери: «А кто это мамочку свою наше-о-ол, кто это к мамочке припо-о-олз, а кому я огурчик, а кому я самую красненькую морко-о-овочку тута нашла-а!»

В теперешней своей взрослой жизни, когда день пролетает, как единый миг, мне, наверно, за многие годы не выпадает столько умственных и переживательных усилий, сколько испытывал я, проползая от порога дома до той огородной грядки, где мать и Нина ловко орудовали своими тямками. Каждая былиночка была для меня удивительной и своим стебельком, и своими боязливо замершими листиками; каждые встречные муравей или жучок меня завораживали ниточками своих лапок, своими, похожими на посверкивающие бусинки или даже на сундучки, тельцами.

И, конечно, отчетливо помню себя уже не на четвереньках, уже самостоятельно поедающим неподалеку от матери то ли первую завязь огурца, то ли с первой краснотой помидор, то ли огромный, скрученный в бараний рог, стручок сочного сахарного гороха; то ли уже на полуголом огороде терпеливо ждущим, когда брат наконец-то выкатит палочкой из костра нестерпимо горячую картофелину или, например, обскоблит такой же обугленный корень сахарной свеклы, который я затем поедал как самую огромную и самую сладкую конфетину.

А вербы в конце огорода – таинственные, темные и чужеватые – обозначали границу, продвигаться за которую мне не позволялось. И что было там, за вербами, а так же – что таи-

лось за всеми нашими плетнями, за воротами, за всеми доступными мне пределами, я не знал. Да вроде бы и не стремился узнать. Иной раз мать выносила или выводила меня на улицу, но на всё, что там мне встречалось, я глядел так, как теперь гляжу лишь на бесконечно далекие звезды, для жизни моей посторонние. Какая-нибудь старуха подходила ко мне, чтобы беззубо прошепелявить: «А вот заберу я тебя у мамочки! А вот заберу-заберу!», – но мне достаточно было отвернуться, чтобы разглядывать уже не её усохшее лицо, а цветастую мамину кофту. Если же старуха не отставала, то я прижимался к маминому плечу и весь пропадал в нём – таком бесконечно теплом и мягком, что лишь в его укромнейшую тишину я невольно вслушивался и вырастал.

Заметную часть времени проводил я, конечно же, и во дворе, где отец в иной день с утра до вечера тюкал и тюкал своим острующим топором по звонким бревнам, а я подбирал длинные, в кольца свитые щепы и тоже что-то свое из них то ли городил, то ли мастерил. А когда начинался дождь, отец меня ставил рядом с собой под скат соломенной крыши сарая, и мы молча глядели, как тонкие водяные струи стекают перед нами, слушали, как чуть в сторонке от нас вкрадчиво ропчет под колкими дождевыми каплями наш, как мне тогда казалось, бесконечно просторный сад.

Отец чаще молчал со мной, чем разговаривал. Потому что всегда так выпадало, что вместе с ним мы либо каждый в своем деле копошились, либо, «для передышки», смотрели на шныряющих у собачьей миски воробьев, на кур, безруко слоняющихся у плетней, или – на безвучнейшие пожарища заходящего солнца, или – даже на восходы огромной и красноватой луны. При этом я вцеплялся в полу отцовского пиджака или в его штанину, а он накрывал мою голову рукою, как большою и теплою шапкою.

Да вечно же мне было на что-то глядеть. Например, на огромную мосластую лошадь, которую отец приводил с колхозной фермы, чтобы вспахать огород или мало ли для чего другого. Или на собаку, вылезающую из будки и во весь свой алый рот зевающую. Или на петуха, зорко и грозно с плетня на всех нас посматривающего. Или на нашего гусака, который всегда на меня шипел, всегда пытался меня ущипнуть.

Впрочем, вряд ли я тогда гусака боялся так, как, например, уже в школьном возрасте стра-

шился свирепейшего колхозного быка. Утром я стремился прокрасться на порог раньше, чем гусей выпускали к пруду; и не успевал как следует угреться на солнышке, гусак вдруг вскидывал голову, а заведя меня, начинал своим гусыням что-то гортанно кричать, а они ему что-то на своем гусяном языке отвечали, а гусята тоже начинали пищать, мол, мы видим, мы тоже этого Колю видим! А наготовавшись, гусак расправлял паруса своих могучих крыльев и, уцелив в меня свой тяжеленный клюв, неспеша да косолапо ко мне устремлялся. И сердцу моему становилось так жарко, что я уже на месте усидеть не мог и заморожено полз или шел гусаку навстречу. Но тут чьи-то руки меня подхватывали, я взлетал над гусаком и с выси своей глядел, как он, победно крича, возвращался к стаду. Гуси же все разом встречали его такими истошными криками, что уши у меня закладывало.

Но, помня вот этот жестяный и надсадный гусяный звон в ушах, я не помню себя тогдашнего.

И свои оцарапанные коленки, и свои, вечно в занозах, пятки, и свои ладони, и свои обожженные подсолнуховыми наждаками плечи я помню. И как сердце мое, когда гусак на меня наступал, будто кипятком ошпаривалось, я помню, а себя, а того человечка, который моими глазами на гусака при этом глядел, я не помню.

Как на фотографиях остается все, что увидел фотограф, но нет самого фотографа, так и в картинках моей памяти нет воспоминаний лишь о том, кем я в своем младенчестве был и что теплилось в моей душе.

Например, вроде бы я частенько плакал. Но было ли моей душе горько при этом? Или – еще чаще я чему-нибудь удивлялся либо радовался. Но – чем отличались все мои плачи от всех моих радостей?

Что ли, они, как вихри в поле, хоть и во мне, но ко мне непричастно зарождались и сами неизвестно куда пропадали?

Или – кого-то я, например, нетерпеливо звал, кому-то о чем-то кричал. Но почему кричал? Какая у криков моих была причина?

По рассказам матери, я громко гыгыкал брату: «Гы! Гы!» «Гы-гы», – охотно и на моем языке отвечал брат, видимо, передразнивая меня. И потом мы, нагыгыкавшись, сияли друг другу глазами.

Но не из пустоты же сияли мои глаза брату Саше в ответ на его сияние?

Вот же, отчетливо помню себя в более старшем возрасте и уже от всех отдельного, уже во что-то свое погруженного, уже от кого-то уворачивающегося, а кому-то стремящегося попасться на глаза. Как, например, дядьке Максимычу, нашему соседу. Мол, гляди ж, дядка Максимыч, это я тут по улице иду, я! Чтобы он вдруг с восхищенным изумлением объявил чуть ли не на всё село:

– Люди добры! А поглядите, какой Мыколище тута вышагивает! Еще б усы ему под нос прицепить да шашку сбоку подвесить – и от истинного казачка было б не отличить! Ай да хлопец у Григорыча уродился, ай да парубок у нас на селе появился!

И я при этом тайно пузырился и чуть не лопался от ощущения великой своей значимости. И понимал, что это я шлепаю по дорожной пыли босыми пятками, а не кто-то другой.

Но ведь и раньше все обязательно обращали на меня внимание, а вот что за существо ответно из меня выглядывало на всех наших сельчан, а также и на всех всматривающихся в меня кузнечиков, воробьев и ласточек, кто глядел из меня на огненно рдеющие помидоры, на надсадно орущего с плетня петуха – вспомнить я не могу.

Но – не могло же быть во мне тогда так пусто и тихо, как бывает пусто и тихо лишь там, где пока еще никого и ничего нет?

Или и на самом деле во мне в ту пору пока еще не душа теплилась, а сохранялась нетронутой та первозданная тишина, в которой только и можно было различить чистое и прозрачное, как сам невесомый воздух, пение небесных ангелов?

Глава вторая.

О ТОМ, КАК В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ Я, ПОДОБНО АДАМУ И ЕВЕ, ПРЕБЫВАЛ В РАЙСКИХ КУЩАХ

Теперь даже в переполненном вагоне нашего московского метро, где все мы, как шпроты в банке, друг к дружке притулены, если нечаянно за чей-то взгляд зацепишься, тут же куда-то в сторону отведешь глаза, дабы не выглядело так, что покушаешься на частность такого же, как и сам, человека. И если он спросит о чем-то, ответишь вроде охотно, но именно непространным своим ответом вроде как проявишь уважение к этому человеку. И на улице если кто

заговорит о чем-то неопределенном, вроде того, что, мол, как же надоела эта жара, то точно так же, как если бы этот человек споткнулся, а ты его за локоть осторожненько поддержал, ты отвечаешь ему вполне участливо: «Да, дождик не помешал бы...» «Уже ж и трава на газонах вся выгорела!» – не унимается, допустим, этот неизвестный тебе человек. И ты вроде бы не молчишь, разговор продолжаешь вполне душевно. Но так и голубь, бывает, садится на подоконник моей кухни, и мы друг на друга смотрим, пока он не улетит или пока я сам не шагну к плите, чтобы снять с неё наконец-то зашумевший чайник. Но если б двойных стекол в окне не было, то и голубь, наверно, на мой подоконник не сел, а если бы и сел, я бы машинально его прогнал.

Вот и все люди в тесноте наших нынешних тротуаров и где угодно теперь друг на друга если и поглядывают, друг с другом если и вступают в разговор, то словно бы сквозь двойное стекло.

А иной раз идешь по улице, а навстречу женщина малыша за руку ведет. И малыш этот на тебя своими глазками глядит, и, допустим, пусть он при этом даже не улыбается, пусть он даже вроде бы кукуется, но – все равно, весь он ясный, так что и вся его кукука сквозь него просвечивает, как нити жилочек в кленовом листике, попавшем под ослепительный солнечный луч. Так что вдруг захочешь ты ему хотя бы подмигнуть, чтобы тем самым обрадовать его пока еще легкой, как пух, жизни. Но, из приличия, эту свою радость утаишь, мимо, как и подбавляет уличному прохожему, пройдешь.

Хотя – все-таки нечаянную светлотцу от этого ребеночка в себе ощутишь и далее уже с этой светлотцей сколько-то минут проживешь.

А в ту далекую пору, когда я был таким же малышом, все мои односельчане по своему простолюбию стремились мне в лицо заглянуть, все пытались меня либо погладить, либо даже потискать, либо, по крайней мере, сунуть мне конфету или пряник. И в памяти у меня остались ласковейше притишенные голоса этих со всех сторон устремляющихся ко мне односельчан.

Пройти мимо птичьих мельканий их рук было невозможно. Даже глухой на оба уха дед Яшка – мне особо запомнившийся своей приземистостью, необыкновенно широкими и кверху, как у орла, вздернутыми плечами, а также тон-

кой и длинной шеей, а также носом увесистым, вытянутым далеко вперед, и губами впалыми, будто проглоченными, – даже вот этот удивительнейший дед Яшка если заходил к нам во двор и, громко прокричавши моему отцу: «Иван Грыгорыч! Не одолжишь ли бурав на часок? А то, будь оно неладно, дырку кой-где пробуравить надо!» – то затем же и непременно спрашивал: «А твоего меньшенького почему не видно?» А обнаружив во дворе и меня, руки длинные растопыривал и, как гусак, шел мне навстречу. А затем, с растопыренными руками, обмирал, и непонятные губы его раздвигались в улыбке, а глаза умильнейше замуривались. Отец подавал ему свой плотницкий, свой тяжеленный, не магазинный, в кузне выкованный и на каменном круге заточенный бурав, что-то и сам кричал ему в ухо, но дед Яшка не сводил с меня своих восхищенных глаз и уже как не глухой, уже голосом обыкновенным, тихим, пытался со мной заговорить. А я, может быть, даже рот раскрывши и не дыша, зачарованно глядел на его огромный нос, на его пожатое, в глубоких и темных рвах морщин, лицо, на его проглоченный рот, на его огромный кадык, на его орластые плечи.

Полагаю, что в деде Яшке и во всех моих, в возрасте, односельчанах лишь с наибольшей непосредственностью проявлялось общее для всех много проживших людей стремление узнать в каждом детском лице то чистейшее мерцание, из которого когда-то вылепились и их собственные души, – затем, может быть, жизнью обугленные, болящие, но и хранящие, все-таки хранящие в себе хотя бы самую малую искру изначального покоя и ничем не замутненного первородного счастья.

Потому как, где бы ни родился человек – в избышке ли, по пояс в землю вросшей и со слепыми окошками, или в вызолоченном дворце – в начальную пору жизни для него это были такие же райские кущи, как и те, в которых обитали самые первые люди – Адам и Ева – до их изгнания.

Когда твоя душа еще не знает ни добра, ни зла, когда твоя душа, как утренний воздух, абсолютно безмятежна, то вкус картошки так же приятен, как и вкус любого самого изощренного яства; и не было у меня тогдашнего гордыни, ради которой вкусу простого сахара предпочел бы я сладость более редкую. Да и вручную сколоченная и непокрашенная, воистину деревян-

ная табуретка с её за многие годы отполированными до янтарного блеска жилами, с буграми её твердейших сучьев, с её, между толстых ножек, перекладинами, о которые можно упереть свои не достающие до пола пятки, была для меня тем же самым, что и для кого-то иного драгоценнее кресло; да и ничто, – ни золото, ни серебро – так завораживающе не блестит под солнцем, как живая капля на промытом дождем оконном стекле, ничто так не драгоценно, как тонюсенькие розовые лепесточки обычного для тогдашних сельских изб цветка, называемого «семейной радостью», ничто так не удивительно, как неутомимый маятник жестяных часов, прижавевших к стене рядом с семейными фотографиями, как огонь, жарко мерцающий сквозь щели меж чугунными блинами грубки, как посапывание ветерка в печной вьюшке, как отцовский карман, в глубинах которого, едва отец возвращался с работы, нетерпеливо добывал я гостинчик, переданный мне летом от «ласточки», а зимой от «зайчика», и ни что меня так не насыщало уютным покоем, как несмолкающий голос матери, и ни что меня в моей жизни уже так не воодушевляло, как, например, вот эти «ласточки» и «зайчики», никогда обо мне не забывающие, вечно обо мне помнящие и вечно меня одаривающие если не яблоком или конфетой, то необыкновенно вкусным кусочком хлебушка, который я не разжевывал, а – дотаивал во рту до его сладчайшей и воистину чудесной сути.

Мне довелось родиться хоть и в избе старинной, подслеповатой, по тому времени вполне обычной для нашего Курского края, но – установленной на высоком кирпичном фундаменте; и, конечно же, со светлицей, с кухней, которая почему-то называлась «черной комнатой», с просторнейшей печкой, с темным и широким жерлом подпечья, с множеством печурок, с широкими запечными полатами, а так же с сенцами, с кирпичным подвалом, с чуланом – притягательно сумрачным, освещенным лишь сквозь, величиной с кулак, отдушину.

Теперь не понятно мне, как мы все – мои отец, мать, брат, две сестры и я – в теснотушке такой не наступали друг на друга, как помещались в черной комнате еще и другие полаты, более широкие, чем запечные, а так же накрытый клеенкой стол, посудница, лавки, табуреты, а в часы ежедневного «поранья» – еще и деревянное корыто для мойки картофеля, стада чу-

гунов, ведер, кувшинов... Или – как в комнате «светлой» помещалась старинная, с резными спинками, кровать, всегда украшенная кружевными подзорами и кисейными покрывалами, самодельный, отцом выструганный диван, широкий и толстоногий стол, стулья, сундук такой, что на нем даже спать было можно, и сундук другой, в виде большого фанерного чемодана, «ножная» швейная машинка, дощатый шкаф, а так же все те мелочи, которые уже не перечислить.

Но можно же было мне вместе с котом надолго от всех затаиться под просторным столом, можно же было мне подползти к подпечью и украдкой заглянуть в его тьму, как в бездоннейшую пещеру, или подкрасться к самой нижней печурке и вытащить оттуда гребешок со сломанными зубьями, пустой спичечный коробок, катушку без ниток, или совсем уж крошечный пузырёчек, или почти не ржавый гвоздочек, или отливающую перламутром пуговицу, или совсем уж драгоценные, но, как ты их внимательно ни разглядывай, совершенно не нужные бусины, или даже расписной, может быть, братом забытый глиняный свисток, или даже шпульки от того ткацкого станка, который отец зимой ненадолго устанавливал в светлой комнате, – так, что пока мать ткала половики или рядна, взрослому человеку можно было пройти мимо неё только боком, переступая через массивные и древние балки станочных стоп.

Даже притом, что на всю глубину печурок длины моей руки не хватало, богатства мои преумножались бы с каждым днем, если бы я их тут же не терял или если бы я благополучнейше не забывал о них, где-то вроде надёжно припрятанных. Но с ненасытной надеждой на будущие свои поживы всякий раз я поглядывал и на печурки верхние, мне пока не доступные.

А в одной из печурок я однажды нашел, видимо, часть той конопляной кудели, из которой мать пряла нити для своего тканья. И когда я эту кудель попробовал вытащить, отец мне усмешливо сообщил, что это какой-то бородатый дед давным-давно к нам заходил, но бороду свою забыл, и вот теперь она его тут, в печурке, дожидается. И я уже к этой печурке не приближался. Хотя частенько глазами своими упирался в жутковато выглядывающие из неё волосы бороды, и, не будучи в состоянии осмыслить эту тайну, щупал собственный подбородок, с ко-

торого, как пообещал мне отец, когда-то у меня вырастет борода такая же.

Помню, однажды, обнаружив фанерный сундук открытым, я вытащил оттуда отцовские, от войны, медальки, а мать, удачам моим обычно радуясь, эту находку у меня отобрала, и я было разрыдался, но брат вдруг извлек из своего кармана куда более важное сокровище – складной ножик. «Хочешь увидеть, как он режет?» – спросил он торжественно и подобрал у печки оставшуюся от растопки щепочку и начал её строгать. Я, конечно, рыдать перестал, потянулся к ножичку, а брат с великою важностью меня предостерег: «Этот нож такой сильный, что у тебя он из рук, как цапучий кот, вырвется, и сделает тебе бо-бо...» И осторожно уколол меня кончиком лезвия в ладонь. «Бо-бо! Бо-бо!» – с не меньшей важностью стал я показывать всем свою тронутую удивительным ножичком ладонь. Но напрочь забыл и о медальках, и о ножичке, когда увидел, что отец, вооружившись самодельным совком, отправляется в чулан за зерном для гусей. О, у меня мурашки по спине ползли то ли от холода, то ли от жути в этом нашем сумеречном чулане, где вдоль одной стены простирались массивные и, чтобы мыши их не прогрызли, окованные железом закрома, а над ними свисали с потолочных крючьев мешочки с сахаром, с маком, с горохом и фасолью, с сушеными для взвара фруктами и мало ли с чем еще. А вдоль другой стены были полки, и кроме отцовских столярных и плотничьих инструментов, которые я уже мог отличить, всё прочее на этих таинственных полках мне было непонятным и то ли виделось, то ли жутковато мерещилось.

Лишь в подвал мне долго не удавалось заглянуть, потому что, если его открывали, чтобы извлечь из него, допустим, банку с вареньем или капусту, или моченую в капусте антоновку, то меня тут же кто-то подхватывал на руки, на что-то другое отвлекал, и я, по простоте своей, даже об этом таинственнейшем подвале в единый миг забывал.

Родительские или Нинины руки, а также Сашины и даже самые незамысловатые Катины хитрости, подобно явлениям природы, сверху и с боку, и отовсюду чинили препятствия всем моим устремлениям, но и тут же прицеливали на что-то другое. Все меня переставляли и передвигали с места на место, как табурет, вечно откуда-то меня выманивали и куда-то замани-

вали, и я, насытившись в кочевьях своих по дому, иногда садился поближе к матери на половики и начинал хныкать, возможно, по тем же причинам, по которым, например, люди взрослые и степенные даже во время самых веселых застолий вдруг с особым наслаждением начинают петь какую-нибудь свою самую что ни на есть печальную, самую заунывную песню. Катя пыталась на что-то меня отвлечь также и от этого моего хныканья, а мать ей говорила: «Если ему так сподобилось, то пусть же он погудит...»

Еще не зная жажды добра, я никого из не позволяющих мне покрутить колесо прялки или достать из кошелочки первого и особо приманчивого цыпленочка не мог заподозрить во зле, а не зная горя, я не понимал, что счастливей, чем я, быть уже невозможно. Как сытая рыба-киблуждает по океану, так и я блуждал под столом и вокруг стола, а так же от чулана к печке, а от печки в светлицу, например, к совсем уж волшебной швейной машинке «Зингер», чтобы, не успевши вздрогнуть от прикосновения к ней хотя бы кончиком пальца, вдруг обнаружить, что Нина под ту табуретку, у которой в сиденье была дырочка от выпавшего сучка, ставит устланную тряпицей кошелочку с цыплятками, чтобы я, желтеньким и писклявеньким комочкам этих цыпляток не причиняя вреда, как Нина меня уже научила, кидал им сквозь дырочку пшенинную кашку, а потом глядел, как пушистенькие цыплятки эту кашку склеивают своими крошечными клювиками. Ах, вряд ли кто-нибудь и для кого-нибудь, как для меня моя удивительная сестра Нина, создаст такую же – из табуретки с дырочкой, из застеленной тряпицей кошелочки с цыплятками и пшенной кашки – фабричку по производству той нежности, которую я согревался и насыщался, то кашку сквозь дырочку прокидывая, то под табуретку на удивительные живые комочки цыпляток, кашку склеивающих, заглядывая.

Да и уже мало кто, видимо, помнит, что когда-то каждый сельский дом был истинным Ноевым ковчегом, странствующим в вечных потопах крестьянского бытования. В пещере подпечья иногда вдруг появлялся в качестве жильца купленный отцом на базаре опасливый и глупенький поросенок, которого невозможно было обнять так же, как и, например, кота, но, если удавалось почесать его за ухом, то он вдруг этой ласке подчинялся, становился покорным и смиренным.

А еще иногда все пространство возле печки мои родители выстилали золотой, пахнущей морозом соломою, а потом вносили на рядне только что родившегося теленочка и укладывали на эту солому. И он тут же пытался встать на свои дрожащие ножки. И я заморожено на него глядел. Я пытался погладить его мордочку, а он пытался поймать своими мокрыми и теплыми губами мои пальцы, полагая, что это, может быть, коровье вымя. И мать давала мне бутылку с соской: «На, покорми своего дружка...» И вместе мы кормили жадного к молоку теленочка. Мать при этом бутылку держала, а я осмеливался её лишь касаться.

Все те несколько первых дней жизни теленка, пока его не переселяли в коровий хлев, я не отходил от него, то трогал его шелковую шерстку, то просто глядел в его сказочные, в длинных ресницах, глаза.

А к весне под кроватью светлой комнаты и под полатями черной комнаты вдруг поселились гусыни. Они сидели в своих плетеных из ивовых прутьев гнездах, и перед каждой стояли мисочки с водой и едой. И так было для меня в охотку дотянуться до теплых и с каждым днем все более бледных их клювов. «Чавш-чав-чавш», – шершавым шепотом они отвечали на мою ласку к ним. И ночью, засыпая, я слышал, как они мне вышептывали: «Чавш-чав-чавш». И так таинственна была их спрятанная под кроватью и под полатями жизнь. А потом вылуплялись под ними их шустренькие гусьтки. Из гнезд мать пересаживала этих гусьток в просторнейшую кошелину. И мне, опять-таки, позволялось лишь глядеть на них, поскольку я, однажды одного выхвативши, чуть его от восторга не задушил...

А едва началось настоящее лето, из дома я выбирался, блуждал по необъятным просторам нашего двора, нашего сада, нашего огорода. И, как пчела добывает мед во мреющих огнях цветущих подсолнухов, так и я упрямо напивался либо долгими созерцаниями вот этой пчелы, либо первыми сроненными с веток яблоками белого налива, либо накаленной солнцем, во рту жарко и сладко тающей малиной, либо – мало ли еще чем.

А недавно мне довелось найти в Интернете весьма добротное киноповествование о жизни того народца, который пока еще из лабиринта амазонских джунглей в наш нынешний взрослый мир из своего золотого века не выкараб-

кался и свой младенческий образ пока еще не утратил. Когда глядел я, как трое первобытных и бесштаннх мужчин заостренными палочками ради пропитания неторопливо выкапывали анаконду из неким зверем покинутой норы, то в их воистину безмятежных лицах я считывал то, что в свои незапамятные детские времена испытывал и сам, когда с отцом мы кормили кур или гусей, когда возле матери я пасся на огороде, когда вместе с братом мы пекли в нашем осеннем костерке картошку и сахарную свеклу, когда с сестрой Катей мы щепочками проковыривали из дождевой лужи тонюсенькую ниточку собственного укромного ручейка.

Вот же, даже и изгнавши нашу пытливую человеческую породу из рая, Господь все-таки дает нам возможность оглядываться из своей уже отнюдь не райской жизни на покинутые нами райские кущи.

И дед Яшка с его длиннющим орлиным носом и огромнейшим кадыком, с его великой, сквозь первую гражданскую и вторую войны, сквозь голодоморы проросшей жизнью, — вот этот дед Яшка, если растопыристо устремлялся ко мне, еще младенцу, то — только потому устремлялся, что понимал, я пока еще тот Адам, который из рая не изгнан, который жизни в крови и в поте лица еще не знает.

Глава третья.

О ТОМ, КАК Я СЕБЯ В СЕБЕ ОБНАРУЖИЛ

Потом я все-таки стал иногда прокрадываться аж к краю огорода, почти под вербы. Но огромные, сталисто посверкивающие кроны этих верб так незнакомо встречали меня, и с такою могучею и тяжкою безучастностью ко мне шумели на высоком ветру, что я, прозрачнее постояв у них на виду с полминуты, помимо своей воли возвращался к тому месту среди огорода, где в своей цветастой кофте и с тлячкою склонялась над кудрями картофельной ботвы вместе с Ниной или без Нины моя мать.

При всем том, что мать никогда не упускала меня из виду, очень уж радовалась она моему возвращению или, вернее, моему все-таки бегству от далековатых и тревожных верб. Но вот только я, никогда не успевающий оголодать без её ласки, всегда этой её лаской пресыщенный, делал вид, что мать даже и не слышу, что сам собою я тут на огороде живу. А вернее, под защитною сенью её голоса я действительно жил-

поживал так, как хотел. Лишь когда мать умолкала, когда на лице её обнаруживалось одно только строгое внимание к лезвию тлячки, стремительно подрезающему сорняки и заодно пеленающему картофельные стебли мягеньким порохом нашей живородной землицы, я, опять же помимо своей воли, приближался к ней и либо утыкался носом в её бок, либо просто цеплялся рукою за её юбку. «Да как же птяшеня-точко по мамочке своей соскучилось!» — опять очень уж бурно радовалась она. И, оставив тлячку, начинала меня целовать и обнимать. А я из её объятий опять выпутывался, уходил, например, к густо усыпанной желтыми чашечками цветков огуречной грядке, чтобы проверить, не появился ли там огурец хотя бы толщиной с мой тонкий палец.

— А было ж времечко, когда тебя отлепить от себя не могла, — жаловалась мне мать на меня самого. — Да для чего же я тебя в капусте искала, если к тебе теперь уже и не приластиться?

И кое-когда со стороны верб мимо нас в сторону двора, как вспугнутый заяц, очень уж шустро пробегал по меже мой брат Саша. И мать, с трудом разгибая натруженную спину, кричала ему: «Там на окне кувшин, дак ты хоть заодно молочка попей!» Он на её голос оглядывался, но лицо его оставалось и для меня, и для матери посторонним. И мне казалось, что это когда под вербами пробегал он с того лужка, на котором паслись наши гуси, то, может быть, ледяной вербный шум все его лицо выпил. Мать же опять начинала мне жаловаться: «Неужели и ты, пчелочка моя роднесенькая, к товарищам из своего гнездочечка вылетишь и таким же, как Саша, маляхольным станешь?..» А вскоре брат мчался обратно — уже с куском, толсто отрезанным от самопечной паляницы и обмакнутым в сахар. «Хлеба всухомятку наешься, а скоро обед!» — опять пыталась докричаться до него мать. А у меня тоже вдруг возникало желание откусать нашего ржаного хлебушка. И мать охотнейше уступала: «Ну, пойдем же, пойдем, отломлю и тебе кусочек, а заодно хотя бы разогнусь...»

Только отец оставался невозмутимым, когда Саша даже и на обед опаздывал, а прибежавши, еду в себя запихивал наспех и ни на кого не глядя. Мог отец лишь спросить: «А гуси где?» «Да в пруд я их загнал!» — отвечал Саша вроде как недовольно. — Там хлопцы уже, небось, с обеда вернулись и купаются, так что и я побегу!» «Вот так растишь, растишь этих деток,

а они, еще и не выросши, от сердца твоего уже спешат отлепиться...» — опять начинала жаловаться мать. «Ему в эту осень в школу идти, а ты его у подола хочешь удержать. Пусть же приучается жить положенной ему жизнью», — сурово отвечал отец и меня, пока еще от их сердца не отлепленного, поглаживал по голове своей шершавой, как подсолнух, ладонью.

А я и сам страдал оттого, что Саша прибежал с завербного лужка столь чужим. Помню, в один из ясных и, видимо, воскресных дней, отец не на работе пропадал, а, пользуясь погодой, разостлал по двору все наши самотканые рядна и высыпал на них зерно для просушки. А затем приказал Кате сменить Сашу возле гусей на завербном лужке, чтобы, значит, Саша тут во дворе прогонял от зерна очень уж вороватых воробьев.

Воробьи же сидели всюду: на плетнях, на ближних яблонях сада и даже на соломенных крышах сараев. И отважно поглядывали они на отца. А едва отец отходил от ряден, сразу они серыми тучами устремлялись к зерну. «Пырр! Пыррр!» — кричал на них отец с такою свирепостью, что я и сам пугался. И, чтобы отец поскорее становился обыкновенным, я собственными криками начинал прогонять этих крылатых грабителей: «Пырль! Пырль!»

Саша обиженно и как-то боком-боком вернулся с лужка и, ни слова не вымолвив, уселся на угол крайнего рядна.

«Ты не сиди, ты и зерно иногда шевели, чтобы оно быстрее проветривалось. А после обеда будем с тобою его засыпать в закрома», — велел отец Саше и, напоказ пошуровав по золотому зерну своею ладонью, ставшей похожею на лопату, ушел. И воробьи тут же и с крыш, и с плетней, и с яблонь на рядна спикировали. Но брат, вскочивши, эту атаку их молча и мрачно отбил. Когда же они на свои прежние позиции вернулись, он принялся швырять в них всем, что под руку ему попадалось. И лишь после того, как в зоне нашей видимости ни одного воробья не осталось, опять он стих и скукожился. И на меня даже не взглянул, когда я попробовал ему показать собственное умение зверски супить брови и комья земли кидать. Не обратил он своего внимания и на мою попытку шевелить золотое зерно выпрямленной наподобие лопаты ладонью. Так что уже ничего мне не оставалось иного, кроме как подойти к Саше да и притутиться лбом к его остренькому плечу.

— Вот же, еще и с тобою тут нянчиться... — вымолвил брат вроде и не сердито, но обращаясь явно не ко мне, а к собственным хмурым мыслям.

И в этот миг во мне, где-то под сердцем, вдруг впервые вспухло и зашевелилось нечто пока еще для меня незнакомое. Может быть, позже из этого горячего, перехватывающего дыхание комка, вдруг обнаружившегося в моей груди, затем выткнутся по отдельности и моя грусть, и моя щемливая тоска, и мои самые жгучие обиды, и мои леденящие одиночества, но тогда это всё было слеплено в единый под сердцем клубок, и я, не сумев ни захныкать, ни расплакаться, всего лишь потверже уперся лбом и носом брату в плечо и затих, полагая, что уж брат-то знает, как дальше мне быть.

То есть, всегда было так, что и отец с его топором, и мать с её либо чугунами возле печи, либо с тяпкою на огороде, и Нина с её веселым да ласковым нравом, и Саша с его всегда участливыми ко мне выдумками, и Катя, пытающаяся Сашу предо мною пересечь, до сих пор жили-поживали только ради меня, а теперь вот впервые я обнаружил, что у Саши есть та своя завербная жизнь, по которой он только-то и тоскует, в сравнении с которой я уже для него мало что значу.

То есть, получилось так, что душа моя мною различимою стала лишь тогда, когда впервые оказалась отдельной от Сашиной, уже завербной души.

— Ты чё, так и будешь тут носом своим в меня дышать? — спросил брат, уже, видимо, ко мне потеплевши. — Иди к матери, там хоть гороха наешься...

Я послушно от Саши отлепился, но не на огород отправился, а в сад, к кустам смородины, в которых вроде как воробей какой-то все-таки затаился. Жалобным и уже одиноким голосом вскрикнувши: «Пырль! Пырль!» — я и ком земли докинул в кусты, но оказалось, что серел в них не воробей, а досрочно пожухший лист.

Потом, брату совершенно ненужный, я прокрался и на огород. Мать, собиравшая созревшие помидоры в большую корзину, тут же, конечно, начала радоваться моему появлению. Но именно обыкновенность этой её радости показалась мне предательской.

И я вдруг разрыдался так, как, может быть, еще никогда не рыдал.

И мать перепугано поставила корзину меж помидорных кустов, ко мне подбежала, стала

взволнованнейше допытываться: «А что случилось? А кто моего пташеняточку обидел? А никому да я не позволю моего Колечку обижа-а-ать!»

Но эти теперь уже не ко мне прежнему относящиеся и потому напрасные её причитания лишь прибавили мне обиды даже и не на Сашу, и даже не на тот помидор, который мать в отчаянии начала мне совать со своими обычными, горячими, но — ко мне нынешнему все-таки безучастными причитаниями: «А ты ж да глянь, какой приберегла я помидорчик тут, а ты ж да только откуси чуточек, а ты ж да и выплюнь, если тебе не понравится...»

И чем больше она старалась утешить меня, тем с большим отчаяньем я рыдал.

Она подхватила меня на руки и попыталась к себе прижать, но я с яростью, до сих пор мне неведомой, принялся визжать и вырываться.

И неизвестно, чем кончилась бы эта наша борьба, с её стороны, наверно, абсолютно слепая, да и моя такая же, если б не подошел к нам отец.

— Это почему он так орет? — расслышал я его хрипкий голос.

— Да сама не знаю, отчего вдруг будто сказался он... — с жалобною беспомощностью ответила ему мать.

— А ты его отпусти, — строго велел отец.

— Да куда ж такого его отпускать...

— А куда он хочет, туда ты его и отпускай... Не будешь ты его вот так до скончания света держать...

Мать осторожно поставила меня на землю, и на этом не только мои рыдания в миг прекратились, а и вообще прекратилось всё.

Потому что, когда отец, уходя, напоследок сказал матери свое хмурое: «Ты ж, кого хочешь, можешь довести до скажения своими вечными причитаниями...» — то я, сам не понимая зачем, поплелся вслед за ним. Да так потом и пробыл возле него. Отец шел в чулан возиться с закромами, а я стоял возле чулана. Он уходил в глубь двора вытряхнуть мешки от пыли, а я останавливался от него в сторонке. Он туда, я сюда, но и — вслед за ним.

И он наконец спросил:

— А ты чего тут?

И я плечи свои угнул, как рыба, готовая отчаянно занырнуть в для всех невидимую океанскую глубину.

Но и в этой отчаянной глубине я, оказывается, страшился остаться наедине с самим собой.

Я плакал, но уже мысленно, не из голоса, а из зашевелившейся во мне души.

Я и не плакал, поскольку душа моя пока еще была как нетронутый, как самый чистый лист бумаги.

Я уже не шел за отцом, а стоял среди двора, как столб.

А поскольку деваться мне было уже некуда, я прислушался из своего одиночества и в куриные причитания, и в гусиные гоготания, и в пчелиные жужжания, и в воробьиные чирикания, и в ветровые совсем уж безъязыкие шумы, и впервые под небесами вдруг различил тонюсенькие, но очень уж беспокойные и настойчивые завербные голоса Шашиных товарищей. Словно бы, пока тут Саша молча томится у рябен с зерном, пока воробьи сторожат ту минуту, в которую он от зерна отвлечется, пока отец копошится то ли опять в чулане, то ли опять во дворе, пока мать собирает в кошелки помидоры, эти голоса, как искры из невесть когда и зачем потревоженного костра над всею землею вдруг взметнулись, да вот же теперь и не могут ни потухнуть, ни каким-то иным способом достигь для себя того мига, после которого можно уже не так, как они, истошно, надсадно и ненасытно друг другу о чем-то кричать.

Мать, вернувшаяся с огорода и заметившая, что я стою как вкопанный и впиваюсь глазами в далекие, застывшие своею шеренгою половину неба загородные вербы, тоже прислушалась и со вздохом пояснила:

— Это там наши хлопчики, наверно, в лапту или в свой футбол никак же не наиграются...

И в сердце у меня стало нестерпимо пусто оттого, что у меня самого нет повода таким же всполошенным криком от земли оторваться и взвиться под самые небеса.

А тут еще и со двора вдруг пулею улетел мой брат, все-таки отцом досрочно отпущенный на свободу.

Вечером же, пригнавши гомонливых гусей во двор, Саша уже никуда не спешил, был обыкновенным, даже сам подошел ко мне и с привычной, чуточку насмешливой ласковостью спросил: «А хочешь, покажу тебе собаку?» И действительно, его ладонь силуэтом своим стала похожей на собачью голову, и при этом пальцы его раздвигались так, словно собака еще и зевала или лаяла. И не успел я убедиться, что мои пальцы меня не слушаются, растопыриваются невпопад, он опять спросил: «А что у тебя в кар-

мане есть?» В карманах моих большеватых штанов, от брата доставшихся, в три заворота засученных и на помочах подвешенных, всегда было много чего припрятано. И я долго выуживал то, что было менее драгоценно. Нашел, может быть, ржавую гайку, где-то во дворе подобранную. Брат не менее долго тряс её в своих сомкнутых ладонях, при этом успевал ладони размыкать и почесывать себе то ухо, то ногу, то где-то в боку, а потом вдруг показал мне два кулака и спросил: «А теперь угадай, в какой руке твоя гаечка?» После некоторых размышлений я ткнул пальцем в один из его кулаков. Он разжал кулак, но гайки в его ладони не оказалось. «Ну, а теперь где она?» – нетерпеливо спросил Саша. Я, конечно же, ткнул пальцем в другой его кулак. Но и там было пусто. И не успел я попереживать о потере гайки, он, от удовольствия даже и носом прищмыгивая, предложил: «А теперь в вот этом моем кармане пошарь, вдруг эта гайка такая, что сама и невидимо в мой карман запрыгнула!» И сунул мою руку в свой карман, где я свою потерю вдруг обнаружил.

Катя, завидуя моему восхищению Сашей, тоже пыталась меня чем-нибудь удивить. Но придумать ничего не могла. И потому ей оставалось лишь уличать брата в обмане.

Я же с каждым днем все крепче убеждался в том, что за вербами, где брат и его ровесники пасут гусей, одни только чудеса и творятся.

Особенно же меня поражало то, что Саша мог сомкнуть свои губы каким-то особым манером и свистеть ими гораздо ловчее, чем даже настоящим, купленным у ганчурника, свистком. В то время как из моих губ, сколько я ни старался, вылетала вместо свиста сплошная слюна. Иной раз от долгой натуги голова у меня разбалчивалась, но – получалось только сссю, ссю, ссю...

А когда я затем, стремясь быть похожим на брата, расхаживал по двору или по огороду в рубашке, расстегнутой аж до пупка, тут же кто-нибудь, вроде бы как даже пугаясь своему недогляду за мной, за маленьким Колей, торопился застегнуть меня до самой верхней пуговицы. Но, словно бы полагая, что аж с лужка, аж из-за верб брат и его неведомые мне товарищи меня видят, я опять, как у Саши, пуговицы расстегивал, кулаки, как Саша, в карманы совал, ноги пошире, как Саша, расставлял, мол, не одни хлопцы там на лужке, а и я тут не абы кто и не абы какой.

И сосед Максимыч мне кричал из-за плетня, разделяющего наши дворы:

– Мыкола! Да ты всем Мыколам Мыколище! Ах, какой же паренек у нас уродился, ах какой же у нас в селе казачек появился!

И я глядел на Максимыча и с благодарной враждебностью, и с ощущением своей торжественнейшей от него отдельности.

И ночью мне засыпать было уже одиноко. Но мать напоследок после ушедшего дня с жаром целовала меня, а отец хоть и скуп, но и с невольной теплотой говорил мне: «Теперь же ты засыпай», – и я, укутанный их голосами, засыпал, одиночества своего уже не замечая, но и понимая, что я уже одинок...

Глава четвертая.

О ТОМ, КАК Я РЕШАЮСЬ ЗА ПРЕДЕЛЫ СВОЕГО РАЯ ШАГНУТЬ

Да, именно в тот день, когда Саша, отозванный во двор сторожить зерно, столь сильно тосковал о своей, мне пока неведомой завербной жизни, что даже и на меня не обращал внимания, я помимо привычных куриных кудахтаний, ласточкиных безмятежных чириканий и всякого прочего шума стал различать в воздухе еще и голоса Сашиных товарищей, тонко да настойчиво с лужка доносящиеся.

Да, что-то под сердцем у меня набухло и вызрело, когда Саша, меня не замечая, не только ушами, а словно бы даже и ноздрями впиался в очень уж ненасытную тревожность далеких завербных криков.

И в последующие дни, подкрадываясь к краю огорода, я отчаивался и содрогался уже не от чужеватости холодных, ветром выстуженных вербных крон, а оттого, что крики Сашиных товарищей, пронзающих мрачноватую вербную шеренгу, были мне непонятными.

Но однажды, покружив возле матери по огороду, я к вербам невольно приблизился и сквозь их заслон прошел, а затем, наверно, не дыша, лишь цепко хватаясь за траву, росшую по краям представшей предо мною глубокой канавы, выбрался и на сам лужок.

На меня обрушилось огромное, воистину бесконечное и мне пока неизвестное пространство, пред которым даже высокие вербы, теперь оказавшиеся за моей спиной, присмирели и за которым стали видны в совсем уж головокружительной далечине синие, подобные присевшим на землю облакам, наши холмы.

К Сашиным товарищам, кружком, кто на корточках, кто по-иному присевшим и игравшим, наверно, «в ножичек», я, понимая всё свое ничтожество, шел медленно.

Но и заметил, что чуть поодаль от их кружка стоят в таких же, как и у меня, штанах на помочах и в меня глядят мои ровесники.

И еще более оробел.

И вдруг все братовы товарищи от игры своей отвлеклись, тоже стали в меня глядеть.

— О, Сашко, да это ж твой Колька появился! — вскричал кто-то моему брату, и я зашагал в их сторону более осмысленно, все-таки уже как Сашин брат.

И — как всегда и везде, рука невесть откуда взявшейся матери меня подхватила, и я взмыл так высоко, что далёкие синие холмы от меня отпрянули.

Но тут и брат из играющего «в ножичек» кружка вынырнул и радостнейше вскричал:

— Да ты, мамо, не бойся, пусть с малышнёю он тут побудет, а я его простерегу!

И мать, подчиняясь радости его голоса, не просто покорнейше опустила меня на лужок, — нет, она поставила меня на мои босые ноги в мягенькую, гладко остриженную гусями траву с такою же обреченностью, с какою, наверно, яблоня перед морозами роняет на землю свое последнее яблоко.

Сашины товарищи сразу продолжили свою игру, а такие же, как и я, со штанами на помочах, ребята стали ко мне приближаться, стали меня окружать и ко мне примериваться.

А я, оглохши от простора или непонятно от чего, ног под собою не чувствовал.

То есть, никаких мыслей в моей голове не появилось, ничего я не понял из нового своего положения и ни о чем не задумался.

Я просто стал на своих ровесников глядеть из последних сил, готовый увидеть все, что мне, если уж на то пошло, было суждено в них увидеть.

Или, может быть, я тогда от волнения не различил ни зеленого лужка, ни наших широченных, за лужком, полей, ни наших далеких и прозрачных, с небом сливающихся холмов, ни вот этих своих погодков. Может быть, я всего лишь с опаской ухватился за подол своей матери; может быть, затем она сама меня подтолкнула к ребятам, мол, иди уж.

Может быть, это потом, во все следующие дни, я наконец-то разглядел и уже на всю жизнь запомнил наши загородные, наши завербные просторы, а тогда я, может быть, сквозь мглу самого великого в своей жизни волнения даже и лиц своих будущих товарищей не мог различить.

Но — именно так, а не как-то иначе, началась та моя новая и уже вольная жизнь, в которой я помню себя среди своих вдруг обретенных товарищей то в обмороке безмятежнейшего с ними единения, то в самых трагических противостояниях с ними и — наверно, похожим на муравья, упрямо шевелящего всеми своими лапками ради каких-то своих одиноких, уже никому, в том числе и самому ему, муравью, неведомых смыслов, объятый одним только слепым и жадным азартом к жизни.

Андрей
ПРАВДА

В МИНУТЕ ВЕЧНОСТЬ УЗНАВАТЬ

солнце вмерзло в иней над деревней дым
печной упёрся в небеса*
ты проснулась спящею царевной
с беспорядком в сонных волосах
по тебе соскучилась гребёнка тень забор
отбросил на бегу
помнишь ли когда ещё ребёнком ты
тонула в утреннем снегу
а забор штaketинoй тянулся и тебя
на божий свет тянул
помнишь небосвод к тебе нагнулся
и в лицо смятённо заглянул
но своё увидев отраженье в широко
распахнутых глазах
он простёршись лёгким дуновением словно
дымку твой развеял страх
перед миром конным санным пешим
вставшим в ожиданье у ворот
нос уткнувшим в свой заиндевеливший шубы
заскорузлой отворот
ты испуг давно простить могла бы
но январь охочий до проказ
ночью вдруг рассыпал по ухабам ледяного
крошева алмаз
и теперь нежданно поскользнувшись ты
летишь с горы в тартарары
на лету который раз проснувшись
от визжания местной детворы

* Деревенский пейзаж в районе Барзаса 15 февраля 14 года.

когда кривят пространство лесорубы
в своем глазу бревна не замечая
смотри Господь так наши нравы грубы
но к счастью с тобой порыв отчаян
порыв пространства как разрыв аорты
восторг секундный а затем пучина
но это лучше чем напаялив шорты испить
заокеанской мертвичины
мы не ужи у нас орёл двуглавый
расправили крылья в головах
и если ты мой Боже правый то слева я
хотя бы на словах

поговорим о снеге сотня его названий*
есть в эскимосском слэнге
мне бы они сгодились в час этот ранний:
в переплетенье улиц словно идут сутулясь
плотники всей артелью
строить большую хату для одиноких елей
строить её из ваты хвои и канители
всё это так серьёзно всё это так масштабно
так что во сне берёзу зависти душит жаба
но не вздыхай напрасно грусти моей подруга
ведь до сих пор не ясно вырваться ль им
из круга
выдержать тяжесть снега вымести ль сор
из дома
и в суеете забегов вызвонить всех знакомых

* Предновогодний снегопад 22 декабря 2014 года.

ПРАВДА Андрей Владимирович родился 29 марта 1962 года в г. Фрунзе. В настоящее время возглавляет редакционно-издательский отдел издательства «Кузбасс». Автор трёх книг стихов. Член Союза писателей России. Живет в г. Кемерове.

возможно уляжется снежная замять*

как скомканный лист
и память в старании всё удержать
всплеснёт рассыпая своими руками
событий разрозненных кладь
порознь окликаая случайных прохожих
порознь прикасаясь снежинками к коже
порознь находя в очертаниях схожест
порознь разбредаясь по сетке дорожной
порознь замерзая порознь согреваясь
теряясь в пространствах дворов
но может однажды «а я тебя знаю»
вдруг скажет один из углов
рисунками угля вдруг станет кривая
и скурвится логики нить
куда ж она выведет если до края
осталось лишь раз позвонить

* Декабрьское настроение 14 года.

**и вновь из дому вышедший пеняет что
не пишется***

что ни одной стезёй не встретился с собой
и вот идёт по лужам он а в лужах только рябь
в них искажённо отражён вчерашний синий
небосклон

а ныне хлябей хлябь
но бездною расплесканной он вдруг заворожён
и влагою небесною как грядка орошён
и то что было брошено трухой сухой
горошиной

как мусор на бегу
вдруг проросло побегами заплывами забегами
и шевеленьем губ
и словосочетания покинув подсознание
весёлым строем букв
объявляя и лобзания кусты деревья здания
внесут в его судьбу

* Прогулка в дождь 5 мая 2015 года.

**С улицы летит пыль, залетел в окно шмель,
видно что-то здесь позабыл — та же**

с памятью канитель:
надо вспомнить, а не могу, всё, что оставляя
на потом,
и теперь у него в долгу... Пыль мету,
а она столбом...

Шмель ударился о стекло, загудел про свою
беду:

— Слышишь? Голову напекло, заблудился
в твоём саду...

Как же я ему помогу отыскать дорогу назад,
где средь клевера на лугу незабудки в слезах
стоят?

Вот бы время направить вспять — дать
обратный ход колесу!

Только шмель прилетит опять... А косарь
отобьёт косу...

**почему так светло и тревожно нам
с тобою весну коротать**

ни пером описать не возможно ни в изустном
преданье сказать
но природа потворствует чуду и к тебе моё
сердце одной
убегая от страшного юда пульсовую
стучится волной
и в короне древесных артерий откровеньем
пространств и путей
вдруг решится апрель нам доверить свою
тайну продления дней

**когда совсем перегоришь как лампы
утренней наяда**

не нужно лучшего наряда тому о чем ты
говоришь
ведь так не прибрано светла рассветных
сумерек основа
утком удерживая слово в льняных тенетах
ремесла
и словно робкие лучи всё то о чём пока молчишь
проступит образом на ткани непонятых
иносказаний

**покрой просохший подмалёвок мазками
ветреных цветов**

хоть этот мир отнюдь не нов за то июнь
почти нулёвый
из упаковки тело вынь давно мечтая о загаре
сбрав как губкой с тротуаров с утра
разлитую теплынь
пусть меж домов зажатый сквер стеснён
как рамкою картина
ему видна лишь половина тебя рискнувшей
на пленэр

Кирилл
ЛЕОНИДОВ

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦ¹

Июнь. Наконец-то позади школа. Мы в последний раз гуляем с классом по ночной, а потом уже утренней Москве, болтаем всякую чушь, мечтаем, строим самые великие и дурацкие планы. Но чувствуется, что каждый продолжает думать об одном и том же: о тех невероятных событиях, которые произошли в нашей школе в последний год, и об одном человеке, нашем бывшем однокласснике, ставшем их центром. Вольно или невольно мы заглянули через него за грань другого мира, тайного, скрытого от нас, но, как мне кажется, влияющего на все происходящее. История, которую расскажу, покажется выдуманной, но это было. Точно было. Сто процентов. Мои друзья – свидетели, а в какой московской школе – не так уж и важно. Как говорится, без лишнего ажиотажа. Ведь дело не в том, где, а в том, что, как и зачем, верно?

ЯВЛЕНИЕ НОВИЧКА НАРОДУ: ТАК ВСЕ НАЧАЛОСЬ...

Он появился в нашем классе где-то в середине сентября. Да, точно, это было пятнадцатое или шестнадцатое сентября. Погодка была отличная, лучше, чем летом. Это время я очень люблю. Ни гнуса, ни комаров, ни духоты. Солнце – бархат, воздух прозрачнее и чище, потому

^{<7>} Публикуется в сокращении.

что пыли меньше. Ну, а еще наши возвращаются с каникул, и рассказов у всех полно. Кто, где, что...

За лето все так меняются. И дело не в том, что вырастают в сантиметрах, а глаза меняются. Появляется в них какая-то серьезность, аж не по себе становится. У кого-то из пацанов усы лезут, кое-кто наколку зафигачил, а Нонка Овчинникова вообще выиграла кастинг на модель! Во дела! В первые дни сентября в классе всегда очень весело, настроение приподнятое, народ не может наговориться, а учителя – успокоить. В сентябре, так же, как и в мае, не до учебы. А тут еще такое: новичок в одиннадцатый класс! Интересно, что за кент, чем дышит? Ему-то потруднее, чем нам: нас много, а он один.

Классуха Изольда Эдуардовна, наша немка, представила его классу на уроке физики как прибывшего из Питера. Семья переехала, и вот на тебе – новая школа. «Тяжелая доля, – думал я. – Родители планы строят, а мы свои похериваем». В общем, пацан вроде ничего, высокий, сказал, что играет в баскетбол. Фамилия звучит – Левитин. А вот имя подкачало – Вениамин. Венька, Веньк, трень, бреньк – черт те что! Считаю, что родители тысячу раз должны взвесить, прежде чем обзывать ребенка. О чем думали его мать с отцом? То ли дело я – Морозов Славка. Славка и есть Славка. Настоящее пацанское имя. С ним

ГОРКОВЕНКО Сергей Алексеевич (псевдоним Кирилл Леонидов) родился в 1960 году в городе Новокузнецке. В 1980 году окончил монтажный техникум, отслужил в рядах Советской Армии. Работал строительно-монтажной организации, газорезчиком и подручным сталевара на Кузметкомбинате. В 1990 году окончил КемГУ по специальности правоведение, работал в Сбербанке, в строительно-финансовой организации, последние тринадцать лет – федеральным судьей. В настоящее время находится в отставке. Живёт в г. Новокузнецке.

и во дворе не пропадешь, и на заводе, да хоть в офисе: «Славка, начинай грузить». Или: «Вячеслав Сергеевич, дайте нам, пожалуйста, сводку на день...» И так и этак – все ништяк.

Ну, в общем, представили нам Вениамина, а потом физичка отправила его за парту к Катерине, к малохольной нашей, «синему чулку». Та аж сомлела, глазки прячет. А Вениамин небрежно так прошел, сел. Ни «здрассти», ни «привет», как будто рядом место пустое. Высокомерный... Это плохо. Ничего, на место поставим, если понадобится. У нас класс что надо. Тут вдруг Вениамин поднял руку. Класс замер: «Ну и?» – как-никак первая реплика в нашем «театре»!

– Можно я пересяду?... Вон туда!

Он кивнул головой... в мою сторону. Я сидел один.

– Почему? – удивилась Маргарита Львовна,

«С чего бы это?» – озадаченно подумал я.

– А можно не отвечать на ваш вопрос?

Вениамин спросил спокойно, без тени смущения. Он смотрел на физичку, как на чучело медведя в музее – с любопытством, но без страха.

– И все-таки? – настояла та, слегка раздражаясь.

Раздражение у нее наступает быстро: нервы расшатаны большим педстажем, ничего тут не подделаешь. Класс опять заинтригован: какое-никакое, а развлечение. Да еще знаковое – новичок выпендривается. Очень интересно, во что это все выльется.

Вениамин как будто грустно усмехнулся:

– Если вы хотите, чтобы человек вам принадлежал, дайте ему право выбора.

– Я не претендую на вас как на свою собственность.

Тут у Маргоши от такой наглости учащегося зажгли все «фонари», того и гляди «коротить» начнет.

– Напрасно, я готов был отдаться, – сказал он, вдруг встал и пересел ко мне.

Вот просто так встал и пересел, даже не спросив разрешения у меня. А я тоже рот разинул, как под гипнозом. Другому бы сразу заявил, как отрезал: «Пошел-ка ты!» А тут... ничего не понимаю!

– Если ты в первую же минуту начинаешь свое пребывание в чужом монастыре с цитирования своего устава, то...

Маргарита съязвила, поедая его глазами, и вся пылала от возмущения. Щеки ее стали пун-

цовыми, а левый глаз при этом еще слегка задергался. Однако Вениамин демонстрировал само миролюбие. Он будто не понимал, в чем вообще проблема:

– Да какая разница, куда я сел! Женщины просто мешают сосредоточиться. Спросите третий закон термодинамики, поднимется настроение, потому что я его знаю. Не верите?

– В таком случае, я для вас не женщина, – предупредила Маргарита, ничего не ответив на счет закона термодинамики, и сразу же приступила к уроку.

Может быть, потому, что не знала, как реагировать. А если этот выскочка и вправду знает закон, который они еще не скоро в этом году начнут изучать? Дать ему возможность таким образом укрепить авторитет неформального лидера? Ни за что!

Когда класс потянулся по коридору на другой урок, ко мне как бы невзначай «подгреб» мой друг Родион Заболотнов, кивнув в сторону Вениамина спросил:

– Че за пижон? Откуда он знает третий закон термодинамики? Он физику как бестселлер читает?

– Может, и читает, – пожал я плечами. – Посмотрим.

– Если он такой умный, я – второй в очереди списывать контрольные. После тебя, конечно...

ДЕМОНСТРАЦИЯ СТРАННОСТЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Весь сентябрь и октябрь наш новенький выдавал такие перлы, что мы просто реально не знали, как нам на него реагировать, как все оценивать. Но все по порядку.

На уроке истории историк Игорь Иванович опять интересные вещи рассказывал, говорит:

– Видел я вчера на первом канале передачу «Круглый стол» у Познера, посвященную отношениям России и Запада. Познер задался вопросом: почему между Россией и Западом всегда некая пропасть? Почему нет доверия, а происходит постоянная конфронтация во всех сферах, непонимание, противостояние... Были там у него в гостях Лужков, Кончаловский, Аксенов, некоторые деятели от политики. Одни говорили, что это противостояние – козни извечных врагов России, другие – что Россия, то есть российское общество, сама выдумала проблему, вместо того, чтобы изменять себя, интегрироваться в мировое сообщество. Как Познер ни

пытался выяснить у них, в чем причины, корни такого долгого исторического противостояния, никто ничего ему определенного не сказал. Только Лужков попытался отдаленно сформулировать: это, мол, некие традиции, уходящие вглубь истории, сформировавшиеся исторические реалии. Но, простите, какие реалии? Ведь надо знать, в чем причина явления? А вот у меня есть версия, и я с вами поделюсь соображениями. Достаточно простая версия и, как мне кажется, близкая к истине. Во-первых, в каких климатических условиях жили издревле люди, поселившиеся в Европе, а в каких – на территории Руси? В Европе был тогда (и пока еще остается сейчас) в целом влажный климат с влиянием теплых океанских течений, плодородная земля. Здесь получило развитие индивидуальное землевладение, потому что такую землю удобно обрабатывать, она дает высокий урожай, и нет необходимости создавать большие коллективы работников, вполне достаточно одной семьи. Сельскохозяйственный период по времени достаточен, чтобы всей семьей обрабатывать землю не спеша, заботясь о качестве, ведь на рынке таких индивидуальных производителей всегда высока конкуренция – земля хорошая у всех. Потребители здесь тоже достаточно избалованы: они привыкли к продукции, выращенной на плодородной земле в благоприятном климате. Кроме того, не надо забывать, что Европа унаследовала традиции римской жизни. Это, прежде всего, римские политические институты, римское право, достижения Рима в области архитектуры и градостроительства, инженерные изобретения. Уже сейчас стало известно, что в древнем Риме существовала настоящая промышленность, были заводы, работавшие хотя и на энергии воды, но тем не менее. Качество жизни у римлян – тех, кто передал по наследству свои достижения следующей за ними европейской цивилизации, было очень высоким. Правда, похолодание климата и, как следствие, болезни, мор, голод, межфеодалные конфликты и давление католической Церкви в XIII веке отбросили Европу назад в плане качества жизни. Но скоро Европа опять обрела океанскую влагу, тепло и плодородие. Итак, в Европе – индивидуальное землевладение, культ качества, все производится тщательно, без спешки. Как скажется такая жизнь на национальном характере? Хромченко?

Долговязый Хромченко неуверенно изрек, поднимаясь над столом, как жираф с колен:

– Ни с кем делиться не надо. Всего ж полно... Класс заржал...

– Правильно Хромченко, пятерка с занесением в журнал! Действительно, незачем объединяться. Все можно сделать одной семьей. Главное – сделать лучше, чем у соседей, и не столько больше, сколько лучше! В этом случае формируется производитель с характером основательности: он привык нести персональную ответственность за все, что делает. Но он не спешит и кому-то помочь, чужие проблемы его волнуют меньше. Он – индивидуалист, он требует к себе уважения, он хочет, чтобы государство с ним считалось. А что же в России, Светлакова?

– Климат холоднее, сельскохозяйственный период короче...

– Ну, еще?

– ...

– А еще... – продолжил Игорь Иванович, – земля в основном покрыта лесами, чтобы ее обрабатывать, надо пилить деревья, корчевать пни, а времени летом мало. Как правильно заметила Светлакова, летний период обработки земли совсем короткий. Отсюда что? Получило развитие коллективное, а не индивидуальное землевладение, все надо было сделать быстро, а значит, помогать друг другу. Вот откуда наша щедрость и стремление помочь ближнему. Но откуда же – торопливость, поверхностность, привычка хвататься за все сразу, не доводя ничего до конца, низкое качество работы. А теперь представьте себе: вот такая страна на огромной территории. Как ею можно было управлять в тех исторических условиях, когда еще не было явления экономической интеграции? Да, конечно, путем жесточайшей централизации всей жизни, иначе страна растечется, как жидкое варенье с куска хлеба. Вот откуда склонность к авторитарной системе правления и коллективному хозяйствованию, а, значит, к идее социального равенства в сочетании с жесткой вертикалью власти. Зная это, начинаешь понимать, как в нас с вами уживается душевная доброта и допустимость лжи и жестокости власти. Не надо забывать и того, что страна наша развивалась в сложных геополитических условиях: с одной стороны напирала Европа, с другой стороны – Азия: все хотели отхватить кусок от русской земли. В нас течет кровь как европейцев, так и кочевников, мы восприняли как культуру Европы, так и культуру Азии, наша территория – материк Евразия. Вот и судите сами, кто мы: европейцы или азиаты? Да то и

другое сразу! Нельзя говорить, что у нас самобытный характер, а у европейцев универсальный. На самом деле у них и у нас самобытные характеры, просто вся Европа, все ее страны, развились примерно в одних социально-экономических, климатических условиях, а мы на своей огромной территории – в других. И ни им нас и ни нам их учить не надо, каждый прошел свой исторический путь. Другое дело, что в этой нашей совместной истории были трудные страницы, политые кровью. Никто еще ничего не забыл. Доверие придется пестовать столетиями новой жизни, если кто-то опять не решит переделывать мир на свой лад.

– Ну и каков же вывод? – встрял скептически улыбающийся до этого Вениамин.

– Выводы делать вам самим, – сказал Игорь Иванович.

– Это слишком удобный ответ, беспроблемный, – возразил Вениамин. – Почему в стране получает развитие национализм? Почему мы не хотим взять все лучшее у них, а им предложить свои лучшие качества. Почему суверенитет для нас был всегда выше всего? Пусть дерьмо, но свое? Так, что ли?

– Суверенитет не дерьмо, – вежливо возразил историк. – Он важен не только для нас, он важен для всех. И для Европы – тоже. Независимая политика и патриотизм – неотъемлемое явление и европейской жизни.

Вениамин вдруг криво усмехнулся:

– Да патриотизм надо корчевать, как заразу! Самое страшное изобретение цивилизации – чувство национализма – патриотизма. Европа и Америка эту проблему, кстати, успешно решают: там гордятся реальными достижениями. А у нас рвут рубаху на груди: «Еду я на Родину, пусть кричат «Уродина!», хоть и не красавица, но она нам нравится...» В общем, сами жить не будем и другим не дадим.

Вот это да... Мы притихли. Переводим взгляд с новенького на историка. Что теперь будет? Надо отдать должное Иванычу, хоть и не любил я его за скупые оценки (выше четверки мало кому ставил), но держать удар он мастак. Ни один мускул не дрогнул! Внимательно на Веньку этого смотрит, даже с некоторым любопытством (еще бы, редко такие экземпляры попадаются), говорит:

– Вы считаете, что идеальным следует считать человека, лишенного любви к своей Родине?

А Вениамин в раж вошел, шпарит, как по писанному (откуда всему нахватался?!):

– Родина, – говорит, – там, где тебе хорошо. Вы же не будете любить родственника, который сам вас терпеть не может, который принес вам или другим вашим близким горе, страдания. Как и за что можно любить «уродину»? Я не желаю любить «уродину»! Вот когда она станет лучше, гуманнее, добрее и терпимее, тогда – да! А сегодня мне больше нравится, например, Норвегия. Правда, к ней я никакого отношения не имею, к сожалению. А вообще, я люблю весь мир, пусть весь мир будет открыт для меня, для других, вот тогда и можно будет говорить об искренности чувств. Я – человек мира!

В классе кто-то из девочек даже хлопнул пару раз в ладоши. Новичок кого-то уже очаровал... А Вениамин, между прочим, закончил очень даже миролюбиво, наверно, чтобы обстановку разрядить:

– Игорь Иванович, да проблема разрешится сама собой, вы же о климате начали говорить? Он, по-вашему, первопричина? Так глобальное потепление все на места и расставит, всех примирит! У них в Европе, да и в Америке, похолодает, айсберги растают, температура теплых океанских течений упадет, уже сейчас у них морозы бьют, а у нас наоборот – теплеет, мы от океана меньше зависим. Поэтому наши национальные характеры выровняются, станут похожими, плюс экономическая интеграция – и никакого национализма!

В этот момент я глянул на историка, и стало мне не по себе: он чуть прищурил глаза и долго изучающее смотрел на Веньку, как будто спрашивал его: «Ты вообще откуда такой взялся?»

Вот такой случай... Да если бы один! Вот другой пример Вениаминовых «вторжений» в наше «тихое болотце». Когда, например, обществовед на уроке выразил отрицательные суждения по поводу глобализации экономики, Вениамин негромко заметил:

– Назовите мне хотя бы одну проблему, которая на Земле не носит глобальный характер? Может, экологическая проблема или СПИД, или наркомания?

– Алкоголизм! – засмеялся мой друг Родион Заболотнов. – Он чисто российский!

– Ерунда, – возразил Вениамин. – Алкоголизм распространен во Франции, в Испании, много пьют немцы, американцы. А украинцы? Разве этим грешим только мы?

– Откуда ты знаешь, где сколько пьют, ты что, там жил? – возмущился Родион.

Но Вениамин заявил:

– У меня есть цифры, статистика. Я могу их показать, если надо.

– Тебе че, делать нечего: всякую ерунду изучаешь?!

– Интересно.

– Впервые такого придурка вижу. Все, блин, ему интересно...

– Так вот, – продолжил упорный Вениамин Левитин. – Раз многие проблемы носят глобальный характер, разве не глобальная экономика их может решить? Без координации здесь не обойтись. В будущем все будет одно: экономика, язык, культура, даже антропологически будет единый народ (он усмехнулся) – черный и узкоглазый.

Все грохнули от смеха: вот так перспектива, вот так народ! Кто-то, не помню кто, тогда заметил:

– А что, на ТВ сидит же ведущий Василий Зайцев, негритос, и на «Фабрике звезд» скоро половина афрорусов будет!

На уроке английского этот чертов Левитин совершенно свободно говорил с англичанкой на настоящем английском, чем привел ее в эйфорическое состояние, а на физкультуре играл в баскетбол, как Майкл Джордан – одни трехочковые и двадцать пять подборов за игру! Такого игрока в нашей школе еще не было! Зверь! Наш физрук Потапыч за голову схватился, а потом долго держал вверх большой палец. Вот так подарок школе перед чемпионатом города! А еще по школе ходили разговоры (я, правда, сам не видел, но зря говорить не будут), какого-то «выпендрона», который у «мелких» деньги отбирал, Левитин так саданул по морде, что сразу – нокаут. Молоток наш парень! Основа крепкая, пацанская, а с остальным потом разберемся.

Я И ВЕНЬКА СТАНОВИМСЯ ДРУЖБАНАМИ (ВОТ ЭТО ДА!)

Наше соседство с Левитиным за одной партой не приводило к каким-либо взаимным откровениям. На уроках мы не разговаривали, вне школы тоже не общались. У меня нет привычки кому-то навязываться в друзья. Если человек не проявляет ко мне особого любопытства, то и мне «по барабану». Но вот однажды как-то с пацанами играли в футбол на школьном стадионе. Веньки с нами не было, играли на деньги, так что

матч получился жестким. Нам, с трудом, но удалось выиграть. Не скрою, пришлось немного ребятами поуправлять, расставить их, кому-то что-то подсказать, как сказали бы профессионалы: поставить игру в нужный момент. Когда все закончилось, и мы, посчитав рубли, пошли в раздевалку, меня окликнул Левитин. Он, оказывается, смотрел игру, сидя на лавочке за деревьями так, что если не обращать на него внимания, и не заметишь. Я настороженно остановился: чего это он? Когда Венька подошел, на лице его была довольная улыбка, будто он эту игру выиграл.

– Хорошо у вас получилось.

– Нам патриотизм помог, – не глядя на него, поддел я.

То, что ему не нравится патриотизм, не понравилось мне и многим моим друзьям. Это не по-нашему. Мы выросли во дворах, в небольших коллективах, где все держались друг за друга. Принять такие высказывания мы не могли никак.

– В данном случае это не патриотизм, а командный дух, Славка, это не одно и то же, – добродушно, без тени свойственной ему иронии, возразил Вениамин. – Командный, корпоративный дух, дух организации – это великое дело. Мне понравилось, как ты «рулил» игрой. Парни тебя слушают, у тебя есть лидерские качества.

– Да какие там качества! – отмахнулся я смущенно (хотя не скрою, замечание Левитина мне польстило).

Но Венька был настойчив, как будто старался убедить в своей искренности:

– Нет-нет, ты зря, лидерские качества и интуитивное знание человеческой психологии у тебя есть. Ты мог бы работать менеджером в компании, ну, может быть, не первым лицом, но вторым точно. Или на государственной службе, да, я точно представляю тебя на государственной службе: заместителем министра, например...

Мы оба посмеялись над этой шуткой. Но тут улыбка постепенно сползла с Венькиного лица, он сказал:

– Славян, тут идея есть одна, пойдем в кафешку сходим, поболтаем?

– А куда?

– Ну, в «Три слона» давай, тут рядом.

– У меня, конечно, деньги есть после этой игры, но... их не хватит, наверно.

Вениамин усмехнулся, хлопнул меня по плечу:

– Оставь их себе, я угощаю.

Я пожал плечами, мол, как знаешь, и мы отправились в кафе «Три слона». Заказали горячее, кофе «капуччино», коктейль молочный. Я обалдел от того, сколько это может стоить, но Вениамин успокоил: ничего, мол, заказывай, деньги есть.

– Ты что, сможешь за все это расплатиться? – спросил я.

– Нет проблем.

– Родаки щедрость проявляют?

– Частично, в основном это мои деньги.

– Ну да? Подрабатываешь?

– Угадал.

– И как, если не секрет?

– Пока секрет.

Вениамин с удовольствием отхлебнул горячий пенный кофе:

– Пиво хочешь?

– Можно. Тебе дадут?

– Я часто бываю в этом кафе, да и принимают они меня за восемнадцатилетнего, разве не сойду?

– Сойдешь.

– Ну вот.

Он без проблем притащил еще пива «ноль пять», но себе не взял.

– А сам? – удивился я.

– Не хочу.

Он молча наблюдал некоторое время, как я с увлечением глотаю запретное пиво, потом сказал:

– Школа у вас ничего. Ребята, в общем, неплохие. А вот педагогический коллектив – так себе, рутинеры.

– Кто-кто?

– Ну, рутинеры – скучные, мелкие служащие, у которых никакого творчества, только одно в голове: как бы домой побыстрее свалить. Практически нет людей, независимо мыслящих. Все находится в плену каких-то старых представлений и установок, профессиональные качества куда не годятся, да и человеческие... Математичка мечет треугольники в учеников, а на уроке литературы, помнишь, преподаватель, эта, как ее, Софья Павловна, декламирует «Человек – это звучит гордо!» – и дышит утренним перегаром. Когда она успевает, зараза?

– Не говори, – подхватил я. – А физичка, та все на себе показывает: «Представьте, что я электрон». И начинает метаться вдоль доски туда-сюда, туда-сюда, а весу в ней, ты же видел, килограммов сто, наверно. Эффектно... А ОБЖ

засыпает на уроке. Но... только что из этого всего? Год остался, – философски изрек я. – Потерпим, а потом...

– Почему потом? – возмутился Левитин. – Жизнь наступит не завтра, в другую, взрослую эпоху, за пределами школы. Она происходит сейчас. Здесь и немедленно формируется каждый из нас каждым поступком, каждой новой мыслишкой вот тут.

Он выразительно показал пальцем на свой лоб.

– Ну и что ты хочешь сказать? Мы каждого из них знаем с первых классов, ну вот такие они, что тут сделаешь? А мы-то лучше, что ли? «Бэд стрит бойс»¹...

– Если захотим что-то изменить, значит, еще не все потеряно, – заметил Левитин. – Что-нибудь слышал о школьном самоуправлении? Это вроде второй орган, как бы наравне с педсоветом. Он способен решать многие вопросы самоуправления в школе. Давай поможем нашим взрослым управленцам навести порядок в школе? Кроме того, уже сейчас будем готовить себя к более серьезным задачам, которые предстоит решать завтра. Не ждать этого «завтра», потому что нас там тоже особо никто не ждет, а входить в будущее через настоящее хозяевами. Сначала маленькими хозяйчиками, – он усмехнулся, – а потом большими.

23

Тут и я не удержался, восхитившись Венькой:

– Ты, Левитин, базаришь, как будто тебе лет сорок, юноша – старик. Ты где всего этого набрался?

– Потому что любопытный. Мне интересен политех, понимаешь?

– Ч-чего?

– Ну, политический процесс, процесс управления людьми и взаимоотношения между отдельными людьми и группами. Это захватывающее дело. В будущем хочу заниматься этим профессионально.

– В депутаты, что ли, подашься? – усмехнулся я.

Венька многозначительно покачал головой:

– Нет, реальная политика делается не в законодательном и не в исполнительном органе, а в другом месте. И так происходит почти во всем мире.

– И где же? – заинтересовался я.

¹ Аналогия с названием музыкальной группы «Bad Street Boys» (перевод с англ. «Плохие парни с улицы»).

– Все равно пока еще не поймешь. Ну, так про самоуправление что скажешь?

– Идея интересная, только ее никто не поддерживает.

– Ты поддержишь?

– Поддержу.

В этот момент я почему-то проникся к Веньке таким чувством благодарности и уважения, что даже немного прослезился (наверно, пиво подействовало). Мне захотелось его чем-нибудь обязательно приятно удивить. Я достал из кармана свой секрет – коробку с сигарами, извлек из нее одну и показал Левитину:

– Настоящие кубинские – супер! Хочешь?

– Слава, завязывай, нас выгонят отсюда! – запротестовал Венька, оглядываясь на бармена.

Но было поздно, лучше бы он пивом меня не поил. Я вставил сигару в рот, что-то пробормотал про то, что нас за дальним столиком совсем не видно, зажег ее с шиком и затянулся. В следующий момент в моей голове так шарахнуло, что, как потом мне рассказывал Левитин, я опрокинулся на стуле и улетел назад прямо с сигарой во рту, повергнув в шок все кафе.

«РЕФЕРЕНДУМ»

На следующий день утром Левитин неожиданно появился у меня дома.

– О-па! А ты откуда мой адрес-то узнал? – вяло осведомился я.

Венька посмотрел на меня, как на конченого придурка:

– Кто хочет что-то узнать, тот сообразит, откуда взять нужную информацию... Почему на уроке не был?

– Ай... Голова болит после вчерашнего пива твоего.

Я извинился, чтобы снова отправиться в ванную, попросив Веньку посидеть и подождать. Тот прошел ко мне в комнату, а я продолжил вымачивать организм прохладной водой. Из ванной кричу ему:

– Ты тоже не пошел на английский?

– Ну да.

– А чего?

– Я и так по два-три часа в день занимаюсь. Самая лучшая вещь – это самообразование. Потому что «само», а не из-под палки. Англичанка к тому ж не говорит по-английски.

– Почему не говорит, она же говорит!

– Да брось ты. Как она говорит, так ее ни один англичанин не поймет.

– Венька, а почему мне так хреново?

– Этанол в сочетании с радиоактивным Полонием-210 – гремучая смесь.

– Что такое этанол?

– Алкоголь.

– А...

– Чего «а»? Алкоголь – настоящий наркотик.

– Почему же его продают?

– Это длинная история, выгодно для бюджета государства. Так оно по наивности своей или по злему умыслу считает. Да и природа человечества такова: одна часть – сознательные, другая – импульсивные. Импульсивные будут пить и колоться всегда, потому что – быдло. И это хорошо, что они есть. Ресурсов Земли на всех не хватит. Значит, кто-то должен умереть молодым...

Я чуть не поскользнулся в ванной при последних словах Веньки, мокрый выбрался наружу:

– Ну ты жесткий парень...

– Я, хоть и жесткий, – невозмутимо ответил Левитин, разглядывая на стене мои плакаты группы «Ария», – но самый гуманный. Гуманность не всегда есть жалость. Гуманность – это жесткая справедливость.

– Так я, по-твоему, тоже импульсивный, раз ты мне пиво предлагал?

– Вот и угощай после этого... Расслабься, имеешь хорошие перспективы.

– Спасибо и на том. А че это ты мне про Полоний-210 здесь говорил?

– Все просто. Это радиоактивный элемент, в 1946 году американцы открыли его в табаке. Так что поздравляю, вчера кое-кто получил приличную дозу облучения.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Во блин!

Я пригласил Веньку на кухню пить чай, и тот опять вернулся к разговору в кафе:

– Ну и как насчет самоуправления?

– Опять ты про это! Идеи становятся материальной силой, говорил дедушка Ленин, когда овладевают массами. Вот когда эти твои идеи нашими массами овладеют, тогда и посмотрим.

– Урок истории в миниатюре, – вздохнул с разочарованием Левитин. – Когда ты пил пиво, то был сговорчивее. Вот так спаивали североамериканских индейцев и чукчей, между прочим, тоже.

– Поосторожнее на поворотах! – обиделся я.

На этом про самоуправление разговор закончился. Но у меня уже тогда было чувство, что он всего-навсего отложен. Венька так просто своих позиций не сдает.

И точно, очень скоро у него было много сторонников не только в нашем классе, но и в других тоже. Сделал он это оригинальным способом, о котором рассказал мне: он собрал номера мобильных телефонов у многих ребят (и у парней, и у девчонок) разными путями, иногда чей-то номер узнавал через несколько человек, когда не получалось взять его прямо у хозяина. Он предлагал сообщать ему по телефону о том, что кому в школе не нравится и что можно придумать новое и интересное, засекретив при этом номер, чтобы звонок был анонимным. Он объяснил, как этот номер засекретить, и процесс пошел: девчонки были недовольны тем, что много ограничений на одежду и косметику, парни из старших классов – запретом организовать школьную рок-группу, младшим классам не нравилось, что им мало предоставляют времени для спортивного зала. Один мальчик пожаловался на учительницу пения, которая заставляла класс петь все время одно и то же.

Кроме этого, абоненты жаловались на отсутствие нормального школьного футбольного поля и катка, еще предлагали упразднить лыжные кроссы, прививки, посещение стоматолога, дневники, о контрольных работах сообщать заранее, зарубить на корню саму идею единого госэкзамена. Венька был «на седьмом небе» и решил немедленно закрепить успех. Через месяц провел референдум по СМС с учениками, начиная с пятого класса, на котором поставил один вопрос: «Желаете ли вы, чтобы в школе работало школьное самоуправление из числа избранных учениками делегатов от каждого класса?» Успех был ошеломляющим: «за» проголосовало более восьмидесяти процентов, правда, половина из них сначала уточнила: «А чего это такое?», «Опять заставлять чего-нибудь делать будут?»

– Вот, Слава, глас народа! – то ли с гордостью, то ли с иронией сообщил Левитин. – А ты? Где же твой свободный голос?

– «А чего это такое?» – ехидно спародировал я одну из SMS-ок.

Венька коротко пояснил, сделав вид, что не обращает внимания на мое ехидство:

– Вот смотри на простом примере: физичка двойку тебе поставит несправедливо, а ты жалобу напишешь в Совет школьного самоуправле-

ния. Совет её рассмотрит с участием свидетелей и, если найдет жалобу обоснованной, рекомендует физичке исправить двойку. Если же она откажется, тогда жалобу направят директору и копию – родителям ребенка, которые сами потом с этим учителем и разберутся.

Я остолбенел:

– У тебя с головой все в порядке?

– В полном! То, что еще недавно казалось абсурдом, станет явью. Главное, не ставить себе заранее ограничитель из условностей, страха, предубеждений. Семейный кодекс: «Каждый ребенок имеет право выражать свое мнение».

– У нас точно плюрализм, тут двух мнений быть не может, – съязвил я под Задорнова. – Наш житейский кодекс говорит свое: «Каждый родитель и учитель имеет право с этим мнением не согласиться и врезать».

– Можно и не согласиться, и вообще внимания не обращать, но рискованно, – Вениамин многозначительно причмокнул губами, как бы подводя итог нашей дискуссии. – Если в обществе нет демократии, оно рискует ввергнуть себя в хаос революции.

Слушая его, как казалось мне, бредни, я не мог тогда знать, даже не представлял, как далеко все зайдет в реальной жизни, и что я сам приму в этом во всем самое деятельное участие.

КАК ВЕНИАМИН «ПОВЫСИЛ» УСПЕВАЕМОСТЬ В ШКОЛЕ

Скоро я узнал, как Левитин зарабатывает деньги. Он делал домашние работы, сочинения и рефераты за деньги. К нему в очередь встали почти все. Венька завел компьютерную базу на своих клиентов, работы делал быстро, неприужденно. Не надо быть астрологом, чтобы предсказать такому бизнесу в школе процветание. Многие Веньке отдавали почти все свои обеденные деньги. Не стал исключением и я. Сначала, правда, посомневался. Моральный фактор меня насторожил. Все-таки нехорошо чужим умом жить. На это Левитин резонно заметил:

– В школе есть предметы, которые тебе нужны, а ведь есть и такие, которые ты на все сто процентов забудешь за дверями школы. Но именно на этих предметах «влетаешь» больше всего, разве не так? А с другой стороны, раз они нелюбимые, то и знаешь ты их хуже всего. Вот у тебя какой профиль?

– Орлиный. Нос большой.

– Да я не про это говорю! Ты же гуманитарные науки больше любишь, чем точные?

– Ну да.

– Так зачем на этих формулах свою гуманитарную душу-то выматывать! Если это не твое, а программа школьная тебе навязывает, значит, надо эту самую программу обмануть. Когда пытаются сделать идиота из тебя, опереди, сделай идиотами их самих. Я бы после пятого, шестого класса вообще предложил через тестирование выбирать, какие предметы учить – гуманитарные или точные, некоторые вообще бы исключил, а кое-что добавил: космологию, например, историю искусства, политологию, основы права и еще кое-что. Так что, бери, Слава, пользуйся, моими знаниями, пока я есть! Пользуйся там и тогда, где и когда напрягаться не видишь смысла. Все на свете знать и уметь невозможно. Между прочим, обойдется дешевле, чем в специализированных фирмах.

Вот так я тоже стал Венькиным клиентом. Месяца через два наши преподаватели сияли счастливыми улыбками. Зоя Олеговна после очередной блестяще выполненной классом накануне домашней работы встретила нас на уроке в восторженном состоянии. Она никогда не смотрела так ласково, так любяще. Все даже засмущались, уж очень это было необычно после летающих треугольников. Пауза немного счастья длилась секунды, наверно, три. Первым не выдержал слабонервный тупой здоровяк Коля Прошкин. Особенно, когда взгляд математички остановился на нем:

– Чего?.. – простодушно улыбнулся Коля, отводя взгляд от ласковых глаз Олеговны.

– Как, чего? Ты впервые нормально выполнил домашнюю работу! Успеваемость в классе поднялась! Ребята, что это?

– Пересматриваем отношение, – весело ответил мой друг Родион.

Я посмотрел на Веньку: он сидел с невозмутимым видом. Мне показалось, что ему нравится быть серым кардиналом и изменять мир, не высовываясь. Наверно, в этом действительно есть своя фишка – со стороны наблюдать свои творения.

Однако так продолжалось недолго. Очень скоро резко ухудшились показатели по контрольным работам в классе. Это противоречие насторожило учителей, и началось следствие. Вениамина вычислили очень быстро и пригласили на педсовет. Что там было! Вопрос стоял об исклю-

чении из школы. А, с другой стороны, за что исключать? Он же никого не принуждал, спрашивать надо было с тех, кто к нему обращался. Собственно, об этом хитрый Левитин и говорил на педсовете, поставив своих «судей» в тупик:

– Вы же не исключаете из школы тех отличников, у которых списывают с их согласия? Ну списывают, ну и что? Если человек не может подтвердить перед вами свои знания, которые изложены на бумаге, спросите с этого человека, наверно, он списал, а не тот, кто сделал работу за него. И, кстати, я своих клиентов предупреждаю...

– Вы посмотрите, этот щенок еще их клиентами называет! – возмутилась Маргарита Львовна.

– Я своих клиентов предупреждаю, – продолжил Венька, – если поймают – все претензии к себе. И все понятно! Я зарабатываю умом, а они платят за свою лень и глупость. И я – не щенок.

Тут выступил директор Семен Анатольевич. Огромный мужичина. Говорят, он кирпич ладонью разбить может, как каратист. Как рассказал мне потом Венька, тот чуть не задохнулся от гнева, все лицо пятнами пошло:

– Левитин, вы же фальшивомонетчик, понимаете, вы рушите образовательную систему: теряет смысл все обучение!

– Свобода договора, господа. Давайте учить так, чтобы у меня клиентов не было, – откровенно схамил Вениамин.

На какое-то мгновение все замерли как в оцепенении от беспощадной логики Левитина. В этот момент Венька понял, что переборщил, озвучив такую правду, которую произносить не следовало ни при каких обстоятельствах. Он тут же поправился, почти пробормотав:

– Хотя я признаю, что в масштабах явно перебрал... В общем, ладно, это дело я прекращу...

Но было поздно, тут же на него обрушился вулкан учительского возмущения. Гвалт стоял такой, что ученики младших классов в коридоре притихли. Их просто переорали.

Тогда Вениамин действительно прекратил поставленное на широкую ногу «это дело», мне тоже уже ничего не предлагал, да и я на рожон не лез. Но ходили слухи, что он просто резко поднял цены, и обратиться теперь мог далеко не каждый, а значит, с прекращением массовости выявить какой-либо отдельный случай стало сложнее.

АНЯ

Аня училась в нашем классе, но для меня оставалась загадочной и недоступной, как отрешенная от всего в небе звезда. Эх, я загнул! Но об этой девчонке сложно говорить приземленным бытовым языком. Тонкие черты лица, умные красивые глаза, а волосы... Ее темные волосы волнами опускались к плечам, и я мечтал хотя бы когда-нибудь прикоснуться к ним, ну придумать какой-нибудь дурацкий повод и провести пальцем, ладонью... А вот если бы прижаться лицом, окунуться в стихи другого, такого дорогого для меня мира, нежась в локонах, вдыхая всякие ее кремы и парфюмы...

Как-то на уроке Венька заметил мои короткие, быстрые взгляды в ее сторону, хмыкнул понимающе и прошептал:

– Если есть мечта, к ней надо идти, несмотря ни на какие препятствия.

Он продолжил:

– Да ладно, можешь не отвечать, и так видно, как ты страдаешь, лошара.

– Слушай...

– Ладно, ладно.

На этом обмен мнениями закончился. Но по-настоящему я на Веньку вовсе и не обиделся. На что тут обижаться? Просто было неприятно, что меня уличили в слабости. Однако я попытался внять совету Левитина и как-то после уроков взял да и подошел к ней прямо на выходе из школы. Она смотрела на меня удивленно, как можно смотреть на человека, который наступил тебе на ногу в автобусе («Мужчина, я даже не поняла!»):

– Ань, давай куда-нибудь сходим вместе?

– Зачем?

В ее глазах было столько естественного недоумения, что я впал в отчаяние. Горячий ветер позора как из тепловой пушки обдал мои щеки, и лицо в момент загорелось жаром.

– Да так... просто.

Язык же, наоборот, задеревенел, как и мои мозги. Таким глупым я себя еще не ощущал никогда и, пожав плечами, отошел так же внезапно, как и подошел. Это было не менее глупо. Хотя бы перевел разговор на другую тему, как-то пошутил, сгладил впечатление от нелепого предложения. Ну, дурак, чего уж тут скажешь... Тут я впервые за все время пожалел, что Аня учится в нашем классе, и мне теперь всякий раз придется делать вид, что ничего не произошло. Каждый раз, пока я не забуду эту нелепость. Свое раз-

дражение я перенес на Левитина, выговорил ему на следующий день на математике:

– Сделал я, как ты советовал, на свою голову...

– Что? – Венька поднял брови, не глядя на меня, размышляя над задачей.

– Пошел к своей мечте.

– И что?

– Мечта задала мне вопрос.

– Какой?

– Зачем, говорит, это надо?

– Что надо?

– Чтобы мы были рядом.

Левитин наконец отвлекся, повернулся ко мне:

– И при этом твоя мечта смотрела на тебя, как на идиота?

– Точно.

– Ну что я могу сказать, это вполне закономерно.

Тут я совсем разозлился:

– Я все делал по твоей инструкции, между прочим.

– Да ну?

– Что «да ну»? Кто говорил «надо идти к своей мечте»? Вот я и пошел.

– Понятно, так и должно быть, если читаешь текст инструкции вверх ногами. К цели не всегда правильно двигаться напролом. Ты сможешь одолеть пик Джомолунгмы без специальной подготовки? Пошел в кедах с веревкой и залез? Нет. Так а какого... ты решил, что на женщину, которая тебе нравится, можно также легко взобраться?

– Венька, я тебе сейчас тресну...

– Ну, я хотел сказать, с женщиной познакомиться. Женщина – это больше, чем Джомолунгма, если она – настоящая женщина. Это лес колдовской, в котором пропадают. И вообще, ты поставь себя на ее место. К тебе подходят и говорят, давай проведем вечер сегодня со мной. А ты на этого человека и внимания никогда не обращал... С какой стати и на кой ляд тебе это надо? Нормальная реакция, но она сама по себе еще не говорит о таком уж негативном отношении к тебе.

– Левитин, Морозов!

Голос математички. Он вернул в реальность. Следом в мою голову не сильно, но чувствительно постучался треугольник, я сидел на стороне у прохода, по которому медленно и бесшумно, как хищник, отслеживающий свою

жертву, передвигалась Зоя Олеговна с остроко-
нечным орудием. Венька прав – надо задумать-
ся о своих правах.

Скоро, однако, как только математичка от-
влеклась, Левитин снова начал излагать мне
свою концепцию:

– Единственный путь – это самосовершен-
ствование. Тебе надо самому измениться, не
для нее одной, тут может и не получиться никог-
да, а как бы для всех женщин. Надо стать инте-
реснее, содержательнее, надо к жизни относиться
иначе.

– А как?

– Одним словом не скажешь. Надо, чтобы
девчонки воспринимали тебя как холодноватого,
независимого красавца, такого мачо, понял?

– Понял.

– Да ни хрена ты не понял! Умнее надо стать
и красивее. Но это должно быть естественно для
тебя самого. Ты сам должен этого хотеть, как ды-
шать. Только тогда толк будет. Прислушайся к
моим советам, и все будет тип-топ.

Он посмотрел мне в глаза, и я поверил ему,
отныне, с этой минуты став его учеником и по-
мощником, потому что был поражен точностью,
как мне показалось, его объяснения. Тогда я
просто решил для себя, что Венька никогда не
ошибается, он обладает особым талантом ви-
деть все вещи глубже, не снаружи, а изнутри,
раскладывая их по молекулам и атомам.

Но все-таки я здорово захандрил. Невнима-
ние Ани воспринял как личное поражение, уж
лучше бы не совался на рожон и жил надеждой.
А теперь уже все было ясно.

Левитин пару недель наблюдал это мое со-
стояние, а потом заявил:

– Слава, кто владеет миром, скажи?

– Тот, у кого деньги есть, – мрачно ответил я.

– Ничего подобного! Миром владеет тот, кто
владеет информацией. Ты хочешь знать о чело-
веке, который тебя интересуется?

– Ты про Аню?

– Про кого же еще?

– Ну, хочу.

– Тогда почему не интересуешься ее жиз-
нью?

– Мне было бы интересно, но я не знаю о ней
ничего.

– Так узнай, если интересно. У тебя, Слава,
проблемы с логикой.

– Ну, ты тоже скажешь... В замочную скважи-
ну подглядывать, что ли?

– Зачем в замочную скважину? Просто поти-
хонечку собирай информацию. Кто она, что она,
с кем она? Если она хорошая, ты узнаешь ее
лучше и поймешь, над чем тебе надо работать,
чтобы стать ближе и иметь шанс понравиться,
если плохая, тогда на душе и вовсе полегчает (о
ком страдал?!), ну?

– А ты опять, похоже, прав, – неуверенно со-
гласился я.

И этого для Левитина оказалось достаточно.
Через пару недель он приехал ко мне домой
поздно вечером и с самодовольным видом при-
гласил:

– Я на такси, поедem посмотрим на твою Ан-
ну?

– Куда?

– Узнаешь.

Я с трудом отпросился у родителей на пару
часов, помогли Венькин представительный
внешний вид и вежливость со взрослыми. Мы
спустились вниз, и такси понесло нас на другой
конец города. Когда машина остановилась по
Венькиной просьбе у ночного клуба «Койот», Ле-
витин сказал мне негромко:

– Слушай, ты только не дергайся там... Сиди
спокойно.

– Хочешь удивить тем, что она посещает
ночной клуб с каким-нибудь отморозком? – спро-
сил я с растущим раздражением.

– Нет, мне этого мало, – ответил Вениамин,
загадочно улыбаясь. – Я хочу освободить тебя
от иллюзий. Даже если это будет больно, это
принесет пользу.

Он жестом приглашающего в гости предло-
жил пройти с ним фэйсконтроль, и мы внедри-
лись внутрь клуба как ножик в масло.

Я почти сразу увидел Аню. Ее белая блузка
фосфоресцировала под неоновым светом,
джинсовые капри облегли стройные, точеные
бедрa, как на обложке модного журнала. Но это
только на мгновение, теперь мой взгляд впился
в ее соседа за столиком. Судя по их оживленной
беседе, это не просто сосед, это ее спутник. Ме-
ня снова обдало жаром, как тогда при неудав-
шейся попытке познакомиться. Но что-то знако-
мое было в его крупной комплекции, мощном
затылке и зачесанных назад густых светлых во-
лосах... Это же не подросток, а папаша в пре-
клонном возрасте! Куда смотрел фэйсконтроль?
Долой педофилов, защитим детство! Но если
серьезно, что их может связывать? Вдруг я уз-
нал в нем Игоря Ивановича – нашего историка.

Ему точно лет тридцать пять отроду. Как же так? Я ни черта в этой жизни не смыслю, размазня!

– Пойдем отсюда, хватит, – едва выдавил из себя.

– Уже все? – с притворным удивлением спросил Левитин.

Я, не обращая внимания на Венькину издевку, молча рванул к выходу. За толпой в зале они нас вряд ли видели, а если и видели – наплевать. Левитин снова поймал такси, сел вместе со мной на заднее сиденье.

– Ну и что? – с показной небрежностью произнес я, то ли для него, то ли для себя самого.

– Что, ну и что? – переспросил он.

– Ну пришли они в ночной клуб, ну посидели, об истории поговорили...

– Дурак...

Венька вынул пачку фотографий и положил мне на колени:

– Вот в ресторане, вот в кафе быстрого питания, в библиотеке, а вот – в сауне! А? «Зодиак» – это ж элитная сауна! Вот заходят в двери, вот даже адрес сфотал. Извини, снять сам «процесс» для меня технически оказалось невозможно, профессионализма не хватает, я ж только любитель. И, наконец, съемная квартира!

– Ты... зачем это сделал?

– А что такого? Представил тебе доказатель-

29

ства.

– Доказательства чего?

– Что тебе нечего ловить. А еще кое-какие выводы сделал и для себя.

– И какие?

– Очень хочется знать, чем на самом деле живут наши школьные носители знаний и морали. Особенно этот.

– Че ты к нему прицепился? Пошел он... вместе с Анькой. Дай, я их выброшу, эти фотки.

– Э, нет! – Венька поспешно засунул их во внутренний карман ветровки. – Это мина замедленного действия моего кустарного изготовления. Я немало своего дорогого времени потратил на работу.

Поведение Левитина нравилось мне все меньше. Он явно что-то замышлял. Я брякнул ему на всякий случай:

– Если ей плохо сделаешь, то...

– Да не нужна мне твоя Аня, успокойся.

Венька смотрел в окно автомобиля, и свет витрин отражался в его глазах торжествующим пожаром. Разве мог я хотя бы предположить тогда, какой «пожар» он уже готовил?

КОНСТИТУЦИЯ ШКОЛЫ №...

Левитин начал двигать идею школьного самоуправления. Абсолютным новатором он здесь, конечно, не был. В России уже были примеры организации в школе игрищ с созданием некоего школьного правительства или парламента. Говорят, будто это приносит пользу, то есть формирует у детей способность к принятию самостоятельных решений, чувство ответственности, заинтересованность в организации всей школьной жизни, когда школьник становится не исполнителем и объектом, на которого обрушиваются требования, а равноправным участником, организатором и контролером. Школьный процесс в этом случае уже не создается кем-то для него, а формируется при его непосредственном участии. Вот так, в общем.

Именно об этом и говорил Левитин в кабинете у директора, взяв с собой на беседу лучшего ученика, гордость школы, Женьку Запашного, как союзника в продвижении идеи. Он настоящий отличник, но в общении с ребятами у него как-то не очень ладилось, поэтому Венькиному предложению возглавить организацию этой затеи он обрадовался, хотя и несколько дней «думал». Однако, как сказал мне об этом сам Левитин, он не сомневался в том, что Запашный даст согласие:

– Евгению нужно заполучить неформальное лидерство, он расстраивается из-за того, что все его воспринимают только как отличника и шарахаются. Ума палата и полное одиночество – незавидная участь.

При этом Вениамин подмигнул мне и добавил:

– Протянем руку блокадному Евгению. А уж тот постарается...

– Ты-то как? – спросил я с ехидцей. – Не расстроишься? Всю славу у тебя ведь заберет.

Левитин нарочито скорчил рожу сожаления:

– Оно, конечно, жаль. Но после истории с платными работами, я под вечным подозрением. Что бы ни сказал – все плохо. Тут без положительного пушистого Жени никак нельзя.

Однако тут я уже всерьез заметил:

– Да с ним ребята разговаривать не будут. Он же чмо!

– С ребятами буду говорить я. Он – почетный Президент. Понятно? Признание администрации – ему, признание народа – мне. Вот если бы и ты включился...

– Не хочу.

– Жаль. Получается, если совет и помощь нужна, так Венька вот он, здесь. Мозги выполаскивает кое-кому, глаза раскрывает. А как встречная просьба – значит, в сторону.

– Да ладно, чего ты обижаешься? Мне просто неохота. Опять «попрет» официоз, как мне отец про комсомольские собрания рассказывал. Все в обязательку превратят.

– Неужели ты никогда не хотел, чтобы с тобой считались? – спросил вдруг Венька с таким жаром, какой-то даже внутренней обидой за меня, что никак не отреагировал на звонок с перемены.

Мы продолжали говорить прямо в коридоре, толкаемые встречными потоками однокашников:

– Что ты имеешь в виду? – почему-то спросил я, хотя прекрасно понимал, о чем идет речь.

– Я смотрел, как ты играешь в футбол, и видел тебя настоящего. А здесь, в этих стенах, ты как халдей.

– Слушай, я и врезать могу.

– Да врежь, мне-то что. Самое главное, ты знаешь, что я прав. Ты никто, а он, он здесь хозяин.

– Кто?

– Тот, кто удачливее тебя, с кем девушка, которая могла бы быть твоей.

– Дешевый прием, Левитин.

– Правда всегда на первый взгляд простая штука, только игнорирование ее потом дорого обходится, – парировал резонно Венька.

На следующий день я случайно столкнулся с Аней в школьной столовой. Не знаю, что меня заставило, но я последовал за ней, сел за одним столом. Все делал как-то интуитивно, сам не зная, чем это закончится в следующий момент, до конца вообще не понимая, зачем это может быть нужно. Она вела себя с некоторой настороженностью, ждала какой-нибудь неприятной реплики с моей стороны. А я молчал. Вот так мы и сидели, поедая каждый свое блюдо. Мне хотелось узнать, видела она нас с Венькой в клубе или нет? В то же время, нельзя было и себя обнаруживать, если не видела. Аня не выдержала первая:

– Ты хочешь меня о чем-то спросить, так спрашивай.

И я спросил, глупее не придумаешь вопроса:

– Скажи, каким надо быть, чтобы понравится такой, как ты?

– Нужно повзрослеть.

Аня улыбнулась как-то простодушно, по-доброму, но мне от этой улыбки тошно стало. Она собрала свою посуду со стола и ушла.

Всю ночь после этого разговора я ворочался, мысленно выяснял отношения с ней, пытался доказать: я тот, единственно тот, кто ее достоин. За окном проносилась электричка, и бликиплыли по стене, маня куда-то, где ждут приключения, успех, интересная напряженная жизнь и сумасшедшая любовь. Как я хотел бы увезти Аню отсюда, от Игоря Ивановича, от его хрипловатого низкого голоса, от медленной, вкрадчивой, как теперь мне казалось, речи, от красивых, но неискренних идей, которые – только средство, а не суть. «Рисуется... – с неприязнью думал я. – Все только для одного – пыль в глаза пустить, и чтобы она смотрела на него, как на Бога. Может быть, и прав Венька, пора проявлять себя».

Через несколько дней я дал согласие участвовать в Левитинской затее, и совместно с ним и Запашным мы сделали небольшой доклад на педсовете. Сказать, что учителя нас приняли прохладно – значит, ничего не сказать. Их охватило такое раздражение, что мы с Запашным стушевались. В нас летели реплики жуткого сарказма, и в какой-то момент мне захотелось убежать и забыть все, что мы тут понапридумывали. Но не таков Левитин. Только он знал, по-настоящему знал, чего хотел. После наших сбивчивых доводов поднялся с пояснениями сам. Еще не успев начать, он уже получил пару словесных оплеух от математички. Зоя Олеговна прилично его зацепила:

– Левитину всеобщего внимания захотелось. Что ж, давайте поиграем, у нас ведь других проблем нет. Мы и на уроке не разговариваем, и учителей уважаем, и себя уважаем, и совесть у нас есть в наличии...

С ней едва не случилась истерика. Но Венька не стал здесь встречать. Он словно не замечал критических стрел. Если бы мне знать тогда, чего в действительности хотел этот парень. Хотя и зная, я не поверил бы ни за что...

– Мы не новаторы. Все, что здесь предлагается, существует в двадцати пяти школах по России, и ничего, кроме пользы, не принесло, пусть и не сразу, – сказал Венька.

Директор поспешно начал задавать организационные вопросы. Его будто бы интересовала вертикаль управления. На что Левитин отвечал очень конкретно, словно для него здесь вообще не могло быть белых пятен:

– На общешкольном референдуме предлагается принять школьную Конституцию. Проект я берусь разработать, представлю на широкое обсуждение. Если Конституция будет принята, а это должно быть сделано не менее чем двумя третями от общего числа преподавателей и школьников, под ней лично подпишутся те, кто за нее голосовал на большом плакатном листе живой подписью. Это будет документ, который надо сохранять десятилетия школьной жизни, совершенствовать и внушать уважение каждому новому поколению преподавателей и учеников. После принятия Конституции создается наряду с действующим органом (Администрацией школы, педсоветом) еще и консультативный орган – Общешкольный Совет, пока консультативный на переходный период, который будет принимать самое непосредственное участие в создании всех документов, регламентирующих нашу жизнь... Впоследствии некоторые решения такого общешкольного органа будут обязательными для исполнения и Администрацией школы, педсоветом, а в каких-то случаях это будет прописано в Конституции...

Пока Венька «чесал» как по-писаному, у администрации и педсостава вытягивались от удивления лица.

Директор вставил внезапно подсевшим голо-

– А, может быть, Совет сможет найти деньги на наш санузел? Или хотя бы мудро посоветует, где их добыть? Я того мудреца рядом с собой посажу и в штат на заработную плату возьму.

– Ловлю на слове, Семен Анатольевич, – заметил Левитин и посмотрел директору прямо в глаза.

Лучше бы он этого не говорил – педсостав чуть не разорвал Веньку на части:

– Самонадеянный хам! – бросила учительница пеня.

– Mister Levitin knows which side his bread is buttered on!² – шутливо воскликнула англичанка.

Венька при этом не моргнул глазом, он, как мне показалось, понял смысл сказанного и оценил иронию. Потом я узнал от него в разговоре, что означали эти слова по-английски.

Тут не утерпел Игорь Иванович и заметил:

– Вениамин, вы, конечно, понимаете, что главное – это не декларации и не формы, глав-

ное – содержание, а содержание – это реальные цели. Чего вы хотите?

– Ничего нового, всего-навсего известные истины освежить. Свободы как осознанной необходимости для молодых, – бодро ответил Левитин. – Я хочу предложить превратить школу в минигосударство в лучших его проявлениях на примере общественного самоуправления. Конечно, нам не надо ни милиции, ни политической разведки, а вот партии и общественные организации могут быть. Почему бы им не быть? Со временем свой Парламент создадим и Правительство, свой Премьер-министр и Президент появятся, избранные школьным и педагогическим коллективами на выборах. Главная идея заключается в том, что все самоуправление между учениками и учителями должно быть основано на равных началах, только функции разделятся. Органы самоуправления не должны быть придатками школьной администрации, исполнителями ее воли, они – проводники демократических принципов взаимоотношений в школьной среде. Что касается ответственности, то за оценки, за качество обучения, за поведение будут отвечать сами ученики в соответствии с данными ими же обязательствами и не перед папой и мамой, не перед школой, а перед своими товарищами, перед которыми может быть очень стыдно. В нашей республике будет своя печать, свое телевидение, а свой ВВП будем считать по баллам за качество работы, то есть обучения, критерии выработаем. Самым страшным наказанием в нашей школе будет лишение членства и признание персоной «нон грата». У нас будут свои кумиры и герои, свои медали и ордена, своя история. Только любить себя и свою школу мы научимся не потому, что ее надо любить по традиции, а потому, что сами того хотим. Ведь историю школы будем писать только мы, и, если она не станет созидательной, грош нам цена, никакого квасного патриотизма не потерпим. И к власти всегда будем относиться критично. Достойному народу – достойное управление. Не стадо, лукавое и дрожащее, а гражданское общество! Вот смысл, вот цель и идея!

Левитин закончил и дерзко оглядел аудиторию. В гробовой тишине среди шокированных «жителей» нового, предлагаемого Левитиным «государства», не было проронено ни звука, все будто остолбенели. Так еще бы! Левитин говорил так, как они сами никогда бы ни подумать, ни сказать не смогли, и главное – не посмели! На-

² «Мистер Левитин знает, с какой стороны его хлеб намазан маслом» англ. (аналог русской поговорки «Он парень не промах»).

конец, после продолжительной паузы, Игорь Иванович опять спросил осторожно:

– Сколько же у вас уровней или шифров в понимании «достойный», господин Левитин?

Вениамин не стал отвечать на этот вопрос и даже не взглянул в сторону «историка», но добавил:

– Если будут нарушаться права как преподавателя, так и ребенка, оба могут обратиться за консультацией к адвокату вплоть до обращения в суд, и это не будет рассматриваться руководством школы как вынесение сора из избы. Потому что такой патриотизм нам тоже не нужен.

Физрук чуть не умер от смеха:

– Как же тогда без милиции, прокуратуры и суда, Вениамин? У нас, понимаешь ли, как во всяком государстве, начнут публичные дома открывать, торговать наркотиками, давать и брать взятки, судиться. Трудно будет, Веня.

– Поживем – увидим, – сухо ответил Левитин.

Но истерически развеселившихся от реплики физрука педагогов уже остановить было невозможно:

– Без института семьи нам не обойтись, свой ЗАГС и роддом для старшеклассников придется открывать!

– Так, а кто будет отвечать за рождаемость, Медведев или Левитин?

И надо же, хоть и шутили, а как в воду глядели.

Венька не имел бы шансов, если бы... не вице-премьер настоящего Правительства Медведев, посетивший школу в связи с реализацией гранта на оборудование зала фитнеса и атлетической гимнастики. Венька в суматохе подсунул ему свою записку, где довольно полно и интересно изложил свою модель школьного самоуправления. Медведев заинтересовался и на встрече с руководством школы сказал:

– Надо, на мой взгляд, больше присматриваться к тем ученикам, к тем проектам, которые призваны как-то активизировать жизнь школы, придать ей необходимый динамизм. Этот проект дает главное – заинтересованность всех в качестве обучения и воспитания. Другое дело, надо посмотреть, что реально, а что – плод подростковых фантазий, надо отделить зерна от плевел, а это как раз и задача педагогов. В любом случае мне интересно, получит ли данный проект дальнейшее развитие, и я обязательно поинтересуюсь, как это получилось у вас в школе, ну, так через годик. Особенно интересно, как

пройдет референдум по Конституции. Я это запомню и обязательно вернусь к этому вопросу на следующий год, посмотрим... – здесь он откровенно рассмеялся.

Ну, понятно, что перспектива отвечать через год перед вице-премьером моментально возымела действие, хотя без горячих дискуссий не обошлось. Вот так и пошло... В ноябре – декабре Венька провел разъяснительную работу и даже общешкольный референдум. На этот раз это уже не мобильные телефоны. Мероприятие было солидным, с кабинками для голосования. О школе даже сняли ролик и показали в «Вестях». Но не это главное. Главное то, что Конституцию все же приняли. Ее подписали директор, завуч, все преподаватели, даже математичка. Историк воздержался. Что она собой представляла? Так получилось, что у меня не осталось даже экземпляра, но основные положения могу вспомнить, потому что ведь тоже принимал участие в ее разработке. Ну вот, например: «Преподаватели и учащиеся обладают равными правами и несут обязанности в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании, другими законами Российской Федерации, постановлениями Правительства, актами Министерства образования, локальными актами учебного заведения школы №...»; «Конституция школы №... является внутренним локальным правовым актом, обязательным для исполнения как преподавателями, так и учащимися школы»; «Целью обучения для преподавателей является обеспечение качественного образования, преподаватели не имеют права требовать от учащихся хороших оценок, оказывать на них давление, критиковать за плохие оценки, они являются лишь арбитрами, констатирующими качество ответа и выставляющими за это оценки; не имеют право навязывать те или иные суждения, касающиеся взглядов на жизнь, на образование, на одежду, а могут лишь дать совет, рекомендовать, попытаться убедить, оспорить те или иные суждения»; «Ученики обязаны заниматься самосовершенствованием (добросовестно учиться, добиваться хорошими ответами высоких оценок, пользоваться всеми средствами получения информации, имеющимися в школе: уроками, Интернетом, библиотекой), развивать себя физически, поощрительным и почетным считается занятие в клубах по интересам (спортивных, изобразительного искусства, музыкальных, теа-

тральных и других)»; «Ученики не имеют права навязывать преподавателям мнение в отношении выставляемых оценок, они могут направить апелляцию в совместную комиссию Педагогического и Общешкольного Советов, которая вправе оставить апелляцию без удовлетворения, рекомендовать преподавателю изменить оценку или предложить ему вновь опросить учащегося»; «Апелляция является крайней мерой и не приветствуется школьным сообществом как средство для разрешения личных взаимоотношений и конфликтных ситуаций». О родителях ни слова. Как видите, Венкиным прежним популизмом здесь и не пахло. От влияния родителей на учителей пришлось отказаться. Как не было ни слова и о едином госэкзамене. Эта уже прерогатива Минобразования, то есть в его лице того самого настоящего государства. Последняя редакция школьной Конституции – результат компромисса, отделения тех самых зерен от плевел: «Преподаватели и учащиеся вправе создавать общественные объединения, не создающие препятствий для учебного процесса в школе и не противоречащие законодательству Российской Федерации»; «Успешно прошедший обучение получает бонусы (баллы), которые позволяют ему в приоритетном порядке в любое, свободное от учебы время, пользоваться спортивным залом, компьютерным залом, получать стипендию в рамках получаемых грантов, получать иные льготы, разрабатываемые Правилами внутреннего распорядка».

Ну как? Бред? Наши учителя именно так и заявили. Но... в процессе закрытой дискуссии на педсовете выяснилось, что все признают: дети в школе слишком несамостоятельны, инфантильны, совершенно не готовы к вузовским жестким критериям, и многие хорошисты с треском вылетают из вуза уже с первого курса, что постоянное, десятилетиями продолжающееся еще с советских времен «сюсюканье», «вытягивание процента», липовая сдача выпускных экзаменов, гарантированность образования, понимаемая почти как гарантия окончания школы при любых оценках, приводит к потере заинтересованности, конкурс же аттестатов уже не играет такой роли, как раньше в условиях платного образования. Вот и пропала всякая заинтересованность в результатах обучения. Все признали, что нужны новые формы, и в этом Левитин прав. А кто сказал, что эти новые формы будут иде-

альными, что не будет абсурдного, смешного, глупого? Но с чего-то надо начинать? А тут еще и приезд Медведева и его поощрительная речь. Решили – попробуем. Всего на годик. Если будут результаты, еще и новый грант под это дело попросим. Пусть это будет вклад в национальный проект «Образование». Знали бы они... А что «знали бы»? Все нельзя знать заранее. Ну ладно, обо всем по порядку.

НОВОГОДНИЕ ОТКРОВЕНИЯ

На уроке истории России опять Венька сцепился с Игорем Ивановичем. На этот раз спровоцировал конфликт сам Левитин. Отвечая на какой-то вопрос историка, уж не помню по поводу чего, он ляпнул известное словосочетание «в этой стране» применительно к России. Это буквально взорвало Игоря Ивановича. Он взял Веньку за лацкан пиджака и тихо сказал (голос его при этом как-то даже подрагивал), хотя он обычно всегда держал себя в руках:

– Вениамин, «та страна», о которой вы упомянули, это ваша страна, вы в ней родились и выросли. Попрошу быть более точным в выражениях. Так в чьей стране вы живете?

– В вашей, в вашей стране, – дерзко заявил Венька.

«Вот идиот», – подумал я, но в отношении историка злорадствовал (я все еще ревновал Аню к Игорю Ивановичу).

Когда урок закончился, Левитин и Игорь Иванович остались в классе и о чем-то начали спорить. Я чуть-чуть задержался от любопытства: уж очень мне хотелось, чтобы Венька историка зацепил чем-нибудь. И точно. Вижу, Левитин что-то сказал, и Игорь Иванович аж побледнел враз, такое редко бывает, чтобы за секунды и стал белым, как стена. Только из-за шума в коридоре я ничего не расслышал. Венька выскочил вслед за мной:

– Все, теперь пусть думает. Мораль читать горазд, а за девочками ухлестывает, фарисей!

Я обомлел:

– Ты про «это» ему сказал?

– Конечно!

– Зачем?

– Что, зачем? Его выпрут из школы, если узнают, а он вряд ли откажется от Анны. Значит, что?

– Что?

– Значит, выпрут! Что и требуется доказать.

– А как же Аня? Вся же школа будет обсуждать.

– Ну и пусть. Самое главное для мужчины – это поправленное мужское достоинство. Твое достоинство в этом случае. Только представь, как они где-нибудь...

Я закусил губу, а Венька продолжал:

– От тебя отказались, почему бы не отказаться и тебе от нее? Самодостаточнее надо быть, Слава, и весь женский мир будет твоим. Усек?

– Можно подумать, что ты знаешь все про женский мир.

– Не все, но кое-что знаю.

– Ну и например?

– Женщина – это не придуманный образ, это реальность. Когда поймешь, сразу перестанешь комплексовать. Она из мяса и костей, скрываемых ею недостатков, слабостей, привычек, глупостей. Она заблуждается, а ты ее слова сейчас воспринимаешь для себя как приговор. Пока видишь в ней божество – будешь ничтожеством в собственных глазах, и все другие женщины это тоже будут чувствовать. А ничтожество женщинам не требуется. Странно? Странно. Мир – это бинеры, противоположности и противоречия. Мир един в этом противоречии, как пасть волка и кусок мяса. Но в противоречиях есть своя логика, свой закон.

– Ты – странный человек.

– Хотел сказать – страшный?

– Может быть.

– Ну вот, то жесткий был, теперь странный, страшный. Я не странный и не страшный, Слава, я предельно честный. Если мир уродлив, то честно говорить о нем означает у нас – говорить непристойности. Так при чем здесь я?

– Почему ты так хочешь избавиться от историка? Он же как преподаватель не самый плохой. От всей школы тогда надо избавляться.

– Он опасен.

– Для кого?

– Для всех. И вообще, я не разделяю его убеждений, а он меня обучает и еще оценки ставит. За что? За мои убеждения. А это нечестно. Поэтому за свою точку зрения я буду бороться.

Новый год мы справляли у Веньки дома. Были я, ну понятно, Левитин, Родька Заболотнов, Женька Запашный, два парня из параллельных классов – Егор Савин и Антон Северянин. Этих Левитин сам позвал, он с ними установил свои отношения, говорил, что ребята очень умные. А по мне так – зануды. Отличники, в основном, зануды. Только Венька – исключение. Он не гонится за оценками, наоборот, с учителями в контрах,

но эти хорошие оценки сами собой у него получаются, поэтому он не «рубака», не подхалим, и не любить его за хорошую учебу нет причин. У него всегда на все свое мнение. Он – за народ, а, значит, ближе к нам, угнетаемым педсоставом. Вот они, Венькины бинеры, объединяющие нас, таких непохожих, двоечников и настоящих отличников: огонь и вода, а, может, огонь и масло, интеллект и энергия, вожди и массы? Я становлюсь философом? Венька бы одобрил.

Квартира Левитина нас поразила. Никогда я в своей жизни не видел ничего подобного. Старинная мебель из темного дерева, тяжелые шторы, торшеры с мягким завораживающим светом. Квартира была двухуровневая, с отделкой под старину, лестницей с витыми перилами из литого металла. Но самым потрясающим была комната самого Левитина... Она была выполнена из черного и красного материала. Черная мебель, алые шторы, на стене портреты Пушкина, Черчилля, Керенского, еще каких-то мужиков в старинной одежде. Почему Пушкин, Черчилль и Керенский рядом? Удивительно. Интересным было огромное панно с фотографиями президентов США большого количества, наверно, всех, какие были за всю историю страны. На столе, где стоял компьютер, лежал молоток и циркуль, как будто Венька был средневековым европейским ученым, каким-нибудь алхимиком придурковатым. Но больше всего нам понравились шпага, висевшая на стене, и стоящий в углу средневековый рыцарь в доспехах из ослепительного, зеркально-белого металла.

– Настоящая? – спросил я, дотронувшись до шпаги.

– Само собой, – самодовольно сказал Левитин. – Можешь лезвие потрогать. Хоть сейчас – в битву.

Родион Заболотнов покачал головой:

– Ну, Левитин, ты крутой...

– При чем здесь Левитин? Это родители у него крутые, – возразил Запашный.

– Не скажи, – не согласился Родька, потрогав рыцаря пальцем. – Индивидуальность всегда победит. Если ничего собой не представляешь, как личность, то и в богатой твоей квартире будет черте че.

Я не стал вмешиваться в их спор, я был просто смят увиденным. Мои родители, будь я хоть самый что ни на есть индивидуалист, никогда не позволили бы самовыражаться в домашнем убранстве. Какой быть моей комнате, как и всей

квартире, решали всегда только они с небольшими, самыми минимальными, ничтожными штрихами. За каждый плакат, за каждую фотку приходилось воевать. Особенно тяжело достался плакат с Кипеловым, солистом группы «Ария». Его длинные волосы приводили моих стариков в ярость, хотя они, конечно, не знали, кто на плакате изображен, и чем он занимается.

– Венька, а кто твои родаки? – вдруг спросил я.

Мне так хотелось хоть немного услышать о людях, которые проявляют терпимость к своему ребенку. Такое нечасто встретишь, и это дорогого стоит.

– Мои мать и отец – сотрудники неправительственного Фонда «Восток – Запад».

– А что они там делают?

– Мне сложно объяснить. В общем, это фонд, цель которого способствовать интеграции Восточной и Западной Европы. Да они, в основном, в командировках.

– Ты живешь один?!

– Ну, не совсем. Здесь часто бывают бабушка с дедом. Но жить постоянно – нет. Дед в этих стенах не может. У него другая закалка. Конечно, отец с матерью часто приезжают, почти каждые пару недель дня на два-три. Если откажутся от командировок, потеряют работу. А это, сами понимаете, не желательно. Там хорошо платят.

Мы все были поражены возможностями Вениамина, а Родион, тот вообще тарашил от удивления глаза как ребенок:

– Вот это классно! Если бы мне своих хоть на неделю куда-нибудь сплавить.

– И что бы ты сделал? – с иронией спросил я, зная ответ заранее.

– Я собрал бы ребят и закатил вечеринку на все деньги, что мне родители оставят.

– Точно, я так и думал. А потом «лапу сосал» до их приезда?

– Рис хавал бы.

Тут привезли заказанные Венькой продукты и шампанское. Мы застонали от восторга. Когда все разложили на кухне, распределили поварские роли и приступили к работе (черт, в такой компании даже работать уютно!). Левитин, нарежая окорок, вдруг сказал, обращаясь ко всем:

– Давайте поговорим вот о чем. Закончим мы школу, разбежимся по стране, по миру, жизнь нас раскидает куда попало, и мы вряд ли когда-нибудь встретимся. И каждому придется в одиночку выживать, обивать пороги чиновников,

кого-то о чем-то просить, против кого-то выступать в одиночку, заискивать перед начальством, скрываться от криминала, принимать решения, не имея никакой поддержки. А представьте себе: вы едете в чужой город учиться или в командировку, но он уже для вас не чужой, потому что вас там ждут, вы знаете, к кому обратиться, знаете, что о вас позаботятся. Только набираете телефон и говорите: «Брат, я приехал!» И все! Ну и к вам если приедут, то вы в лепешку разобьетесь, чтобы помочь всем, чем сможете.

– А как я смогу помочь, если сам еще на ноги не встал? – спросил я.

– Так на что другие? Ты наберешь телефон и скажешь: «Помогите моему брату». И ему помогут. И так во всем, от рождения до смерти. Учиться за границей – нет проблем, сделать сложную операцию и не заплатить за нее – пожалуйста, устроиться на высокооплачиваемую работу – сделаем. Детей в хорошие ясли, родителей к хорошему врачу. Нет денег – деньги будут. Умер? Вот они, друзья – братья, уже хоронят. Все блага мира к ногам твоим и твоих братьев. А они повсюду, незримо для других, ты узнаешь их всегда, в любом месте и при любой погоде найдешь. Вот такая социальная защищенность. Да какая там социальная, всеземная защищенность!

– Даже в другой стране? – впервые, почти хором подали голос Северянин и Савин.

– Конечно, в любой стране! Нет на земле клочка, где бы не было твоих братьев. Вот это жизнь, а?

– И как же так сделать? – простодушно осведомился Женька Запашный.

Бутылка шампанского в его неумелых руках исторгла целый фонтан, сам Запашный оказался с ног до головы в липкой пахучей бражной жидкости. Все чуть не умерли от смеха, а Венька сказал:

– Это хороший знак! С наступающим 2008 годом! Можно сказать, обмыли мечту. Главное – видеть свет в конце тоннеля, тогда сможешь и пройти его, даже если через нечистоты придется перебираться. Просто нужна организация, которая стала бы для тебя всем.

Честно говоря, захмелели мы тогда изрядно, и то, что Вениамин нам рассказывал, казалось сказкой. Красивой и даже реальной. А оговорка про нечистоты – это так, игра слов.

В двенадцать часов ударили куранты. Их хорошо слышно еще и с улицы – из Левитинской квартиры видна Красная площадь. Мы вывали-

лись на улицу, дали залп из петард, хохотали как сумасшедшие. Нам нравилось все: эта загадочная замечательная квартира, уверенность и ум Левитина, наша новая, только зарождающаяся, малопонятная пока нам самим дружба, можно сказать братство. В этом вечере был особый колорит, замешанный на шампанском и тайне в черно-красных тонах.

В три часа ночи Венька сделал нам сюрприз: в квартире появилась девушка. Ее звали Жанна. Судя по возрасту, она была на несколько лет нас постарше. От кончиков волос до высоченных каблуков это было само Обольщение. Мы задохнулись от волнения и недоумения, мы не знали, как себя вести. Помог Левитин. Он объявил:

– Так, друзья мои, сейчас состоится мужской конкурс. Мы постараемся перед дамой показать все самое лучшее, акцентирую ваше внимание: все. А она выберет одного из нас на час. Ну, проявим фантазию.

У Северянина и Савина глаза на лоб вылезли. Остальные, кроме самого Веньки (я, Заболотнов и Запашный) – виду не показывали, но несколько замялись. И понятно, дело было не в конкурсе, а в том, как не уронить мужское достоинство после того, как тебя, не дай бог, выберут. Сексуального опыта, судя по общему состоянию оцененения, не было ни у кого. Только Левитин был непринужден. Ну да, когда поживешь один в квартире да с деньгами, тогда есть, где такой опыт набирать. А девушка, высокая, стройная, вкусная, небрежно взбив руками темные длинные волнистые волосы, показала пальцем на Родиона, как на конкурсанта, который должен был представить себя первым. Родион нервно стянул с себя рубашку, напряг мышцы на руках, как на конкурсе бодибилдинга, мы упали от хохота, потому что двуглавые мышцы на Родькиных руках даже не высывались наружу. Савин и Северянин постыдно сняли свои кандидатуры, а я и Запашный, раздевшись до плавок, спели «Бэль»³. Девушка поманила пальцем и бросила мне презерватив. Все взревели от восторга, видимо, с облегчением, что самим не придется держать этот «экзамен». А Левитин закричал:

– Мужики, поддержим нашего фаворита, он представляет всю нашу компанию!

Мы с Жанной вошли в спальню, приготовленную Левитиным. Она стала медленно раздеваться, а меня заколотило от ее длинных белых

ног и порочных, как говорят, с поволокой, чуть ироничных, все понимающих глаз. Они блестели от удовольствия наблюдать мое первозданное, чистое возбуждение...

С Жанной мы весело попрощались и продолжили нашу вечеринку как стопроцентный мальчишник. Когда ребята танцевали по-сумасшедшему, от чего, как показалось, качнулась даже люстра, Венька подозвал меня с серьезным лицом, он один был абсолютно трезвым и спокойным:

– Пойдем со мной, поговорим.

– Я?

– Да. После «крещения» с Жанной ты мой заместитель. Шучу. В общем, пошли.

Мы поднялись в Венькину комнату. Когда я с удовольствием рухнул от усталости в мягкое кресло, Левитин сказал:

– Слава, на каникулах я предлагаю создать нечто вроде клуба, пока из тех ребят, которые сегодня здесь у меня в гостях.

– Что за клуб? Самоуправление ты уже сделал, зачем еще клуб?

– Самоуправление – это основа основ, это машина. Но машина – это кусок металла. Нужен пульт управления.

– Да все же пульта и кнопки есть! В нашей Конституции, в твоей Конституции ведь все записано. Чего париться? Я тебя не понимаю.

– Морозов, Морозов, святая наивность, эти процессы нужно обеспечить, понимаешь, обеспечить. Это и продуманная кадровая политика, и анализ возможного противодействия, своего рода, разведка, и жесткое продвижение идей и замыслов, если понадобится.

– Зачем? – все еще не мог понять я. – Ты же сам говорил, что мы создаем как бы модель государства. Парламент у нас есть, есть и правительство, какие проблемы? Что еще нужно для управления нашей «страной»?

Он посмотрел на меня с насмешкой, в этот момент мне даже как-то неприятно стало:

– Ты все-таки серьезно считаешь, что миром управляют парламенты и правительства?

– А кто?

Венька так начал хохотать, что я расстроился не на шутку, подумал: «Ну вот, опять считает меня дураком, а что я такого сказал?..»

– Миром, Слава, управляют наднациональные, надполитические структуры, там решаются все ключевые вопросы, там за одним столом вечером, как братья, сидят политические против-

³ Имеется в виду «Belle» («Прекрасная») – песня из мюзикла «Нотр-Дам де Пари», 1998).

ники, а утром будут морочить всем нам голову, как они друг друга ненавидят.

– И в нашей стране тоже?

– В мире, я сказал, во всем мире! А мы-то всего-навсего маленькая его часть, провинция одной единой организации...

– Такому нас не учили...

– Не учили?

Венька наклонился ко мне, лицо его сразу побавровело от внезапного прилива ярости. Я его еще никогда таким злым не видел:

– Не учили, говоришь? А чему эти «мухоморы», – он показал на Кремль в окне, – нас вообще могут научить?

– Ты считаешь, что знаешь больше, чем они?

Я начал тоже злиться: не слишком ли много Венька на себя берет?

Левитин подошел к окну, открыл его, с наслаждением впусив морозный воздух, слегка успокоился:

– У меня другие учителя, да я сам себе учитель. Информация лежит часто на поверхности, ее надо только уметь найти и отмыть от наслоений всякой словесной ерундистики, схватить за жало, за стержень. И все становится ясно. Ладно, это в двух словах не объяснить...

Он с нескрываемым разочарованием оставил меня в покое, но сказал, что после Нового года поговорит «более предметно». Тогда, в конце разговора, уже уходя, я спросил, по какому принципу он отбирал Совет: эти двое, Северянин и Савин, они вообще – кто? Сказал, что я их вообще не знаю. Венька на это только усмехнулся:

– Если бы ты знал, кто их родители, то вопрос отпал бы сам собой.

– Причем здесь родители? – спросил я. – Они, что ли, в Совете голосовать будут?

– Мороз, ты недаленовидный. Влиятельные родители – это прикрытие и защита. Когда-нибудь нам и защищаться придется.

Оставшееся время на вечеринке я провел с ощущением какого-то напряжения. Венькина ярость напомнила мне, что праздник скоро закончится.

ТАЙНЫЙ СОВЕТ: НАЧАЛО

Так пружина времени и обстоятельств затягивала интригу, и в первых числах января состоялся наш первый Совет у Веньки дома при соблюдении строжайшей конспирации. Но это еще не была организация, это была всего лишь группа людей, которых Веньке предстояло убедить.

Но он, как оказалось, не боялся этой сложной, почти невозможной задачи. Уже через каких-то несколько недель я окончательно понял: перед нами серьезный, сформировавшийся человек, который рассказал нам многое такое, чего не печатали в газетах, не показывали и не рассказывали по ТВ, очень редко и скудно писали в книгах, а в учебниках и вовсе не было ни слова... Нет-нет, пересказать не могу – я умею держать слово и язык за зубами. Только одно скажу: официальные историографы, политологи и рядом не стояли со своей ложью. Я поверил, я понял, Венька тысячу раз прав, что мир вовсе не такой, каким мы его знаем. Но, бог ты мой, откуда же он все это знал?

Один из вечеров у Веньки был самым запоминающимся. Нас сначала вместо него встретил некий человек в строгом черном костюме, как омоновец. Голос его был низким и басовитым, от чего еще более стало не по себе. Его возраст (ему было, судя по голосу, около сорока) окончательно дал нам понять, что шутить с нами здесь особенно никто не собирается. Он, однако, все же поспешно представился, видимо, чтобы не перепугать совсем:

– Друзья мои, пройдемте, Вениамин вас встретит позже. Я не палач, и вас не собираются здесь подвергать пыткам. Я просто церемониймейстер.

Он завязал нам глаза, велел всем держаться за руки и повел куда-то. Когда глаза нам развязали, мы были в той самой странной черной Венькиной комнате. Левитин сказал нам, что она оформлена как «комната размышлений», которая символизировала бренность человеческого бытия. В этой комнате, задрапированной черным, стоял в центре бутафорский картонный гроб с бутафорским же, лежащим в нем скелетом. Мы вздрогнули и отшатнулись. Веньке это доставило удовольствие. Церемониймейстер куда-то исчез. На столе, однако, стоял, как показалось, настоящий череп (чей?), и внутри него тускло мерцала свеча. Тут Левитин начал объясняться с нами как-то особенно пафосно, так, что мы уже не видели в нем прежнего Веньку. Его отчужденная торжественность пробирала мурашками до костей.

– Здесь, господа, вновь принимаемый как бы духовно умирает, отрешается от прежней примитивной жизни, но впереди у него новая жизнь. И надежду на эту жизнь символизирует это слабое пламя. А теперь я буду спрашивать, а вы отве-

чайте. Мы тут же насторожились, вспоминая заранее показанный нам и выученный наизусть текст:

– Кто является членом Тайного Совета?

Мы гаркнули хором:

– Свободный человек с хорошей репутацией!

– Да не орите вы так. Почему вы вступаете в Тайный Совет?

– Чтобы победить свои страсти, научиться управлять своей волей и постоянно совершенствоваться. Мы свободные люди и строим наш дом.

– Какой дом?

– Дом, в котором живет человеческая любовь.

– Какой камень мы употребляем для строительства?

– Нашим строительным материалом являются люди.

– Каким раствором скрепляем мы камни?

– Дружбой, братством.

– Чем отличаются члены Тайного Совета от других?

– Образом жизни, благородством мыслей, искренней верностью и непоколебимой взаимной дружбой.

– Почему наш союз называется царственным искусством?

– Потому что наше дело является самым благородным искусством.

– Каково главное достоинство члена Тайного Совета?

– Любовь к ближнему, ибо у кого она преобладает над всеми другими чувствами, тот преодолевает эгоизм и становится лучшим.

– Каковы еще достоинства члена Тайного Совета?

– Скромность, мягкость, милосердие.

– С чем мы должны бороться?

– С предрассудками, заблуждениями, тщеславием, ложью, алчностью.

– К чему вы стремитесь?

– Прежде всего, к тому, чтобы укрепить союз братьев и всей своей жизнью оправдать высокое доверие быть избранным.

– Как распределяют время члены Тайного Совета?

– Работа члена Тайного Совета продолжается от рождения до самой смерти.

– А теперь прошу вас, – голос Веньки слегка напрягся, – произнести текст клятвы.

Мы также хором проговорили:

– Перед лицом Великого Архитектора Вселенной и перед этой почтенной и уважаемой публикой свободных и признанных, я по своей искренней воле торжественно клянусь, что никогда и ничего не раскрою из таинств и секретов организации, какие бы ни были мне сообщены или какие бы впредь я ни узнал, никому, кто не является членом Тайного Совета. Я торжественно обещаю, что не изложу письменно эти секреты, не опубликую их в какой бы то ни было форме и не позволю, чтобы другие это сделали в моем присутствии. Обещаю любить своих братьев, поддерживать их и предоставлять им всякую помощь в нужде и в защиту их и Тайного Совета отдать себя до последней капли крови.

После этого вновь вошел церемониймейстер с медицинскими приборами, какие используют при взятии анализа крови. Мы слегка заволновались, но он нас заверил, что все будет быстро и безболезненно, проколол каждому из нас палец, сунул мне, по моей просьбе, в нос побольше нашатыря (я всегда плохо переносил эту процедуру), выцедил из нас по маленькой капле крови и смешал эту кровь на куске стекла. Стекло он отдал Левитину и опять пропал за дверями. Левитин заставил нас взять по капле смешанной крови на язык, потом сказал с удовлетворением:

38

– Ну вот, теперь мы не просто друзья, а кровные братья.

Я, однако, спросил осторожно:

– А если кто-нибудь пожелает выйти из Совета?

– Традиционная форма клятвы исключает такую возможность, – сухо ответил Вениамин. – Человек, покинувший Совет, должен будет умереть.

Мы застыли в изумлении, не понимая, шутит он или нет, некое подобие игры вдруг превращалось на наших глазах в жестокую реальность. Но Левитин тут же пояснил, улыбнувшись:

– Но вы, как люди чести, даже в угрозах такого рода не нуждаетесь. Скажу только одно, братья мои: внутри организации – никакой демократии, строжайшая дисциплина и подчинение, мы же не просто будем проводить в жизнь доброе начало, порой мы его будем прошибать, бороться за него, если это необходимо.

– Венька, а тебя тоже кто-то должен принять? – спросил Родион.

Левитин снова улыбнулся:

– Я уже давно принят.

– Кем?

— Я сам себя принял.

Мы невесело усмехнулись, не зная, как относиться к его шутке, и двинули на выход. Был уже глубокий вечер. При этом почему-то каждый (я это заметил) глянул украдкой на настоящий череп.

СТРАСТИ ПО ЛЕВИТИНУ

Венька стал в школе настоящей звездой и авторитетом. Что бы в школе ни создавалось, какая бы идея ни появлялась, всех, прежде всего, интересовало, что по этому поводу думает он — одобряет или нет? Девчонки его обожали, парни завидовали, учителя... Одни уважали за знания, другие недолюбливали. А какой начальник будет любить более умного, чем он, подчиненного, да еще несовершеннолетнего? Особенно, если это очевидно? А Венька был по-прежнему непринужден и органичен. Слава ему шла, как галстук или головной убор.

Однако Левитин блистал не только эрудицией и мудростью не по годам, а еще и умением практически реализовывать задуманное: в школе происходили перемены, которые все небезосновательно приписывали именно ему. За январь было рассмотрено четыре апелляции от учащихся в связи с несправедливо поставленными оценками. Между прочим, в одном случае Комиссия рекомендовала исправить оценку с двойки на тройку. Можно себе представить истерику Зои Олеговны. Она в течение пятнадцати минут рыдала у директора и говорила, что не может работать в школе, где ей не доверяют. Но Комиссия была непреклонна, в школе уже давно было известно и педсовету, и директору о том, что у Олеговны среди учеников есть как любимчики, так и козлы отпущения, и этот случай не был исключением. Прошкин, хоть и туп, как пробка, но несколько формул все же выдал, ставить ему двойку было бы слишком жестоко.

В коридорах школы замаячил адвокат с большим потертым портфелем. Увидев его, некоторые самовластные преподаватели, привыкшие рассматривать свой класс и школу чуть ли не как вотчину, насторожились. Да вообще, у всех у нас за спиной будто появился контролер. Вроде бы и фигня, даже как-то и не вполне серьезно, но... бог его знает. Сам факт хотя бы возможности какого-либо разбирательства уже настраивал на ответственность. Пойдут разговоры, толки-перетолки, дойдет до Управления образования, до родителей... Парочка исков уже через

месяц ушла в суды: один ученик подал в суд на ученика (через родителей, конечно) на возмещение вреда — порчу портфеля и учебников. А другой таким же макаром подал в суд на администрацию школы, требуя возместить вред здоровью плохой организацией школьного питания. Он накануне отравился котлетой, что в школах, как мы все знаем, и не такое уж редкое явление. Носились слухи, которые, само собой, долетели и до директора, что прокуратура может проверить целевое использование средств, собираемых с родителей на различные нужды, а, кроме того, вообще законность отдельных сборов.

По решению Общешкольного совета были отменены ограничения на одежду учеников, однако, предложено рекламировать классический стиль в одежде как один из элементов школьной этики, настроя на образовательный процесс. Смешно? Мне тоже сначала все это казалось забавным. Но вот организовали школьное радио, свою постоянно действующую рекламу, заказали модели классической одежды и одели в нее самых лучших и авторитетных учеников — дело пошло. Даже среди тех, кто по-прежнему был сторонником полуспортивного стиля, джинсов, свитеров, уже не было, как минимум, неопрятных. Все постепенно менялось в сторону классического стиля, но не из-под директорской палки, а «снизу», от нас самих.

В школе появилась своя газета. Ее изготавливали на цветном ксероксе, и там откровенно, иногда даже слишком откровенно, рассказывали о школьной жизни. Вы не представляете, что творилось по поводу этой газеты в школе! Иной раз возмущались не только преподаватели, но и родители. Ведь дети рассуждали в ней о школе и о жизни вовсе не как дети. Даже отношениям полов страница нашлась. Газету трижды закрывали и снова открывали по решению Общешкольного Совета при протекции и активных «подковерных» действиях Тайного Совета. А Венька при этом заявлял, что в условиях демократии не так-то просто кому-то заткнуть рот. Но сам он, между прочим, проделывал это не раз. При содействии Тайного Совета уволили учительницу пения. Теперь эти уроки проводили ровесники самих учеников из местного Дома творчества. Тут же из уроков пения родилось несколько самодельных групп — танцевальная и рок-группа. Рок-группу не пускали в эфир школьного радио, но Тайный Совет выявил, кто более всего препятствует, и пригрозил ему. На столе у одиоз-

ных преподавателей появились копии жалоб родителей в адрес администрации Президента и лично господину Медведеву. Кроме того, Тайному Совету удалось стравить этих учителей между собой за счет дезинформации, будто один из них жаловался на другого, а тот высказался в отношении этого... «Главное оружие, – учил нас Левитин на наших тайных семинарах, – это дезинформация в отношении ключевых моментов жизни общества. Информацию могут знать только избранные. Это мы». Такое высказывание очень пришлось нам по душе, оно как-то возвышало каждого. Казалось, все нити жизни в руках. Особенно это ощущение усилилось, когда кое-что стало получаться. Мир вокруг действительно подчинялся нашей мысли, нашим желаниям. Впервые в жизни мы (еще никто по сути) уже смогли насладиться плодами реальной власти. И это все – Венька. Фантастика! О том, что это противоречило самой идее школьного самоуправления, никто почему-то тогда даже не вспомнил.

В школе был создан театр. Первые пьесы писали сами ученики. Но, кроме этого, появился клуб отдыха, который культивировал сам Левитин, о его создании было мало что известно, но Венька всеми силами оберегал его. Это был закрытый клуб для избранных старшеклассников, тех, кто имел деньги и мог заплатить за ужин в кафе. Клуб собирался в кафе «Галактика», что неподалеку от школы, где велись абсолютно свободные и даже фривольные разговоры, создавались и разрушались кратковременные пары, обсуждались слухи и сплетни. Этот клуб был питательной информационной средой для нас как Тайного Общества. Мы обязаны были посещать его, откуда узнавали многое о настроениях в школе, кто чем дышит, и кого за что можно будет потом «подцепить».

Такая вольная и бурная жизнь в школе, кажется, не может вызвать у администрации ничего, кроме раздражения и возмущения. Но... нет. Надо учитывать, что созданное Левитиным самоуправление во многом помогало администрации. Управляемость школьным коллективом повысилась на порядок и, в первую очередь, потому, что все основные, внутриколлективные процессы были теперь на виду у администрации, за исключением Тайного Совета и закрытого клуба отдыха. Сочетание открытости и наличия административной вертикали давало результат. Все проблемы – как на ладони. Надо

было только убедить Общешкольный Совет, а если уж инициатива шла снизу, то ничто и никто не мог ей помешать. Это оценили и директор, и педсовет. Иначе нашей демократии не прожить бы и недели.

Было все же и такое, с чем мы, костяк нашей организации, не вполне соглашались с Венькой. Например, он яростно протестовал против организации в школе христианских классных часов. Он был воинствующим противником церкви. Я как-то на одном из Тайных Советов прямо спросил его, почему он так относится к церкви, к религии. Он ответил, что, на самом деле, религия – это глобальная мистификация, а цель – власть над душами человеческими.

– Нам просто морочат голову, – смеялся Венька. – А что касается высшего начала... Оно есть, но это не область религии. Мы просто мало знаем о природе Вселенной и человека.

– Кто же тогда, по-твоему, мы? – серьезно спросил Родион. – Сатанисты или верующие? И, если верующие, то во что?

Я аж рот открыл. Никогда Родиона я не видел таким глубокомыслящим.

– Кто мы? Хороший вопрос, – Венька прищурил глаза. – Мы – те, кто пытается приблизиться к познанию настоящего мира, жесткого и прагматичного, который еще не известен человечеству, потому что не открыт. Наши глаза видят скалы серыми, растения зелеными, небо голубым, но это в том спектре, в котором мы можем видеть. На самом деле в более объективном спектре скалы, растения, небо, возможно, такого цвета, что описать не сможем. Так и явления, следствия, причины. Мы живем пока в состоянии представлений о мире, но не знаний о нем. Я – не верующий в религию, в церковь, потому что в жизнь не играю, я ее познаю. Играть – не мое занятие. Мое занятие – действовать. Бог и сатана, так как это подает церковь, это мистика, символы, ничего не имеющие общего с реальностью, и не более.

Смешное дело, Левитин нас убеждал, что и бог, и сатана – мистика, ничего не имеющая общего с реальностью, а мы видели в нем чуть ли не сверхчеловека, бога или сатану. Наверно, так устроен человек: от всего, что он видит в мире, отражается как в зеркале его собственная фантазия, которая как будто и есть для него настоящий мир.

Венька запрещал нам бороться с наркотиками и алкоголизмом в школе, хотя здесь возмож-

ности у Тайного и Общешкольного Советов были велики. Но Левитин исходил из того, что наркотики, в том числе алкоголь – это объективный путь, – механизм жесткого отбора, который препятствует перенаселению, как война. Просто, хоть и не от пушек, но происходит вымирание, и в объективном смысле он считал этот процесс в каком-то смысле благотворным.

– Надо понимать, что жалеть стоит отдельно-го человека, а само явление надо понять. Эти люди в большинстве своем заслуживают такой участи, а наркотики – отражение одного из сложных явлений в сознании человечества. Значит, так было и так будет всегда. Для бессознательных это отложенная казнь, потому что им жить не следует в принципе, они никому не нужны и ничего не создадут; для сознательных (волевых) это власть, это новые возможности и рычаги, это наличие массы людей, которыми можно управлять. Иначе послезавтра за счет перенаселения наши дети, дети избранных, волевых и сознательных, не смогут наследовать Землю.

– А на кой мне ляд такая Земля, где большинство колетса и корчитса от «ломки»? Разве этими людьми возможно управлять? А если я полечу на самолете, которым управляют летчики-наркоманы, или на операционный стол лягу, а этот наркоша-хирург в руки нож хирургический возьмет... Да на такой Земле жить страшно! – возмутился я.

Венька был сторонником любых проявлений сексуальной свободы. Это нам нравилось, но страшило. Его теоретическая необузданность в этом вопросе (о практическом сексе Веньки нам ничего не было известно) вызывала тоже возражения. Все-таки интересно в конце концов создать семью, родить и воспитывать детей...

Венька не признавал авторитетов, и это тоже смущало.

– Авторитет, основанный на традиции, иначе говоря, культ – страшная штука, – говорил он, – потому что дезориентирует людей. Авторитетами должны быть действительно лучшие, авторитет надо заработать. Поэтому авторитетен только тот, кто доказывает постоянно свою состоятельность. Остальные лжеавторитеты – ничто. И относиться к ним следует соответственно.

«Оно, конечно, может и так, – думал я, – но не до такой же степени... Есть старики, которые были авторитетны когда-то, а сегодня – маразматика, что же они, не достойны уважения и почитания?»

Но первое, что потребовал от нас Левитин, это избавиться от чувства патриотизма. Тут разговор был особый. На одном из собраний Совета Левитин поставил вопрос ребром: надо убирать из школы главного патриота – историка. Никто, однако, из членов Совета его не поддержал. Большинство – четверо – проголосовало против такого предложения. Я воздержался, потому что ревновал Аню к нему и не мог простить историку трюк старого ловеласа, но все-таки это еще не причина увольнять хорошего специалиста и мудрого человека. Левитин скрепя сердце согласился с возражением Совета. Вообще решение в Совете считалось принятым, если за него голосовало сто процентов. Тогда все отвечали за это самое решение.

Но уже через несколько дней произошли события, которые заставили Левитина вновь поставить на Совете тот же вопрос, и теперь положительное голосование было обеспечено. А получилось вот что. Я как член Общешкольного Совета хотел уточнить у директора, не сорвет ли нам небольшой текущий ремонт в спортзале график чемпионата школы по баскетболу. Я зашел в приемную, хотел спросить у секретаря, сможет ли тот меня принять, хотя знал, что директор в основном не отказывал, если это касалось организации школьной жизни, как бы занят ни был. Ха! Попробовал бы он отказать без веского на то основания! Я, извините, имел в школе статус, равный депутату Государственной Думы в стране. Моментально об этом узнала бы вся школа, более того, все уже понимали, что я неформально правая рука Левитина, и противодействовать мне значит бросить вызов ему самому.

Но приемная была пуста. В прежние времена я бы даже не посмел сам войти в кабинет к директору, а тут как само собой разумеется, открыл первую створку двойных дверей и взялся за ручку второй. Шум в кабинете директора заставил замереть. Там было собрание преподавателей. Раньше я бы просто ушел. Но теперь как члену Тайного Общества мне необходимо было получить информацию, которая могла быть полезной. Тем более, что говорил историк, и сразу стало ясно: речь идет о Левитине. После секундного замешательства я принял решение: закрыл двери со стороны приемной, застряв между створками. Очень трудное положение, но эффективное. С одной стороны меня никто не мог видеть, а с другой – я слышал все. Если бы се-

кретарь или кто-то другой заходили в приемную, меня бы не увидели, а при попытке кого-либо войти к директору или выйти от него, я бы сделал вид, что хочу сделать то же, но, как бы неловко столкнувшись с входящим-выходящим и увидев большое количество присутствующих, извиняюсь и ретируюсь. Хотел, мол, зайти, но ведь нельзя, в следующий раз... Чего проще? Главное было не допустить, чтобы какая-то дверь открылась для меня внезапно, да еще так, чтобы застали в позе подслушивающего. Но это не может случиться, если контролировать ситуацию. Идеально! Так я стал свидетелем действия, происходящего у директора.

— Я неоднократно предупреждал педсовет и администрацию школы, — говорил Игорь Иванович, — что перед нами особый, никогда ранее не встречавшийся в такой форме случай: мы столкнулись с явлением молодого человека, который по уровню развития и жизненным установкам значительно опередил свой возраст и, к сожалению, уровень многих из нас. Но самое страшное, его поведение опасно, асоциально.

— Вот именно! — вставила завуч Лидия Егоровна. — Девчонки в его театре надевают такое белье, особенно Харламова из 11 «А», что я когда-нибудь стяну с нее этот фривольный лифчик и завяжу прямо у нее на ушах, вот ей богу!

— Старшеклассный мужской народ будет счастлив при этом лицезреть ее грудь, — хохотнул физрук.

Завуч набросилась на физрука, но голос Игоря Ивановича прекратил внезапный всплеск эмоций:

— Давайте, коллеги, все же по существу, мы все-таки не только преподаватели, как нас низвели до этого уровня в нашей, с позволения сказать, конституции, а учителя, педагоги. А чтобы выразить свое отношение к какому-либо явлению, надо его понять.

— Да к славе парень рвется, вот и все! Ну что тут мудрить-то, Игорь Иванович, — возразил директор. — Они все в этом возрасте хотят признания. Это уж потом... когда жизнь бока наломает, так уж ничего не хочется.

Историк настойчиво продолжал:

— Это слишком упрощенный подход. Не поймем, не разберемся, значит, получим завтра еще несколько таких вот Левитиных в школе. Он же с его авторитетом как клонов плодит себе подобных. Уже все пацаны в младших классах хотят быть на него похожими.

Классный руководитель Изольда Эдуардовна воскликнула:

— И правильно. А что тут плохого-то? Большинство ребят у нас всегда предпочитали раньше отсидеться и никуда не рваться, кроме как в туалет покурить. Ярких, интеллектуальных подростков вообще в школе не осталось! Пример Левитина — хороший пример, я считаю.

— Действительно, что же такого плохого в Левитине, чтобы мы могли сказать: его позиция асоциальна, как вы говорите? — поддержал классу директор. — Если про лифчики, то это претензии к тому, кто их носит. У вас позиция, Игорь Иванович, как у секретаря парткома, давайте-ка по существу! В школе порядок появился? Появился. Ребята сами следят друг за другом. Самодеятельность, спорт, заинтересованность в школьном процессе — что может быть ценнее для нас? Сами не смогли этого достичь, так теперь на мальчишку всех собак вешать?

Игорь Иванович, однако, настаивал:

— По существу? Хорошо. Вот, например, создание Тайного Общества в школе. Зачем создавать тайную организацию, если преследуешь благородные в социальном плане цели? Если тебе дороги люди все, а не отдельные, избранные?

— Ка-а-кое тайное Общество? — насторожился директор. — Это что еще такое? Кто вам сказал такую чушь?

Я вздрогнул, слегка стукнув дверь лбом, и чуть не выпал прямо под ноги педсовету, ощутив себя участником восстания декабристов. Не самым, надо сказать, смелым, потому что страх охватил меня такой, аж задеревенели ноги.

— В школе существует наряду с легальной структурой — Общешкольным советом, еще и параллельный — тайный, — продолжил историк. — Именно он имеет реальную власть в школе. А насчет информатора я ничего не скажу, кроме того, что этот человек врать не может уже в силу того обстоятельства, что сам является членом этого самого Тайного Совета.

Мое дыхание остановилось: «предательство»?

— Выбирайте выражения, Игорь Иванович, — сурово предупредил директор. — Реальную власть в школе имеет только администрация, и никто другой!

— Если вам хочется так считать, пожалуйста.

— Мне что, ФСБ в школу вызывать ради шестнадцатилетнего подростка?

– Думаю, мы способны разобраться сами. Но он – не просто подросток.

– А кто?

– Вот это и важно понять. Чтобы понять измерения такого человека, как Левитин, надо с заинтересованностью отнестись к его мировоззрению.

– Зачем обязательно искать «скелет в шкафу»? – удивилась физичка Маргарита Львовна. – Опять ищем заговор? Это что, стезя у нас такая историческая, Игорь Иванович? Да, он дерзок, можно сказать, нагл, но с точки зрения учебно-безупречен, и чем плох его призыв к самосовершенствованию? Да и слава богу! Плохо другое: что никто из учеников до него до сих пор так вопрос не ставил.

– А я бы, например, убила его за постоянные разговоры на уроке с Морозовым, – возник голос математички Зои Олеговны.

Я опять пошатнулся в своем добровольном карцере. Спина заныла от напряжения, как будто почувствовала прикосновение треугольника полоумной Олеговны.

– Но... – тут же уточнила она сама, – у Морозова в результате соседства с Левитиным успеваемость тоже повысилась. Мальчик в целом стал ответственнее относиться к занятиям. Вот и думай...

– Если парня выгонят из школы, я уволюсь к чертовой матери! – ворвался снова в дискуссию трубный голос физрука. – Такого центрального не было за всю историю школы!

– Ну, мы сейчас подеремся тут... – примирительно сказал директор. – Давайте-ка вот что: инициатива наказуема, и раз Игорь Иванович собрал нас и проинформировал (и это правильно), что он проявил обеспокоенность, надо внимательно присматриваться к настроениям учеников, пусть он и соберет сведения об этом парне, поговорит с его родителями и доложит нам на следующем педсовете.

– Да не сведения надо собирать, а книги читать! – взмолился историк.

– Какие книги?

– Я же говорю, надо понять мировоззрение Левитина, чтобы быть готовыми к полемике с ним, к разговору с другими ребятами, если те придут с вопросами. Но сейчас они идут не к нам, а к нему. Вот в чем беда!

– И вы знаете, какие книги нам читать, чтобы понять Левитина?

– Знаю.

– Какие же?

– Вольтера, например, начать надо с Вольтера. Левитин – типичный вольтерьянец, только осовремененный, так сказать, в стиле «модерн», и с некоторой особой направленностью... Я думаю, эта направленность придана ему родителями или кем-то из их окружения. Желательно прочесть лекции «Об истории философии» Гегеля о некоторых фактах из жизни Пифагора, работы Папюса, Бакунина, Браудо, Генри о тайных обществах, интересно было бы изучить на уроке литературы роман Эдуарда Скобелева «Свидетель». Ведь давно говорил: нужно, чтобы мы обладали не только специальными знаниями, но и в целом были образованными людьми.

– Игорь Иванович, – возразил учитель обществоведения Юрий Викторович (очень пожилой человек, пенсионер, раньше преподававший в институте научный коммунизм), – изучать Вольтера значит окунуться в такое средневековье, что дети там ничего не поймут.

– Ну, конечно, Маркса и Энгельса они должны, по-вашему, лучше понять. Вольтер это вовсе не средневековье, это очень и очень современно, я вас уверяю.

Зоя Олеговна (судя по тону, это была она) хлопнула ладонью по столу:

– Вот давайте, я – Вольтера, вы – алгебру с геометрией. Да, вам-то можно, у вас семьи нет, вы – вольноопределяющийся... А мне с двумя «мал-мала» еще и над Вольтером вечерами сидеть?! Увольте!

– Стоп-стоп! – остановил спор директор. – Тут без специализации не обойтись. Вот пусть Игорь Иванович с Юрием Викторовичем как историк и обществовед устроят нам семинар о Вольтере и его философии. На педсовете в течение определенного времени, сколько надо будет, мы поучимся и поспорим...

Учительница литературы Софья Павловна поспешно добавила:

– А я предлагаю еще вернуться к классике литературы: Левитин так похож на Тургеневского Базарова!

В приемную кто-то вошел, нервы у меня не выдержали, и оставаться «между» еще какое-то время я уже не мог. Как оказалось, на свое место вернулась секретарь.

– Ты чего это тут?

– Хотел к директору, а там педсовет. Я и заходить не стал.

– Да-да, педсовет, нельзя. Завтра с утра приходи, он посвободнее будет. А вообще к директору – только через секретаря. Совсем распустились.

– А где его взять, секретаря, раз нет? – парировал я. – Жду-жду, кабинет настужь.

– Чего-чего?!

Она нахмурила брови, и я сбежал из кабинета в поисках Левитина.

Ему и Совету грозила опасность, исходила она от человека, которого я теперь уже почти ненавидел, а также от другого, которого еще предстояло выявить. Я был горд, что предупрежу Веньку, а еще горд тем, что к этому времени из Вольтера, в отличие от своих преподавателей, я уже кое-что прочел...

РАЗВЯЗКА ПРИБЛИЖАЕТСЯ...

Я сразу же рассказал Веньке обо всем, что услышал на педсовете. Он выслушал, молча и внешне спокойно, потом сказал:

– Ну вот, решил выстрелить первым, теперь пришла моя очередь.

– Что же ты собираешься делать? – спросил я. – Совет проголосовал против его увольнения из школы.

– Теперь заседания Совета временно прекращаются, – заявил Венька. – Пока не выявим отступника, что-либо делать бессмысленно.

– А когда выявим, то что? – этот вопрос я даже не хотел задавать. Ведь мы давали клятву...

– Этот человек должен умереть, а имя его предается забвению.

Левитин сказал это холодно и даже как-то равнодушно, как о проходном решенном вопросе, на самом деле он думал об историке и только о нем.

– Ты что, серьезно? – обалдел я.

Венька даже не ответил на мой вопрос, поблагодарил за информацию и поднялся наверх по лестнице. Потом я узнал о его решении посетить директора. Я знаю об их разговоре со слов Левитина.

Было это так. Левитин зашел к директору:

– Семен Анатольевич, разрешите?

– Левитин?! Чего это вы?... Ну, зайдите.

Директор явно смущен и насторожен. Ведь только что прошел педсовет. Венька выложил перед директором фотографии:

– Вот.

– Что, вот?

– Причина моего обострения отношений с Игорем Ивановичем.

Директор внимательно просмотрел все фотографии, особенно долго изучал ту самую, где Игорь Иванович и Аня заходят в помещение с вывеской «Сауна Зодиак». Потом спросил:

– Кто это фотографировал?

– А что?

– Кто фотографировал, я спрашиваю!

Тут Семен Анатольевич рывкнул так, что Левитин отшатнулся, ответил тихо:

– Мне принесли ребята... А кто, я не скажу. Зачем я буду выдавать? Просто это уже всей школе известно, а поскольку фото у меня появилось, Игорь Иванович и решил свести счеты со мной.

– Почему же фотографии принесли именно тебе? Или для тебя? – директор, не заметив как, перешел на «ты».

– Да ну, Семен Анатольевич, такого я не заказывал...

– Ах, такого не заказывал, а другого заказывал, вот и несут тебе информацию, раз собираешь, так?

– Нет, не так...

Тут Венька, как он сам потом признал, понял, что допустил ошибку. Надо было сказать, будто он видел историка в компании с Аней, а те заметили его. И тогда, мол, между ним и историком началась вражда. Историк хотел бы, чтобы он, Левитин, покинул школу. А он сам ничего не имеет против историка. И только потом, когда директор ему не поверит, направить кого-нибудь с фотографиями к нему. Теперь же получалось, что он целенаправленно собирает сведения на преподавателей. А может, и сам Семен Анатольевич посещает такую же или даже ту же сауну... При этой мысли Венька встревожился. Все-таки каким бы хитрым он ни был, а отсутствие достаточного жизненного опыта подводило. Директор в таком поспешном и крутом демарше усмотрел угрозу самому себе.

– Покажи фотографии на меня? – попросил Семен Анатольевич в подтверждение его догадки, улыбнувшись при этом, но улыбка его была страшной, напоминавшей жуткую гримасу.

– Есть что фотографировать? – выдал в ответ дерзость Венька и поднялся со стула, понимая, что все рухнуло, и его сейчас выставят.

И точно! Семен Анатольевич заорал в бешенстве:

– Пошел вон отсюда, умник!

Потом тихо добавил:

– Твое счастье, что ты еще несовершеннолетний, тут мордобоем надо бы закончить. Завтра ко мне к десяти часам родителей!

– Они в командировке.

– Где в командировке?

– В Женеве.

– Адрес? Телеграмму пошлем о твоём поведении.

– Я точно не знаю.

– С кем же ты живешь?

– Один. Бабушка и дедушка иногда приходят...

Семен Анатольевич был явно озадачен. Однако тут же добавил:

– Тогда и бабушку, и дедушку сюда.

Когда Венька вышел из кабинета, он понял, что проблема историка решена, но теперь директору они нежелательны оба: и тот, кто дает повод для фотографий, и тот, кто фотографирует, да еще при этом знает о содержании секретного педсовета через пятнадцать минут после его окончания.

После этого Венька публично унизил Аню. На одной из перемен она подошла к Веньке в классе и что-то сказала ему негромко, Левитин выслушал ее и вдруг громко ответил, да так, чтобы слышали все:

– Ань, виноват, прости. Я заберу рубашку завтра же. Ну, забыл, ну переночевали, я ж не специально, я не хотел тебя подставить, чтобы этот историк приревновал...

Анна побледнела и, отвесив ему пощечину, убежала. Но Венька не растерялся, он видел, что на него смотрят, потрогал щеку, ухмыльнулся. Он не сомневался: номер прошел, и ему поверили, ведь если Аня с историком может, то может и с Венькой, и с кем-нибудь еще. В общем, почти потаскуха, но еще пока делает вид, что смущается.

Тут и я не выдержал, подскочил к Веньке:

– Ты зачем так?

– Как?

– Как последняя сволочь!

Левитин с сожалением и насмешкой посмотрел на меня:

– Мороз, мне все равно из школы уходить...

А ты – дурак, тебя я просто не успел доучить. Плохо только то, что нецелесообразно. В данном случае подсматривать в кафе и подслушивать – это целесообразно, а корчить при этом из себя моралиста – нет.

В начале марта историк действительно ушел из школы. Тихо, без скандала, без слов и проща-

ний. Однако ушла и Аня. Накануне мы поговорили во дворе школы, и это был последний наш разговор. Я просил ее остаться. Но она посмотрела на меня с презрением:

– Я же не виновата, что не люблю тебя, и это не причина, чтобы опускаться до мести, правда?

Теперь мне стало ясно, что она видела меня с Венькой в кафе, когда мы следили за ней и Игорем Ивановичем. Что я мог ей сказать в свое оправдание? Что причиной моего поведения была не ревность, а нечто более серьезное, может быть, мои человеческие заблуждения относительно Веньки и его идей? Тогда все еще хуже. Тогда я не жертва ревности, а соучастник. Ну и пусть, в его делах есть много и хорошего, разве нет? Или все только прикрытие?

СТРОПТИВЫЙ РОДИОН

На заседании Тайного Совета возник конфликт, который, наверно, назревал. Родион задал Веньке прямо-таки философский вопрос. Мы вправду становились умнее... Родион спросил:

– Почему у Вольтера везде говорится о свободе, равенстве, братстве, но тут же отрицается равенство по имуществу, и право голоса в вопросах общественного блага могут иметь не любой и каждый, а лишь собственники?

Вениамин доброжелательно парировал:

– Свобода у Вольтера в первую очередь – свобода личности, индивида, частная свобода, а не свобода общества в целом. Стержнем личной свободы служит свобода слова, а с нею и свобода печати, свобода совести, свобода труда, понимаешь? Подлинная свобода в том, что люди перестают быть формально зависимыми друг от друга. Они становятся автономными субъектами. Это, однако, совсем не равносильно воцарению хаоса. Свобода, писал Вольтер, состоит в том, чтобы зависеть только от законов. Хорошо, конечно, когда свобода дополняется и подкрепляется равенством. Равенство людей понимается как обретение всеми людьми одинакового статуса гражданина, одинаковая зависимость всех граждан от закона и одинаковая защита их законом. Именно против феодальных отношений в виде правления кучки людей со статусом сословности, сплотившихся вокруг власти, пренебрегающих законом или пишущих его под себя, выступал Вольтер. Правда, он думал (Венька грустно ухмыльнулся), что бюрократия будет лучше аристократии. Он же не знал, что со вре-

менем в России с азиатским, централизованным или «ручным» управлением эта бюрократия станет снова аристократией, возродится из пепла времени. Он и представить себе не мог, что такое возможно, из капитализма в социализм, а потом в феодализм. Вот это номер, да?

— Нет, подожди, все это очень интересно, — задумчиво возразил Родион, — но демократия ведь предполагает самые широкие формы участия в управлении, а Вольтер это отрицал, как оценивать такое противоречие?

Венька был и сейчас терпелив, но лицо его застыло в некотором напряжении:

— Идеи Просвещения, его принципы, по Вольтеру, это, Родя, «не для портных и сапожников», как он писал. Если чернь начнет думать, то все погибло. Уразумел?

— Нет, не уразумел, — Родион сегодня был срезан, как никогда.

Весь Тайный Совет от удивления превратился при этом в неподвижные восковые фигуры из музея этой, как ее там, мадам...

— Если демократия для избранных, то они и начинают под себя писать те же законы. Так какая разница между новой аристократией при власти и теми, кто управляет демократией из-под полы? В любом случае народ остается быдлом, — продолжил Родька.

— Так оно и есть, — цинично согласился Венька. — А разве в нашей школе на нашем примере вы это не поняли? Смотрите, то, что было раньше, плохо? Верно? С этим никто не спорит. Но если бы взять и оставить все без контроля со стороны узкого круга, мы бы получили неуправляемый хаос, потому что кухарка не может физиологически управлять государством, потому что ей думать нечем! А разница, о которой ты спросил, в том, что обществом реально должны управлять люди, не ставящие себе цель обогащения, эти люди — интеллектуальный генератор нации. Если бы таких людей не было, идею широкого народного управления отстоять бы не удалось.

— Тогда почему надо действовать тайно? Назвали бы себя некой минипартией, объявили всем программу, — озвучил свои недавние мысли и я.

— Политическая партия, Мороз, может потерять доверие большинства и лишиться власти, а Тайный Совет — вечен! — Венька развел руки в стороны. — Это доказало время, Мороз, это мудрость истории! Управлять, но не быть названным, известным никогда! Разве это не великое и скромное подвижничество ради большинства?

— Выборы — это плохо? — спросил я напрямую.

— Выборы — это хорошо. Они дают свободу самовыражения. Но кандидаты должны быть продуманы и преподнесены интеллектуальным социально ответственным меньшинством. Если власть ворует, теряет чувство реальности, она должна быть сменяема, и ее сменяемость обеспечивается тайным меньшинством.

— Но власть может уничтожить такое сообщество? — усомнился я.

— Может, — согласился Вениамин. — И такое случалось в истории не раз. Но такая победа будет лишь локальной. К тому же в крайних случаях следует обратиться к сознанию и поддержке большинства напрямую.

Венька замолчал, не пояснив, что он имеет под этим ввиду, только обвел нас взглядом. В этом его взгляде просматривались пренебрежение и жалость к нам, несовершенным и непросвященным овцам.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Венька больше не собирал нас на заседание Совета, и мы между собой почти не общались: было стыдно и неприятно за все последние события, а, кроме того, возникли вопросы в связи с последней дискуссией. Постепенно перестала выходить газета, которую прикрыв директор, театр, потому что не позволили выступать приме — Харламовой, сборная школы по баскетболу без переставшего посещать тренировки и игры Левитина проиграла четыре матча подряд, исчез адвокат, и его портфель из отличной крокодиловой кожи никто в школе больше не видел. Общешкольный совет стал придатком педсовета, директор там оставил только тех, кто желал сотрудничать с ним. На языке директора это означало всегда делать то, что он говорит.

Как-то в конце марта (еще помню вечером) вовсю разыгралась оттепель. Мы встретились с Венькой в тех же «Трех слонах» по моей просьбе. Мне надо было поговорить с ним окончательно, понять, кто он и зачем все, что мы делали. Признаюсь, основной причиной разобратся была обида за Аню. Я почему-то воспринял его поведение по отношению к ней, как отношение к себе, и захотелось высказать ему все, что я думаю по этому поводу. Левитин, однако, не удивился, тут же согласился, сказав:

— Я иду на это, Славян, только в знак твоих прежних заслуг.

Когда мы уже были в кафе, я его спросил:

– Ты все-таки уходишь из школы?

– Да, вчера был разговор с родителями. Они приехали, и дед с бабкой все рассказали. В общем, нагоняй и опять в другую школу.

– А из прежней почему ушел?

– Там пацаны забили какого-то бомжа, а свалили все на меня, хотя и не доказали. Бомжа-то никому и не жалко было – падаль, а шуму...

– Так почему на тебя свалили?

– Я прочел как-то на классном часе лекцию об истории мировых тайных обществ и там высказался насчет несознательных импульсивных людей, которые в силу своей энергетически слабой природы недостойны жизни, то есть «баранов». Как у нас бывает – все восприняли буквально и очень адресно.

– Ты мог бы забить бомжа?

– Если это нужно. Но разве дело в том, чтобы уничтожить или возвысить отдельного человека? Надо создать условия для естественного перераспределения материальных и духовных благ.

– Значит, жизнь отдельного человека для тебя может быть ничем?

Левитин заказал мне и себе пиво и на моих глазах выпил почти всю кружку. И только потом ответил, быстро хмелея:

– Еще раз поясняю, Мороз, общество равных возможностей – это не общество социального равенства, «бараны» все равно не воспользуются своим правом, они его пропьют, как я это пиво. И в этом смысле их жизнь не стоит ничего. Но для всех должно быть полное впечатление, что, напротив, возможно все и право каждого действительно защищено законом. Тайное общество не может существовать в тоталитарных условиях, для него благодатной средой является демократия. Только не пугайся демократии, это все равно, что ругать тропический климат за то, что в его условиях зарождаются бури или вирусы. Демократия – это все равно хорошо, с «нами» или без «нас». Правда, без «нас» не обходится нигде.

Он шумно отрыгнул и засмеялся:

– Да, я проиграл. Но ты еще обо мне узнаешь, обещаю. Вот, возьми это.

Он отдал мне маленький серебряный кулон с изображением змеи, обвивающей земной шар.

– Зачем?

– Так, на память. Когда я стану президентом этой страны, я, стоя на трибуне, подниму руки,

вот так (он показал, как поднимет руки), а в руках, в ладони, я покажу тебе такой же кулон. Это будет привет всем друзьям от меня.

– Ты никогда не станешь президентом России, Венька, – сказал я откровенно.

Мне вдруг показалось, что я все про него понял. И тут уж дело было не в Ане и в той личной обиде, которую он мне нанес.

– Так почему же я не стану президентом?

– Потому что людей не любишь.

– Не обижайся, Мороз, ты хороший парень, но ты – наивный болван. Ты думаешь, что сегодняшняя власть и Президент любят людей больше, чем я? Ты ни черта не понимаешь. Но самое плохое – ничего не пытаешься понять.

Венька допил пиво и попытался встать. Я, скрепя сердце, помог ему, довел до дома, а, когда мы уже были у подъезда, сказал:

– Завтра я вызываю тебя. В два часа на пустыре за стадионом, один на один.

– Зачем? Ребячество... – сгримасничал Левитин.

– Может быть. Ты всех нас использовал, и я хочу за это тебе ответить, но не благодарностью, сам понимаешь.

Венька сплюнул в сторону:

– Урод... Такой же недоумок, как большинство.

Меня затрясло, я никогда еще так не хотел драться, но не ударил его сейчас только потому, что он был пьян. Он нужен мне завтра, в ясном сознании. Венька, шатаясь, скрылся в подъезде, а я пошел обратно, придавив каблуком в снегу его «подарок». Только бы дождаться завтрашнего дня... Но до последнего момента, если честно, я так и не был уверен в том, что понял в тот день: был мой вызов из-за обиды за себя и за любимую девушку или я дозрел до чего-то другого, до какого-то понимания происходящего во всей его глубине и значимости.

СХВАТКА

Ночью я долго не спал, перед глазами проносились картины завтрашнего дня. Я или он? Когда же задремал, то сразу приснилось, что я дубасил Венькину морду кулаками, а потом он ударом ноги опрокидывал меня. Я даже чувствовал привкус крови во рту и видел эту кровь на грязном снегу. Утром проспал на первый урок. Пришел только на второй. Венька же не появилась вплоть до последнего шестого урока. Шестым уроком была математика. Левитин как ни в чем

не бывало вошел в класс, сел за стол, спокойно слушал Зою Олеговну, или мне так казалось? В середине урока он написал записку и, не глядя на меня, передал ее. Там было написано: «Надеюсь, не забыл?»

Я ответил: «Нет!»

С каждой минутой мое волнение нарастало. Проигрывать я не имел права, просто не имел, но Венька как-то хвастал, что друг его отца (какой-то Роберт из Литвы) учил его японским единоборствам — смеси дзюдо и каратэ. Чего уж греха таить, идя с ним на открытое единоборство, я сильно рисковал и, честно говоря, опасался его.

На пустыре никого не было. Ситуация как по заказу: дерись не хочу. Я пришел первым, взял в руки пригоршню рыхлого, влажного снега, растер руки, чтобы увеличить приток крови в пальцах и эмоционально как-то подстегнуть себя, глубоко вдохнул несколько раз теплый воздух. Если не получится ударить его как следует, вцеплюсь в лицо, разорву его зубами, оставлю отметину за то, что по его милости Аня навсегда теперь будет помнить о нем, Морозове, как о ничтожестве и никогда уже ничего невозможно будет изменить, никогда... «Все-таки причина в Ане, — подумал тут же. — Эх ты, борец против вредных идей...»

Почти сразу появился Левитин. Он был спокоен, даже весел.

— Ну что, Мороз, и сейчас не передумал?

— Нет.

— Зря. Я тебе вот что хочу сказать: ты упустил возможность, которую многие ждут всю жизнь.

— Какую?

— Быть избранным.

Левитин не спеша скинул пуховик, сбросил шапку, оставшись в одной водолазке, размял пальцы в перчатках.

Я смотрел ему в лицо. Нельзя прятать глаза в такой момент:

— Нет, Левитин, я не возможность упускаю, а камень с души сбрасываю.

Мне хотелось задеть его за живое и как можно больнее, а с другой стороны, я действительно чувствовал сейчас облегчение: я хотя бы заочно исправлял свой позор перед Ней и перед самим собой.

— Ты пророчил нам свободу, — говорю ему, — а свободы не было. Твоя свобода — выдумка для дурачков, которыми мы были. Поначалу.

Левитин впервые как-то странно, очень серьезно посмотрел на меня. Я тоже скинул куртку и шапку, обратил внимание на то, что Венька был в легких туфлях. Он надеялся активно двигаться, что ж, моя задача этого не позволить. На моих же ногах тяжелые ботинки с широкой устойчивой подошвой.

Мы сошлись вплотную. Моего лица касалось возбужденное дыхание Левитина. Глаза Веньки да и мои, наверно, в этот момент ничего не выражали, они были плоскими и пустыми, как бы сосредоточенными внутрь. Все рецепторы сознания готовились к боли, и окружающая действительность, способность мыслить, чувствовать воспринимались как малозначащие вещи. Потом мы разошлись и заняли боевые позиции. То, что произошло в следующую секунду, удивило нас обоих. За его спиной возникли пацаны. Я узнал Северянина и Савина, ну, конечно, и Запашного (отличничек хренов), еще были Бойченко, Лебедев, другие... Всего с десяток человек. Северянин и Савин тоже скинули куртки.

— Ну вот, у нас тут сейчас пройдет открытое заседание Тайного Совета, — сказал Венька. — Мы будем судить отступников.

— Кто кого осудит, мы еще посмотрим!

Я оглянулся на голос и ахнул. Ко мне подходил Родион, это он ответил Левитину. И другие пацаны: Семагин Юрка, Антон Сажин, Извеков Серега... Примерно столько же, сколько было рядом с Левитиным. «Откуда пацанам стало известно мое с Венькой намерение, как они нашли нас здесь?» — это была, пожалуй, последняя чуждая мысль в моей голове до начала драки. Нет, еще подумалось, что все-таки Левитин где-то ошибся, раз противостояние возникло, а может... может, не он ошибся, а эти его идеи неизбежно рождают в конце концов и несогласных. Только вот надо, чтобы о них люди знали, как можно больше людей. Тогда будет больше несогласных, как здоровых клеток против вируса...

Но вот та сторона рванулась в наступление, я получил сильнейший удар в лицо от Левитина, и снег и все вокруг задрожало. Правый глаз почти сразу перестал видеть, а голова загудела. Покачнувшись и теряя равновесие, я все же успел услышать голос Родиона:

— Славка, у этого козла свинец в перчатке!

Но мне было все равно, я падал навзничь и ничего не ощущал. Прохладный снег обжег и покарябал лицо, я с трудом заставил себя подняться, сплевывая кровь. Все происходящее теперь

уже казалось не вполне реальным. Родька сцепился с Левитиным, опрокинул его на снег, начал долбить по лицу кулаками. Вокруг была куча мала, и стоял такой рев, что я не слышал ни одного членораздельного слова, а может, это так ревели кровь в моей башке.

– Родион, я сам, не лезь! – захрипел я, отбросил Родиона и поднял Левитина.

Взял его за перчатку. Под ней был твердый выступ.

– Что, неужели свинец вставил?

– Это еще не тот свинец, которого вы оба заслуживаете, – задыхаясь, ответил Венька и сделал движение в мою сторону.

Но я не дал ему снова ударить меня, нанес удар первым. Венька устоял на ногах, врезал мне под дых, я перестал дышать, но из последних сил, навалившись на него, вцепился мертвой хваткой зубами прямо в лицо, где-то в районе челюсти. Он заорал от боли и, уже лежа на снегу подо мной, ударил меня кулаком в висок. Я сполз в сторону, пытаюсь восстановить дыхание. Когда не можешь вдохнуть и выдохнуть это страшно, ничего страшнее нет. Левитин поднялся, но, к моему удивлению, не начал меня пинать... А самый был подходящий момент. Он... побежал. Я услышал обрывки его последних слов:

– Вам двоим... хоть через год, хоть... достану!

Вслед за ним рванула прочь остальная его команда. Вдогонку Родион успел пнуть Запашного по заднице. Крепкий удар получился, брюки полнули...

Когда все закончилось, мы долго смеялись, пожимая друг другу руки. Я спросил, как парни узнали о драке. Оказывается, Венька проболтался кому-то по телефону в тот же вечер, когда я его проводил из кафе. То же мне, конспиратор. Ну а дальше как по беспроводному телефону пошло – поехало... Родион предложил пойти к нему домой привести себя в порядок. И, действительно, у меня разбито лицо, и наливается огромный синяк, болит кисть, у него на лбу ссадина, и выбит палец на руке. Чтобы дойти до Родькиного дома и не стать при этом по причине своего живописного вида объектом внимания кого-то из руководства школы или преподавателей, нам пришлось под большим углом ее обогнуть. Это посещение его дома было очень кстати, потому что у меня к Родиону появились некоторые вопросы. Кстати, оказалось, что Родион

обладает познаниями в плане излечения от травм:

– Первые два-четыре часа – лед, потом – «Быструмгель» или «Троксевазин». У меня есть еще приборчик «Дэнос», током прожварим и порядок – физиолечение на дому. Но сначала лед.

Он забрался в холодильник, натряс из формочек льда, завязал по целлофановому мешку, и мы расположились рядом на его диване. Я спросил осторожно:

– Родька, а кто рассказал Игорю Ивановичу о Тайном Совете?

– Я.

– Зачем?

– Мне стало ясно, что Левитин нас вербует в какую-то дрянь, а все его задумки так, только видимость. А историка и... Аню, не обижайся, мне жалко.

– Ну, знаешь, жертву из него делаем. В сауну ему захотелось с шестнадцатилетней девчонкой!

– Да не было никакой сауны.

– То есть?

– Ну не было!

– А ты почему так уверен, Венька же показывал фотографии?

– Все правильно, только эти фотографии я сам делал по его заданию. А одну, где вывеска «Сауна Зодиак», смонтировал. Ты же знаешь, я фотомонтажом и раньше ради хохмы занимался.

Я от досады отвернулся: как это сразу не пришло в мою голову!

– Ну ты... Все же могло быть совсем по-другому!

Родька ничего не ответил, встал, притащил из кухни чайник.

– Давай лучше чаю попьем и хорошенько покумекаем.

– О чем?

– Как нам историка в школу вернуть. Придется идти к директору, просить. Я расскажу, как делал фотографии...

Мы долго хлебали чай и обсуждали, как воевать за Игоря Ивановича. Потом я спросил Родиона:

– Слушай, что думаешь, Левитин выполнит обещание насчет нас?..

– Вполне возможно, что попытается.

– Ты серьезно?

Родион передал мне несколько книг:

– Вот, это передал мне Игорь Иванович, когда я все ему рассказал. Он попросил обязатель-

но показать ребятам и тебе тоже. Он все равно хорошо к тебе относится.

– А что это за книги?

– Это книги про тайные общества, в том числе и про то, которое пытался Венька создать. Понимаешь, Мороз, тут дело-то непростое. Оказывается, все это не только Венькина фантазия. Все гораздо серьезнее. Мы с тобой вступили в настоящее Тайное Общество, которое существует и оно очень сильно в мире, в стране. Поэтому в Венькины угрозы я верю. Не факт, конечно...

На прощание Родион помимо книг передал мне тюбик с тональным кремом:

– Вот, возьми, чтобы фингала видно не было.

– Мне теперь фингалы не от кого прятать, – сказал я с грустью.

Заболотнов меня сразу понял, только развел руками: тут, мол, дружище, ничего не поделаешь.

* * *

В середине апреля Родиона не стало. Я серьезно. Я так же, как и вы, не могу в это поверить. Официальная причина – передозировка наркотиков. Это показали результаты вскрытия. Хотя раньше за Родионом никто из нас такого греха не замечал. Нет, Венька вроде бы здесь ни при чем, он к этому времени уже был за границей – стопроцентное алиби. Родители ушли с работы, забрали его с собой. В школе говорят, что они чуть ли не жить остались в США. Но тогда кто при чем?

Игорь Иванович в школу не вернулся, несмотря на все усилия мои и Родиона. Он уже работал в другой школе и ничего менять не захотел. Аня перешла в эту же школу. Наверно, они поженятся. А там – жизнь покажет. Я желаю счастья ей, но не ему по известным причинам. Он

так и останется для меня всего лишь соперником.

Директора после всей этой истории сняли с работы – результат большого расследования управления образования. Хотя зря они так круто, ведь идея самоуправления сама по себе интересна. Но в итоге в школе все стало по-прежнему. Савин, Северянин, Запашный с той поры как-то потерялись, мы с ними не общаемся, но держатся они вместе, и это странно. Кто знает, может, вновь, через годы, соединит их с Венькой незримая нить тайного братства. Границы, как говорил нам Левитин, не помеха.

В июне, на выпускном вечере я, как и ребята, прощался с юностью, клялся в том, что мы никогда не забудем друг друга, и неожиданно понял: это тоже обряд, но не столько прощания, сколько посвящения во взрослую жизнь, где каждому из нас открывать мир с разных сторон – светлых и темных, учиться распознавать их, эти самые стороны, и делать свой личный выбор, как жить.

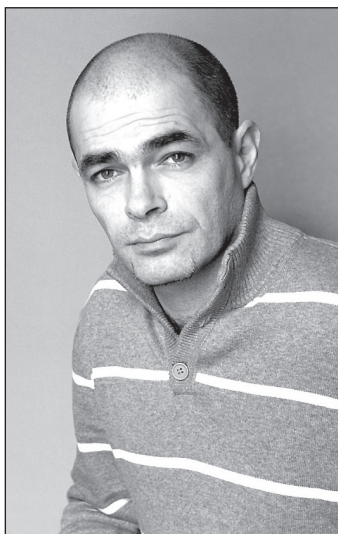
Утром я возвращался один домой. С Москвы-реки веяло свежим ветром. Я смотрел на воду, думал о Родионе, о Веньке, об Ане. Сунул руку в карман брюк и... как ошпаренный выдернул ее, зажав в ладони нечто, напоминающее пуговицу. Разжал ладонь и увидел тот самый кулон со змеей. Я же выбросил его, когда проводил Веньку после кафе! Как эта фигня могла снова ко мне попасть? Сердце тревожно заколотилось, я понял: бремя странной клятвы вовсе не сброшено с меня, оно осталось где-то в глубине души. Сразу же вспомнились Венькины слова, те самые, произнесенные в кафе с оттенком превосходства и скрытой угрозы: «Когда я стану Президентом этой страны...» И еще: «Без нас не обходится нигде».

2009

**Станислав
ЛИВИНСКИЙ**

БАБУШКИН СТОЛ

СНЕЖИНКА

I

Как будто это было не со мной,
(и было ль, вообще, на самом деле)
но армия мне снится до сих пор.
Забор кирпичный, царские казармы –
под крышей надпись – тыща девятьсот
шестой. А на дворе двадцатый век
последние донашивал шинели.
Огромный плац и сотни человек.
И первый снег идёт, как новобранец,
не в ногу, но ему никто не крикнет –
А, ну-ка, там, салага, шире шаг!

Мы на плацу стоим и замерзаем –
солдатики игрушечные, дети.
Передо мной дрожит какой-то мальчик:
смешной затылок, девичья фигура.
Я вижу эти маленькие плечи.
Я помню, как ему одна снежинка
упала прямо в дуло автомата.
Зачем-то я запомнил этот день.

II

Я помню – старшина по воскресеньям
водил нас в баню, как на водопой.
Вот зрелище. Я про него сказал бы,
что это тот ещё соцреализм.

И мне казалось, в общей наготе
беспомощность была и обречённость.
Наверное, в чистилище теперь
такой же пар, такие же отсеки,
такой же невозможный синий кафель.

Я помню, доставали из петли
мы в этой бане год спустя мальчишку,
солдатика с той самою снежинкой.
Как он лежал на каменном полу
и принимал мужские очертанья,
и кто-то слишком мрачно пошутил,
что парень неудачно дембельнулся.

Его я помню очень хорошо,
хотя его лица совсем не помню.
Смешной затылок, девичья фигура.
Игрушечный солдатик, бедный мальчик,
а за спиною чёрный автомат
и маленькая белая снежинка.

* * *

Вот фотография – ребята,
по восемнадцать шумных лет.
У них не оказалось блата.
Повестка из военкомата,
военный новенький билет.

ЛИВИНСКИЙ Станислав Аликович родился в 1972 году. После окончания восьми классов средней школы поступил в техникум и обучался профессии фотографа. Служил в армии. Работал фотокорреспондентом, видеооператором и звукорежиссёром.

Автор книг стихов «Оглазок», «А где здесь наши?». Живёт в Ставрополе.

*В стране без права перемотки
в зелёной выцветшей пилотке
почти при батюшке-царе
я словно муха в янтаре:
найди меня на этой фотке.*

*Салага с талией осиной.
В казарме холод. Дедовщина.
Из дома писем долго нет.
Ещё игрушечный мужчина,
я в настоящее одет.*

*И песня главная о старом,
как смерть дыхла перегаром.
И ты сползаешь вниз по стенке
и пишешь маме на коленке:
Люблю. Целую. Не скучай.
И краснодарский куришь чай.*

*Отбой. Дежурный свет луны.
Но в армии не снятся сны.*

*А где-то дембельская осень.
Всё по накатанной пойдет:
заматереешь через год,
умрёт отец, девчонка бросит.*

*Да что ты знаешь о судьбе?
Сидишь играешь на губе,
что время до смерти залечит,
что через десять лет с предплечья
сведёшь наколку ДМБ.*

*Не замирает больше дух.
И гармониста лишь по пьянке
в пивной попросишь – сделай, друг,
для нас «Прощание славянки».*

ПЕРЕЕЗД

*Казалось бы – только обжился, привык,
нагрел, полюбил это место,
а нужно съезжать, нанимать забулдыг,
вытаскивать стулья и кресла.*

*Компьютер, ковёр, шкаф-купе и диван.
Коробку с электрокамином.
Бумаги сгребсти, затолкать в чемодан.
Снять полки со стен и картины.*

*И пепел сбивать на затоптанный пол,
в сердцах объясняя рабочим,
что самое главное – бабушкин стол,
что – ножка замотана скотчем.*

*Что ты хочешь? Ружьё? Самосвал?
Принесли, когда я ещё спал,
мне от Деда Мороза двустволку,
положили тихонько под ёлку.*

*Этот праздничный запах ванили.
За спиной «С новым счастьем!» кричали.
Молодыми родители были –
внука бабушке оставляли.*

*Там, где память пропахла костром
и сухая за окнами вишня,
овдовевшая в сорок втором,
замуж так и не вышла.*

*Ни друзей у неё, ни подруг.
Всё ходил к ней один политрук.
Говорил – детям нужен отец.
Предлагал, хоть сейчас под венец,
а потом вешал китель на гвоздь.
Но у них что-то там не срослось.*

*На единственном фото она
перед самой войной вместе с дедом.
Он писал ей – Ну, здравствуй, жена!
А потом не вернулся с победой.
В форме и лейтенантских петлицах
он всю жизнь будет бабушке сниться.*

*Над кроватью тот самый портрет.
Чашка выскользнет на пол из рук.
Только дочка и маленький внук
подрастает – ну, копия дед.*

*Только так и живёт, крепостной,
прикрывает красу сединой,
поясницу вот кутает пледом.
И часами без света сидит,
и с собою сама говорит,
и зовёт внука именем деда.*

* * *

Хутор. Брошенная хата.
Дверь, подпертая лопатой.
Сверху ржавая подкова.
На стене плохое слово.

Опустевшая изба,
словно брошенная баба.
Ей какого мужика бы,
но, как видно, не судьба.

Рядом – спуск, ступеньки сгнили.
Колокольня у реки.
Говорят, что здесь убили
барина большевики.

А теперь тут мотыльки.
Ива дремлет, как сиделка.
Мальчик, севший на мостки,
с удочкою-самоделкой.
Рыбка плещется в садке.
Стрекоза на поплавке.

* * *

Нас из одной лепили глины,
но обжигали в разных горнах.

Судьба темна, как погреб винный,
сырой, просторный.

И мы с тобой: нам по семнадцать,
а, может быть, давно за тридцать.
И память – ветреная цаца –
та, что на лица.

И мы с тобой. Приходит осень.
И облетают листья с клёнов.
И седина виски заносит.
Гадай на зёрнах.

Гадай на зёрнышках созвездий.
Мети палас. Вари мне каши.
Я так люблю, когда мы вместе
во всём домашнем.

Я так люблю, когда в халате
рукой ты машешь мне в окошко;
когда ты одеваешь платье,
и трётся кошка;

когда в хоккей играют лихо
по телеку и, оторвавши
взгляд от шитья, ты спросишь тихо –
а где здесь наши?

Георгий
ПАНКРАТОВ

ЧУВСТВО РОХЛИ

Повесть

Парень вынул из уха наушник – гремела какая-то тяжелая музыка – и переспросил:

– Что? Не слышу.

Мрачноватый охранник в черном пиджаке крепко пожал ему руку и произнес почти безэмоционально:

– Я понял, кого ты мне напоминаешь. Почтальона.

– Ну так да, – ответил парень, глядя ему в глаза. – Я ж из Ленинграда. Слыхал: это он, это он – Ленинградский почтальон.

Вид парня был несколько странноват: одет в потрепанное старое пальто, через плечо болтается тряпичная сумка-планшетка, лицо помятое, волосы взъерошены – по всему видно, что позади бурная и бессонная ночь. Но это был обычный парень, молодой рабочий магазина бытовой химии и товаров для дома, грузчик, комплектовщик, а иногда даже кладовщик и по совместительству продавец-консультант. Мрачноватому охраннику он не стал говорить, что тот напоминает ему бандита – хотя эта мысль вертелась в голове. Тот уже вышел на улицу и закуривал, собирался встречать сотрудников и призывать к терпению первых посетителей. Магазин открывался через двадцать минут. Девочкам охранник не нравился – потому что никому не улыбался, а вот парню, похожему на почтальона, нравился: может, именно поэтому. Он тоже считал: чего улыбаться без толку. Когда улыбаться-то не хочется.

С утра была примерно такая ситуация. Впереди предстоял беспросветный день: по опыту знал, что энергии хватит часа на два, а вот потом... Разве... придет Вован и кое-чего отсыплет. Молодой рабочий поздравил себя с первой оптимистичной мыслью за день. «Только бы Вован сегодня работал», – догнала ее мысль вторая.

Магазин был пуст, а вот на складе уже зарождалась жизнь. Не кипела, конечно, а медленно так покуривала, попивала утренний кофе. Он прошел через склад к лестнице, возле которой на стульчиках и скамеечках сидели сонные работники, которым предстояло заступить на утреннюю смену.

– Привет, Андрей, – крикнул, не вставая с места, лысый худой парень в синей футболке.

– А вы чего дверь-то не открываете? – проворчал Андрей, пожимая ему руку и кивками головы приветствуя остальных. Возле двери сидела миниатюрная девушка и заторможенно подносила сигарету к губам, затягивалась и кашляла. Услышав вопрос, она подняла глаза на Андрея.

– Маш, ну подвинься, а? – попросил Андрей. – Дверь хоть открою.

– Дождь там идет, не надо, – лениво ответила Маша.

– Да какой дождь, ну че ты! Я только с улицы, будешь мне впаривать. Мужу своему впаривай лучше, что ты не куришь.

ПАНКРАТОВ Георгий родился в Санкт-Петербурге в 1984 году. Публиковался в журналах «Нева», «Север», «Сибирские огни», «Нижний Новгород», «Кольцо А», «Пролог». Финалист премии «Дебют» (2014). Автор книги «Письма в Квартал Капучино» (М.: Рипол, 2016). Проживает в Москве и Севастополе.

Он протянул руку к двери, чтобы открыть, но Маша оттолкнула ее, смеясь:

– Слышь, умный какой. Нет у меня мужа, не знаешь, что ли?

– Нет и не будет. Куришь потому что, – брякнул Андрей. – Ладно, пойду я. Душно у вас, невозможно. Сидите, свой дым нюхайте.

– Сам же куришь...

– Ну, курю, и что?

Он развернулся и собрался было спускаться по лестнице вниз, где находились еще один, совсем небольшой склад и раздевалка для работников, как столкнулся лицом к лицу с девушкой, которая оттуда поднималась.

– Ой, Женька, – смутился он. – Привет!

– Привет, привет, – ответила девушка и прижалась к стенке, чтобы дать ему пройти. Она была высокой, черноволосой и зеленоглазой. Андрей на мгновение остановился, оглядывая ее с ног до головы. Женька ему нравилась, она приехала к ним в Омск из далекого Татарстана, какого-то совсем небольшого городка, и Андрей часто спрашивал ее «Там у вас все такие красивые?» – а она смущенно отводила взгляд, или, может – даже скорее всего – изображала смущение.

– Куда это ты такой красивый?

– На работу, – мрачно ответил Андрей. – На работу, как на праздник.

– Привет, Андрей, – послышалось из курилки нестройное пение Маши и Макса. – Ну где ты был, ну обними меня скорей.

– Совсем охренели, – пробормотал Андрей.

На первом этаже парень подошел к единственному окну и всмотрелся: во внутреннем двореке грузовых машин не было, и это предвещало относительно спокойный день. Прием поставок достался другой смене, облегченно вздохнул он. Потому что если бы это было не так, у ворот нижнего склада уже стояла бы фура. Часа полтора потребовалось бы потратить на ее разгрузку, и еще полдня – на приемку товара, его сортировку и отправку на верхний склад и в сам торговый зал. Сидеть в курилке возле лестницы было бы некогда.

Правда, говорило это и о том, что на складе заканчивается товар. А значит, предстояло долго и терпеливо объяснять покупателям, что «извините, придется зайти в другой день» и «мы будем вас очень ждать». Функции консультанта Андрей ненавидел в своей работе больше всего.

В раздевалке было тихо. Открыв дверь, он увидел, как полноватый Мишка прячет в свой

ящик бутылку пива – вдруг кто из начальства зашел? – а рядом сидит, как ни в чем не бывало, переодевает носки усатый охранник Олег.

– Здорово, Андрюшенька, – улыбнулся он и протянул руку. – Как оно?

Олег был мужчиной под сорок, производящим впечатление вечно усталого, замученного человека. Однако при этом он старался всеми силами сохранять оптимизм и очень много улыбался, являя собой противоположность второму охраннику, предпочитавшему черный пиджак даже в жару. Того звали Вадим, кстати.

– Дай глотнуть пивка-то, – обратился Андрей к Мишке, спешно пожимая руку охраннику.

– А че такое? – хитро прищурился Мишка. – На работе пьем?

– Беда, – произнес Андрей, представляя, как ухудшится его состояние через каких-то пару часов. – Сегодня Вован будет?

– Что тебе Вован? – нарочно громко и как будто возмущенно произнес охранник. – Вован у меня вчера штуку занял, а сегодня пропал вот.

– Да так всегда, – добавил Мишка, протягивая ему бутылку. – Если Вован берет в долг, то завтра его не жди.

– Он в графике есть-то? – пробормотал Андрей, прикладываясь к бутылке и делая несколько смачных глотков.

– Да он знаешь где видел твой график, – махнул рукой Мишка. – Э, ну ты хорош вообще. Пива-то оставь.

– Спасибо, – с неподдельной благодарностью сказал Андрей. – Сегодня идти придется.

– Идти... Было бы время идти. Сегодня под пятьдесят заказов, до ночи работать будем. И минус один человек в смене. Когда идти-то?

– А куда вы идти собрались? – неожиданно раздался голос, и парни повернулись к двери. Старший смены Санек уже снимал рюкзак и жал руку Олегу. – Ну, готов слушать ваши объяснения, – он присмотрелся к Андрею и громко выругался. – Твою мать! А ты что, бухой, что ли?

– Я-то бухой? – смутился Андрей. – Ну нет, какой там... Я же просто... Это... Не спал ночью.

– Не спал и бухал, да? – допрашивал Санек.

– Ну, бухал, да.

– Ты выглядишь конкретно хреново, – Санек покачал головой. – Как труп просто.

– Вывернуло наизнанку, пока шел. Возле кофемашинки, как раз. Думал, еле дойду. Но ничего, легче стало. – разоткровенничался Андрей.

– Ну ты красавчик, че я могу сказать. И че мне с тобой делать? Сегодня заказов будет – хоть вешайся. В зал тебя нельзя, начальство увидит – всей смене капец. Тебе вообще надо спрятаться, понял?

– Ну так, это... – рассмеялся Андрей. – Я б с радостью.

– С радостью он, – передразнил Санек. – А работать кто будет? Парни вон над заказами убиваться будут.

– Да я могу чего угодно делать. Могу заказы, могу здесь внизу, на отгрузке. Что надо, то и могу.

– На кассе можешь? – усмехнулся старший смены.

– Да ну тебя на хрен.

– Ладно, – засмеялся Санек. – Ей-богу, уж лучше б траву курил, как все нормальные люди.

– В следующий раз так и сделаю, – вставил Андрей. Мишка громко рассмеялся, давая понять: мол, он тоже в теме.

– Я тебе сделаю, – проворчал Санек. – В общем, так. Есть у меня для тебя одно дело, только оно слишком деликатное.

– Какое? – Андрей уже переоделся в рабочую форму: синие штаны и желтую футболку, проверил наличие в кармане ножа и стоял, покачиваясь, возле шкафчика.

– Надо к Маринке в кабинет. У нее, знаешь, это, – Санек приблизился к Андрею и сбавил голос, собираясь сообщить что-то доверительное. – Давно не было. Устала, говорит, без мужика.

Андрей понял, что предстоит выслушать очередную дурацкую шутку, прежде чем он узнает свое задание. Шутки Санька он не любил, потому ответил не задумываясь, лишь бы ответить:

– Тебе сказала?

Марина была полноватой женщиной немного за сорок – у нее единственной, кроме управляющего магазином, был свой кабинет. Впрочем, кабинетом это назвать сложно – так, каморка, по размеру даже курилка возле лестницы была просторней этого кабинета.

– Ну мне, а кому же еще? – раздраженно ответил Санек. – А я-то чего? Говорю, я человек женатый, подгони мне тогда, говорит, кого из парней. Хорошо, говорю, есть у меня один такой – Андрюха. Сейчас приглашу, – тут он громко и надолго засмеялся. Мишка, ухмыльнувшись, вышел из раздевалки, куда-то подевался и Олег, охранник. Они остались вдвоем. – Иди, очаруй ее своим перегаром.

– Ладно, – мрачно сказал Андрей. – Чего делать-то?

– Что делать, что делать, – повторил старший смены. – В общем, новенький сегодня придет. Парень он такой, хрен знает, где работал, непонятно, что за тип. Но начальству виднее. Будешь ему объяснять, что и как у нас здесь, продукцию вон покажешь, на складе что как объяснишь. Ходи с ним и контролируй, а если чего непонятно – рассказывай. Главное – в зал не высывайся, если он туда пойдет, то ты с ним не ходи. Все понял?

Не успел Андрей что-то ответить – а расклад вырисовывался, в принципе, неплохой, оставалось только вести себя грамотно и не спалиться, под шумок даже можно было сходить за пивом, ну, или новенького отправить – как в раздевалку вошел рыжий парень в спортивном костюме и громко, прямо с порога, заявил:

– Здорово!

– Здорово, коль не шутишь, – откликнулся Санек. – Это Серега, наш новенький, – обратился он к Андрею. – А это Андрюха, будет сегодня твоим наставником.

– Чего? – переспросил Серега.

– Будет стихи тебе читать, – с серьезным видом сказал Санек. – Собственного сочинения.

56

– Да ну, какие стихи... – вяло отозвался Андрей.

– Ну а чем ты там по ночам занимаешься? – ответил старший смены. – Стихи читаешь. Сам же говорил.

– Читаю, да.

– Ну вот... Ладно, парни... Работы сегодня по горло. Так что буду счастлив, если сами во всем разберетесь.

– Разберемся, – уверенно ответил Серега. Дверь за Саньком захлопнулась. – Нормально у вас тут, – сказал он Андрею.

– Нормально, – отозвался тот. – Ты это... Переодевайся. Вон, в ящике в углу можешь форму взять. Любая там есть, на выбор.

Андрей зевнул. Хотелось спать, ну, или по крайней мере просто сидеть, уставившись в потолок или стенку шкафчика, и ни о чем не думать. Тем более о том, что впереди рабочий день, полный уныния и тоски. Как было бы хорошо пойти сейчас на реку, сидеть в этот жаркий день на берегу и наблюдать за бликами на воде, может быть, читать журнал о футболе, может – слушать музыку и чувствовать себя свободным человеком. Он так и делал в дни, когда не было

смены и когда некуда пойти больше. Иногда он действительно сочинял стихи – Санек был прав – но получалось это как-то само собой, и особо он это занятие не любил. Через какое-то время он будет умирать. Если не придет Вован. Так и проведет день с этим, рыжим. Даже Женьку не увидит – внизу она не работает и приходит сюда только переодеться.

– Ты где раньше работал? – спросил Андрей.

– Да нигде я не работал. Так, машины чинил, по мелочевке... – ответил парень отстраненно.

– Ну, смотри, приходишь, отмечаешься наверху в журнале. Здесь, если опоздаешь минут на 5, ничего страшного не будет, в принципе. Но лучше не опаздывать. Управляющая у нас понимает, но пока не наглеют. Приходишь сюда, переодеваешься. В день поставки надо разгружать машину, она уже с утра стоит у двери. Поставка раза три в неделю. В конце месяца больше работы, в начале – меньше. Чего еще, – Андрей задумался. – Продукции у нас много, запоминать ее лучше не по названиям, а по артикулам. Как выучишь – сможешь заказы набирать. Заказы – это наверху, там все по номерам. В накладной номер смотришь, запоминаешь – идешь набираешь. Ну, что еще? Заказов много. Сюда, вниз, приезжают за мелким оптом. Берешь накладную, сверяешь позиции, товар отпускаешь. Ну, помогаешь им отгрузить, если просят. Могут тебе рублей двести сунуть, – мечтательно закончил Андрей.

Сергея, терпеливо ожидавший конца речи, наконец произнес:

– Ну, а сейчас-то что делать?

Андрей, словно очнувшись, вскочил со стула и направился в сторону двери.

– Пойдем, – сказал он.

Они вошли в полупустой склад. В углу стояло несколько поддонов с аккуратно расставленными на них коробками. У всех коробок были свои номера, к некоторым старшие смены прикрепили листы учета: столько-то позиций товара оставалось в магазине на вчерашний вечер, при этом на складе – столько-то. Андрей медленно прошелся вдоль коробок, рассматривая листы и бормоча что-то под нос.

– Ну так что? – нетерпеливо спросил Сергей.

– Да отдыхал бы пока... – проворчал Андрей. – Парень работающий, блин.

Он зацепился ногой за кусок полиэтилена на полу, громко выругался, пнул его и отправился в сторону подъемника. Это устройство, ненавиди-

мое всеми без исключения на складе, необходимо для того, чтобы поддоны, нагруженные доверху вновь прибывшей продукцией или складскими запасами, можно было транспортировать наверх, в распоряжение парней, которые работают на примагазинном складе – там продукция не задерживалась, она быстро расходилась или в торговый зал, или по заказам, которые комплектовали парни. Готовый заказ спускали также посредством подъемника – грузчик, который работал внизу, принимал его, выкатывал и готовился отпускать мелкооптовому клиенту. В этой системе не было ничего сложного, за исключением одной неприятной особенности подъемника. Расстояние – его с большой натяжкой можно назвать проемом, а точнее – дырой в стене – отведенное для того, чтобы поддон, груженный коробками, можно загнать на подъемник, было настолько маленьким, что некоторые, особо широкие поддоны еле проезжали – совсем вплотную к стенкам, а ведь загнать такую тяжесть, с которой еле справлялись трое здоровых парней, было сложновато и без необходимости грамотно «вписаться» в проем. В общем, девочки-кассиры, которые, как и полагается им, верили в ауры и энергетику, вполне справедливо считали подъемник самым негативным местом всего магазина – столько мата и проклятий в адрес самого подъемника, его создателей, продукции, друга друга и начальства, как здесь, не звучало больше нигде. Правда, в те дни, когда не было поставок, подъемник отдыхал. До тех пор, пока кто-то не подходил к нему внизу и не начинал кричать, как Андрей этим утром:

– Эй, парни! – кричал он в «шахту» подъемника. На верхнем складе всегда играла бодрящая музыка, и голос из подъемника часто не слышали. Орать приходилось сильнее. И дольше. – Твою мать, парни!

Наконец, кто-то услышал его вопли. Макс оторвался от сборки заказа и подошел к приемнику.

– Ну чего там? Белая горячка? – Макс был вторым старшим смены, но в присутствии Саньки исполнял роль простого грузчика, как остальные. Порой он «включал» старшего смены для устрашения, но получалось это не слишком убедительным: Максу никто не верил, правда, его уважали и всегда были готовы помочь, если тот о чем-то просил. В отличие от Саньки, про которого говорили одно: выслуживается перед начальством.

– За просто так, за просто так,
За не за деньги, не за флаг

– громко раздалась песня, Андрей пару секунд потратил на то, чтобы осознать это и вспомнить, кому принадлежит телефон, из которого играет такая музыка. Он обернулся и увидел Вована.

– Ну так чего там, оглохли, грузчики? – крикнул Макс.

– Сам грузчик, – откликнулся Вован, переключаясь на разговор по мобильнику.

– Чего вам поднять? – громко спросил Андрей.

– Эх, Андрюха, – Макс ощутимо оживился. – Подними мне настроение. Чего-то совсем хреновое. Десять утра, а уже все достало.

– Ага, кто бы мне поднял, – сказал Андрей. – Ну, в общем, здесь всего понемножку. Флаконы, порошки, кондиционеры, чего там еще. Ах да, пакеты. Ну, и шампуней полно.

– Какие пакеты? – Макс ненадолго задумался. – Ладно, поднимайте все. У нас все кончается.

– Э, – опять вклинился Вован. – Да вы не оборзели там все? Мы чего вам, грузчики? Идите сами поднимайте. Козлы, – впрочем, последнее он произнес совершенно беззлобно.

– Мы – элита рабочего класса, – изображая нравоучительный тон, произнес Макс. – Мы работаем с заказами.

– Ага, а мы, значит, в «андеграунде», гробите спины, парни. Ну, скажи ему чего-нибудь, – он толкнул Андрея. Тот развел руками.

«Андеграундом» Вован называл склад на первом этаже, где работал чуть ли не с первого дня. Впрочем, слово имело для него особенное значение – «андеграундом» можно назвать весь образ жизни Вована: он ходил постоянно в темных очках, футболке с изображением грибов и разных непонятных символов, и слушал музыку, которую никто на складе больше не слушал. «Андеграунд», на который Вован постоянно ворчал, был его стихией, и, ругаясь, скандаля со старшими смены, он совершенно не хотел его покидать. Андрей понял с первого дня своей работы здесь, что все стенания Вована по поводу андеграунда походили на просьбу сказочного персонажа брата Кролика «только не бросать его в терновый куст» и, когда Вован снова заводил свою песню, никак не реагировал. Так уж получилось, что Андрею тоже нравился «андеграунд» – своим одиночеством, спокойствием, размеренностью: знай себе встречай людей,

проверяй заказы и выкатывай поддоны на улицу – пусть за 12 часов рабочего дня это и утомляло, конечно. А захотел пообщаться с пацанами или увидеть Женьку – всегда можно подняться наверх. Если есть время, конечно. Беспокойный и энергичный Вован, как ни странно, находил в «андеграунде» прямо противоположное: «Здесь движуха, – объяснял он свою позицию. – А там гниляк».

– Ты, Вован, вообще бы молчал. Ты всегда опаздываешь, потому ты всегда и в андеграунде. Хоть бы раз пришел вовремя.

Вован махнул рукой, передразнил Макса и повернулся к Андрею.

– И все-таки ты лох, – не успокаивался Вован.

– А ты бык, – мрачно ответил Андрей.

– Ну а ты лох, – хохотал Вован.

– А ты бык, понял? – повторил Андрей.

– Ну, бык – это, знаешь, не так уж плохо. В ситуации с лохом.

– Ну а че ты тоже? Парни работают. Сегодня заказов по горло.

– Да че они там, совсем оборзели? – взорвался Вован. – Прислали бы нам еще одного.

– А у нас есть еще один, – устало ответил Андрей. Он стремительно трезвел, и ему становилось дурно.

Вован оглядел склад и увидел Серегу. Тот неприметно стоял возле дверей и наблюдал за происходящим.

– Опа! – воскликнул Вован. – А кто это?

– Это наш новенький, Серега его зовут, – сказал Андрей. Серега подошел и протянул Вовану руку.

– Вован, – ответил тот. – Ты на это все не смотри, Серега. У нас нормально тут, – он повернулся к Андрею. – Я ща переоденусь, и бегом... А вы пока это... Подкатите тут.

Андрей показал Сереге на ближайший к ним поддон, груженный коробками со стиральным порошком:

– Начнем с этого. Все равно все тащить.

Серега замялся:

– А это как?

Андрей пригляделся к Сереге и только сейчас понял, что перед ним – совсем молодой парень. Самому Андрею было двадцать пять, и он, как и Вован, считался самым молодым в магазине, многим было за тридцатник, а консультанту зала Валере – так и вовсе под шестьдесят, но тот, конечно, был исключением. Во всех смыс-

лах. Даже девочки с касс были старше двадцати пяти – ну, в большинстве своем, а Женьке, которая ему так нравилась, было и вовсе тридцать восемь.

Сергея же выглядел на двадцать, и у Андрея возникло подозрение, что истинный его возраст еще меньше. Парень не знал, что нужно сделать с поддоном, как затащить его на подъемник. «Эх, – тяжело подумал Андрей. – Я даже тебе завидую. Хотел бы я тоже всего этого никогда не знать».

– Ну вот смотри. Это «рохля».

Механическое устройство, на которое показывал Андрей, знакомо любому грузчику. Оно присутствовало на любых складах и во всех магазинах, потому что без него работа грузчика была бы невозможна. Официально оно называлось то ли гидравлическая тележка, то ли как-то еще – в общем, работники о таких вопросах не задумывались.

– Видишь, написано «рохля», – сказал Андрей. Сергей кивнул и прочитал вслух: Rosla. Это было название одной из фирм, которая специализировалась на таких устройствах. Она и дала название всем, как это часто бывает. – Ну, «рохля» же, – подытожил Андрей.

– Ну да, – засмеялся Сергей.

– Вообще это подъемник какой-то там, – продолжил Андрей.

«Рохля» представляла собой две длинные «лапы» на колесах – они въезжали в поддон, цепляли его – и «качалку», резко поднимая и опуская которую, грузчик совершал действие, казавшееся невозможным – отрывал тяжеленный грузенный поддон от земли. Теперь его можно было катить куда угодно.

– Вот так берешь, – Андрей разогнался и с размаху вогнал «рохлю» в поддон.

«Накачав» ее, он позвал Сергея:

– Давай вдвоем, главное – оторвать.

Парень ухватился за «качалку» – в спокойном состоянии она выполняла функции тягача: держась за нее, кряхтя и охая, грузчики все-таки заставили поддон с порошками сдвинуться с места.

– Теперь я сам, – выдохнул Андрей и покатиł поддон в сторону подъемника. Для того чтобы загнать поддон на подъемник, требовалось развернуть его: как назло, пол перед подъемником был весь раздолбан, колеса «рохли» застревали в нем, поэтому для того, чтобы «проскочить» все ямы, нужно было придать тяжелой машине приличную скорость. Заталкивали поддон обычно

втроем: один из всех сил давит на «качалку», и еще двое толкают поддон справа и слева от него. Что плохо – закрывают при этом обзор. «Попасть» грузенным поддоном в проем удавалось не сразу – порой и после десяти неудачных попыток, при этом нужно было беречь продукцию – от неудачной притирки коробок к стене или удара на большой скорости в угол компания могла понести существенные убытки. А что такое компания? Это в первую очередь рабочие. Сотрудники – высшая корпоративная ценность.

– Ну давай, твою мать, – Андрей силился развернуть поддон, это у него получалось, но медленно. Сергей уперся руками в коробки и из всех сил давил на них. – Раз, два, три! Поехали! – Вована решили не ждать.

И зря. Поддон с треском и шумом врезался в стену – для того, чтобы вписаться в проем, не хватило буквально нескольких миллиметров. Но чуть-чуть не считается, как говорят все рабочие. Сергей громко выругался.

– Дайте сюда, парни, – раздался голос сзади. Они обернулись и увидели Вована. Он стоял с сигаретой в зубах, улыбался, переодетый в рабочую форму – синий комбинезон и синюю же футболку с логотипом компании. Вован схватил «рохлю» и потянул паллет (так назывался поддон, грузенный продукцией) за собой, на ходу разворачивая его.

– Смотри, как надо, – крикнул он Сергею. – Ничего, привыкнешь. У нас тут так... – Вован не договорил как, потому что уже начал движение вперед, и ему потребовалась помощь: – Ну, чего стоим?

Парни налегли на паллет, и послышался желанный грохот колес о металлический лист подъемника.

– Вошло идеально, парни, – засмеялся Вован, вытаскивая «рохлю» из поддона. – Так вот надо в дырки попадать.

Он присмотрелся к проему и покачал головой:

– Да, ребзя, скоро вы разнесете здесь все, аккуратней же надо, – он обернулся к Андрею. – «Рохлю» же надо чувствовать, не просто толкать ее. Она как продолжение тебя должна быть, как твоя рука, – он засмеялся над собственными словами. – Не, ну, может, не так, конечно, это нафиг надо, но все равно... Нет у тебя, Андрюха, чувства «рохли», – подытожил он.

Андрюха сплюнул себе под ноги: по правде говоря, ему было наплевать, есть у него чувство

«рохли» или нет его. Ему становилось элементарно плохо, и Вован был, пожалуй, единственным человеком, который сейчас мог поправить его состояние, о чем он и собирался попросить его. Но только открыл рот, как услышал за спиной громкий неприятный смех. Конечно, это был Санек, старший смены, никто его не раздражал здесь так, как он.

– Нет у тебя, Андрюха, чувства «рохли», – смеялся Санек. Он повторил фразу несколько раз подряд, и при этом давился от смеха. Парни обернулись, и даже Вован с Серегой смотрели на него с некоторым удивлением. Для Саньки было в порядке вещей прогуливаться по складу, когда парни наверху вовсю работали – как они говорили, «зашивались» – появляясь при этом в самых неожиданных местах. Например, в «андеграунде» Саньку было вовсе делать нечего, он никогда не отгружал заказы и мог спуститься сюда лишь для приемки товара по накладным – но сейчас принимать было нечего – или от большого безделья. Отсмеявшись, Санек махнул рукой и пошел в сторону лестницы.

– Долбанутый, – беззлобно произнес Вован и в упор посмотрел на Андрея: – А я знаю, что вы делали прошлой ночью, – и засмеялся.

– Да трындец, – машинально ответил Андрюха.

– Ладно, пойдем, – подмигнул Вован. – Серега, подожди здесь. Скоро заказ спустят. Парни тебе сверху крикнут, возьмишь «рохлю», выкаатишь с подъемника. Если приедут клиенты – открой дверь. А мы ща подойдем.

Серега кивнул головой. Вован зашел в раздевалку, шепнул Андрею: «Стой у двери, мало ли, этот опять завалится», – и направился к своему шкафчику. Андрей чувствовал, как от самого предвкушения того, что сейчас произойдет, ему становится легче, повышается настроение, улучшается самочувствие, организм наполняется какими-то резервными, аварийными силами, припрятанными в нем, наверное, как раз на такой случай.

– Десятка есть? – зашипел Вован.

Андрюха порылся в кармане и извлек помятую банкноту:

– Сотня.

– Да какая разница? Крути!

Андрея не нужно было упрашивать, он скрутил сотенную купюру в трубочку и, аккуратно прикрыв дверь, в несколько быстрых шагов пересек раздевалку, и потирая руки, присел перед

стулом, на котором красовалась аккуратная «дорожка» – полоска порошка бежевого цвета.

– Это не «фен»? – поморщился Андрюха.

– Сам ты «фен»! Нормальная омская «скорость»! Лютая! – заржал Вован.

– Ну, лютая так лютая, – как-то безразлично ответил Вован, приставил трубочку из сотни к началу «дорожки» и жадно втянул ее носом. Во рту стало противно, на несколько секунд его настолько затошнило, что аж передернуло все тело, Андрей открыл широко рот и сделал несколько глубоких вдохов. Впрочем, от спертости, пропитавшегося запахом несвежих носков и потных человеческих тел, воздуха раздевалки не становилось легче.

– А у тебя СПИД

И значит, мы умрем,

– громко зазвонил телефон Вована, но тот, словно испугавшись, сбросил.

– Ты же рок не слушал, – шмыгнул носом Андрей.

– Да пошел он, этот рок. Это вообще не мой телефон, отжал сегодня, – Вован громко засмеялся, но Андрей никак не отреагировал на заявление: он знал Вована, и знал: да, мог и «отжать». – Шучу я, шучу. Это девушки моей, свой где-то оставил, вообще не помню.

– Какой по счету?

– Что какой? – не понял Вован.

– Девушки, говорю, какой по счету?

– А, – махнул рукой Вован, – да я уже сбился со счета. Ладно, пойдем отсюда. Посидели, и хватит. Ну, как тебе?

Андрею стало ощутимо легче. Он был благодарен Вовану, ведь теперь точно знал: до вечера он продержится. Никакого особого веселья «дорожки» ему не приносили, да он никогда и не нюхал их в таких количествах, чтобы «отрубаться», как постоянно рассказывали парни. В глубине души он считал этот порошок грязью и в последнее время употреблял его, только когда на этой самой душе было еще грязнее. Решив не рассказывать о своих ощущениях, которых, в общем, и не было, кроме того, что он стал бодрее, Андрей просто кивнул.

На нижнем складе никого не было. Недалеко стоял на накачанной «рохле» поддон с чьим-то заказом и накладными, а дверь на улицу была открыта настежь, и по складу циркулировал приятный ветерок.

– Приятно балду попинать, пока парни работают, да? – засмеялся Вован.

Но вместе с ветерком с улицы до них доноси-
лась музыка. Расслышав, Вован поморщился:
оказывается, новенький Серега слушает шан-
сон. Парни отправились на улицу: так и было,
Серега сидел на сложенных поддонах возле вхо-
да на склад, а в руках держал телефон, из кото-
рого доносилось чье-то босяцкое пение:

– *Свободная, ты свободная*

Слава богу, ты свободная.

– Как дела? – безэмоционально спросил Се-
рега, увидев парней.

– Пока не родила, – заржал Вован и приня-
лся петь, передразнивая исполнителя и корча
смешные рожи. – Са-са-сва-бод-на-я, ты свобод-
ная, ты-ты-ты-ты-ты, ты свободная.

Серега смотрел на него с удивлением.

– Серег, ну че ты на самом деле такую херо-
мантию слушаешь? – с какой-то обидой в голосе
произнес Вован.

– Ну а че надо слушать, клубняк ваш этот
тыц-тыц, или рок дебильный, или еще че?

– Нормальную надо музыку слушать, Сере-
га, – не унимался Вован. – Вот мне телефон
вернут, и я тебе поставлю. А щас пойдем, мы
здесь не курим. У нас курилка вон – по лестни-
це и направо. Там тоже дверь есть, и дворик
маленький. Нормально там, короче. Только
шансон не слушают, – добавил он и почему-то
засмеялся.

– Ну а ты, – обратился Серега к Андрею, под-
нимаясь и топчя сигарету. – Тоже, что ль, шансо-
на не понимаешь? Высоцкий, «Мурка».

– *Не боюсь я, не верю, не плачу,*

Только кончился черный чай,

– доносилось из его телефона.

– Не, ну это ты загнул, конечно, – Андрей во-
одушевился, подумав, как много сейчас расска-
жет о Высоцком, о том, что никакой это не шан-
сон, но вдруг ощутил какую-то тяжесть, апатию и
полное нежелание что-либо говорить, кому-то
что-то доказывать. – Ладно, – сказал он уста-
ло, – Мурка мне тоже нравится. Но это ж «Мур-
ка»... А не это...

– Да выключи ты уже, – не выдержал Вован.
Серега послушался.

– Вот я чего не пойму, – продолжал Вован,
закрывая дверь на огромную металлическую за-
движку, – так это наших ментов. Они ведь ловят
бандюков, а слушают их музыку. Все то же самое
слушают. Я просто хорошо знаю ментов, – дове-
рительно сообщил он. – Так они едут на вызов и
слушают это «Радио шансон» – у них вообще ни-

чего другого не ловит, как будто. Вот люди, я
удивляюсь.

– А чего удивляться? – пожал плечами Ан-
дрей. – Это та же самая гопота, только с другой
стороны.

Вован зачем-то осмотрел склад, и они напра-
вились в сторону лестницы.

– Это все ладно, но сами-то песни ведь нор-
мальные, – встрял Серега.

– Ну чем они нормальные? – скривился Во-
ван.

– Понятные. Душевные.

– Да ну, – махнул рукой Вован. – Когда ни му-
зыки, ни текстов нет, только и остается сказать:
душевные. Больше-то ничего в этой музыке не
найдешь.

– А больше-то ничего и не надо, – заметил
Серега. – Вот о свободе песня – о нас ведь. Мы
все несвободные. Вот хотя бы на складе этом. А
можем быть там, где еще несвободнее.

– Да ну тебя, – Вована аж передернуло. Они
поднялись по лестнице и попали в курилку. – Ты
с этим осторожнее.

Народу для такого времени здесь было не-
мало – правда, в основном сидели девочки с
касс. Они слушали Санька, который расхаживал
по маленькой курилке и что-то оживленно рас-
сказывал.

– Фу, надымили-то, – проорал Вован. Андрей
поспешил к двери во внутренний дворик, открыл
ее и, стоя возле нее, закурил. Достал сигарету и
Серега.

– Вот такие у нас люди, – покосившись на Во-
вана, продолжал Санек. – И главное, я ему гово-
рю: ну куда ты пер, вот на что ты рассчитывал.
На мосту, блин. Ну я не могу. И себе нервы ис-
трепал, и меня, блин, задержал. И вот каждое
утро едешь, выезжаешь из дома вроде нормаль-
ный, кофейку там попил, в телек повтыкал не-
много, все вроде хорошо. Но вот как едешь до
работы – просто злость берет, какие все кругом
бараны! – Санек театрально схватился за голо-
ву, отчего Вован резко засмеялся.

– Ну, кончай ты свои автобайки травить. Как
ни зайдешь – одно и то же, козлы-бараны, коз-
лы-бараны. Ты как на планете Козлобаране ро-
дился.

– А ты не ездил, откуда тебе знать. У тебя
машины-то никогда не было, чего ты мне будешь
рассказывать.

– Была, и че? – отрезал Вован. – Вот и че?
Ездил нормально.

– И где она сейчас?

– Где? – замылся Вован. – Ну, где – это другой вопрос.

– Ну вот, – почему-то торжествующе произнес Санек.

– Постоянно рассказывает одно и то же, – повернулся Вован к Сереге. – Как он из дома до работы ездит. Кого подрезал, с кем поругался, какие аварии видел. А бабы сидят слушают, уши развесили.

– Ничего мы не развесили, – возмутилась крупная девушка с собранными в хвост волосами. – Я вон сама на права как сдала, так это... Прекрасно Санька понимаю. И хочешь нормально ездить, да никто тебе не даст. Все нервы истрепешь, а на нашу зарплату их не восстановишь точно.

– Ой, – скривился Вован. – Да ездите вы, сколько хотите. – Но говорить-то об этом сколько можно? Уши уже вянут.

– Ну ладно, – Санек был явно недоволен. Он прищурился и, затушив сигарету, произнес. – Давай сейчас о твоих опозданиях поговорим, может?

– Может, о том, что я работаю в три смены без премии? – в ответ прищурился Вован.

– Короче, – усмехнулся Санек. – Бери новенького, и вниз – там уже за заказом приехали. – И чтоб я тебя сегодня не видел.

– Да ради бога, – Вован пожал плечами и, кивнув Сереге, начал спускаться по лестнице. Новенький отправился за ним. Полноватая девушка-автомобилистка и ее худая бледная парница, которая не произнесла ни слова, а только слушала весь спор, направились в сторону склада. Санек остановился возле Андрея, подумал немного и, не найдя, что сказать ему, бросил:

– Дверь потом закрой только, – и отправился вслед за девушками.

Андрею тошно было от этих разговоров. Он смотрел на бетонный забор напротив двери и два ящика с посаженными в них укропом и салатом, открытые палящему солнцу – больше во дворе смотреть было не на что – и думал о чем-то своем. Работа была нормальной – он приходил, общался с парнями, выпивал с ними, в относительно свободные дни они даже играли в карты или футбол самодельным мячом на складе. Иногда он даже испытывал странное чувство: по утрам хотелось на работу. Наверное, потому что в той, нерабочей жизни, он одинок.

Никого не было, кроме родителей, которые ничего не хотели и ни на что не рассчитывали, и нескольких друзей и подруг, которые любили водку и разговоры на кухне до утра. Многие из них писали стихи, бесконечно смотрели фильмы, обрывочно читали разные книги, нахватались из статусов в социальных сетях разных, как им казалось, философских идей. Они тоже не знали, что делать дальше: убивали время, убивая себя. Жизнь тлела, превращая дни и ночи в фотографии, на которые днем мучительно тошно смотреть. Днем после таких собраний было вообще противно что-то делать. А тем более вспоминать, думать.

Да и вспоминать нечего: оставшись наедине со своей подругой, он целовал ее, залез под футболку, гладил, ласкал, затем сорвал ее – они были в незакрытой комнате, на кухне веселились и спорили о чем-то друзья, и это им нравилось. Но приступ тошноты оказался сильнее – он босиком, полураздетый, помчался в туалет, да так и уснул там, прямо на полу. Последнее, что помнил – как взглянул в окно: уже светало. Он предусмотрительно завел будильник на телефоне, чтобы не опоздать на работу.

– Тьфу ты, – сплюнул он. На душе было гадко. Во-первых, он не смог, расстроил девушку. А во-вторых... Ну, так ли важно все остальное, уже этого достаточно? А остальное – грязь, сплошная грязь того, как он живет. Тянуло к чистоте.

Подруга прислала sms: «Наверное, нам не стоило этого делать». А почему не стоило? У него никого нет, у нее никого нет, и долгое – он был уверен – долгое время никого не будет. Так почему не стоило? Подобное притягивает подобное. Он твердо решил, что в ближайшее время исправит ошибку. Если только прекрасная татарочка Женька, тонкая как струна, не обратит на него внимания, не заметит, как он смотрит на нее.

Голова после пары часов сна в сортире готова была развалиться пополам, и даже заботливая «дорожка», придав сил и способности вообще хоть что-то понимать, не избавляла от этой боли. За любовь к такому времяпрепровождению работники склада называли его «интеллигентом», в их представлении интеллигенты только и занимались тем, что пили, читали стихи и спали в сортирах – но, конечно, никаким интеллигентом он не был. У большинства здесь, в магазине, были семьи, у кого-то дети, у кого-то огород или полуподпольный автосервис, а у него

только стихи и водка, и полное непонимание будущего. Когда-то он работал менеджером по продажам, там было больше денег, но Андрею очень не нравились люди. Здесь ему люди нравились. Он знал, что существуют иные виды деятельности, кроме катания «рохли» или продаж какого-нибудь барахла, но подозревал, что двери для него туда закрыты. Когда накатывала страшная мысль, а что будет лет через 10, он просто закрывал глаза и затягивался дымом своих дешевых сигарет. Ему вспоминался Валера, шестидесятилетний грузчик. Но ведь не всегда Валера работал грузчиком? Или всегда? У Валеры была любимая фраза: «Я никогда ничего не хотел», ей он защищался от разговоров об автомобилях, о счастливых семьях – по крайней мере, так казалось Андрею, но тоже мне защита, думал он.

На самом деле, среди грузчиков они встречаются часто – такие мечтатели. Где-то работать надо; мир, в котором ценится только успех, не предлагает вакансий раздолбая-алкоголика, который «может быть, когда-нибудь». Миру нужно все здесь и сейчас: вот, грузить коробки – для мира полезное дело. Покупатель придет домой, распакует, обрадуется. Поцелует жену: «С удачным приобретением, милая!» Кто-то выбивается, если успевает опомниться, кто-то гибнет, не приходя в сознание, так и доживая свою жизнь.

Заорала музыка со склада, открыли дверь и тут же захлопнули ее – музыка прекратилась. «Только бы не гребаный Санек», – сморщился Андрей.

Пришла девушка, которую он плохо знал. Он с интересом посмотрел на нее: крашенные черные волосы, красивое лицо, нежные губы, выразительные зеленые глаза – как Андрею показалось на миг – смотревшие на него с интересом. И маленькая грудь, которую он ценил в девушках превыше всех других достоинств. Она была ниже его ростом, в отличие от Женьки, и конечно, не завораживала его, не пленила воображение, но про себя он отметил: «Красивая». Девчонка работала здесь недавно и, похоже, все время в другие смены – он редко виделся с ней и никогда ни о чем не говорил.

– Пойдем во двор, – сказала девушка, доставая сигарету. Андрей машинально потянулся за зажигалкой, достал, дал ей прикурить. Кажется, в этом магазине не было ни одного человека, который бы ни курил, даже некурящие закуривали,

поступая сюда на работу: ведь кто не курит, тот, считай, вообще не отдыхает.

Андрей отошел от двери, давая пройти девушке, и заметил какую-то незатейливую татуировку у нее на спине, чуть ниже шеи. Рассмотреть ее полностью не давала красная футболка – в таких ходили все девушки, работавшие на кассах.

– Куда лавки делись? – спросила девушка, Андрей пожал плечами, и она промывчала что-то в ответ. Встала рядом с Андреем, совсем близко, так что от этой близости у него перехватило дух. Для девушки же все было просто: она спряталась от солнца под козырьком – места в тени было мало, хватало только им двоим. Весь дворик был залит ярким светом.

– Вон сколько места под солнцем, – сказал Андрей. – Никакой борьбы не надо.

Но она не поняла его юмора. Быстро и нервно затягиваясь, девушка вообще как будто не замечала Андрея, смотрела вперед себя, на бетонный забор.

– Я, когда сюда приехала из деревни своей, думала, все красиво так – ходишь, ночные огни эти горят, набережная, заживем, думаю, гулять будем. Город большой такой, – она чуть помолчала, подбирая слова. – Основательный. Снимем квартиру, работы полно, не туда – так туда примут, – она вздохнула, – разоведемся. Забуду вообще все, что там было. Там так скучно, – она повернулась к нему на какой-то короткий миг и заглянула в глаза. – Там просто отчаяние какое-то по улицам ходит, заглядывает тебе в дом, а, если выходишь – идешь, и оно тебе навстречу. Как ветер по улицам. Там гораздо скучнее, чем даже здесь у нас. Здесь жизнь, – она усмехнулась. – А сейчас мимо всех этих огней иду и головы не поднимаю. Какая разница, чем живет этот ночной город? Мне вон, после смены, в магазин зайти успеть, каких-нибудь салатов купить и спать. Чтоб завтра снова сюда. Не ради чего-то, а просто так. А город все тот же. На работу никакую не берут: опыта, говорят, нет, везде нужен опыт. А здесь, – она кивнула в сторону двери, – здесь ничего не нужно. Иногда, думаю, я частичку того отчаяния привезла с собой, и хоть я в Москву поеду, она всегда со мной будет. Хотя я в Москву не поеду, далеко. И муж...

– Ты замужем? – спросил Андрей. Девушка кивнула:

– Сидит. Не с теми связался. Думал, в городе все лежит – надо просто взять. Лежит, да не

возьмешь. Ничего, скоро выйдет. Может, одумается.

Андрей удивился – она была совершенно незнакомой, чужой, не знала даже имени его, и как просто, обыкновенно доверяла ему свои мысли. Без эмоций, без желания какого-то совета, без жалобы в голосе – просто, чтобы не молчать, когда куришь. Он вдруг понял, и от этой внезапной мысли его аж передернуло: ей не нужно его имя, ей нужно поделиться, высказаться. На его месте мог быть кто угодно, ей это неважно. Красивая, совсем молодая. Замужем. Жаль. Хотелось бы обнять ее. Что она говорит за день? Только цифры, благодарит за покупку, интересуется, есть ли мелочь. А город все тот же, она права.

В магазинах, на маленьких складах не принято много молчать. Любые мысли, даже самые простые, человек озвучивает – как-то ведь нужно провести время. А о чем человек думает? О том, что на бензин повышаются цены, о том, что нужно покупать одежду ребенку, о том, что хорошо бы закончить этот вечер где-нибудь в баре, выпить пару бокалов пива (впрочем, все закончится темным сквером недалеко от работы). А кто много молчит, тот, может, что-то замышляет.

Девушка вышла, ничего не сказав напоследок, Андрей прислушался, как стучат ее каблучки, затем хлопнула дверь на склад, и снова наступила тишина. «Красивая», – с некоторым сожалением думал Андрей. История, рассказанная девушкой, его интересовала мало. Его интересовали губы, которыми она все это говорила – вспомнив их снова, Андрей аж улыбнулся.

Но все же она не красивей Женьки. Женька идеальна, при виде нее замирает дыхание, к ней тянет, по ней скучаешь, о ней мечтаешь, просыпаешься ночью и вспоминаешь ее. А тут... тут просто губы. Андрей вдруг вспомнил, как они сидели в этом же дворике почти всей сменой – тогда здесь еще стояли лавки – и обсуждали чувства – у кого какие, и к кому.

Санек важничал, ходил мимо сидящих парней и говорил о том, что всем, мол, пора заводить семьи. Он вообще любил об этом говорить, ну а парни сидели, отдыхали и – раз уж так получилось – слушали его. Здесь же сидела и Катя, кучерявая низенькая девушка, неприметная внешне, правда, неглупая – она единственная из всех, кто здесь работал, училась заочно, получала высшее образование и планировала свалить отсюда при первой возможности. Возмож-

ность все не предоставлялась: Катя работала в магазине с самого его появления в городе, вот уже пять с лишним лет.

– А красавиц на всех не хватит, – говорил Санек. – Надо что? Люди живут вместе, чтобы удобнее жить было. Вот я работаю, времени у меня ни на что нет, разве что на дачку на выходной съездить, денег мало, за квартирой следить некогда? А тут – жена. И радости у вас совместные, и заботы у вас совместные. Она тебе помогает, ты ей помогаешь. У нее выходной – она что-то в квартире делает, у тебя – ты. Скопить на что-то проще, опять же. У нее какие-то родственники – тебе помогут, твои – ей помогут. Жизнь становится легче, проблем меньше в ней. Понимаешь?

Андрей чувствовал на каком-то совсем глубинном, потаенном уровне, что в словах Санька не так уж мало правды. Только такая правда не нравилась ему, он гнал ее от себя. Но и спорить с Саньком не хотел – уверенности для спора не было, да и если бы он переспорил Саньку – так и что с того? Для кого бы из них изменилось хоть что-то?

– Не знаю, – вяло ответил он, чтобы просто не молчать. – Я лучше подожду нормальных чувств. Я не хочу вот... этого всего.

У самого Санька жена была длинноногая, высокая, не сказать, чтобы красавица, но симпатичная уж точно, в ее вызывающей манере говорить было что-то стервозное, а это всегда нравилось парням. Заинтересовать она умела. Сложно представить, что старший смены жил с ней исключительно из удобства, хотя... всякое возможно. Работала она здесь же, старшим кассиром, но не курила, а поэтому видел ее Андрей редко. Один раз они остались на кухне вдвоем, и та, видя паршивое – с очередного похмелья – настроение Андрея, словно насмехаясь над ним, пропела:

– Не надо печалиться, вся жизнь впереди, надейся и жди, надейся и жди.

Она, как показалось Андрею, с особой издевкой дважды повторила последнюю строчку, хотя улыбалась при этом довольно мило.

– Дурацкая песня, – пробормотал Андрей. – Никогда ее не понимал. Надейся и жди – что за дурацкий совет? Как так жить можно? Так и вся жизнь пройдет.

– Вот-вот, – загадочно улыбалась жена Санька.

Но, как бы ни отрицал того Андрей, от себя правды не скроешь, в жизни он занимался имен-

но этим: надеялся и ждал. Вот только чего ждал, на что надеялся?

– Вот, например, Катя, – продолжал Санек, и кудрявая девушка повернулась к нему.

– Что Катя? – спросила она с негодованием. Андрей, кажется, тоже понял, о чем пойдет разговор.

– Ты молодая, – он замолк, подбирая слово. – Симпатичная. Живешь одна, да еще снимаешь.

– И что? – Катя изобразила недоумение.

– Как что? Андрюха вон у нас тоже – парень одинокий. В меру, скажем, симпатичный, – он засмеялся. – Но характер нормальный. Раздолбай, правда, ну так на то ты и женщина, чтоб поправить.

Андрей посмотрел на Катю и на какой-то миг действительно попытался представить ее в роли своей девушки, жены – одним словом, той, к которой он будет возвращаться домой вечерами и с которой валяться в постели по выходным. «Ну и нормально», – вынырнула из тех самых потаенных глубин сознания предательская мысль. Но наваждение быстро прошло. Андрей вспомнил главное – Катя может быть кем угодно, но она никогда не станет его *возлюбленной*. А если так, то зачем тогда все, какой смысл?

Встретившись взглядами, он понял, что девушка тоже оценивает его. Она задержалась в своих мыслях несколько дольше. Что она думает – Андрей, конечно, не знал, но понимал прекрасно, что мысль «А почему нет?» у нее промелькнула тоже. Все друг друга ищут, нескончаемо, с утра до вечера, в толпах людских жадно друг друга ищут. И грузчики, и комплектовщики, и девушки с касс – не исключение, а тем более – они, Андрей и Катя. Так почему бы не присмотреться, в самом деле? Они улыбнулись друг другу, но вот Андрей уже повернулся к Саньку:

– Ну, хватит чушь-то говорить.

– А почему чушь-то? Эх вы, – он махнул рукой. – Не понимаете главного. Ладно, мне картошки сегодня вечером привезут, несколько мешков, во-от таких, – он изобразил, какие большие мешки ему привезут. – Могу завтра захватить, кому надо. 20 кгэ, и дешево. На рынке такой не купишь.

– Да куплю, – отмахнулся Андрей.

– Во, – Санька посетила новая мысль. – На рынок будете ходить вместе. А то тяжело ведь? – повернулся он к Кате.

Парни рассмеялись. Андрей посматривал на Катю и вспоминал, как комплектовщик Игорь из другой смены однажды напился в компании нескольких парней и девчонок из магазина, а потом трахнул Катю – то ли у себя дома, то ли у нее. Проснулись вместе, но Игорь сразу побежал на склад и весь день скрывался от Кати. «Да ну», – объяснял он парням, которые помогали ему прятаться и сообщали, где Катя. А теперь он сидел и спокойно шутил, да и Катя не испытывала в его компании никаких неудобств.

– Да сейчас все красивые, – говорил Игорь. – Зайдешь в контакт – там такие фотки у всех, обалдеть можно, некрасивых вообще нет. На аватарки посмотришь – это круче любой картинки в журнале, не, серьезно – он увидел, как Санек скептически посмотрел на него. – Хотя с виду все очень прилично, приличнее некуда. Но такие девочки. Некрасивых вообще нет, я вам говорю. Так что красивых на всех хватит.

– Ну, вот на Андрюху еще не хватило, – не успокаивался Санек.

– Да хватит, – Игорь дружески похлопал Андрея по плечу, тот посмотрел удивленно: он же вроде ничего не говорил. – И вообще контакт – странная штука. Посмотришь, все такие офигенные, счастливые, все любимыми делами занимаются. А вокруг глянешь – где они все? Может, они в автобусах не ездят, только в дорогих машинах: но и туда глянешь, везде одни хари – злобные, перекошенные, у-у-у, – он попытался изобразить, но добродушное лицо Игоря вызвало только улыбку. – Все только в Интернете счастливые. Вот и красивые так же, – подвел он итог.

– Ну вот, – сказал Санек. – Начал за здоровье, закончил за упокой.

Андрей улыбался, вспоминая тот разговор. «Красавиц не хватит, – беззлобно думал он. – Дурак ты, конечно, Санек». Увлеченный своими мыслями, он и не заметил, как в курилку пришло высшее руководство магазина – директор Ирина, женщина лет сорока, ее зам, возрастом старше, которую все в магазине называли по фамилии: Шарапова – во-первых, из-за строгости, а во-вторых, с такой фамилией, конечно, это было неизбежно – ну и третья, Марина, про которую утром Санек, как ему казалось, удачно шутил.

– А ты чего в желтой футболке?

Ирина привыкла не здороваться, а сразу что-то спрашивать. Впрочем, Андрея это не смущало – в своем нынешнем состоянии он все равно

не мог вспомнить, виделись они сегодня или нет, и думал только одно: «Не просекла бы».

— Хочу так, — коротко ответил он. Он действительно единственный из всех работников магазина ходил в собственной желтой футболке, вместо тех, что выдавали для работы — так сложилось само собой, ни у кого он ничего не спрашивал.

— Желтая майка лидера, — пошутила Шарпова.

Ирина задумчиво улыбнулась. Видно было, что проблема футболок, в принципе, волнует ее мало, она вообще выглядела сонно и устало. Но сказать что-то было нужно, и она сказала:

— У нас корпоративные цвета синий и красный.

— Ага, — затынулась Марина. — Они так и ходят, как две футбольные команды: одна смена синяя, другая смена красная, — она была баба простая, близкая, как говорят, к народу. В отличие от Ирины и Шарповой, соблюдавших корпоративную этику, да и вообще правила делового поведения.

— Ну а я типа судьи, — Андрей постарался закрыть тему.

— Иди уже, — ответила усталая Ирина.

«Не просекла», — с облегчением подумал Андрей. Впрочем, если быть честным, особо-то он и не боялся. Однажды Игорь с Мишаней накурились прямо во внутреннем дворике — ну, разве что ради приличия за стенку отошли — накурились плотно и угостили даже Андрея, но тот сделал пару «тяжек», а парни же не успокоились, пока не «добили» все. Спокойный Мишаня достал наушники, врубил свою любимую тяжелую музыку и смело вышел в зал расставлять по полкам тяжелые коробки с порошками. А вот Игорю повезло меньше, его, как говорили парни, «убило». Кое-как он добрался до самого отдаленного угла верхнего склада, где присел на коробки, бормоча что-то невнятное и ворочаясь. Но от камер не скроешься, а они — чтобы труд был эффективнее, да и для пресечения воровства — были установлены в магазине повсюду. Так, на записи видеонаблюдения, которая транслировалась в кабинет руководителя, его и увидела Ирина. Когда она зашла, парни думали: все, «крышка» всей смене. Но Ирина лишь посмотрела ласково на страдающего Игоря, который бессвязно бормотал и пытался понять, что от него хотят:

— Опять накурился? Горе ты наше. Ладно, не делай так больше, — развернулась и ушла.

Ирина была редким — особенно для складов и магазинов — типом руководителя-матери, она видела в грузчиках и продавцах несмышленных детей и не теряла надежды на то, что они повзрослеют. А может, она просто понимала — кто еще будет работать? Уволишь этих — придут или «откинувшиеся», или такие же, рабочие. Знающие, что жизнь — не такая уж и интересная штука, что есть в ней дело, которое — монотонно, мучительно — но надо делать. И не то, чтобы его не сделает никто, кроме тебя — нет, его сделает кто угодно. Но кто угодно и есть будет, и курить. И отдыхать. Рабочий ведь не гопник, не вор, он живет честно. Так что пусть лучше эти, чем воры или гопники, — думала, наверное, Ирина. Ну, иногда срываются — так то жизнь. Парни видели это и тоже не нагнали. Тот же Игорь, например, больше такого не позволял. Накурился тихо, под конец смены. Ну, разве пиво с утра мог выпить. Но без этого, случается, вообще никак.

Андрей хотел было отправиться вниз, к Вовану с Серегой, но дверь с верхнего склада открылась, и оттуда, как ошпаренный, выскочил Макс.

— Курить? — машинально спросил Андрей.

— Так, — крикнул он Андрею. — Прошу вас подойти сюда. Минуточку внимания. Сейчас я проведу для вас увлекательную экскурсию по торговому залу. Вы сможете пройти вдоль рядов с порошками, полюбоваться новыми шампунями, которые появились в нашем магазине буквально вчера, подивиться очарованию...

— Так, Макс, я тебя понял, — прервал его Андрей. — Говори, что надо.

— Как что? — изумился Макс. — Бери тележку и кати в зал! Там все позаканчивалось. Покупатели к нам уже на склад лезут, как зомби. Я им: дверь закройте. Они мне: а где то, а где это? Я говорю: щас, спокойно, Андрюха придет и все выкатит. Он, хоть и пьянь, а у нас больше некому.

Андрею не очень хотелось идти в зал, и он внезапно понял, что Вован с Серегой очень удачно «слились» из курилки на первый этаж, в «андеграунд», хотя именно он должен был работать сегодня там, учить новичка. А троим там делать, конечно, нечего. Не идти же к Саньку, в самом деле, на парней жаловаться? Разве только сам заметит.

— Технично развели, — ухмыльнулся про себя Андрей. Впрочем, подумал это беззлобно: он был благодарен Вовану за то, что тот поправил

ему самочувствие. Можно было и в зале поработать, ладно.

Он вышел в торговый зал и сразу попал в шумное скопление людей. Все галдели, шумели, о чем-то оживленно переговаривались, спорили, кричали что-то в трубки телефонов, толкали друг друга и извинялись. Андрею захотелось заткнуть уши, только бы не слышать их. Он быстро оценил, какого товара и сколько нужно – за время работы он уже научился измерять это количество в коробках. «Три с половиной», – подумал Андрей, посмотрев на стеллажи со средством для чистки унитазов.

– Почему у вас ничего нет? – возмущалась под ухом какая-то старушка, крашенная в странный фиолетовый цвет. – Что за работники?

– Да они здесь безответственные все, – вторила ей другая. – Такие деньги получают, и такие безответственные.

«Какие деньги, – Андрею захотелось заорать ей в лицо. – Посмотрел бы я на вас, как вы бы прожили на такие деньги!» Но он сдержался. Даже не потому, что клиент всегда прав, просто в этом споре не было никакого смысла. Он вспомнил, как любил Вован, если видел, что кто-то на складе грустный, повторять одну и ту же шутку:

– Подними вверх руку, – просил он, и любой из парней без лишних вопросов поднимал, ожидая, что будет дальше.

– А теперь резко опусти так и громко скажи: «Да ну и хрен с ним».

Кто-то просто смеялся, а кто и действительно махал рукой и произносил «волшебную фразу». Все эту шутку знали, но как-то машинально в нее «ловились», да не по одному разу. Может, людям она просто нравилась? Ведь после нехитрого действия действительно становилось легче.

– Дайте мне пустые коробки, – чей-то капризный тон вырвал Андрея из этих мыслей, и он увидел перед собой ухоженную женщину лет сорока, в деловом костюме, с аккуратной дорогой подвеской, на которую и устремился взгляд комплектовщика и даже задержался там на некоторое время. Такие женщины всегда нравились ему, но не в нынешней ситуации.

– Пустые коробки, говорю, дайте, – раздраженно повторила она. – Молодой человек, мне долго ждать, пока вы там выйдете из своего наваждения?

– У нас нет пустых коробок, – тихо сказал Андрей.

– Что это значит нет? – взвилась женщина. – У вас целый склад коробок.

– У нас склад не коробок, – терпеливо сказал Андрей, – а продукции.

– Ну так продукция в коробках. Вы меня за дуру держите?

– В коробки собираются оптовые заказы, их и так не хватает.

– Молодой человек, – взвилась женщина, – я не хочу с вами спорить. Просто дайте мне коробки и все. Вы обязаны.

Андрея начало это раздражать. Выдача пустых коробок капризным и наглым дамам в его должностные обязанности не входила, нигде и никак прописана не была.

– У нас тут не магазин коробок, – ответил он ей и хотел было развернуться, но тут женщина применила последний аргумент. Точно, как же он мог про него забыть!

– Немедленно несите коробки, – сказала она, – а то я позову управляющего.

– Зовите управляющего, – вздохнул Андрей. – Коробки от этого не появятся. У управляющего их нет.

Но тут он увидел тележку, которая стояла за женщиной и, очевидно, была именно ее тележкой. Вместительная и широкая, она была полностью набита товаром, даже с горкой. Шампуни вперемешку с порошками, освежителями, туалетной водой, зубной пастой, средствами для чистки унитазов, кондиционерами для белья и мужскими бритвами. Андрей представил, как тащит она это все до машины – а машина у такой женщины наверняка есть – и никто ей не помогает, и ругается она на пути, и злится, и падают эти шампуни из ее рук. Он взглянул на нее и понял, что не хочет, чтобы эта женщина расстраивалась.

– Ладно, – произнес он. – Сейчас выставлю что-нибудь, будут коробки. Подождите немного.

– А, испугался, – торжествующе произнесла женщина. – И правильно, сейчас позвала бы управляющего, уволили бы тебя к чертовой матери.

«Лучше бы ты молчала, дура», – сердито подумал Андрей и отправился на склад. Там ревели музыка и стоял мат: парни старались переорать друг друга и радио, хотя ничто не мешало сделать его тише.

– Кинь мне пару этих, – кричал кто-то. – 13 300.

– 13 300? Нет такого артикула.

– Ой, мать твою. 13 200! Парочку.
– Другое дело. А то что-то ты попутал, я гляжу.

– Да, заработался маленько.

Андрей подошел к кипе коробок, посмотрел артикулы, нашел нужный, снял три коробки, поставил их друг на друга, взял обеими руками и понес в сторону зала.

– Андрюх, – окликнул его Мишаня. – Ты это, чего дурью маешься?

– Чего? – не понял Андрей. Неразговорчивый обычно Мишаня, и тут решил о чем-то его спросить! Верно, что-то важное!

– Тебе чего, за это платят?

– За что? – удивился Андрей.

– Ну вот за то, что коробки таскаешь, – ответил Мишаня. – Взял бы да на тележку положил.

– Так они не тяжелые, – ответил Андрей. – Да и пока тележку найдешь...

– А я бы тележки дождался, – расслабленно произнес Мишаня, – чем надрываться. Правильно, парни?

– Правильно, правильно, – вторил ему Макс. Андрюху это, конечно, удивило: старший смены, как-никак, его должно заботить, чтоб работа скорее исполнялась. – У тебя, Андрюха, скоро энтузиазма-то поубавится.

– Смотри, пупок надорвешь, а это здесь никто не оценит, – включился Санек. – Уволят без выплаты пособия, да и все.

«Чокнулись вы, что ли, все», – Андрей развернулся и вышел в зал. «Какая ерунда, – раздраженно думал он. – Нашли о чем спорить. Быстрее взять коробки и выставить их, чем попусту трепаться. Какая разница, тележка–не тележка».

– Молодой человек, ну что вы так долго, – раздраженно сказала женщина в костюме. Андрей аж сморщился, увидев ее. – Давайте я вам помогу.

Она схватила пару флаконов со средствами и спешно, кое-как, поставила на полку.

– Давайте я сам, – сказал Андрей.

– Нет уж, давайте помогу.

Поможет она, как же, думал Андрей. Коробки ей нужны скорее, потерпеть не может.

– Слушайте, а чего вы тут работаете, – неожиданно начала женщина.

– В смысле, как чего? – повернулся к ней Андрей.

– Ну вот зачем вам это? Коробки какие-то таскаете целыми днями, грузите что-то, расставляете. Вы же молодой! Вам нужно будущее свое

устраивать. Занялись бы бизнесом, знаете, что такое свое дело?

«Вот оно, мое дело», – усмехнулся Андрей, глядя на аккуратно расставленные ряды моющих средств. Но к женщине прислушался.

– А хотите, я вам помогу, – сказала она, вытаскивая новую порцию флаконов из коробки.

– Да вы и так помогаете.

– Да нет, я не об этом, – она засмеялась. – Я не об этом. Я о своем деле. Введу вас в бизнес. Будете работать со мной.

– Что за бизнес, – прошептал Андрей. На мгновение его голова закружилась. «Вот он, счастливый случай», – думал он, и у него аж дух захватило: он подумал, что понравился этой милой женщине. Может, она увидела, что его уровень выше, что ему действительно не место здесь, среди коробок этих, да просто Омск не дает, просто растерялся он в этом городе. Нужно помочь, подтолкнуть парня. Он же способен, со всем справится. Она разовьет его, вырастит, и станет он ее полноценным бизнес-партнером. Да и в жизни, конечно, партнером. А как иначе? Не просто же так она предлагает ему? Значит, она одинока. Значит, хочет выхватить его из толпы, из окружающей серой среды, и забрать его в свой мир – мир возможностей, мир больших, настоящих дел и больших, настоящих радостей. Она так хороша, – он посмотрел на дорожную подвеску, потом выше, на лицо женщины. А Женька что? Да вряд ли он вспомнит о Женьке.

Но к своим годам Андрюха уже точно знал: так не бывает. Здесь что-то не так.

– Вот, возьмите, – она протянула Андрею какую-то брошюру. – Почитаете на досуге.

Андрей свернул ее и сунул в карман штанов, мельком разглядев, что там изображены в большом количестве какие-то духи, помады, туши, карандаши для ресниц и прочая косметика.

– И все? – разочарованно произнес он.

– Если заинтересует, звоните. Я вас подпишу. Будете строить бизнес в моей ветви. Все очень просто: для начала вам нужно купить пакет из пробников и набор первичных инструкций. Заключим договор...

– Так это что, сетевой маркетинг? – догадался Андрей.

– Да. Самый быстрый и честный бизнес. Если вы, конечно, настроены к жизни позитивно и хотите зарабатывать.

«Где-то я все это слышал», – подумал Андрей и ответил коротко:

– Нет, спасибо.

Коробки уже освободились, и он протянул одну из них женщине.

– Разве вы не хотите отсюда уйти, стать свободнее? Разве вам это нравится?

– Не хочу, – ответил Андрей, проигнорировав второй вопрос.

– Ну, ваше дело, – разочарованно протянула женщина, принимая коробку. – Это ведь просто ваша работа, верно?

– Это мое призвание, – ответил он, глядя ей в глаза. – Всего доброго.

Андрей развернулся и отправился в столовую для сотрудников. Попастъ в нее можно было прямо из торгового зала, минуя склад. Он приложил электронную карту к считывателю, и дверь поддалась.

На «кухне», как называли все это маленькое помещение для приема пищи, оборудованное кулером и микроволновкой, уже сидели Руслан и Юрий – парочка из области, они все время работали вместе, приезжали на одной машине, ходили вместе в курилку, на обед, работали в зале, и даже жили они вместе – снимали одну квартиру на двоих, так дешевле. Общались они в основном друг с другом, остальные парни считали их туповатыми, но ничего такого им не показывали: на складе все были равны. Юрий громко кашлял, так, что сидевшая рядом администратор Лена даже отодвинулась от него подальше, а Руслан выговаривал ему:

– Ну ты даешь, братан. Не хочешь даже на больничный идти. Не дело это – с таким кашлем на работу приперся. Я же тебе говорил утром.

Андрюха взглянул на часы и присвистнул: он и не думал, что прошло больше половины дня. Складская работа такая: бывает, день тянется, как резина, и думаешь уже, что он никогда не кончится, а бывает... Бывают и такие вот сюрпризы, как сегодня. Правда, и власть «дорожки» над ним слабела, надо спуститься к Вовану, если он там еще жив, думал Андрей. Следом за ним на кухню зашел и Макс. Руслан, увидев его, оживился.

– Макс, давай разрули наш спор, – запричитал он. – Как старший смены. Вот скажи, человек с температурой под 38 и кашлем что должен делать – работать или дома сидеть?

– А кто это с кашлем? – поинтересовался Макс.

– Так кто же? Юрец наш, конечно, кто же еще до такого додумается. Совсем башки нет у парня.

– А ну-ка покажись, – сказал Макс Юре, и тот повернул к нему красное от продолжительного кашля лицо. Глаза его были воспалены, а под носом болталась сопля. Выглядел Юра, скажем прямо, не очень.

– Так а чего ты, – начал Макс, – на самом деле, дома не сидишь?

– Ну а чего? – огрызнулся Юра. – Мне кто-то платить будет за то, что я дома сижу? Деньги-то мне нужны. Нам вон за хату платить, – напомнил он Руслану. – Так что будет температура хоть сорок – а я на работу выйду.

– Ишь ты, герой какой! – передразнил его Макс. – Я на работу выйду! Нам тут всем деньги нужны, не только тебе. И семьям нашим. Андрюхе вон на пиво, – он нервно засмеялся. – А ты вот заразишь нас – здесь полсмены на больничный слягут. Ты не о себе думай-то, а о парнях. Мы-то чего, из-за тебя тоже болеть должны?

– Ну, – неуверенно подхватил Руслан, хотя он думал, что Макс станет убеждать Юрика заботиться о своем здоровье. Но оказалось, способ Макса действеннее.

– Я тебе как старший смены говорю: давай домой иди. Прямо сейчас. А то я вообще Ирине расскажу. И Санек тебя домой отправит, да любой.

– Чего, серьезно? – спросил Юрий. – Ну ладно, что-то мне действительно хреново.

– Давай, лечись, – сказала Лена. Всем казалось, что она и не слушает их разговор, оказалось: нет, слушает. – Выздоровливай, – говорит.

Юра встал и, охая, направился к выходу. Андрюха распаковал «Доширак» и стал неспешно заливать его горячей водой.

– Чего, Андрюх, тоже пообедать решил? Дошираком, смотрю, разжился. Зарплату, что ль, получил?

– Угу, – буркнул Андрей. – Кредит взял.

– Обед – это правильно, – сказал Макс. – Война войной, а обед по расписанию. Верно я говорю, Рус?

– Верно, – ответил тот.

– Верно, – повторил Макс. – А теперь иди поработай. А то парни там умаялись уже, а тебя я, как ни зайду, здесь вижу.

– Так и я, как ни приду, ты заходишь! – возмущился Руслан.

– Давай, давай, не спорь! – сказал Макс.

– А ты тоже обедать? – спросил Андрей.

– Да нет, – Макс почему-то призадумался. – Я уже этих Дошираков наелся, тошнит от них. Я

так, водички попить. День какой-то сегодня дурацкий. И все галдят, бегают туда-сюда.

— Обычный день, — усмехнулась Лена. — Приятного аппетита, — сказала она Андрею.

— Да какой там, — Андрей поморщился, глядя на Доширак. После дорожки и есть-то не хотелось, он и пришел сюда потому только, что умаялся, посидеть хотел. Надеялся, что Женька будет. А ее вот нет.

— Вот скажите мне, — обратился он к Макс с Леной. — Почему Доширак так по-дурацки рекламируют? Вот показывают семью обычную, молодую — муж, жена, детишки, все такие счастливые, возвращаются домой, дом шикарный, отдельный, мебель дорогущая, за окном сад какой-то цветет, одеты — знаете, ну, по-простому, но со вкусом. Улыбки у всех, радость такая, ну просто... И вот мама, жена, значит, ставит кастрюлю на стол, открывает, а там — м-м-м, у всех слюньки текут, — лапша растворимая вот эта, разведенная в воде. И все такие: мама, ни фиги себе, как вкусно!

Макс засмеялся:

— Ну а ты чего хотел?

— Да покажите вы, как есть на самом деле, — возмутился Андрей, наворачивая Доширак. — Неужели такая семья лапшой будет питаться? Покажите грузчиков таких, как мы, которые умаялись и жрут в перерыве Доширак свой, потому что на другое просто денег не хватает да и времени. Пять минут на все. Все равно ведь только мы эту дрянь и едим...

— Ну да, ну да, — Макс, казалось, задумался о чем-то своем.

— Мальчики, хватит ерунду какую-то обсуждать. — встряла Лена. Она как администратор лапшу, конечно, не ела. Заказывала пиццу себе, ей доставляли прямо на работу. Иногда салатов каких-нибудь, горячих блюд. Грузчики, конечно, их ели только дома. — Сегодня ведь Крым присоединили! Это так классно!

— Ага, — сказал Макс. — Я тоже смотрел. Молодцы, чего. Теперь будем туда ездить. Я там служил вообще, Андрюха знает, в Севастополе. И еще приезжал недавно, с женой отдыхать, деньги у них нелепые какие-то — гривны, все по-украински. Я вот думаю: что за ерунда, вокруг все русские, а тут этот театр — флаги эти желто-голубые, мова. Посмешище какое-то.

— Это точно, — усмехнулся Андрей. — Он в Крыму никогда не бывал, но очень рвался. Было не с кем поехать, а одному грустно: все отдыха-

ют, купаются, любят друг друга, счастливые. А он будет на берегу с бутылочкой пива сидеть, один... Хотя? Почему бы и нет.

— Все говорят вот сейчас о какой-то истории своей, о независимости, целостное государство, блин. Я сижу и думаю: какая еще история? Какое государство? Украина вообще не страна, а гадость какая-то. Только вонь от нее, только страдания людям. Смысла никакого нет в этой стране, они сами это понимают, идиоты эти, что у них у власти. Вот и бесятся.

— Сволочи. Новая власть, твою мать. Чем только ни занимаются, а всего-то надо: услышать людей на юге и востоке. Которых больше, кстати. Просто услышать и все.

— Ребят, ну хватит о политике, — улыбнулась Лена. — Там же солнце. Вот что самое главное. Там тепло и солнце.

— А я вот главное, наткнулся в Интернете на какой-то пост, — не замечая ее слов, продолжил Андрей. — Пишет какая-то дура, но богатая вся, расфуфыренная такая. У нее ребенок в школу ходит, где-то, я не понял, то ли на Украине, то ли вообще в России. И вот ему там в школе объясняют, что Крым присоединили, все радуются, мол, учителя, и дети. И вот ребенок домой приходит, а она ему говорит: «Чего радуешься-то? Стыдно должно быть! Это то же самое, что у соседки, мол, больной, лежачей, кошелек украсть». Ну ни хрена себе, думаю, сравнения у человека. Написал ей: дура ты. Это правый сектор, что ли, старушка, это сволочи все ваши на Майдане, до зубов вооруженные — это старушка, что ли? Захожу к ней на страничку. Ну, посмотреть, кто такая вообще, что за личность. Пишет: «Любовь вообще что-то лишнее в моей системе ценностей. Не понимаю тех, кто говорит, что люди должны любить. Люди никому ничего не должны, только себе. Люди должны думать, люди должны действовать, люди должны не быть овощами. А любить? Пусть этим занимаются те, кто ни на что другое не способен».

— Что, так и написала? — переспросила Лена. Казалось, настроение ее испортилось.

— Так и написала, — подтвердил Андрей. — Ну, я стал читать дальше. И знаешь, этих гадов всех... Читаю, блин, и думаю. Вот кто ни выступает против Крыма — у каждого «любовь — это не ценность». Вот буквально у каждого, хоть где-нибудь да промелькнет.

— Я вообще не понимаю, как против Крыма можно выступать, — произнес Макс. — Это идиоты какие-то, ей-богу.

– Это не идиоты, Макс, – лицо Андрея стало мрачным и серьезным. – Это враги.

– Да их вон целый Майдан в Москве собрался против Крыма. Я когда узнал, аж охренел. Это как вон с твоим Дошираком – показывают не то, что надо. Точно такая же история. Вы, блин, покажите, как оно есть на самом деле. Не надо вот этих «Мы за мир», «Мы за невторжение». Они просто кроме частной собственности ничего не знают. С 91-го года. Это у них в крови, это их религия, – Макс, похоже, не на шутку распалился. – Они не понимают просто, что на Украине живые люди, для них это что-то неодушевленное, стерильное. Просто какое-то понятие, слово: Украина, а обозначает оно частную собственность. А частную собственность трогать нельзя. Она неприкосновенна. Однако вот же, с Крымом прикоснулись. Отсюда и все вопли их. Они выходят на эти площади не за мир, а за свое богатство. За то, чтобы они богатели дальше, и им никто не мешал со своим Крымом, не лез, чтоб не мешали в Европу ездить, коньки хлестать. Вот и все. Вот и вся их свобода.

– Чтоб такие, как мы, не мешали, – сказал Андрей.

– Ребят, ну а что, ездить в Европу – это плохо, что ли? Частная собственность – это плохо? – спросила Лена. – Вы щас заговоритесь тут. Вот теперь у нас частная собственность на Крым.

– Эх, Лена, Лена, – махнул рукой Макс, выкинул пластиковый стаканчик в урну и вышел из кухни. Андрей опять вспомнил шутку Вована и про себя улыбнулся: «Да ну и хрен с ним».

– Главное ведь любовь, – медленно сказала Лена, как будто убеждая в этом себя. – Не понимаю я тех, кто так пишет. Да и нет у меня знакомых таких, мои подружки все любят. Или надеются, что полюбят, – она улыбнулась как-то грустно. Андрей с Леной остались на кухне вдвоем.

«Любовь – это, конечно, главное, – внутренне соглашался Андрей. – Но зачем о ней так много говорить?» Лене было слегка за 30, и она относилась ко второй категории – тех, кто своего счастья ждет, да никак не дожидается, и уже начинает нервничать, покусывая заусенцы. Она следила за собой, за счет чего и выглядела привлекательно – зарплата администратора была неплохой. Но тем не менее, ее привлекательность не подкупала парней на складе. Не подкупала и Андрея. А Лена ведь искренне считала себя чуть ли не главной красавицей в магазине.

– У тебя есть девушка? – спросила Лена. Нет, она, конечно, не предлагала Андрею ей стать и совсем не за тем спрашивала, а потому лишь, что не умела – а может, и не хотела – говорить на другие темы, кроме любви. Ну, помимо рабочих, разумеется.

– Нет, – покачал головой Андрей, доедая «Доширак».

– Мне интересно, а почему ее у тебя нет? А ведь была же?

– Была, – односложно признался Андрей.

– А чего вы расстались? Она тебя бросила, да? – спросила Лена, сделав грустное выражение лица.

«Угадала, зараза», – подумал Андрей, но не ответил.

– Ничего, еще встретишь, – сказала Лена как-то утешающе, как будто Андрей только что жаловался ей на одиночество. Но ничего ж такого не было, подумал Андрей и посмотрел на нее искоса.

– И я встречу, – добавила Лена. – Я очень хочу.

– Главное к лету успеть, – подмигнул ей Андрей. – Чтобы было с кем в Крым ехать.

Устав от женского разговора, Андрей вернулся на склад, где разговоры шли, конечно, мужские – иных и не могло быть, ведь здесь работали только парни. По правде говоря, и от мужских разговоров Андрей устал и их не желал слушать, но тут уже, в отличие от «кухни», никуда не денешься, не возьмешь и не выйдешь. «Работать, негры, солнце еще высоко», – любил повторять Вован.

– Парней, конечно, жаль, – говорил Руслан и качал головой. Андрей понял, что упустил какую-то историю.

– Вы о чем? – спросил он.

– Да отловили их. Помнишь, история была? Грабнули инкассаторов, пару человек пришили и смотались быстро. Весь город на ушах стоял, потом забыли немного. Я думал, они уже на островах греются.

– Да все думали, – подхватил Игорь.

Андрей пытался вспомнить, что за история с грабителями инкассаторов, которую он пропустил, и уже готовился сказать парням, что, мол, не помнит он, о чем они вообще говорят, как вдруг его словно ударило током: да, была такая новость. Он еще не работал тогда здесь, а только приехал в Омск. Пришив, как говорили парни, инкассаторов, бандиты не забыли и двоих

прохожих – дело происходило со стороны двора, а там случайно оказались старушка и молодая мама с коляской. Вспомнив об этом, Андрей недоуменно посмотрел на Руслана, а затем и на Макса.

– Эй, вы чего, парни? Кого вы жалеете?

Макс промолчал, а Руслан не стал:

– Рискнули ребята, да не повезло им. Это ж сколько у них – десять лямов на руках было! Вали куда хочешь. Во идиоты!

– Хотели ребята свободы, – как будто мечтательно произнес Игорь.

– Да вы что, чокнулись все? – сказал Андрюха. – Парни ваши убили старуху и молодую мать. У меня таким вообще нет оправдания. Пусть сидят, заслужили.

– Ну да, они беспредельщики, конечно, – медленно произнес Макс, как будто думая о чем-то своем. – Они, конечно, беспредельщики...

– Так, беспредельщики, – прерывал их Санек, который, по всей видимости, услышал конец разговора. – У меня к вам разговор. Как раз о беспредельщиках. Сделайте-ка радио потише.

Руслан нашел на коробках пульт от музыкального центра и вообще вырубил звук. Наступила тревожная тишина. По тому, как Санек молчит и всех оглядывает, Андрей понял: наступает тяжелый разговор. Возле коробок бродил растерянный Валера – тот самый мужик шестидесяти лет, который никак не мог запомнить артикулы и потому записывал их аккуратно в столбик на кусок картона.

– Валер, иди тоже сюда, – Санек описал в воздухе приглашающий жест.

– А? Что? – засуетился Валера.

Андрей заметил, как подошли Вован с Серегой – видимо, старший смены позвал всех парней. Случалось такое редко, и Андрей терпеть не мог подобные разговоры. Но следующая фраза Санька прозвучала неожиданно:

– Пацаны, – сказал Санек, – вы все знаете, что крысятничество – это самый чудовищный грех.

– Ну, знаем, – усмехнулся Игорь. – И что?

– Та-а-ак, – громко сказал Вован. – Начинается. У тебя опять паранойя, что ли?

– Я тебе поговорю щас, – взорвался Санек. – Вылетишь вообще отсюда. За свои опоздания, и за свою наркоманию. Все знают, что ты наркоман.

– Ну, за что еще? – насмешливо сказал Вован.

– За язык твой борзый.

– Все знают, что ты с начальством трешься, – крикнул Вован.

– Заткнись, я тебе говорю, – побагровел Санек.

– Ну так, чего хотел? – продолжал наступление Вован. – У меня вообще-то работа.

– Кошель украли у меня. Из раздевалки.

Парни притихли, только Валера как-то негромко охнул. Но молчание Вована длилось недолго.

– Ну, поздравляю, – сказал Вован. – Ищи лучше, чем на парней вешать.

– Я тебе сказал, засранец, – медленно проговорил Санек. – Я обыскал все, понял. В раздевалке нигде нет.

– Мою куртку обыскал? – зло спросил Вован, и старший смены промолчал. – Нет, ты чего вот думаешь, что это я, что ли, сделал?

– Ну, почему сразу ты? Я вот всех собрал, чтобы нормально, по-человечески поговорить. Ну, мало ли, забылся кто.

– Ты сам, по ходу, забылся, – психовал Вован. – Меня вызвал? Вызвал. Значит, подозреваешь.

– Ну, подозреваю, – неуверенно сказал Санек.

– Так вот, знаешь что: пошел ты... – Вован развернулся, вышел со склада и громко хлопнул дверью.

Санек не знал, как вести разговор дальше. Вован, в принципе, сказал за всех. Однако факт оставался фактом: кошелек у старшего смены действительно украли, придумывать бы эту историю он точно не стал. Тогда кто?

– По камерам посмотри, – неуверенно произнес Валера.

– Да, камер-то там нет, это ж раздевалка. Да и вообще внизу камер нет, – махнул рукой Санек. У него наступила какая-то апатия.

– Не, Санек, это не я, – нарушил молчание Игорь. – Ты знаешь, я не крыса.

– И не я тоже, – сказал Руслан. – Может, новенький?

Ну, конечно, кто, кроме Руслана, мог еще это сказать. Серега посмотрел на Руслана спокойно и даже как-то презрительно. Парни затаили дыхание, ведь вполне могла начаться драка. Но нет, этого не случилось.

– Да ты – ладно, – отвлек их внимание Санек. – Я на тебя и не думаю, ты ж нормальный парень, иди уже.

Логика Санька была, конечно, странной: откуда он мог знать, что Серега ни при чем, «при чем» мог быть кто угодно. Но заводить такой разговор без фактов – это, конечно, была ошибка Санька.

– А может, ты, Андрюха, а? Стихоплет? Тебе ж на опохмел не хватало утром. Да и вообще, не нравишься ты мне. Мутный какой-то, молчаливый.

– Нравлюсь – не нравлюсь, – сказал Андрей. – А я никогда ни у кого не крал. Запомнил бы ты это.

Санек встал, отряхнулся и направился в сторону торгового зала:

– Пойду с охранниками поговорю.

Признаться, после этого разговора уважения у парней к Саньку не прибавилось. Кроме Руслана, конечно: он всегда и во всем Санька поддерживал. Но и настроение у всех ухудшилось: Санек Саньком, но ведь кто-то действительно крыса. Парни хотели быстрее замять тему, забыть о ней. На их счастье, Макс показал свежую товарную накладную: из-за разговора они задержались, и теперь нужно было быстро собрать огромный заказ.

– Слышали, – прервал тягостное молчание Макс, – новость из Казани?

– Какую? – спросил Андрей. Татарстан напомнил ему о Женьке, и почему-то сразу захотелось услышать.

– Парни девять месяцев строили электростанцию в Иране. Поехали из Татарстана, значит... Это я по телеку утром видел, – зачем-то уточнил Макс. – Работали там каждый день, жрать, говорят, нечего было, ничего не давали. А зарплату говорят – когда в Казань вернетесь. Ну, вернулись они, говорят: где зарплата? А нет, говорят, зарплат. Фирма закрылась, говорят, на которую вы работали, начальника нет в России, да и не начальник он больше. Так что все, ребят, извините, есть еще какие-нибудь вопросы?

– Ну, козлы, – нервно засмеялся Игорь.

– А чего? – крикнул Руслан. – Чем они думали в самом деле? Сразу ж было понятно, что обманут.

– Ой, – рассмеялся Макс. – Одному тебе все сразу понятно!

– Невыплата зарплат – это вообще самый страшный грех, – неожиданно даже для самого себя произнес Андрей.

– О, да ты коммунист! – присвистнул Макс.

– Мне кажется, рабочий человек по природе своей должен быть коммунистом. Даже если он

ничего не знает о коммунизме и ничего не говорит об этом. Я не представляю себе рабочего-некоммуниста.

– Ну да, я тоже, конечно... – задумался Макс. – Не против тех старых времен.

– Хотите, чтобы Сталин вас расстреливал? – усмехнулся Руслан. – Не живется вам спокойно.

– Коммунизм – это не Сталин, – спокойно сказал Андрей. – Коммунизм – это справедливость. Одно слово. И все. Сталин здесь ни при чем.

– Коммунизм – это несвобода, – возразил Руслан.

– Да уж лучше, чем такая свобода, – усмехнулся Макс. – Что вот мы живем такие, свободные, а жрать нечего.

– Свобода – это ложь, – сказал Андрей. – Ее нет. Когда отменяли льготный проезд для стариков, какие-то еще медицинские крохи, в общем, копейки какие-то, которые государство тратило... была монетизация льгот, ну помните? – Макс кивнул, а остальные его, казалось, не слушали. – Выступали всякие по телевизору... И говорили, мол, этими льготами мы унижаем стариков – мол, подсовывая ему бесплатный проезд, мы признаем тем самым, что он уже старый, немощный и не способен сам на него заработать и сам его себе оплатить. А может, старику обидно до слез: я же сам, я могу, мне восемьдесят, а я еще могу работать, ведь кто не работает, тот не ест. А вы мне тут суете проездной свой...

– Охренеть, – сказал Макс. – Нет, я не видел.

– Плохо смотрел, – сказал Андрей. – Я, правда, мелкий был, но я все помню. И они говорили тогда: мы отменяем людям подачки, зато даем им свободу. Это значило: лишаем людей всего. Так что знаете, все эти разговоры о свободе – это просто легкий способ снять с себя ответственность.

– Это те же самые, что против Крыма выступают, – кивнул Макс. – Узнаю их.

– Конечно, – кивнул Андрей. – Они были всегда. Вообще, я считаю, что народ должен зарабатывать больше всех, – его понесло, такое случилось, когда Андрей начинал говорить что-то важное, может, болезненно важное для самого себя. – Работа на заводе, работа на предприятии, работа на складе, в конце концов – это все мучительно тяжелее, чем сидеть в офисах. Быть директором проще, чем быть грузчиком, когда ты директор – ты живешь, когда ты грузчик – ты мучаешься. Жизнь – это страдания, с утра до но-

чи, за них должны платить больше, чем тем, кто торчит в бизнес-центрах. Народ живет хуже кого угодно, хуже всех на свете, а ведь это самые достойные люди. Народ должен зарабатывать больше всех, тогда все в мире будет устроено правильно.

— Ну, ты люби-то нас, но не залюбливай, — усмехнулся Игорь. Андрей закончил говорить, и с удивлением понял, что все внимательно слушают его. Даже Валера, по привычке открывший рот, даже Мишаня.

— Народ вообще странное слово, — сказал Руслан, и осторожно, словно пробуя слова на вкус, произнес. — Народили — вот и народ. Как нарост, нарыв.

Макс хотел что-то ответить ему, да не успел.

— Я вам скажу, кто зарабатывает больше всех. — начал Валера. — Мы работали когда-то в крупном таком магазине — косметика, парфюмерия, все дела — в общем, по всей России у них магазины есть. И вот как-то раз говорят нам: приезжает начальник, из самой Москвы, значит. Ну, нам, естественно, пофигу, хоть из Москвы он там, хоть откуда, работаем, как работали, а начальство кипишует — бегает как ошпаренные. И вот приезжает красавец. Дай-ка, думает, на склад зайду. Что его угораздило? Бог знает, вот чего ему на складе делать. Зашел, все парни стоят, на него смотрят, а склад большой там, не то, что этот. И ходит между всего этого, а мы видим — какой-то он странный. Расфуфыренный весь, крашенный, одежда какая-то нелепая, розовая вся, колечки какие-то, браслетики, сережечки, разговор такой по телефону ведет, тьфу ты. Парни стоят и думают: зашваренный, что ли? Господи, какой позор. Сколько честных людей работает вот на такую... Тьфу ты.

Все смотрели на Валеру, и никто не знал, что добавить. Только улыбались и кивали головой. Валеру называли «президент Колумбии», за то, что однажды в местной газете нашли фотографию этого самого президента и обнаружили удивительное сходство. Фотку немедленно вырезали и прицепили на Валерин шкафчик в раздевалке. Глядя на Валеру, Андрей вновь вспомнил об этом и рассмеялся: президент Колумбии. Господи, 60 лет мужику. В детстве Андрей всегда думал, что, чем старше человек, тем больше его уважают, возраст — это опыт, солидность, авторитет. Один вид Валеры, трясущегося, с вечно открытым в недоумении ртом, напоминал ему, как мир несправедлив. «Нужно уезжать из Омска», — промелькнула мысль.

— А я просто хочу сменить работу, — беззаботно сказал Игорь, как будто угадав его мысли.

— Да, — спросил Макс. — И на какую же?

— А, не знаю. Приду и скажу: я тяжелого ничего поднимать не хочу. Есть у вас для меня что-нибудь?

Андрей рассмеялся:

— Так ты никогда никакой работы не найдешь. На собеседовании так не говорят.

— А как говорят? — казалось, искренне изумился Игорь.

— Там врут. На собеседовании главное — врать. Причем врешь ты, и врет твоя собеседница, как правило, молодая и сексуальная кадровичка.

— О-о-о, — протянул Игорь. — Я уже хочу.

— Хотя, — поддержал Андрея Макс. — Только тебе ничего не обломится.

— На собеседовании все прекрасно понимают, какая мотивация у человека, но это никогда нельзя проговаривать. Правила игры такие.

— Но если я иду из-за денег, почему не сказать: да, я иду из-за денег. Это же честно?

— Свою честность забудь, — сказал Андрей. — Нужно говорить все, что угодно, но не деньги. Скажешь так — проиграл.

— А если не деньги, то что?

— Ну не знаю, карьерный рост, престиж компании, дружный коллектив, копро... тьфу, корпоративная культура. Про личную жизнь вообще нельзя говорить, у тебя ее не существует. Не существует и у нее. Ни у кого.

— Но почему так?

— Все притворяются. Условности такие. Личную жизнь оставь дома, на работе ты думаешь только о работе. Ты должен быть позитивным, должен хорошо выглядеть. Хоть тебя жена бросила, хоть мать умерла. Никого не волнует. Смотри, это даже у нас так. Кто поднимается хотя бы на должность старшего кассира, уже начинает: корпоративный дух, нет личной жизни на работе, позитивный настрой. Неужели не понятно, что подними ты мне зарплату на пять тысяч хотя бы — и позитивный настрой сам появится, и желание работать. Вот так и продолжается эта линия, потому она и существует, что каждый, кого хоть чуть-чуть повышают в компании, с новой силой, с новым усердием плодит ложь и фальшь.

— Так что, Игорек, запомни, — подытожил Макс. — Ложь и фальшь — залог твоего успеха на собеседовании.

— Тьфу на вас, — сказал Игорь.

— Андрюх, — окликнул его Валера. — Ну а как, ты думаешь, должно быть?

— Что должно быть? — не понял Андрей. Он опять ощутил, что ему становится хуже. Энергия «дорожки» окончательно закончилась. Нужен был Вован, ну или пиво.

— Ну вот, вместо этой лжи и фальши? О которой ты говоришь.

— Я думаю так, — мрачно сказал Андрей, пытаюсь сформулировать, как же он думает. — Работа на складе, ну типа нашей — она должна быть как армия. На один год. Каждый человек обязан по достижению такого-то возраста, ну, в молодости, конечно, проработать год на складе или в магазине грузчиком, комплектовщиком или продавцом. А девушка, допустим, кассиром. И все. Год проходит — и он об этом забывает навсегда, и ему хорошо, и магазинам: благодаря призывам у них всегда есть сотрудники. Не отчаявшиеся, а нормальные, знающие, что у них вся жизнь впереди.

Андрей был доволен своей мыслью. Он замолчал, ожидая реакции, но то, что услышал в ответ, его удивило — совсем не этих слов ожидал «реформатор»:

— Ну, а че делать дальше? — спросил Игорь.

— То есть как это? Жить. Нормально, по-человечески жить.

— Ну а работать-то где? Если на складе только год можно.

— Да, — Андрей тяжело вздохнул. — Ну смотри сам... Если ты хочешь связать жизнь со складом, то можешь, конечно, продолжить работать там дальше, никто же запрещать этого не будет. Зато большинство...

Игорь не дал ему договорить:

— Да большинство-то захочет. Куда ему деваться, большинству?

— Да, Андрюх, — сказал Макс, — помнишь, у нас тут один был — промоутер или мерчандайзер...

— Лохматый такой, — вставил Руслан.

— Да, лохматый. Приходил на четыре часа, пару раз в неделю.

— Да, я помню, — кивнул Андрей. — Акция какая-то была.

— Бесячий такой, — Макс вспомнил и аж поморщился. — А ведь чем он бесил-то всех? Именно этим: что он здесь временно, что придет и уйдет — и нет его. И жизнь его вот эта потом... ну, о которой ты говоришь. Все раздражало. Ему до нас никакого дела, нам до него никакого дела. Чистенький весь такой...

— Да, хорошо, что его убрали, — добавил Игорь. — Ира сама догадалась, что толку от него...

За разговорами заказ был собран, Андрей посмотрел на часы и обрадовался: время неумолимо шло к концу смены, как-нибудь доживет. Молчаливый Мишаня схватился за «рохлю», накачал поддон и стал тащить его в сторону подъемника, Макс отправился выкрикивать Вована, а Андрей решил отправиться во внутренний дворик: давно не курил, да и на складе становилось невыносимо душно, с его лица стекал нездоровый пот, и он радовался, что за этим заказом не было следующего, и появилась возможность передохнуть.

Но едва Андрей вышел во дворик, как забыл сразу же о своих несчастьях — и о тошноте, и о поте, и о рабочем дне — словом, обо всем, как это и происходило с ним всякий раз, когда он видел Женьку. Она стояла возле бетонной стены и, прищурившись, смотрела на него. А он улыбался вовсю:

— Рад видеть тебя, — и тянулся в карман за сигаретой.

— Да что ты, — рассмеялась Женька.

— Серьезно, серьезно, — поспешил заверить ее Андрей. — Ты меня так радуешь...

75

На это заявление Женька уже не ответила, она посерьезнела и вновь отвернулась, посмотрела куда-то в небо.

— Слушай, — Андрей замялся. — Куда-то зажигалку дел. Дай прикурить, а?

— Отчего ж не дать? — усмехнулась Женька и протянула ему желтую зажигалку Cricket. Андрей задержал взгляд на ее длинных пальцах с красивыми, аккуратными ногтями. Правда, кое-где облупился лак, отметил он, но в этом нет ничего удивительного: работая в магазине, невозможно ухаживать за собой ежедневно. К тому же, Женьку это совсем не портило: в самом деле, какая мелочь этот дурацкий лак. Андрей чиркнул пару раз, но огонь не загорался, только мелькала маленькая искорка. «Такую бы между нами», — подумал Андрей и посмотрел на Женьку:

— Не работает.

— Кончилась. Давай, прикури от моей, — беззаботно сказала Женька.

Удерживая сигарету губами, она наклонилась к Андрею — Женька была выше него сантиметров на десять, сделала затяжку и неспешно выпустила дым. Зеленые глаза ее смотрели прямо в глаза парня, в них читалась какая-то игри-

вость, как будто она проверяла его: мол, я не против, я знаю, что нравлюсь, но что ты сделаешь, как поступишь, каков будет твой следующий шаг? Андрей не знал – он думал об этом каждое утро, каждую ночь, засыпая, но не знал. Ее глаза смотрели на него, и от этого взгляда бросало в дрожь, но Андрей выдержал: он прикоснулся своей сигаретой – грубой, толстой, дешевой, пахнувшей низкосортным табаком – к ее изящной, ментоловой, с какими-то бабочками, нарисованными на фильтре – и ее огонь загорелся на мгновение ярче, медленное горение перекинулось на его сигарету, Андрей затянулся так глубоко как мог – словно хотел вдохнуть саму Женьку, а не тяжелый дым. Его глаза смотрели в нее – благодарно, и она, улыбнувшись, отодвинулась от него: все, дальше сам. Он закашлялся и едва не выронил сигарету изо рта.

«Столько прожил, а млею от каких-то школьных сентиментальностей. Глупо-то как. Что ж мне с ней делать?» – подумал он, кашляя.

– Что вчера делала? – спросил Андрей, чтобы начать какой-то разговор.

– Пиво пила, – улыбнулась Женька. – Вот такую бутылку, – она показала в воздухе размер бутылки, – усосала.

– Полторашку?

– Ну, – ответила Женька. – Генку Букина смотрела.

– Одна, что ли?

– Да, я люблю так. Одна посидеть.

– Чего никого не зовешь в гости?

– Тебя, что ли, звать? – спросила Женька.

– Ну, а почему бы и не меня?

Мимо двери проскочил Руслан и, взглянув на Андрея, громко произнес:

– Ох, не добегу...

Женька беззвучно засмеялась и даже прикрыла рот ладошкой, хотя Андрей не помнил, чтобы она так делала раньше:

– Вот человек-то, – тихо сказала она. – Что ему нужно для счастья?

Руслан спускался по лестнице вниз, насвистывая какую-то мелодию. В «андеграунде» был туалет.

– А тебе что нужно? – неожиданно спросил Андрей.

– Мне? – Женька смутилась.

– Так, – раздался наигранно грозный голос со стороны двери, и Андрей увидел Макса. Тот прикурил сигарету еще на складе и вышел во двор, уже попыхивая крепким «Винстоном» – других

сигарет он не признавал. «Удивительная принципиальность у человека», – говорили про Макса на складе.

Вслед за Максом во двор вышла и вся остальная смена: Игорь, Мишаня, Вован с Сергей, поднявшиеся из «андеграунда» – в общем, все вполне буднично: собрали тяжелый заказ, это дело нужно было «перекурить». Подошел даже Вадим, охранник в черном пиджаке – молчал, как обычно, и, щурясь, смотрел на солнце. Не хватало только Санька, который выяснял, не видел ли кто пропажу, и Руслана, у которого были свои дела.

«А все-таки жаль, – подумал Андрей. – Не вовремя вы, парни». Ему очень хотелось побыть с Женькой вдвоем. Но та уже тушила сигарету о бетонную стену.

– Работать, – грустно объяснила она и ушла. Ее место возле стены тут же занял Вован, принявшийся рассказывать о том, как отпускал заказ. По тому, как он энергично жестикулировал во время рассказа, Андрей понял, что «дорожки» у Вована еще остались. Если только тот не «оприходовал» последнюю. Но спрашивать при всех, конечно, не стал.

Вован закончил рассказ, и наступила тишина, никто не хотел больше ни говорить, ни слушать про заказ. Парни смотрели кто на небо, кто на бетонную стену, кто друг на друга – и отдыхали. Игорь уставился на Вована, широко улыбаясь.

– Фак ю бич, – весело сказал он.

– Соси кирпич, – возмутился Вован, и все засмеялись.

– Давайте в города играть, – неожиданно предложил Макс.

Парни, бывало, играли в города, сидя на складе, в курилке или во двореке, когда уж совсем было нечем заняться – карты на складе были запрещены, футбол бумажным мячиком требовал активности, а что делать, если все устали, как черти, и ничего – даже думать – не хочется. Других игр никто не знал. Города приходили на выручку в минуты совсем уж полной тоски, когда оставалось высидеть полчаса до конца смены, но вот так, в коротком перерыве между напряженной работой, никто в города не играл. Поэтому предложение Макса удивило. И все же никто не стал возражать.

– Омск, – первым ответил Андрюха.

– Ах, хитрый-то какой, – засмеялся Макс.

– А мы всегда с Омска начинаем, – заметил Игорь.

– Ну так, – пожал плечами Макс. – От Омска никуда не денешься. Ладно, Киров.

Парни даже не определяли, кто за кем называет города, но интуитивно Вован понял, что его очередь.

– Вашингтон, – выпалил он.

– Вашингтон, твою мать, – передразнил Игорь. – Ты как не русский, Вован.

– Пошел ты. В андеграунде проработаешь с мое, как тебя зовут, забудешь.

– Новгород, – сказал Игорь. Все вопросительно посмотрели на охранника Вадима, но тот только чуть заметно кивнул головой: мол, я не играю, и продолжил курить.

– Донецк, – сказал Серега.

– Ты из Донецка? – парни засмеялись.

– Да нет, просто город такой, – стушевался Серега.

– Скоро такого города не будет, – сказал Макс. – Телек смотри.

– Но пока-то можно? – крикнул Игорь.

– Только осторожно, – Макс повернулся просительно к Мишане.

– Комсомольск-на-Амуре, – сказал тот.

– Миш, ну надо выпендриться, – не выдержал Вован. – Вот все парни играют нормально, а тебе надо обязательно вот что-то такое...

– Ну, ну – сказал Мишаня. – Что-то такое что? 77

– Ну что, что, – потерялся Вован. – Ну, Комсомольск-на-Амуре – это что такое?

– Ладно, – не выдержал охранник Вадим, и все повернулись к нему. Он так редко разговаривал, что даже сам его голос казался парням удивительным. – Я скажу.

– Ну, говори, – поторопил Макс. Он быстро входил в азарт, даже такой игры, как города.

– Елизаветинка, – сказал охранник.

– Елизаветинка, – разочарованно повторил Игорь. – Это что такое еще? Какая Елизаветинка? Сам придумал?

Охранник посмотрел на него тяжелым взглядом и затянулся.

– В Казахстане. Я оттуда родом.

– А-а-а, – протянул Игорь. – Ну извини тогда. Я не знал.

– Да, – подхватил Макс. – Мы ж не из Казахстана родом. А вдруг придумал? – он хитро прищурился.

– Да ну вас, – охранник Вадим демонстративно отвернулся и даже отошел от парней.

– Ну, Андрюх, твоя очередь, – сказал Макс. – Круг замкнулся.

Андрей почему-то вспомнил урок географии в школе. Вот он стоит у доски и от нечего делать разглядывает на карте неизвестные города. Учительница любила вызывать отвечать и забывать об этом – ей было под 80, и она говорила, говорила, говорила, не умолкая, а ученик все стоял у доски и скучал, пока не заканчивался урок. «Садись уже», – заключала она и выходила из класса.

– Антананариву, – сказал Андрей.

– Чего? – произнесли почти что все, и, казалось, даже охранник Вадим повернулся к Андрею и смотрел на него удивленно.

– Город такой есть, – уточнил Андрей.

– Да ладно тебе заливать, – разочарованно сказал Макс. Стало ясно, что игра закончилась. Вот что после такого скажешь? Да и докурили уже все.

– Да ты придумал, нет такого города, – сплюнул Игорь.

– Капец, – ругался Вован. – Что ты там сказал вообще?

– Антананариву, – повторил Андрей.

– Где это?

– Ну, где-то, – ушел от ответа Андрей. Он пытался вспомнить, где такой город, силился восстановить карту мира в голове, но не мог. «За чем сказал?» – злился он сам на себя.

– Дмитриевна, – крикнул Игорь. – Есть такой город Анта... Анта, нана.

Во дворик вышла уборщица – женщина под пятьдесят, в очках. Над ней постоянно смеялись, но по-доброму. Она была, признаться, не далекого ума, а может, в жизни когда случилось несчастье, изменившее ее. Она всегда улыбалась – какой-то полубезумной, дурной улыбкой, даже когда говорила о серьезных вещах. «Блажененькая», – думал Андрей.

– Ой, солнышко! – рассмеялась уборщица, вскинув руки к небу. Она и не слышала или не хотела слышать вопрос. С ней такое случалось: когда она не хотела с кем-то разговаривать, делала вид, что человека просто нет. – Солнышко, как хорошо. Как я рада тебе! Вышло, вышло солнышко!

Игорь рассмеялся и покрутил пальцем у виска: мол, чокнутая, что с нее возьмешь.

– Я все вижу, – пропела уборщица.

– Ну так скажи нам, Дмитриевна, есть такой город Анта... Андрюх, скажи ей.

– Антананариву, – в который раз повторил Андрюха.

– Не знаю такого города, – улыбнулась уборщица.

– Вот видишь, – серьезно сказал Макс. – Дмитриевна не знает такого города. Значит, нет его.

Он плюнул себе под ноги, словно попрощавшись с собравшимися, и ушел на склад.

– Слушай, интеллигент, – усмехнулся Игорь, глядя на Андрея. – Ты же реально интеллигент, вон даже бородку отрастил.

Никакой бородки Андрей не отращивал, просто не брился уже несколько дней, потому что бухал. Волосы росли неравномерно, клочками: на щеках, под нижней губой, на особенно на подбородке – отсюда и «интеллигентность». Усы, например, вообще не росли.

– Да какой там, – растерянно шмыгнул носом Андрей.

– Ну ты же не обижаешься, когда тебя так называют? – спросил Игорь. – А то я вообще не хотел, так-то...

– Нет, я только за, – рассмеялся Андрей. – Я вообще хочу, чтобы в курилках супермаркетов обсуждали Достоевского.

Парни заржали, оценив шутку. Сдержанно улыбался и охранник Вадим. Он давно докурил, но стоял, слушал. Внезапно заговорил Мишаня:

– Тебе бы вообще в журнале каком работать, а не у нас.

– Чего? – не расслышал Андрей.

– В журнале, газете, говорю. Внешность у тебя такая. Да и... вообще, – протянул он.

– Убого, – сказал Андрей. – Сейчас СМИ нет. Хотя бы как они все называются: «Слон», «Сноб», «Дождь». Как может нормальное издание так называться? Что, блин, за клоунада? О ком они пишут? О людях? Нет. Сноб – это вообще ругательство. А нет, мол, лучшие люди страны. Ну их, – махнул он рукой. – Что мне там делать.

Андрей хотел что-то сказать Вовану, но только сейчас понял, что они с Сергеем уже куда-то ушли. «Как он так, незаметно всегда», – подумал Андрей.

– Слон? – засмеялся Игорь. – Название такое? Это что, типа журнал?

– Ну да, – Андрей не хотел продолжать тему. Мишаня, конечно, попал в точку: когда-то Андрей хотел быть журналистом, но это было очень давно: мечта умерла, и лишь такие вопросы заставляли ее выплыть из глубин подсознания. Впрочем, теперь это уже не было мечтой:

ничего хорошего в журналистике Андрей не видел и читал только журнал о футболе. С бутылкой пива было хорошо.

– Вот ушлепки, – не унимался Игорь. – Люди искусства.

– Они все такие, – добавил Мишаня, правда, было неясно, о ком он. – Я вот по телеку смотрел, что в Италии уборщица выкинула какую-то инсталляцию из мусора, за 10 тысяч евро, прикинь? Утром ей говорят: убирала мусор? Так вот, выкинула произведение искусства. А она: так я думала, это мусор. Десять тысяч евро, прикинь. Из картонных коробок что-то. Че за мир.

– Дмитриевна, – Игорь вновь вспомнил про уборщицу. – А ты убрала бы?

– Чего? – засмеялась уборщица.

– Инсталляцию убрала бы? За 10 тыщ евро?

– Да я каждый день за вами эти... инсталляции убираю. Заказы собрали, раскидали все, разбросали и пошли. Хоть бы кто складывал аккуратно, нет же. Устала я уже, – вздохнула она. – От инсталляций ваших.

Уборщица перестала улыбаться и тревожно смотрела куда-то вдаль. Игорь увидел, что своим вопросом испортил ей настроение, и ему стало не по себе. Все знали, что у Дмитриевны ситуация – не позавидуешь, горе в доме: парализованный муж, за которым она много лет подряд каждый день, сохраняя терпение, спокойствие, а может, и какие-то другие чувства, более высокого порядка, ухаживала и убирала – по утрам и поздним вечерам, потому что в остальное время ее не бывало дома – помимо этого магазина, она убирала еще в двух: на половину и четверть ставки. Наверное, этим глупым взглядом на солнце, неподдельной радостью она хотела защититься от накатывавшего ужаса, от неизвестности – или, наоборот, предопределенности – будущего: что хуже в такой ситуации, сразу и не разберешь.

– Как дома-то, Дмитриевна? – небрежно, стараясь загладить вину, спросил Игорь.

– Да как, – уборщица достала платочек и протерла под глазами. – Как, – растерянно повторила она. – Сижусь с ним и плачу. Сижусь и плачу. Делать-то что?

– Помогает кто? – Андрей тоже решил принять участие в разговоре.

– Помогают молодым, – с каким-то отчаянием в голосе произнесла уборщица, посмотрев на Андрея так, что ему стало не по себе. – Молоденьким девчонкам, кого хотят – вот тем и по-

могают. А кого не хотят – так тем никогда не могут.

Парни молчали, словно пристыженные.

– А мне-то уже пятьдесят, что... Максимум скажут: чего реवेशь, дура? – она нервно теребила платок в руках. – Баба ты, и проблемы твои бабские. Ушла бы к другому, говорят.

– К другому, – сказал Мишаня. – Такое странное слово это: к другому.

– Чего странного-то? – непонимающе спросил Игорь.

– Звучит странно.

– Да обычно звучит. Обыкновенно. Только тебе когда говорят, тогда, конечно...

Уборщица не хотела говорить больше: улыбнувшись, как будто виновато, она торопливо проскользнула в дверь и поспешила вниз, в «андеграунд». «Может, закрыться и плакать?» – подумал Андрей и сам себе ответил: «Может». Не зная, что говорить дальше, Игорь с Мишаней поплелись на склад. Андрею не хотелось ничего: он бы лег прямо здесь, на разогретый асфальт, и лежал бы, уставившись в небо, лишь бы никто не приходил, не видел его, не трогал. А потом... когда он отлежится здесь, когда, наверное, кончится смена, остынет асфальт, закроется магазин, пройдет, как несколько кадров, быстрая звездная ночь... Что будет тогда? А это неважно. Что-нибудь будет, и ладно.

Вадим, охранник в черном пиджаке, смотрел на Андрея, словно выжидающе, но ничего не говорил. Может, он хотел вместе дойти до склада? Или еще покурить? Но курить Андрей больше не мог, да и сил стоять не было, захотелось добежать до «андеграунда», до раздевалки, и упасть. «Точно бандит», – думал Андрей, глядя на охранника.

– Тебе, наверное, ведь много о чем есть рассказать, – неожиданно сказал Андрей.

– О таком не говорят, – ответил охранник.

И правильно, подумал Андрей. Не нужно даже самую малость рассказывать о себе, если не хочешь, чтобы знали все. По крупницам, по маленьким деталям, по историям, которые кажутся тебе незначительными, тебя вытянут всего. Ты станешь прост и понятен, и в какой-то момент обязательно окажется, что больше тебе сказать нечего. Ты все сказал.

Второй охранник был поживее. Улыбчивый усатый Олег оживлялся, когда видел Андрея в зале, всегда замечал его и подходил.

– Давай помогу, – говорил.

«Еще один помощничек», – мысленно вздохнул Андрей. Охранник брал из коробки одну упаковку мыла, затем вторую и медленно, словно нарочно, вертел в руках, осматривал и наконец ставил на полку.

Олег любил говорить о футболе: больше на складе было о нем говорить не с кем, кто-то из парней смотрел футбол, но изредка и от нечего делать, единственным настоящим болельщиком был Андрей. Но тот не сказать, чтобы очень любил разговоры – куда интересней смотреть сам матч или читать о нем в журнале, прихлебывая холодное пиво – поэтому парней не донимал. Да и с Олегом сам не затевал разговоры, но, когда тот подходил, не отказывал. «Пусть потреплется, жалко, что ли», – думал Олег.

– Я вот вообще считаю, что стыковые матчи – это несправедливо. Должны играть сильнейшие команды, – Олег начинал спорить, когда Андрей еще не понимал, о чем идет речь. – Вот на чемпионатах мира всякие Алжиры играют, Тунисы играют, Новая Зеландия даже играет...

– Антарктида скоро играть будет, – добавил Андрей.

– Атлантида, – добавил Олег. – Это точно. А наших там нет. А почему? Разве они слабее? Нет, конечно, они этот Тунис выносят в одни ворота, и Новую Зеландию, если надо, вынесут. Но ФИФА так хитро распределяет места, что Новая Зеландия там все равно будет, для нее отдельное место, а наших там все равно не будет.

– Это континентальный лимит, – ответил Андрей. – Если бы играли действительно сильнейшие, это был бы чемпионат Европы, а не мира.

– Ну так, может, это более справедливо, – прищурился Олег. – Играть должны действительно сильнейшие, и нельзя только по территориальному принципу... Отнимать места у сильных команд, чтобы отдавать их слабым. Просто чтоб они там присутствовали. Чемпионат теряет в зрелищности, спортивный принцип попирается...

– Ну, чемпионат, допустим, в зрелищности не теряет, – сказал Андрей. – Особенно без нашей сборной. Она туда при любом раскладе не пробьется.

– Ну почему, пробилась же и пробьется еще.

– Сейчас повезло просто. А встретятся с Новой Зеландией – все, везение закончится.

– Да ну тебя, – Андрей как-то сник. В разговорах о сборной им никогда не удавалось прийти к общему знаменателю: Андрей, хоть и болел за

нее, но никогда не верил, что она чего-то добьется, Олег, напротив, был убежден, что наша сборная сильнее всех на свете, но козни ФИФА, судей, соперников, календаря и турнирной сетки вечно мешают ей продемонстрировать свою истинную мощь.

— Ну ладно, — Олег немного помолчал. — А слышал, УЕФА запретила финалистам кубков играть в Лиге Европы?

— Это как, то есть — запретила? — не понял Андрей.

— Ну раньше правило было: если кубок какой-то страны выигрывает команда, которая и так играет в Лиге Европы или вообще в Лиге чемпионов, то от страны образуется свободное место, и занимает его как раз финалист кубка, а если и финалист тоже, так и полуфиналист. То есть какому-то клубу из второго или первого дивизиона было иногда достаточно в полуфинал выйти, и все — можно праздновать попадание в Европу.

— Ага, так «Сибирь» когда-то попала, — кивнул Андрей.

— Ну, «Сибирь» — она в финале играла, на минуточку, — Олег сделал паузу. — Но вот сейчас, по новым правилам, она не попала бы.

Андрей задумался. Он любил футбол как игру возможностей, где слабый может победить сильного за счет воли, за счет желания, и часто смотрел игры команд-«карликов», желая им победы. Если команда поднялась из самых низов, как в Англии, где любая дворовая команда может в кубке встретиться с «Манчестер Юнайтед» и даже обыграть его, как в России, где тот же «Иртыш» из Омска никогда не поднимется выше первого дивизиона, но может наделать шороху в Кубке — и дошла до финала, она — как казалось Андрею — имела право на чудо. И вот теперь ее этого чуда лишали. Новость Андрею не понравилась.

— А кто играть-то будет? — спросил он.

— Да известно кто, — засмеялся в усы Олег. — У кого денег больше. Пятые, шестые места.

— Наверное, они и проплатили это решение, — сказал Андрей. — Жалко. Вот где спортивный принцип на самом деле попирается.

— Не-не, — неожиданно замотал головой Олег. — Зато действительно будут играть сильнейшие.

— Будут играть каждый год одни и те же команды, — сказал Андрей. — И что, хорошо это? Европейский футбол превращается в закрытую лигу, где играют только команды, у которых есть бабки, сами с собой. Раньше был хоть какой-то

шанс их обыграть, навязать борьбу, а теперь даже доступ к этому закрыли.

— Ну как, закрыли, — сказал Олег. — Выигрывай кубок, всего и делов-то.

За этими разговорами, за выкладкой продукции, редкими консультациями покупателей, походами на склад, чтобы набить тележку новыми и новыми коробками, да собственными невеселыми мыслями — скорей бы конец рабочего дня, чтобы доехать до дому и упасть — предварительно, конечно, купив полторашку крепкого пива — прошли несколько часов, которые Андрей не заметил, и лишь когда Олег, после очередного подхода к нему и какого-то бестолкового спора, открыл единственное окно в торговом зале, замазанное отчего-то белой краской, Андрей с удивлением понял, что на улице вечер, взглянул на часы: и правда — еще каких-то два часа, и конец смены. Он посмотрел на Олега и улыбнулся настолько широко, насколько умел.

— Эй, ты чего? — опешил Олег.

— Да так, — махнул рукой Андрей и неспешно отправился на склад, прислонив к стене тележку с пустыми коробками. — Все отлично.

Попав снова на склад, Андрей удивился: у парней, казалось, совсем кончилась работа. Видимо, все заказы собрали, а в зал с полупустыми — несмотря на несколько часов работы Андрея — полками никто выходить не спешил. Макс с Валерой разрывали коробки и складывали их в одну кучу, остальные просто сидели на поддонах и что-то обсуждали. День прошел не так страшно, как казалось утром. Вот только не было бы этого дикого похмелья, да еще и желания спать.

— Вот мы тут обсуждаем, Андрюх, — начал Макс. — Кем бы ты стал, если б поднялся?

— В смысле — кем? — не понял Андрей.

— Ну то есть каким? Вот у тебя появилась бы куча денег, что просто девать их некуда. Машина, квартира, все дела. Можешь позволить себе все, что захочешь.

— Пряма-таки все? — Андрей, казалось, не мог даже поверить в такую возможность.

— Ну да, бабы, наркотики, — сказал вдруг Игорь и замялся, не зная, как продолжить.

— Ну и что?

— А то, — сказал Макс. — Кем бы ты стал? Общался бы с пацанами по-старому или забил бы на всех, типа, у меня теперь новый уровень, новая жизнь, новые дела. Понтовался бы?

— Это... типа с вами, что ли? — спросил Андрей.

– Ну почему сразу с нами, – рассмеялся Макс. – С нами – оно и так понятно. Со своими пацанами. У всех ведь есть свои пацаны.

С этим Андрей согласился. У него, конечно, были свои пацаны, пусть и немного не в том понимании, которое вкладывали Макс и компания. Но ведь были же... Да и вопрос, конечно, интересный. Нет, вряд ли ему когда-то предстоит его действительно решать, но представить, пофантазировать ведь можно. А все равно – не получилось.

– Слушайте, я не знаю, – честно сказал Андрей. – Конечно, лучше всего сказать, что я никого не бросил бы, всем помогал, что вообще... старый друг лучше новых двух и так далее. Это вообще сказать проще простого.

– Ну да, – согласился Макс. – Вон Игорек так и сказал. Да и Вован из «андеграунда».

– А я не скажу, – сказал Андрей. – Потому что я не знаю. Если я поднимусь, тогда все будет по-другому. Жизнь – она ведь не такая простая. Пока не окажешься там – не поймешь.

– Это да, это да, – повторял Макс. – Ну, хотя бы честно.

В памяти Андрея невольно всплывала его прошлая жизнь – где он, еще до переезда в Омск, работал в офисах, общался совсем с другими людьми, да и вообще по-другому на все смотрел. Светлее, что ли, ярче. Там тоже были свои пацаны. На какое-то мгновение он зажмурился, и тут его прорвало:

– Один был, друган мой, года три назад. Пили «Ягуар» с ним у меня в подъезде. Ночами. Глушили страшно. Он не знал, как жить. Я не знал, как жить. Мы понимали, что «Ягуар» – дерьмо, и глушили его от отчаяния, как будто хотели показать себе, на какое дно мы опустились. И опьянение с него было каким-то отчаянным...

– А чего, «Ягуар» – нормально, – встрял Руслан.

– Нет, теперь только пиво, – задумчиво сказал Андрей. – А потом... Потом он как раз резко поднялся. Не знаю уж как. Но поднялся круто, на какие-то вообще недостижимые высоты. Сейчас у него гостиницы – в центре, в нескольких городах. Всех вокруг считает даунами. Ну, у кого денег мало, кто так и остался там, в подъезде, «Ягуар» пить. А он в контакте в группе состоит «Жизнь на Олимпе». Я посмотрел – закрытая группа. Что ему, видно меня с Олимпа? Хотел ли он меня предавать, бросать? Думаю, нет, конечно. Дело в другом... Вот он радуется, если мы

видимся – он встречается со своим прошлым, из которого когда-то удачно вынырнул, и ему хорошо. Для него это как трип.

– Как что? – переспросил Руслан.

– Ну, как приход, – пояснил Игорь.

– А-а, ну это вам виднее, ребята, – рассмеялся Руслан.

– А я встречаюсь со своим когда-то возможным будущим, которое уже не наступит. И он говорит мне: ну ты приезжай, для тебя, мол, старого друга, номера всегда найдутся. И руку мне жмет. Но сразу уточняет: если это не в выходные, если наплыва посетителей не будет. Ну а если кто забронирует – тогда уж извини. Там номер стоит тыщи две рублей, даже я, грузчик, могу его себе позволить. А он так... считает прибыль. Дружба дружбой, а прибыль-то важнее. Но он этого сам не понимает и не поймет никогда. Он просто по-другому мыслит, там другой мир. А вы говорите: каким бы ты стал... да кто знает. По мне, так лучше бы сразу сказал: пошел ты, мол, Андрюха, так и так...

– Ну да, – задумчиво произнес Макс. – А с другой стороны, не будь он таким, он разве поднялся бы?

– Не знаю, – раздраженно сказал Андрей. – Мне кажется, что всякий мечтает подняться, только чтоб унижить других. Не так, чтоб прямо – а косвенно. Ведь это так просто – помочь старым друзьям. Деньгами, работой, связями. Но нет. Именно это и нужно – дистанция. Я поднялся, а ты нет. Вместо дружбы приходят новые отношения, которые держатся уже на этом. Для того, чтоб было видно, как ты поднялся, нужен друг, который остался в подъезде, все также пьет «Ягуар». Мне вот снилось на днях, что я попадаю в прошлое, в какой-то заброшенный дом, лет на семь назад – мы тогда любили по всяким недостроенным зданиям шариться – и вижу его. И мы так рады встрече, но он не знает, он думает, что я – это тот я, что был тогда, много лет назад. А я говорю ему: мол, так и так, я из будущего. А он говорит: чем докажешь? Я достаю монетку, 10 рублей, и показываю ему год: да ладно, он говорит, это развод какой-то, кончай прикалываться. А мне так обидно стало, я вижу его тогдашнего, лучшего друга своего, и говорю ему: а знаешь, в будущем этого всего нет. Тебя нет. Он говорит: как такое может быть? А вот так. Придет время, и я для тебя перестану существовать. Разведет жизнь по разным дорогам.

– А как ты вообще попал в прошлое? – неожиданно спросил Макс.

– Машину времени нашел, – серьезно ответил Андрей. – Она в том же здании была. Я потом так и говорю другу своему: ну все, я поехал. Я ж теперь грузчик в Омске.

Пацаны рассмеялись.

– Эй, прикиньте, – неожиданно раздался голос за спиной. Андрей обернулся и увидел Вована с Серегой. Те, по всей видимости, расправились со всеми заказами внизу и наконец-то вылезли из «андеграунда». Голос Вована был взволнован. В руках он держал телефон и размахивал им во все стороны:

– У Витька мать умерла, – наконец выдавил из себя Вован.

Витек был странноватым парнем, вечно неопрятным, придурковато выглядящим, любившим не совсем понятно пошутить, много пил, из-за чего пропускал часто смены и был первым претендентом на увольнение. Но его все любили, потому что он был добрым и простым: всегда помогал парням, угощал, если есть деньги, подвозил до дома. Он ездил на машине, все знали, что у Витька непросто с женщинами – он жил один с матерью, в однокомнатной квартире где-то на Третьем разъезде, в старых домах. Сегодня у Витька был выходной.

– Да, – мрачно сказал Макс. – Совсем парень один остался. А ты как узнал-то?

– Да Витек статус поставил, на посмотри – Вован протянул телефон.

– Статус в контакте, что ли? – не поверил своим ушам Андрей.

– Ну да, – подтвердил Макс.

Андрей взял в руку телефон. Да, все так. Вот, практически на весь экран огромная фотка Витька, счастливого, обмотанного скотчем на складе, с бутылкой пива в руках, с красными глазами – на заднем фоне ржут пацаны – а вот, рядом статус, как раз под его именем – маленькими черными буквами: «Мама умерла((((((((((((((((((((». Андрей отдал телефон Вовану.

– Это какая-то жесть, – медленно сказал он. – Когда умирает мама, первым делом ставить в контакте статус. Да еще эти смайлики.

– А чего? – откликнулся Руслан. – А в чем проблема? Ты бы что сделал? Ведь мама. Грустно же?

Андрей не знал, что ответить. На мгновение он подумал: мало ли, шутят? Но нет. Никто не стал спорить с Русланом.

– Человеку надо поделиться. Один же, – сказал Макс.

– Ну да, мог позвонить, конечно, – Вован, казалось, тоже разделяет недоумение Андрея по поводу статуса.

– Ну, вот ты и позвони ему, – сказал Руслан. – Скажи от нас от всех: парни соболезнуют.

– Эй, – громко хлопнула дверь на склад, и вошел Санек. Все сразу вспомнили об истории с кошельком, и настроения это никому не подняло. Как ни смейся над ситуацией, что ни думай про Саньку и его «закидоны», но ведь кошелек действительно пропал. Значит, и «крыса» есть. Но на кого думать? Все ж свои парни. Наступило молчание.

– Пошли в картишки перекинемся, – радостно сказал Санек, доставая из кармана колоду.

– Да ты че, – удивились парни. – Нельзя же.

– Ну, если старший смены предлагает, – протянул Санек. – Значит, можно.

– Даже нужно, – поддакнул Руслан, и парни косо посмотрели на него.

– Пойдем только в угол, там камера сломалась, – поведаль Санек. – Я ж у Ирины сейчас был, смотрю: изображения нет со склада. Ото всюду есть, а вот из этого угла нет. Сломалась, говорит.

Парни не спеша отправились в дальний угол склада. Там действительно было укромное место, невидимое для тех, кто идет из зала в курилку, во дворик или «андеграунд». Если только не знает, что кто-то играет там в карты.

Краем уха Андрей слышал, о чем говорят Вован и Серега.

– Шел домой, уже ночью – мы в гараже за сиделись с отцом, а он еще там остался. Я бутылочку пива взял и иду себе домой спокойненько.

– Ну, ну, – торопливо кивал головой Вован.

– Ну и че, – смотрю, у меня во дворе прям, напротив подъезда, возле ракушки, несколько парней бабу бьют. Так натурально за волосы хватают и об колено, по хлебальнику – в общем, серьезно так, без шуток. Она вопит, в грязищи вся, орет истошно: помогите, мол, избивают. Ну я подхожу, говорю: пацаны, че за дела? Охренели, что ли, совсем?

– Ну и тут тебе кранты, да? – предположил Вован.

– Да ни фиги. Какие там кранты. Я бы их... Ну, в общем, я их немного знаю, кто они, откуда. Думаю, справился бы.

– Так и чего тогда?

– А она, говорят, изменила. Кому, говорю? Да его нет здесь. Парнишке одному, назвал он, я его не знаю.

– И ты че?

– Ну а я говорю ей: правда? Она кивает: правда, мол. Я говорю, ладно, пацаны. За дело.

– Ты чего? – встрял Андрей. – Правда?

– Ну да, конечно, правда. Чего я тебе, сказки буду рассказывать?

– Бабу избивать – это вообще как-то мерзко. А тем более гопой.

– Ну так, а че с ней делать? – раздраженно спросил Серега.

– Андрюх, – громко прервал их Санек, раскладывая колоду. – Ты чего же, опять накурился?

Санек иногда делал какие-то совершенно странные предположения, для которых не было причин. То ли просто шутил так, то ли хотел «докопаться», то ли просто «брал на понт». То ли выполнял задание руководства: выяснить, у кого какие слабости.

– С чего вдруг? – опешил Андрей.

– Да ты глаза свои видел? Да и вообще ты как-то странно выглядишь. Пришибленно.

«Сам ты выглядишь пришибленно, приду-рок», – едва не сказал Андрей, но сдержался.

– Да он вообще частенько, – ляпнул Руслан.

– Да, Андрюх? Любитель дунуть.

– Да что ты говоришь, – раздраженно ответил Андрей.

– Ну скажи нам, как часто ты это делаешь, – гнул свою линию Санек. Он уже перемешал колоду и медленно, словно вкладывая в действие какой-то сакральный смысл, раздавал карты.

– Как часто я это делаю, – передразнил Андрей. Парни засмеялись.

– Ну вот скажи нам, зачем ты приехал из Ленинграда? – не унимался Санек. – Как тебя в Омск вообще занесло?

– Переехали с родителями. Им надо. Да и я ж приезжал раньше, в детстве бывал. Город знаю. Друзья, опять же, остались.

– И че ты тут, всегда здесь будешь жить?

– Не знаю, – Андрей пожал плечами – Надо будет, всегда буду жить.

– И как тебе Омск? – вставил свои «пять копеек» Игорь.

Андрей не очень хотел говорить про этот город, который ему, в общем, не очень-то нравился. Он жил напротив частного сектора, где люди обитали в домах без воды и газа, с деревянными

туалетами во дворах, и каждый день по несколько раз отправлялись с тяжелыми флягами на колонку, где подолгу курили в очередях. Казахи жгли костры прямо посреди улиц, домохозяйки выливали сюда же помои, наркоманы шатались от дома к дому, разбрасывая шприцы, алкоголики – швыряли себе под ноги бутылки. И, конечно, пыль, крошечная пыль везде. Родители рассказывали ему, что Омск когда-то называли «городсад». Но оказалось, что людям доплачивают – добавляя какие-то копейки в зарплату – за то, что они просто здесь живут.

– Пыльно, – ответил, подумав, Андрей. – И еще все на тебя пялятся. В маршрутке сидишь, а все тебя разглядывают. Не очень приятно.

– Да, – рассмеялся Макс. – Невысокого ты мнения об омичах.

– Ну, почему, – сказал Андрей. – О вас я нормального мнения. Но если людей не знаешь... Кажется, что все друг друга напрягают, всем в этом Омске тесно.

– А в центре как? – поинтересовался Игорь.

– На Питер похоже.

– А «Грот» тебе нравится?

– «Гроб»? – переспросил Андрей, вспомнив Летова.

– Да какой гроб, – рассмеялся Игорь. – «Грот».

Андрей вспомнил, что ему как-то раз давали послушать местных рэперов. Те плевались слюной и махали кулаками – вот все, что было в их текстах. Они призывали убивать всех, кто пьет вино и пиво. Право на существование, по их мнению – если не во всем мире, так в Сибири уж точно – имели только крепкие парни, посещающие тренажерный зал, и девочки, которые с ними спят. Эта группа была известна и за пределами Сибири – пожалуй, единственная такая. Вспомнив, Андрей поморщился.

– Это не творчество, – сказал Андрей. – Это бандиты.

Игорь рассмеялся:

– Ну ты даешь.

– А чего, я вообще не понимаю этой агрессивной борьбы с алкоголем. Вот я захочу со своей девушкой выпить вина, отпраздновать день нашей встречи. Допустим. Или пива попить под футбол – ну люблю я так, что я, алкаш теперь? Да и вы все любите. Что нас, убивать теперь за это?

– Ну они, конечно, это... – Игорь замаялся. – Перебарщивают. Но пацаны нормальные, качают. Саунд четкий.

– Саунд четкий, блин, – зачем-то повторил Андрей.

– Слушай, – вступил Серега. – А ты ведь стихи какие-то пишешь.

– Ну да, – вяло подтвердил Андрей. – Случается.

– А много написал-то?

– Да тыщи две.

Макс присвистнул: ни фиги себе.

– Слушай, – сказал он. – Может, когда-нибудь в Омске твоим именем улицу назовут, а? Каково? Станешь великим писателем...

– Да я ж это, – отмахнулся Андрей. – Только стихи.

– Ну все равно, – сказал Макс. – Поэтом, значит.

– А прочти что-нибудь, а? – Андрей очень не любил этот вопрос, но уже был готов к нему. И вот, Серега его задал.

– Да не хочу я читать, – быстро, словно скороговоркой, ответил Андрей и замолчал.

– Хочет-хочет, – подмигнул Вован. – Просто стесняется. И правильно, не надо здесь ничего читать. Никто не врубится.

Удивительный человек Вован, подумал Андрей. Вроде совершенно из другого мира, а всегда почему-то понимает его. Как будто чувствует. И Андрей его – тоже. Может быть, так людей объединяют «дорожки»? Не зря же они так называются. Дорожка – она как тропинка: от одного человека к другому, от разума к разуму, от сердца к сердцу. От тебя – ко мне. «Что за чушь», – мысленно разозлился сам на себя Андрей.

– Мягкий ты человек, – сказал Вован.

– Ох, это точно, – засмеялся Санек. – Мягкий ты человек, Андрюха. Нет у тебя чувства «рохли», – добавил он, рассматривая свои карты. – Ну чего, пора играть. Что тормозим?

Андрей хотел что-то ответить – не про карты, конечно, а про чувство – но Вован опередил его.

– А че с кошельком? – спросил он Санька.

– Да, нашел я его. В машине оставил.

Санек кивнул на карты: мол, давай играй. Парни некоторое время молчали.

– Вы чего тут? – Андрей обернулся первым и увидел Ирину, руководителя магазина. Парни повскакивали со своих мест, кто-то запихал карты в карманы рабочей формы – выглядело это нелепо. Санек, понимая это, не стал суетиться и спокойно сказал:

– Ирин, на самом деле работы нет у парней. Думали, сегодня сложный будет день, да вот... Ну и до конца смены осталось – всего ничего.

– Саш, – только и сказала Ирина, развернулась и ушла. Парни молчали.

– Ну что, продолжаем? – пошутил Руслан, но сразу понял, что неудачно.

– Это означало, – Санек кивнул в ту сторону, куда только что ушла Ирина. – Чтобы вас всех здесь не было. Быстро.

Вован взял коробку и, насвистывая, потащил ее в зал. Макс схватился за «рохлю» и куда-то покати. Руслан вертел в руках пыльный флакон и бормотал: «Протереть надо». Парни расходились, создавая иллюзию работы. Андрей думал, чем бы ему заняться, но тут к нему неожиданно обратился Серега:

– Пойдем вниз, а? Поможешь.

– Да без базара, – откликнулся Андрей, и они поспешили вниз.

– Чего хотел-то? – спросил он, когда сообразил, что они с Серегой пришли в раздевалку.

– Да ничего, расслабься, – серьезно ответил Серега, нажал пару кнопок на телефоне, и на всю раздевалку загремел раскатистый голос Высоцкого:

♪♪

*Как давно снятся нам только белые сны,
Все другие оттенки снега занесли.
Мы ослепли давно от такой белизны...*

– Тише сделай, – сказал Андрей. – По всему «андеграунду» слышно.

Серега убавил звук, положил телефон на стул, открыл свой шкафчик и достал огромную пластиковую бутылку с пивом – два с половиной литра – и два пластиковых же стаканчика.

– Ого, – лицо Андрея расплылось в улыбке. Пива в бутылке было еще достаточно: рабочий день завершался отлично.

– Теплое, правда, сука, – сказал Серега, разливая по стаканам.

– Это ничего, – радовался Андрей. – Это фишня.

Он вспомнил, как весь день хотел поговорить с Вованом, попросить еще «дорожечку», да все что-то мешало. А теперь он совершенно об этом не жалел: пиво ему нравилось больше. Сейчас, еще пара каких-то минут, и настроение поднимется, и запузирится в голове счастье, побегут по извилинам мысли, оживет и оттаит сердце, отступит страх и тошнота.

*Наше горло отпустит молчание,
Наша слабость растает, как тень.
И наградой за ночи отчаянья
Будет вечный полярный день.*

— Слушай, — Андрею почему-то очень захотелось задать этот вопрос, который он когда-то давно где-то вычитал. — А вот как ты думаешь, Жеглов должен был подбрасывать Кирпичу кошелек?

— Конечно, — Серега ответил не раздумывая.

— Ну а как же... — начал Андрей.

— Да какой как же, — отмахнулся Серега. — А как их ловить еще? На, пей, — он протянул стакан с пивом.

В голове Андрея неожиданно сверкнула молнией мысль: кошелек Санька! Вдруг тоже подкинули? Вдруг он не забывал его? Но мысль утонула в пиве, которое он жадно залил в глотку. Да и пофигу ему было на самом деле.

— Ну как тебе работа? — спросил Андрей, чтобы что-то спросить.

— Работа как работа, чего о ней говорить, — осушив стакан, Серега уже наливал новый. — Ну а с бабами у вас тут хорошо. Много классных.

От стаканчика пива, который удачно лег на бессонную ночь, утреннюю «дорожку» и похмельные мытарства долгого дня, Андрея внезапно потянуло на откровенность.

— Мне вот Женька нравится. Хорошая баба, — выпалил он, не ожидая сам от себя этих слов.

Серега не стал ничего говорить. Они снова выпили, и Серега спрятал бутылку в шкафчик.

— Парням оставим, — сказал он.

— Откуда пивко-то? — спросил Андрей. — Когда успел?

— Сходил, — коротко ответил Серега. — Ну а как первый день, и без проставы? Смена закончится, еще выпьем.

Андрей согласно кивнул.

— А по поводу Женьки я тебе вот что скажу, — неожиданно вернулся к теме Серега. — Нельзя любить женщину, если не любишь жизнь.

Андрей вздрогнул: он никак не ожидал услышать чего-то подобного.

— Как это? — спросил он.

— Ну как, — ответил Серега. — Делай что должен, живи как знаешь. И все, что нужно, само к тебе придет. Будь бодрей. Не кисни, — он засмеялся. — На радуге зависни.

Рыжий оказался нормальным парнем, подумал Андрей.

— Ну а тебе какая нравится? — спросил он.

— Мне? — задумчиво протянул Серега. — Да я ж женат, куда мне.

— Женат? Ну ни хрена себе, — изумился Андрей. — Тебе лет-то сколько?

— Да тридцатник уже.

— Надо ж, как внешность бывает обманчива, — сказал Андрей. — Я думал, ты школу вчера закончил.

— Да, нас, грузчиков, не поймешь, — рассмеялся Серега. — От двадцати до тридцати — возраст у всех одинаковый. Даже если тебе тридцать пять.

— Ну, ты-то грузчик со стажем, — сказал Андрей. — Первый день в жизни.

— А у меня вот несоответствие, — Серега как будто не заметил подкола. — И жену люблю, и жесткого секса хочу — знаешь, как хочется-то, — он посмотрел на Андрея и добавил. — Наверное, знаешь.

— Ну так, а в чем проблема? — спросил Андрей. — Жена надоела?

— Не в этом дело. Не могу я с ней, понимаешь. Она как родная. Сначала, пока не была родной, всего хотелось. А теперь вот — стала, и думаешь: нежности надо, то, се. А это — с другими бабами. Но с другими как? Я же жену люблю, — он пожал плечами.

Андрей замолчал. Ему вспомнилась Женька: интересно, где она сейчас, надо бы найти ее. «Она как солнца свет, ей тридцать восемь лет, кругом глухие стены», — часто пел он в мыслях строчку из «Сплина», заменяя только возраст. Женька, Женька, тонкая как струна, — сокрушался Андрей. Он писал стихи, да. Ну и что? Написал около двух тысяч. У многих поэтов за всю жизнь столько не было. А толку-то? Дурацкие все они. Он вспомнил, как смотрел вчера ее статус в контакте: «Я счастлива». Так ли? Надо спросить. Он хотел, чтобы Женька была счастлива. «Будь бодрее, — заиграли пивными пузырьками в голове слова Сереги. — И все придет».

День почти кончился, буду сидеть в курилке, на стуле, пока она не появится, не придет курить. Буду ждать ее. Сереге кто-то позвонил на мобильный, и, пользуясь моментом, Андрей вышел из раздевалки, схватив зажигалку — Серега кивнул — и тихо закрыв за собой дверь. Полутемный «андеграунд» — кто-то из парней заботливо выключил свет — зиял пустотами: завтра здесь все будет уставлено поддонами, коробками —

придет большая поставка, ну а сейчас – как будто умерло все. «Словно замерло все да рассвета», – вспомнилась ему строчка из песни. Одинокая ««рохля»» с приподнятыми «лапами» стояла возле подъемника. «На хрена было накачивать? – недовольно подумал Андрей. – Заняться кому-то нечем».

Он поднялся по лестнице в курилку, сел на стул и прикурил.

– Сигаретешка моя, – задумчиво сказал он, глядя на дымящуюся сигарету. Другие мысли в голову не шли. Парни пошли в зал, наверное, думал Андрей. А он там и так полдня провел. Все, хватит. Больше не притронусь сегодня ни к чему.

Чутье не обмануло Андрея. Наконец, Женька пришла. Она присела напротив него и, чуть наклонив голову набок, прищурилась:

– Чего сидим?

– Да так, – ответил Андрей. Его сигарета догорала, но уходить он не собирался. – Устала? – спросил он.

Женька кивнула. Разговор не клеился. Все, что он мог бы сказать ей сейчас, казалось ужасно глупым, ничего толковое на ум не шло, а просто взять и выпалить «Ты мне нравишься» Андрей, конечно, не мог. Да она и так это знала, Женька.

– Слушай, – прервала она молчание. – А ты же стихи пишешь?

– Еще одна, – наигранно возмущился Андрей. – Серега мне сегодня покоя не давал.

– Напиши мне посвящение, – словно не слыша его, сказала Женька.

– Посвящение? Я? Тебе, – он совершенно не был готов к такому разговору.

– Да, ты – мне, – улыбнулась она. – Мне никогда никто не писал посвящения, представляешь?

– Даже в школе?

– Даже в школе, – подтвердила Женька.

– Странно, за тобой, наверное, толпы ходили, – предположил Андрей. – И неужели ни одного...

– Я ж в деревне росла, в Татарии, – улыбнулась Женька. – Да и вообще, я была приличной девочкой. До девятнадцати лет не целовалась, представляешь?

– Ты серьезно? – рассмеялся Андрей.

– Ну так чего? – затянулась Женька. – Напишешь?

– А ты понимаешь, что такое посвящение? – спросил Андрей.

– Ну да. Ты напишешь, какая я хорошая, красивая там, – она смущенно улыбнулась. – Мне на кассах этого никто не говорит.

– Понимаешь, – начал Андрей. – Посвящение – это не обязательно так. Не обязательно я пишу, что ты меня очаровала. Оно вообще может быть не о тебе, а о чем-то другом. О природе или еще о чем. И тебя в нем совсем не будет.

– Это что ж за посвящение тогда? – удивилась Женька.

– Посвящают источнику вдохновения. Например, ты вдохновила меня на создание чего-то красивого, хорошего, ну, например, написание стиха. И в благодарность я его тебе посвятил.

– Вдохновила чем? – казалось, она теряла интерес к разговору.

– Ну хотя бы тем, что просто сидела рядом, – сказал Андрей и только теперь понял, какую сделал глупость, пустившись во все эти никчемные объяснения. Ну что с того Женьке, как пишутся посвящения? Зачем ей вообще это знать? Женщина захотела, попросила его – значит, просто нужно было сделать. «Ну что ж ты за дурак-то», – подумал Андрей. С другой стороны, ну написал бы он его. А как читал бы? Встав на коробки, на складе, при всех? Или украдкой передав скомканную бумажку, когда она будет проходить мимо. У нее даже не было компьютера, говорила Женька. Все на ребенка, все деньги.

– Открой, пожалуйста, дверь, – попросила Женька. Хотя и сидела ближе к двери. Наступал момент истины – по крайней мере, всего сегодняшнего дня – для него, Андрея – минуты счастья, ради которых стоило терпеть весь предстоящий день: он и Женька были вдвоем, одни. Но он уже знал, что упустит момент, потеряет. Счастье испарялось, ускользало вместе с тем, как тлела сигаретка в изящных руках Женьки, и казалось, только он откроет дверь, как счастье выпорхнет на улицу, и Женька встанет, сделает пару глотков свежего воздуха и отправится считать деньги на кассу.

На улице лил дождь и было темно. Силуэты корявых деревьев, торчащих из-за забора, настраивали на унылый лад.

– И по этой погоде идти домой, – не выдержал, произнес вслух Андрей.

Где-то вдали сверкнула молния, и раздался раскаты грома.

– А я боюсь грозы, – задумчиво сказала Женька. – Знаешь, как боюсь. Я в детстве под кровать пряталась.

Андрей засмеялся: как-то ему стало по настоящему тепло, как только он представил маленькую Женьку, которая прячется под кровать. Все-таки он сентиментален. «Нет в тебе, Андрюха, чувства «рохли»», – внезапно всплыл в памяти голос Санька, но Андрей быстро прогнал его.

– Не бойся, – попытался он пошутить. – Я с тобой.

– В грозу хорошо влюбляться, – сказала Женька и повернулась к нему. – А ты влюблялся когда-нибудь?

«Да. Мне кажется, сейчас» – хотел закричать Андрей, но удержал себя от этого.

– Поехали в Крым. Он теперь наш, – предложил он.

Такие вещи говорятся проще: ведь понятно же, никто никуда не поедет, просто так, для красного словца. Сказать «я влюбился» гораздо сложнее – потом не «отмажешься», не скажешь, что просто шутил.

– В смысле наш? – не поняла Женька.

– Наш с тобой, – улыбнулся Андрей. – Да шу-чу я, ты чего новости не смотришь?

– Да какой мне. У меня маленький, вот и все мои новости... Смешной ты, – добавила она и затушила сигарету.

Дверь на склад с шумом распахнулась, впуская громкую и неприятную музыку. «Уж лучше Высоцкий», вздохнул про себя Андрей. И сразу несколько девушек с кассы, а вместе с ними старший кассир Светлана направились в курилку. Раздался и мужской голос: Андрей узнал Саньку, старшего смены.

«Вот так и окончился наш разговор», – с грустью подумал Андрей. Не дожидаясь, пока вся компания появится в курилке, Женька пошла в сторону зала: касса ждала. Не попрощалась с Андреем, даже взглядом.

До конца смены оставалось двадцать минут. Не желая говорить с Саньком и слушать треп шумной компании, Андрей развернулся в другую сторону и стал медленно спускаться в «андеграунд».

Он вспомнил о Женьке перед сном – в последние несколько месяцев иначе и не бывало. Ему двадцать пять, пишет дрянные стихи, много пьет, работает грузчиком в Омске. Впереди черная неизвестность, и столько, столько уже времени потеряно! Женька наполняла его существование смыслом, если бы не она – думать перед сном было бы ровным счетом не о чем.

«Ну и зашибись, – зло думал Андрей, ворочаясь в постели. – Лучше бы спал зато».

Может быть, когда и лучше, но не в эту ночь – «дорожка», литры пива – конечно, Андрей приложился к бутылке и после смены, да не к одной, последняя вот, недопитая, стояла возле кровати: сил на нее уже не было. Вдруг еще понадобится? Он просыпался часто, спал плохо. Двадцать пять лет, грузчик в Омске, – думал он ночью, впотьмах отправляясь в сортир.

Стихия бушевала. Андрей в который раз проверил, завел ли будильник – завтра ведь смена, поставка, черт бы ее побрал; два через два – по такому графику вся жизнь и пройдет. Было холодно и неудобно, скорее хотелось уснуть. Он в последний раз взглянул в окно и увидел там молнию. Дождь стучал по стеклу, словно силась разбить, ворваться в маленькую комнату. Андрей закрыл глаза и улыбнулся. Он снова представил, как прячется под кровать в Богом забытом городке, где-то в Республике Татарстан, маленькая девочка Женька, тонкая как струна.

**Наталья
ПОЛЯЧЕНКОВА**

РОЗОВАЯ ОТО СНА

* * *

*Солнце не радует бликами,
Туч косматых не счесть.
За журавлиными кликами
Оклик пронзительный есть.*

*В стылом земном безумии
Всхлипывает февраль.
Времени нет на раздумья.
Впрочем, уже не жаль.*

*Жду, когда птицей юркою,
В окно впорхнет весна.
К сердцу прижму дочурку я
Розовую ото сна.*

* * *

*Как вместить мне закат и зарю,
Шелест листьев и пение птичье?
Я тебе это вновь повторю:
Есть природы немое величье.*

*Меркнет день, затихает родник,
Он с лучами златыми проснется
Заискрится, забьется и вмиг
И в тебе, и во мне отзовется!*

*Как щедры к нам с тобой небеса!
Как дорога бежит под ногами.
И я знаю, что есть чудеса,
Потому что случаются с нами.*

* * *

*Родимое отечество,
Ты превратилось в дым.
Тоска моя не лечится
Величием былым.*

*Стоят дома покошены,
Не убраны поля,
У деревень заброшенных
Поникли тополя.*

*Здесь не рожают рыцарей
И от кого рожать?
В цене телохранители,
Чтоб туши охранять.*

*Душа, как птица мечется
Над погранным гнездом
И я в своем отечестве
Как будто бы в чужом!*

ПОЛЯЧЕНКОВА Наталья Геннадьевна родилась 26 июля 1978 года в городе Искитим Новосибирской области. С 1983 года живёт в Юрге. Долгие годы активный член студии «Свеча» (руководитель Тамара Рубцова). Закончила Новосибирский Государственный педагогический университет, факультет иностранных языков. Публиковалась журнале «Огни Кузбасса», коллективных сборниках, антологии «Русская сибирская поэзия XX века». Член Союза писателей России. Живёт в г. Юрге.

* * *

Каждый камень на мостовой –
Наступи на него, он живой!
В каждом отзвуке чья-то речь.
Как свою здесь мне речь сберечь?

Пронести и не расплескать,
Словно бисер не разметать?
Не смолкает чужая молва –
Всё слова, всё пустые слова.

Русской речи своей вино
Я не пробовала давно.

* * *

Незабудки позабудутся,
И ромашки облетят,
Лишь проворные минутки
Подолами шелестят.

Утро поклонилось вечеру.
Он-то знает, что опять
Некого обнять за плечи мне,
Не с кем ночью убежать.

Я руками непослушными
Буду гладить тишину,
Слушать ветра звуки скучные
И завидовать ему.

* * *

Режет глаз осенний дым,
Прячешь взгляд усталый.
Ты не станешь молодым,
Я не стану старой.

Будто в октябре вода
Мерзну я по краю...
Трогаешь кусочки льда –
Это я в них таю.

* * *

Я – орган для стихов,
Созвучий перезвон,
Несделанных шагов
Чуть слышимое эхо

В огромном мире том,
Где колокольный звон
Мой оглашает дом
Веселым детским смехом.

* * *

С тобой жестоко пошутили –
Наполнили моей душой...
Такой счастливой и большой
Как будто бы приговорили.

В твоих глазах мои глаза искрятся...
Лишь губы тонкие, они твои точь-в-точь
И нам с тобою больше не расстаться
Пока твою целую, нашу дочь!

* * *

Мне есть что сказать,
Но я промолчу.
Зашторю окно,
И задую свечу.
И в мыслях своих
Далеко улечу.
Я просто с тобой
Говорить не хочу!

89

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Стрелой врезается Нева
В твои прибрежные граниты...
И ветер хлопает сердито,
Как спущенная тетива.

И Медный всадник мчится прочь.
Ему вослед дивится Пушкин,
И Петропавловская пушка
Желает время превозмочь.

А, помнишь, Ксения брела
Вдоль стен нарядных Эрмитажа?
Христа молила о пропаже
Седая кроткая вдова.

И Спас на праведной крови,
Как проповедь святой любви.
Он, как спасительная весть,
Взошел зарей багряной здесь...

**Виктор
КОНЯЕВ**

ЛЕНА И ЮЛЕНЬКА

(отрывок из повести
«Непогасимая лучинка»)

Весна этого года получалась какая-то полосатая — то с самого марта бывали денечки с почти летним солнышком, а то завеет вдруг пурга февральскую поземку по обледенелым дорогам. Сейчас апрель увалился изрядно за середку, но сегодняшний день попал в полосу ненастья, вот и ущипывает холоднющий ветерок лица и руки прохожих, рано освободившиеся от спасительных варежек.

Но и в эту неуютную погоду у идущего с работы Егора Пахомовича Клетова есть повод быть в приподнятом настроении. Сегодня пятница, завтра ему не надо вскакивать в половине шестого утра, а можно поваляться вдосталь в утренней сладкой дреме, потом неспешно встать, попить кофейку с сигаретой и целый день заниматься ничегонеделаньем, конечно, если не считать за дела мелкие хозяйственные хлопоты, чтение исторических трудов и послеобеденный сон минут на... да с часок. А в воскресенье Пасха, закончится очень длинный Великий Пост.

Недалече уж до дому, до тепла, да вспомнил вовремя, а то б пришлось возвратиться по такой холодрыге. Часы у него на кухне «батареечные», вот батарейка как раз и «сдохла», а он утрами привык на них глядеть. Старая лежала у него в кармане вместе с ключами, он и шарил по карману в поисках ее, поднимаясь по ступеням широкого, обложенного плиткой крыльца, дальше были пластиковые двери, за которыми открывался мир павильонов со всякой всячиной, нужной и ненужной, ну это смотря кому. Но сначала за первой дверью посетителя встречал простор-

ный тамбур, в нем исщипанное холодом лицо опахивал теплый воздух. Обычно Пахомыч по сторонам не глазел, он обычно в свои думки погружен. Может, теплый воздух заставил его замедлить ход, может, что другое, но ход он замедлил. И бросил взгляд направо, а там, у стеклянной стены, за которой на полках много красочного ширпотреба: подарочные ножички и зажигалки, фонарики и прочее китайское барахло, стояла девчонка.

Она держала у самого рта ладошки, сложенные почти как у мусульман во время молитвы, держала у открытого полногубого рта свои худые покрасневшие ладошки и дышала на них. Она, вероятнее всего, недавно вошла сюда, пальцы не успели еще отогреться, еще болели. Отзвук той боли запечатлелся на полудетском лице. Капюшон куртки она откинула уже назад, из-за плеча была видна опушка, грязно-белая и с такими продергами в мехе, какие бывают у задиристого кота после серьезной потасовки с «приятелями» на почве ревности. Недлинные, густо-рыжие пряди окаймляли удлиненное худенькое лицо с богатой россыпью конопущек.

Он бы прошел мимо, подчерствело и его сердце в хапужной атмосфере последних лет, хотя успел заметить заношенные фетровые бурки, явно не способные защитить девчоночьи ножки от серьезного холода, и даже на вид тонюсенькие колготки, только имитирующие защиту. Прошел бы — не хватит жалости на всех, — но она подняла на него глаза. Взгляд!

Тряхануло сердце саднящей болью. Он когда-то видел такой! Такой взгляд буравил дыру в его сердце! Но где, когда, у кого был такой взгляд?!? Этот взгляд, оказывается, жил в нем и саднил, просто он притерпелся, сжился и не замечал его, вроде даже забыл.

В тамбуре хорошее освещение, и он отчетливо видел серые, с изумрудинкой глаза, ну в точь, как те, но чьи, где, когда? И взгляд! С вызовом, но лишь внешним, а под ним недетская душевная боль, тихо плачущая в недоуменных детских очках.

– Дед, ты нашарь там мне десяточку.

Это к нему? Он растерялся:

– А?

– Ты глухой, што ли? Десятку говорю, нашарь в кармане, не пожалей.

А он пришиблен окатившей его чужой душевной болью и говорит невпопад.

– Тебя как звать?

– Тебе зачем? Может, тебе за десятку всю жизнь свою рассказать?

– Ну, а все же?

– Дед, иди-ка ты, куда шел.

И взгляд убрала, потеряла к нему интерес. Но он не мог уйти, саднина не позволяла.

– Слушай, пойдем ко мне домой, я тебя накормлю домашними пельменями.

Взгляд вернулся, с разыгравшейся изумрудинкой, скрытого плача не углядывалось.

– Дед, без булды? Домашними пельменями?

– Ну што за словечки такие? Сказал же, домашними. Шибко, видать, оголодала, коль пошла с незнакомым мужиком к нему домой, даже не спросила, с кем он живет в квартире. Правда, некоторую опаску она высказала, но скорее шутиливо-иронично, когда вышли на крыльцо.

– Дед, а ты не обманешь, вдруг ты педофил и вот так, обещаниями, заманиваешь свои жертвы?

– Болтаешь че попало, лучше накинь капюшон и на вот, мои перчатки надень. Взглянула удивленно и с интересом, перчатки взяла. На крыльце ветер сразу доказал его правоту сильным порывом, колющие мелкие снежинки стегнули по лицам.

Не разговоришься при таком ветре, она успела только сказать, что зовут ее Леной, приехала она сюда к двоюродной сестре, но там никого дома не застала, а приехала она из поселка Знаменка.

Бывал там несколько раз Пахомыч, давно, правда, красивый тогда был поселок, в нем в те

годы существовало какое-то небольшое производство, то ли теплицы заводские, то ли еще что. Стояло несколько пятиэтажек и пара рядов одноэтажных двухподъездных домов, называемых почему-то коттеджами. Сейчас, скорее всего, поселок захирел, и люди в нем выживают, как могут.

В лифте она сняла большие ей перчатки, сунула их в свой карман и снова, как там, в тамбуре, дышала на ладошки, сложены они были опять ритуально.

– Высоко живешь?

– Не очень, на четвертом.

– Это хорошо, что невысоко.

– Почему?

– Да просто.

– Ну-ну.

В квартире Пахомыча тепло и тихо.

Если у Лены и была опаска, то она почему-то моментально исчезла в квартире. Пахомыч включил потолочный светильник.

– Разувайся.

Она тотчас скинула свои старомодные бурки, быстренько расстегнула куртку, выпросталась из нее, бросила на пол и уверенно пошла на кухню. Когда Пахомыч, разувшись и раздевшись, повесил в темнушку свою куртку, заодно и ее, поднятую им с пола, и зашел в кухню, зажегши свет, Лена сидела на корточках у стены под окном и, вытянув руки, держала ладони на горячем простенке.

– О, хорошо! Замерзла я, дедуля, как комнатная собачонка, которую выкинули на мороз.

И в словах душевная боль, слабо спрятанная.

– Не диво в такой-то одежонке. Кстати, меня Егором Пахомычем зовут, а на работе просто Пахомычем.

– Пахомыч, а ты один, што ли, живешь? Где жена и дети?

– Жена померла около года назад, а дети взрослые, живут самостоятельно.

– И ты совсем-совсем один!?

– Выходит, так.

– Бедненький Пахомыч.

– Не причитай. Давай-ка кофеем горячим погреешься.

Он включил электрический чайник.

– С молоком и лимоном любишь?

– А не знаю, я только в пакетиках пила.

– Я тебя щас напою хорошим, а пока поставлю пельмени. Садись на стул, неча, как та собачонка, к теплой стенке жаться.

Он расторопно все делал – достал из посудного шкафа кастрюлю, наполнил ее на четверть водой, поставил на печку, включил конфорку и вытащил из морозилки тарелку с закаменевшими пельменями.

Потом они пили кофе, к нему Пахомыч поставил на стол вазочку с шоколадными конфетами, придвинул к ней. Кофе он ей приготовил, как любил сам, очень сладкий, с долькой лимона и молоком.

Она сидела на его любимом месте, в углу, а он устроился поодаль, ближе к другому торцу стола, смотрел, как она вытягивала трубочкой взывавшие маковым цветом от тепла губки и осторожно отхлебывала из фаянсового бокала горячий кофе.

– Вкусно?

– Угу.

– Я закурю, с твоего позволения?

Она прижгла, видать, губы, потрясла головой.

– Да кури, я и сама малость пробовала, да не понравилось, бросила.

– Ну и молодец, што бросила.

Пахомыч закурил, запивая сигаретный дым горячим напитком.

– А можно конфету съесть?

– Конечно, можно, только стоит ли перед пельменями сладкого наедаться?

– Да я маленько, давно не ела шоколадных конфет.

– Ешь на здоровье.

По тому, как она быстро уплела конфетку, можно было безошибочно определить, что она не столько хотела сладкого, сколько была просто-напросто голодна.

Тут и водичка в кастрюле забила ключом, заподпрыгивала крышка, пытаясь соскочить, скоро сварились пельмени. Пахомыч хотел и пельмени ей подать в таком виде, в каком любил сам, то есть с маслом и перцем, уж было стал накладывать, но она вскинулась: «Ой, мне с бульоном, если можно и с хлебом».

Уже когда собрался нарезать хлеб, тогда и спохватился.

– Это што ж мы с грязными руками за стол садимся? А ну марш в ванную мыть руки.

Себе Пахомыч наложил в тарелочку морской капусты, крошил туда лук и необильно полил постным маслом. Ленка оторвалась от пельменей.

– А ты че сам-то не лопаешь пельмени? Зачем тогда лепил?

– Мне пока нельзя, пост идет, я в воскресенье нахожусь.

– А-а-а, ты боговерующий?!

– Да, я верующий.

Она съела весьма немало, он подкладывал ей и подливал бульона.

Наконец она отклонилась от пустой тарелки.

– Объялась прямо, вкусотища-а-а, спасибо, дед, ой, прости, Пахомыч.

– Да на здоровье.

– Я б щас увалилась спать, я ж с самого с ранья колгочусь.

Резануло слух Пахомыча ее вульгарное выражение, близкое к бранному, он невольно поморщился, не любил, когда женщины, а тем более, юные особы так выражают свои эмоции. Но не стал заострять внимание на этом, другая проблема, несравнимо весомее, вдруг возникла. А что дальше делать?

Он сразу как-то не подумал об этом, подразумевая, видимо, что она поест и отбудет восвояси, исчезнет из его жизни так же неожиданно, как и появилась. Он внутренне, оказывается, боялся этого, боялся отсечь вдруг свившуюся меж ними нить, но и боялся себе в этом признаться. А она озвучила желание поспать, надо понимать, до утра, на дворе-то уже вечер.

– А ты, вообще-то, собиралась сегодня домой возвращаться?

– Седня не собиралась, думала у Райки заночевать.

– Так, а теперь?

«А голосишко дрогнуло».

Она расположила лицо между сложенными в кулачки ладонями. Оперлась локтями о стол, коротковатые рукава вылинявшего платица задралась, обнажив худые руки с косо-длинной подсохшей царапиной на одной.

– А давай я у тебя заночую.

Она смотрела с такой детской жалобностью, которая только и способна растопить человеческое бесчувствие, изумрудинки зрачков излучали тревогу от возможности отказа.

И, не давая ему возразить или сразу не согласиться, напористо продолжила.

– У меня и денег нет на проезд.

Он что, зверюга какой-то бессердечный разве – выгонять девчонку в ночь, в холод, в никуда? Просто все получилось неожиданно. Но надо решать, и было чувство, что предстоящее решение окажется очень важным. Ее взгляд молил и жалобил, возросшая к немалым годам чув-

ствительность, если не сказать сентиментальность, тоже влияет на поступки немолодых людей.

— Рази я против, ночуй.

Если бы она просто заорала «Ур-р-а-а!», это б ладно, так нет, она чуть стул не грохнула на пол, когда подскакивала с него, а потом кинулась к Пахомычу и, подымаясь на цыпочки, из-за невысокого росточка, обчмокала седую щетину на скуле.

— Ну будя, будя, егоза.

Ах, эта чрезмерная чувствительность так и норовит давануть слезу, это ни к чему, надо ее перешибить чем-то.

— Ты это, иди-ка в ванну, ополоснись, а потом уж и спать завалишься. Пойдем, я тебе покажу, где што.

В ванной комнате Пахомыч показал ей чистое полотенце, спинодерку, как он называл молчалку, потом принес ей из темнушки старые шлепанцы дочери.

— Ну, все, грейся, мойся, а я пока приготовлю тебе постель.

Ленка вдруг почему-то угнула голову вниз, так что видна стала ее макушка, она стояла спиной к ванне, опираясь бедрами о край, вид был виновато-просительный. И голос соответственный.

— Пахомыч, у тебя какой-нибудь, ну, ночнушки, што ли, женской не найдется?

Трудно давались эти слова девчонке, оттого и головенку приклонила.

— Я хотела нижнее простирнуть, а надеть тогда мне нечего. Егор Пахомыч почти жизнь прожил, да и ой какую несладкую, с блюд дорогих не едал, из кубков серебряных не пивал, а вот дерьма всякого наглотался невпродых, и научила его житуха такая относиться с состраданием к нужде людской. Все он увидел: и дырки в колготках ее повыше пяток, и платице маломерное заношенное, понял уже, что девчонка не просто так сорвалась из дому, а по причине, ему неведомой, но для нее очень весомой.

Несладно, по всему видать, живетсЯ девчонке в семье, непорядок там. Потрепал макушку склоненной головы, волосы жестко зашуршали под рукой.

— Какой разговор, щас че-нибудь отыщем. Ты пока включи воду, пусть ванна нагреется.

Он не все вещи жены раздал, кое-что осталось на память, до чего-то просто руки не дошли. Нашлась для Ленки ночнушка, почти не оде-

ванная, красивая, цветастая и не какая-нибудь синтетическая, а трикотажная. Конечно, одежда его дебелий к старости супруги будет на худой девчушке как на пугале огородном, но другого-то нет, придется ей потерпеть. Она стояла так же, вода тугой струей наполняла ванну.

— Вот, чистая, почти новая, не побрезгуй.

— Спасибо, ты иди.

И вдруг словно кто-то из баллончика обрызгал ей щеки темно-красной краской — так быстро тугий пунцовостью они налились; россыпи светло-коричневых веснушек от носа по скулам побурели на густой красноте.

— Тут на двери нет защелки... — замолчала, не смея продолжить. Пахомычу стало смешно вначале от ее глупых подозрений и страхов, он коротко хмыкнул:

— Ха, ну ты даешь.

Но, видя, что перезрело-вишневый пожар не унимается, добавил серьезно.

— Нам с женой было незачем друг от друга запирацца, ну а ты не бойся, я подглядывать не стану, смолodu не приучен к таким паскудным делам, так что мойся-грейся спокойно, я пока тебе постель сооружу.

После смерти Марии Пахомыч никаких перестановок в квартире не делал. В зале стоял роскошный диван, жена покупала для себя, она любила на нем отдыхать, здесь же и спала, рядом такое же массивное кресло. Сам Пахомыч в основном обретался в другой комнате, поменьше, там его мир: письменный стол с лампой, диванчик для отдыха и сна, комод с телевизором на нем и главное его богатство — книги, стеллажи с ними во всю длину торцовой стены под самый потолок, закрытые раздвижными дверцами.

Из шкафа-купе в коридоре достал простыню и мягкой шерсти дымчатого цвета одеяло, подушечка всегда лежала на диване.

Приготовив постель, Пахомыч пошел на кухню покурить и разобраться в себе, потому что ощущал неясное раздражение. Причину он нашел быстро. Сломались его планы на вечер, он собирался посидеть над статьей в военно-исторический журнал, и вдруг все резко меняется. В его привычное уединение ворвалась какая-то хамоватая девчонка, и надо что-то делать для нее, что-то говорить, чем-то поступаться.

Значит, в нем самом начала оказывать сопротивление животная, эгоистическая природа человеческой личности, чьи интересы ограничены созданием условий для комфортного суще-

ствования физического тела. Сломать это сопротивление может только дух человека. А что дух, способный подавить в человеке все низкое и подлое, может родиться только из православия – это Пахомыч усвоил твердо.

Усвоить-то усвоил, теоретически, а вот превращать теорию в реальные дела, оказывается, дело очень нелегкое. Но надо.

«Негоже так, раз уж позвал девчонку, так помоги, чем сможешь. Ей явно не додано тепла родственного, возмести хоть, сколь осилишь. Тем более, она же мне кого-то напомнила. Ее взгляд в магазине! Где, когда, у кого я такой видел!? Старее, память становится дырявая».

– Пахомыч, об чем задумался?

Ленка шла от ванной к кухне. Ночнушка, конечно, была великовата, но не сказать, чтобы совсем как на пугале.

Порозовевшие щечки, взлохмаченные влажные волосы и косточки маленьких узких ступней с остаточными пятнами красного лака.

– Ты же ж, ногти на ногах красила?

– А так, баловалась.

– А че тапки не одела, я ж тебе давал, и иди расчешись, на полке в коридоре расческа.

Когда Пахомыч зашел в комнату, Лена сидела на диване причесанная и вертела в руках пульт от большого плоского телевизора, стоящего как раз напротив дивана у противоположной стены на специальной тумбочке между посудной горкой и комодом, компьютер в самом углу у окна ее почему-то не привлек.

– Пахомыч, а можно я посмотрю телик?

– Ты же хотела увалиться спать?

– Да я маленько.

– Знаю я это маленько, да там и смотреть-то неча, одни развлечения, давай, давай, угомоняйся.

Возможно, что-то в его словах ей показалось подозрительным, она кинула на него какой-то странно-тревожный взгляд, искала что-то в его глазах, но быстро отвела свои глаза, покорно положила пульт на подлокотник кресла за изголовьем дивана.

– Ну, хорошо, я щас.

Вышла, причем, торопливо, даже ускоряясь, словно боясь не успеть или передумать. Пахомыч подумал, что она пошла в туалет перед сном, но звука открываемой двери не услышал, зато услышал стук на кухне, потом побрякало. Он повернул голову к входящей девочке и сразу заметил прижатую к боку, чуть за спину, правую

руку, но не придавал этому значения, мало ли кто как руки прижимает. Он вспомнил, что хотел достать наволочку на подушечку, встал и шагнул к комоду.

За спиной сначала глухо стукнуло, а через секунды с треньканьем побрякало.

Обернувшийся Пахомыч увидел лежащую на ковре вилку из нержавеющей стали и нагибающуюся к ней Лену.

Он вначале ничего не понял.

– Вилка? Откуда она?

Ленка поднялась, так и не взяв кухонный прибор, смотрела глазами собаки, ожидающей удара и готовой защищаться – со страхом и злым отчаянием.

– А ты зачем меня укладываешь побыстрее в постель, чтобы приставать ко мне?!!

«Приставать? Приставать!»

Он вспомнил, потому что тогда и там, далеко-далеко, тоже было это слово, и тогда оно тоже обожгло своей обидной неправдой. Горячий пот мгновенно выступил на лбу, потек в глаза, их защипало, и в них потемнело. Пахомыч зашарил беспорядочно вокруг себя руками, он боялся свалиться и искал опору. Все же удержался, шагнул куда-то и нащупал рукой гладкое дерево. А подскочившая Ленка трясла его за плечо, не думая, что так можно помочь ему только упасть.

– Пахомыч, миленький, тебе плохо? Прости меня, Пахомыч, дура я, дура конченная. Я щас водички тебе принесу, я мигом.

Старые пластмассовые шлепанцы шуршали по ковру, как резина по асфальту.

Она принесла воду в бокале, они сидели на диване, в глазах у Пахомыча прояснялось, зато саднина вошла в сердце неотпускаемо.

– Пахомыч, ты прости меня, я не хотела тебя обидеть.

– Да ниче, ниче, ложись давай, я тоже пойду на покой.

Он сидел, наклонившись корпусом и головой, согнутые руки локтями опирались на колени, а она норовила заглянуть ему в лицо, привстала с дивана и все наклонялась и склонялась, чуть не до самого пола, несоразмерная телу ночнушка изрядно оттопырилась, так что при желании можно было полнообъемно видеть те фигурки, за неприкасаемость которых она была готова применить кухонное орудие.

– Ну, Пахомыч, ну прости глупую.

– Да все, Лен, все.

– Ты знаешь, это привычка, ко мне приставали, я вилкой отбивалась, вот и привыкла.

Ей очень хотелось искупить свою вину, и она не отставала.

– Но я же видела, што ты хороший, што ты не такой, как дядь Степка. Вот я дура, так дура! Я...

И тут эта девчушка выдала матерную конструкцию, и так это отвратительно звучало из уст девочки, что Егор Пахомыч вскинулся со взревом.

– Замолчь! Ты... – укусил себя за нижнюю губу, чтобы самому не сорваться на мат. Болью удержал в себе рвущееся. Вдохнул-выдохнул глубоко. Спокойно уже продолжил.

– Вот што, милая. Если еще хоть раз услышу от тебя подобное, я просто вышвырну тебя за порог и забуду о твоём существовании. Усекла? Она так и оставалась в низком присяде, почти на корточках.

– Угу, – покорно-покорно.

– Ну, тогда спокойной ночи.

– И тебе тоже.

Он даже не пошел покурить, а сразу к себе в комнату, ему надо все вспомнить и еще раз прожить те события, потому что это должно быть с ним всегда, потому что забыть значит предать.

Восемьдесят девятый или восемьдесят восьмой год того, ушедшего столетия.

Советский Союз еще стоял утесом-великаном в болоте человеческой цивилизации. Стоял с виду несокрушимый, и, казалось, он будет так висеть вечно. Но гнилостные миазмы через невидимые глазу поры проникали в монолит, и в нем начинались процессы разложения. В СССР к тому времени уже сложились целые группы, даже кланы людей, вкусивших плоды богатства, сложились потихоньку, незаметненько. Это были работники Внешэкономбанка, дипломаты, руководители нефтегазодобывающих предприятий, которые поставляли за рубеж наши ресурсы и которые часто бывали там в командировках, сотрудники спецслужб и, главное, высокие чины гос- и партаппарата. Их ставленник, Михаил Горбачев, своими указами расширял кристаллическую решетку Советской власти.

Указ о создании кооперативов дождиком пролился на подготовленную и ждущую почву – основные фонды государственных предприятий потекли в созданные при них частные лавочки с

вывеской кооперативов. Готовили приход ее величества частной собственности. Неистребимо в человеке желание хапнуть приглянувшееся, но чужое или общее, и слетело со многих, как пыль под веником, все благородное и бескорыстное, честное и самоотверженное, что воспитывалось десятилетиями Советской власти.

Уже можно было встретить «упакованных в джинсу» упитаннорожих директоров кооперативов, разъезжающих на «девятках» и диковинных пока иномарках. Уже появились и низменные спутники больших денег – рэкет, мошенничество и даже, вообще неслыханное в Советском Союзе явление – похищение детей ради выкупа...

Государственные социальные программы втихую сворачивали.

Тогда не Егор Пахомович, а просто Егор Клётов работал на углеобогатительной фабрике в монтажной бригаде. Бригада считалась прикомандированной, мужики работали здесь уже несколько лет, прижились и выполняли любые, даже чисто ремонтные и профилактические работы. Трудился в бригаде один чудаковатый мужичок, лет сорока пяти, лысоватый и бородастый, с широким бугристым лицом и шишкой на лбу у левого виска. Звали его Илья Пеплов, работал он сварщиком, хотя закончил пединститут факультет иностранных языков и имел специальность переводчика с немецкого языка.

Он сам рассказывал мужикам, как умудрился переквалифицироваться, но не в управдомы, это бы еще куда ни шло, все же профессия тоже не очень пыльная, а прямиком в электросварщики. По его рассказу вышло так. Он трудился штатным переводчиком при генеральном директоре комбината, видно, работал неплохо, раз держали несколько лет. И вот однажды в город приехала делегация из ГДР. Илюха, значит, постоянно при ней, сопровождает, переводит. Надо же было одному чрезмерно любопытному немцу взять в руки эту злосчастную газету, будь она неладна (это он всегда повторял в рассказе).

Собственно, в газете немца заинтересовал фотоснимок, на котором многодетная счастливая семья, кажется, четырехдетная, была избрана в собственной, наконец-то полученной двухкомнатной квартире. Любопытный немчура попросил перевести текст к фото. Илья добросовестно перевел, и делегаты были крайне удив-

лены, им-то казалось, что все многодетные семьи в СССР имеют огромные хоромы. Кто-то доложил генеральному, Илья был вызван «на ковер». На вопрос, есть ли у него какая-либо специальность, кроме переводчика, ответил: «Есть, сварщик». Последовал ответ: «Вот и иди работай сварщиком».

Так ли было, пусть останется на совести Ильи, он был большой выдумщик и вообще странный человек, даже в бытовых мелочах. В те годы им наряду с мылом и брезентовыми рукавицами, верхонками, выдавали и бязевые портянки. Хорошие, между прочим, были портяночки, белые-белые, просто снежно-белые и, что главное, теплые да ноские. Так вот, Илья, вместо того, чтобы укутывать свои широкие, словно лапти, и с корявыми ногтями ступни этими нежными портянками, использовал их по очереди, сначала одну, потом другую по другому назначению. По-первости, он ими вытирался после умывания. Затем, по мере утраты портянками своей белизны, начинал ими заматывать шею под брезентухой вместо шарфа. И только когда обе они сравнивались по цвету с брезентовой курткой, начинал использовать по прямому назначению.

Вообще-то, этой его плюшкинской бережливости можно было найти объяснение в его социальном статусе и вытекающим из него материальном положении. Илюшка находился в разбеге со своей женой и двумя дочерьми, платил алименты и проживал в клетушке-комнатушке секции общего типа. Бывали «бригадники» у него не очень часто и обычно по пятницам, когда можно было спокойно посидеть с бутылочкой-другой вдали от жен и семейной суеты. Допьяна не напивались, сидели, обсуждали мировые и производственные дела.

И тогда они поехали к нему. С электрички зашли в вино-водочный магазин, все пятеро, потому что уже возникали перебои с алкоголем, впятером легче пробиться к прилавку, потом купили хорошей закуски, у Ильи особо не разожрешься, и взяли пару кило крупных румяных яблок. Дело было по осени, еще без грязи и холода, в самую золотую пору года. Дом Ильи, старая кирпичная пятиэтажка, вызывал у жителей других микрорайонов чувства опаски и брезгливости. Их было несколько таких, рядом стоящих пятиэтажек. Когда-то их воздвигли для первых строителей комбината, и тогда они были хорошими домами. В силу разных причин за последние годы в них стали оседать люди неу-

спешные в жизни, опускающиеся постепенно на самый низший этаж социальной лестницы. Дом давным-давно не видел ремонта, даже снаружи выглядел неприятно, весь в трещинах, закопчен, замызган.

Они веселой гурьбой поднялись по темноватой изщербленной выбоинами лестнице на второй этаж. Комната Ильи первая от входа слева, за ней по этой же стороне до самого торца еще было три двери, направо — дальше комнаты Ильи — туалет, за ним проем в общую кухню, еще дальше глухая стена.

У Ильи всего одна табуретка, поэтому узкий столик придвинули к кровати.

Извлекали закуску, Илья достал из ящика этажерки граненые стаканы: «Егор, будь другом, сходи, ополосни».

В комнатах этих домов вода отсутствует, и холодная, и горячая, она только на кухне.

Егор составил стаканы в высокую стопку и уже собрался пойти, а Илья протянул ему пакет с яблоками: «Заодно и яблоки помой».

Он шел, прижав к телу шаткую конструкцию из стаканов одной рукой, а в другой нес пакет.

Кухня весьма прилична размерами, куда больше Илюхиной конурки, темная от мутного оконного стекла, крашенных в несветлый цвет на метровую высоту панелей и вечернего сумеречья за окном. И пустая, лишь в левом от входа углу у края подоконника стоял стул, а на ней умогилась то ли девчушка, то ли девушка, Егор толком не разглядел. Раковина справа от входа, тоже в углу, он опустил пакет на пол, а стаканы разложил в раковине, испятнанной оббивками эмали. Вода шла только холодная, он по очереди ополаскивал стаканы и ставил их на широкий и длинный, до самой стены, стол.

— Ты свет-то включи, темно же.

Он сначала не понял, что это ему говорят.

— Свет-то, говорю, включи, побьешь стаканы, — ударение было поставлено на «ы».

— А где выключатель?

— Вон у входа.

Свет яркой нагой лампы у высокого потолка взорвал сумрачную затемь неустроенного помещения, беспощадно-обличающе высветил неухоженность коммунальной кухни, ее грязные панели с ссадинами отвалившейся вместе со штукатуркой краски, густую сеть паутины в углах, избитый обувью вдрызг пол.

Но он же осветил неясную до этого фигуру сидящей, и она вдруг предстала красивой, со-

всем молоденькой девушкой. Солнечным блеском запереливались светло-рыжие короткие волосы, рассыпушки смешинок-конопушек весело зашевелились по щекам, когда она сморщила носик и прищурила глаза от внезапно вспыхнувшего света.

И совершенно неважно, что подол ее ветхого платья в двух местах не зашит и даже не заштопан, а просто грубо стянут нитками, примерно так, как Илюха стягивает проволокой свою брезентуху, когда раздерет ее обо что-то острое или прожжет.

И не имело никакого значения, что она сидела на стуле босиком, что ступни девичьих стройненьких ножек касались затоптанного, в засохших харчках, пола.

Егор оторопело застыл на короткое время, а потом не нашел ничего лучше вопроса:

– Че ты тут сидишь в одиночестве?

– Так просто.

В желтовато-зеленых глазах любопытство заметно боролось с настороженностью.

– А ты у Ильи в гостях?

– Да, заскочили после работы посидеть малость, поболтать.

– И пить будете?

Ему отчего-то стало неудобно.

– Чуть-чуть совсем, мы ж не алкаши.

– А я тебя видела как-то, вы тоже тогда были у Ильи.

– Да, а я тебя не помню.

– Тебя как звать?

– Меня Егор.

– А я Юлька.

– Почему Юлька, а не Юля?

– Да все так зовут.

Тут Егор кстати вспомнил о пакете, стоящем на полу.

– Юля, хочешь яблоко?

И отчетливо увидел победу недоверия над любопытством в ее глазах.

– Да не, сами ешьте.

Он понял, она яблоко очень хочет, но боится взять, боится каких-то последствий, значит, надо ее упротить взять угощение.

– Нельзя отказываться, когда от чистого сердца предлагают. Щас я помою, щас.

Оказывается, он во время разговора незаметно приблизился к ней, и ему пришлось возвращаться обратно. Схватил пакет, выдернул из него два яблока и стал торопливо обмывать их струей холодной до ломоты в пальцах воды.

– Егорка, ты где потерялся, мужики заждались. Илюха стал в проеме, не входя на кухню.

– А, Илья, возьми стаканы, я чуть позже придду, начинайте без меня. Илья вошел, он уже в домашнем трико и клетчатой рубашке с закатанными до локтей рукавами.

Стаканы он взял в две руки, улыбка у него на буграстом лице лукаво-ядовитая.

– Ну-ну, давай, только сильно не задерживайся.

Стихали, отдаваясь, его грузные шаги, несколько мгновений был слышен мужской гомон, дверь в комнату закрылась, вернулась тишина, нарушаемая только шелестящим звуком водяной струи. Егор подал ей яблоко мокрой рукой.

– Возьми, Юля, я угощаю.

Она протянула свою, сложенную лодочкой, хотя слово «протянула» в данном случае неуместно – это было не движение верхней конечности за чем-то, это был акт подачи царственной длани для вложения в нее сокровища. Было со всей очевидностью понятно, что она делает это естественно, просто это ей свойственно от природы.

И красота ее очаровывает, узкое лицо мягких очертаний, ровный прямой носик, небольшой рот с гранатовой сочностью юных губ – ничего по отдельности исключительно красивого нет, а вот в совокупности, особенно с добавлением щедро насыпанной на щеки, как из горсти, доброй меры светло-коричневых конопатинок дает совсем другую картину. Тем более, эта картина глядит загадочными кошачьими глазами.

Но, самое поразительное, от всего ее облика исходит невидимое глазом, но ощутимое сияние, достигающее сердца и согревающее его. Егор осторожно, даже благоговейно, положил одно яблоко в ладонь.

– Спасибо.

И буквально следом без видимой связи.

– А ты почему хромаешь?

Егор пока не мог найти правильную линию разговора с ней, он в раздвоении – это мешало.

В нем будто две волны сшиблись и от этой сшибки поднялась завеса брызг, а волны разбились на мелкие волнишки, которые бестолково вспучивались, шипя и пенясь.

Как большинство здоровых мужиков его возраста, то есть, как говорится, в самом соку, он ценил женскую и, тем более, девичью красоту и был непрочь пофлиртовать, только пофлиртовать. Это была одна волна, физиологическая.

Но встречу сразу вставала другая – воспитание, вбитые в мозг с самого пеленочного возраста принципы, по которым взрослому мужику запрещалось даже взглянуть на молоденькую девушку как на возможный предмет вожделения. И эта волна была все же покруче, она снова сливалась воедино и одолевала противостоящую, подминала. А все оттого, что ее неожиданно начала подпирать еще одна – то самое сияние, невидимое, но весомо ощутимое, оно не позволит сердцу сбиться на животные страсти. Вопрос застиг его в процессе борьбы волн, пришлось для сосредоточения переспросить.

– Почему? Как тебе сказать? В молодости по глупости случилось.

– А вы с Ильей все вместе работаете?

– Ну да, ты яблоко-то ешь.

Молодые зубы отхватывали от плода немалые куски и быстро перемалывали их, управилась она с яблоком споро. Егор стоял рядом, опершись боком о подоконник, второе яблоко держал в руке.

– На и второе, – сказал, когда она проглотила последний кусок.

– Я потом его съем, ладно?

– Как хочешь. А ты здесь живешь?

– Да, в третьей квартире.

Она сказала «в квартире», хотя все жильцы этого дома проживали в секциях.

– А почему все же сидишь здесь?

Он спросил просто для поддержания разговора, поэтому ответ и прозвучал для него потрясением.

– Мать выгнала, к ней Кузя приперся, и они там... – дальше вылетело слово, пришедшее к нам из тьмы веков, употребляемое еще в берестяных грамотах Великого Новгорода и которым доньше грубые люди называют физическую близость мужчины с женщиной.

Но самое невыносимое то, что она произнесла его буднично и нестеснительно, будто оно являлось для нее нормальным, да, наверное, так оно и есть.

Егора это слово из губ Юли покорило так, что он быстро повернулся к окну, угнул голову вниз, захватил свою нижнюю безвинную губу зубами и яростно мотал шеей из стороны в сторону. Ей непонятна его реакция: «Ты че, Егор?»

– Зачем ты так, Юля?

Она совсем в недоумении, когда он повернулся к ней, ее глаза округлены.

– Ты о чем?

– Нельзя молодым девушкам такие слова говорить, это оскорбляет душу.

– Да?! А они меня не оскорбляют?! Сами пьют и жрут, а меня на кухню выгнали?

Последняя фраза прозвучала как жалоба голодного маленького человечка.

– Он колбасу принес, еще че-то вкусное.

Догадка оформлялась в мысль, на ходу успел бросить ей: «Подожди, Юль, я мигом».

Подпитанная горячительным компания попарно и очень оживленно беседовала, на столе уже обычный бардак мужского застолья.

– О, Егор, ты где застрял?

– Егорка, сам наливай себе.

– Он Юльку кадрит, – это Илюха слюнявыми губами.

Бригадир Колян, мощный, даже, можно сказать, кабанеющий от богатых домашних, в кастрюльке носимых обедов, укорил солидным голосом: «Егор, негоже товарищей менять на бабу». А потом, увидев, как Егор отрезал изрядный круг колбасы и сгреб в ладонь несколько кусочков хлеба, добавил уже другим, игривым голосом: «Ты че ее, за жратву укатываешь?»

Егор полоснул бригадира таким режущим выскерком зрачков, тот аж поежился.

– Колян, тебе не идет быть пошляком.

Юля сидела, поставив локоть на подоконник, а щеку на кулачок и смотрела в совсем потемневшее заоконье.

– На, Юля, поешь.

Голова повернулась, не оторвавшись от кулачка.

– Зачем, я же не просила?

– Просто мне нравится угощать тебя.

– Просто-просто?

В зрачках яркие точки, не похожие на отражение лампочки.

– А што, угощают с какой-то выгодой?

– Всяко бывает.

Егору впору покраснеть, физиология-то иногда прорывалась, когда взгляд нечаянно притормаживал на островерхих выступах под платьем или на мягко-округлых неприкрытых коленках, на всем бурно прущем женском в Юле. В попытке скрыть свое смущение он сказал довольно грубовато.

– Да на, бери, а то выкину в форточку.

Она взяла колбасу и хлеб, а он достал сигареты, закурил.

Она ела, а он стоял лицом к стеклу и курил.

– Спасибо.

– На здоровье.

По логике, ему нужно было заканчивать разговор и уходить. Но какая, к черту, логика, если сидящий рядом человек нуждается в поддержке, он одинок, он бесприютен в этом безжалостном мире секционного дома, здесь ее внутренний свет, одухотворяющий тварную природу человека, зальют отходами жизнедеятельности, заплюют и захаркают.

Что ждет дальше Юлю, если мать, для которой плод ее чрева должен быть дороже собственной жизни, выгоняет девочку на кухню, где частенько бродяги устраивают оргии, выгоняет ради скотского соития, а дочь это знает и понимает, что для матери она обуза, которую придется терпеть? Что вырастет из такой дочери?

А что может сделать он, Егор, посторонний человек? Полюбоваться ее красотой, угостить яблоками и колбасой, поохать-поахать над ее бедами? Можно полюбоваться, даже повосторгаться, как восторгается равнодушный к красоте человек, увидев вдруг посреди зловонной помойки одиноко вознесшуюся ромашку. Он будет стоять и любоваться едва приметно трепещущим зеленым стебельком и дивными ослепительно-белыми лепестками, восторг же его будет возрастать от того, что это чудо выросло рядом со ржавой консервной банкой и прямо из рыбьих кишок и хвостов, словно попирая своей красотой мерзость человеческого бытия и утверждая божественную красоту мироздания.

Однако нормальный человек не станет срывать цветок, понимая, что дома в вазе с водой цветок быстро завянет, цветы в вазе не цветут, и остаётся только любоваться им здесь, на помойке, отводя глаза от ржавой банки и рыбьих потрохов.

Но это цветок, а человека-то можно переместить в другое место, где он вполне приживется и расцветет куда красивее, чем в этих трущобах. Легко подумать, а сделать практически невозможно. Но хоть что-то надо попытаться предпринять!

Он так и стоял, облокотившись о подоконник, смотрел в темное стекло, она так же сидела на стуле, оба молчали.

Внезапно донеслись громкие мужские голоса и так же внезапно стихли, шаги по коридору. Егор рывком отдернул с кисти рукав шерстяного пуловера, поворачивая руку к свету, оказывается, больше часа прошло с момента его прихода на кухню. И он заторопился, боясь чьего-нибудь вмешательства.

– Юля, мне скоро, наверно, придется уйти, но я хотел бы еще с тобой увидеться, ты не возражаешь?

Шаги кухни не достигли, открылась дверь в туалет. Поднятое лицо выражало озадаченность, на юных лицах, еще не научившихся управлять лицевыми мышцами для маскировки чувств, они читаются легко, как крупный текст в книге.

– А зачем?

Зачем? Разве возможно коротко и понятно объяснить человеку, почему хочется его видеть, общаться с ним?

Да всегда ли и сам желающий может полностью понять причину своего душевного влечения?

Как не сможет человек объяснить себе, почему он вдруг в лесу или в поле замирает перед каким-нибудь деревцем или открывшимся видом, немеет от восхищения.

Да ему и не нужны никакие объяснения, просто это деревце или этот вид соответствуют его пониманию прекрасного, и он стоит и наслаждается увиденным. Не объяснишь.

– Ну, пообщаемся, хочешь, в кино сходим?

– В кино можно, только у меня денег нету.

У Егора потащило губы в улыбку.

– Глупая ты, я же приглашаю, а у меня деньги есть.

И тут вдруг он, не додумав даже мысль до конца, а поддавшись мгновенному желанию хоть чем-то ее порадовать, полез в карман брюк, достал пачечку из нескольких сложенных пополам десятков, отделил одну и протянул Юле.

– На, Юля, купишь себе што-нибудь вкусное.

Обомлелость тоже читалась отчетливо.

– Мне!? Столько?!

Больше рубля она в руках не держала, это точно.

– Тебе, тебе. Бери.

Рука несмело и не быстро поднялась с колен, потянулась, замерла и упала обратно.

– Нет, не возьму.

– Да почему? Я ж дарю тебе.

В интонациях прозвучавшей ответной фразы, кроме констатации неизбежных последствий, еще многое вместились: и горечь от человеческой подлости, и сожаление о невозможности получить такие деньги, и тихая печаль, да и еще нечто, не переводимое с языка чувств на язык слов.

– Ты же потом за эти деньги начнешь пристаывать ко мне, все вы такие. Уж лучше бы в лицо

плюнула, чем в душу. Егор сдержался, правда, потом зубы заныли, так крепко их стиснул.

В его ответе одна печаль.

— Не считай всех людей мерзавцами, жить будет невыносимо. Сложенная пополам бумажка так и высывалась из пальцев его полувытянутой руки. Егор немного приклонился к ней и выпустил банкноту из пальцев, она встала торчком в складке платья.

— Все равно мы больше не увидимся, пусть это будет подарок на память обо мне.

От неудобного стояния затекла нога, в юности попавшая в переделку, отходил с заметной прихрамкой.

— Егор, не уходи.

Куда девалась скованность ноги — на одном месте крутанулся в противоположную сторону.

Виноватость сдобрилась лукавством, и получилось совершенно изумительное очарование девичьего лица.

Десятка в ее ладони, а грубоватые слова прятали другое, трогательное, но стыдливость мешала открыто показывать.

— Че надулся, я ж тебя почти не знаю. Приходи завтра, сходим в кино, а морожено возьмешь?

— Да хоть два.

— Это хто там кому морожено собрался 100 брать?

Дверной проем заполнен тяжелой женщиной с зачесанными за уши волосами обожженной меди и увенчанными по затылку недовоткнутым гребнем, в застиранном почти до бесцветности сарафане. Ее полные руки водружены на косяки на уровне головы, отчего пологие, но еще высокие холмы грудей так реально выделились из всей фигуры, будто их целенаправленно выделяли, как и белые коленки. Женщина была бы красива, даже при густо-густо, чуть не в сплошной засев, утыканными конопushками щеками, с просыпью на шею, да она и красива, вот только весьма заметные следы пьянства красоту ее в мужских глазах сильно роняют. Они в растерянности от внезапного вмешательства, а стоящая в проеме продолжила низким голосом, столь частым у пьющих, огрубевших женщин, причем, продолжила с потугами на иронию.

— Да я гляжу, у Юльки хахаль объявился. Не рановато ли ссыкухам со взрослыми мужиками по кинам шляться?

Егор никак не мог выйти из замешательства, потому что фактически Юлина мать была права.

Она пошла к ним, руки теперь уперла в бока, собираясь распалиться до праведного гнева.

Но тут она тренированным взором охотницы за халявными деньгами уцепила немалую достоинством купюру в руке Юли, желание воспылат гневом быстренько улетучилось, голос попытался подняться до высоких нот.

— Че я вижу, целая десятка! Зачем же на морожено целую десятку?

Давай ее мне, доча.

Юля отошла от растерянности, этому, вероятнее всего, поспособствовала перспектива лишиться подарка. Она хрустко смяла бумажку в левом кулаке, а правая с трехпальцевой фигурой на конце смело вытянулась в сторону матери.

— На вот, выкуси, мне Егор подарил.

— Ах, Егор, это ты, што ли, Егор?

Руки, до этого было опустившиеся вниз, опять поплыли к бокам, видно, любила женщина эту позу. Но ее провоцирующее скандал поведение выветрило из Егора растерянность, и он не любил, когда ему дышали в лицо смесью запахов водки и лука, а она дышала, подойдя совсем близко.

— Ну я, и што?

— А то, што деньги суешь малолеткам — это как назвать?! Повалять ее захотел, да?! Купить за десятку?!

Высокий звон крика ударил по ушам.

— Заглохни, ты, сука пьяная!!!

Юля стояла, кулачки согнутых рук прижаты к подбородку. Крик привел в чувство Егора, уже набухающего гневом, но отнюдь не ее мать, закаленную в скандалах секционной жизни.

— Я те заглохну, я так заглохну, — и тоже заорала, но на других, низкогудящих частотах.

— Ку-у-зя-я-я! Щас Кузя выйдет, он разберется, — и снова загудела. — Ку-у-зя-я-я.

Кузя оказался отзывчив и буквально следом «нарисовался» в том же проеме. Мужик лет сорока с довестком ростом не мал, пожалуй, лишь чуть пониже Егора, а Егор имел метр восемьдесят пять, но шире, правда, не в плечах, а в талии, особо в передней ее части, об этом радостно возвещала синяя с темными потеками майка, туго обтянувшая шар пуза, она не была заправлена в черные трусы.

Кузя впечатлял массой тела, небритостью рожи и большими залысинами на темно-русой всклокоченной голове. Но был явно не боец, ибо масса его давно и необратимо одрябла, мышцы

полных рук по-бабски обвисли, полногубый рот еще что-то дожевывал.

Он и спросил весьма благодушно:

– Ну и че тут у вас за пожар?

– Да вот тут какой-то Егор на Юльку глаз положил.

– Так мы ему глаз этот вышибем, чтоб не ложил, куда не надо, – и зареготал утробно над собственной остротой.

Егор в это время еще раз оценивал противника. «Сидел, но недолго, скорее всего по «бытовухе» или «хулиганке», в лагере был не на высоте, перстни-то вон как попало наколоты, так, полувцвет, зато на свободе гонор раздулся, будто червонец отмотал за мокруху, любит помыкать слабыми, но перед сильными встанет и в рачью позу». Таких ой как много знал Егор в иные времена и умел с ними вести себя соответственно.

Кузя нареготался всласть и все так же благодушно посоветовал Егору.

– Земеля, ты в натуре дергай отсюда, пока я добрый и ниче тебе не вышиб.

Ну что ж, пора.

Егор сделал три четко впечатанных в доски шага, даже не прихромнул, шаги были с громким стуком каблучков, такие акцентированные шаги пугают слабоватых духом людей, очень близко подошел к Кузе, а у того жирные от пищи пальцы уже нервно то ли пытались вытереть жир об майку на животе, то ли просто не находили себе другого места.

Дальше началось само действие. Егор оттолкнул скользкие пальцы, не сразу, но ухватил натянутую майку за подол и закрутил ее в кулаке, сдавливая пузо, а второй кулак, ударный, предстал пред забегавшими глазами Кузи.

Очень хотелось Егору сказать этому любителю водки с колбасой на изысканейшем лагерном жаргоне отборные «комплименты», но он помнил, что сзади сидела на стуле Юля, сидела с прижатыми к щекам ладошками, она боялась за него, он это чувствовал и не мог себе позволить слишком грязных слов. Поэтому он и сказал негромко, приблизив лицо к лицу Кузи.

– Кузя, тебя в зоне раком не загибали?

Безвольные губы прошептали.

– Не-е-а.

– Так не выпрашивай, чтоб я загнул тебя. Иди лучше доедай колбасу. – Напослед все же не сдержался в голосе и добавил громче, отталкивая мужика в раскрученную из руки майку. – Пшел вон, шестерня.

Кузя мелко перешагнул назад от толчка и повернулся в коридоре, собираясь удалиться с остатками достоинства, Егор тоном приказа добавил: «Подругу свою забирай»

Кузя отозвался из коридора, уже невидимый: «Зинка, пошли, он же чокнутый».

Пассия его прошествовала мимо, как ни странно, игривой походкой и смотрела на Егора восхищенно, даже, показалось, с неким, не совсем скрытым призывом.

Она уже водила-виляла мощным, как круп лошади, задом на выходе, когда Егор вспомнил, что еще забыл сказать: «Да, и не вздумайте отбирать у Юли деньги, я завтра приду и проверю».

В ответ хлопнула за углом дверь.

Егору хотелось как можно скорее перебить чем-то впечатления от не очень красивой сцены.

– Юля, пойдем, проводишь меня.

– Ты уже уходишь?

– Да, здесь душно.

Он имел в виду не физическую духоту, но не стал ей объяснять.

– Ну пошли.

А в голосе явное нежелание его ухода, что и подтвердили дальнейшие слова.

– А может, посидим еще? Этого аспиды ты прогнал, никто не помешает больше.

Пережитое волнение ей требовалось излить в слова.

– Ой, Егор, я думала сначала, што он тебя побьет, даже думала бежать к Илье за твоими друзьями. Он тут всех колошматит, козел.

Егор поморщился.

– Юль, ну перестань ты такие слова говорить, некрасиво это.

Юля подскочила со стула.

– Да? А один умный человек сказал, што надо судить не по словам, а по делам. А ты знаешь, што этот козлина делает?

– Откуда же мне знать?

– Он подглядывает за мной, когда я в туалет захожу. У нас в туалете дырка в двери, так он подкрадывается тихонько и зырит, я дырку газеткой затыкаю, а он ее пальцем выталкивает и опять зырит. Надо было тебе дать ему хорошенько, чтоб не подглядывал.

– Да, за такие дела стоит дать.

– Ну вот, а ты говоришь «некрасиво».

Егор в это время подумал, что Юля по возрасту годится ему в дочки.

– Юль, тебе сколько лет?

– Пятнадцать, ну почти пятнадцать, а тебе?
– Мне чуть побольше, – улыбнулся вбок, – в женихи тебе не гожусь.

– Я об женихах еще не думаю.
– А откуда у тебя такие слова – аспид?
– Это бабка моя так говорит.

Они шли по коридору, и оба не вспомнили, что Юля босая.

– Ты к Илье заходить не будешь?
– Нет, там и без меня весело.

Шли как раз мимо комнаты Ильи, из-за двери довольно слышимо доносились две разные песни, исполняемые одновременно.

– Ишь, как разошлись.

На лестничной площадке сумеречно, как в вечернем лесу, но он почему-то опустил глаза вниз.

– Юля, ты ж босиком, иди-ка домой.
– Нет уж, провожу тебя вниз, не холодно.
– Я не хочу, чтоб ты пачкала свои ножки в подъездной грязи.

Смеялась она длинной тонкозвучной трелью.

– Ножки!

– Ну што тут смешного? У тебя действительно прекрасные ножки, и им бы достойно быть в хрустальных туфельках, а не стыть босыми на грязном бетонном полу.

В полусвете не видно выражения ее глаз.

– Егор, я таких слов никогда не слышала. Ты не такой, как эти, – головка качнулась в сторону двери. Она неожиданно взяла его левую руку и положила в свою ладошку, накрыв второй.

– С тобой хорошо, спокойно-спокойно.

Егор замер, боясь порушить родившееся единение человеческих душ.

– Давай я пойду обуюсь и провожу тебя еще.

– Нет, Юль, не надо, темно уже тебе обратно идти.

– А ты точно завтра придешь? Может, пошутит?

– Раз сказал, значит, приду. В шесть как штык буду. Жди в шесть. Он видел, как она ступню одной ноги ставила боком на другую. Но все равно ему стоило громадных усилий расстаться с ней, будто приходилось выдирать вросшее в себя настолько, что сопровождалось болью и физической, в сердце, и душевной.

– Иди, Юлечка, ноги застудишь.

Она тоже не хотела расставаться и руку его не отдавала.

– Да не, постою.

– Нет, Юля, все, иди, до свидания.

Руку вытягивал из ее мягких теплых ладоней осторожно, а они не отпускали, тянулись за ней. Но она смирилась.

– Ну ладно. Только не обмани, Егор, приходи завтра. Я очень буду тебя ждать.

– Приду, обязательно приду, иди.

Он посмотрел, как она открыла дверь, обернулась в двери, улыбку даже в неясном свете угадал по взлеску зубов, помахала кончиками пальцев руки. И отгородила дверь секционки ее от его жизни.

102

Недолга дорога до автобуса, а передумать можно многое. «Вот зацепила же меня девчонка. Вроде своя дочка есть. Но своя-то рядом, под пристроном хорошим, и ничего с ней худого не случится, не стоит своя босиком на бетоне. А што я конкретно могу сделать? Деньги давать на питание? Забрать ее к себе и воспитывать как свою дочь? Да кто ж мне ее отдаст? Ладно, завтра встретимся, поговорим, может, че и придумается».

* * *

1

Екатерина ЕРМОЛИНА,
г. Челябинск

* * *

У Маши халат – как ряса – и бигуди.
Плита – алтарём и кастрюля с борщом –
кадиллом.
Детки – ангелы, муж – Господь её: ах, прости,
Если не угодила.
Помыта посуда, машинка стирает бельё,
Сгущается сумрак в квартире, уснули дети...
Она завершает просмотр сериала, встаёт
И гладит рубашку мужу, завидуя Свете.

У Светы «Карден» – спецодеждой –
и декольте,
И ноги длинные, и раскрашены ногти броско.
В лэптопе – котэ... да она и сама котэ.
Славься, великий взвод пиротехников мозга.
Но если поклонник уже не идёт её
проводить –
Дескать, всё кончено, детка – после ужина
в ресторане, 103
Света плетётся домой одна и, ложась
в кровать,
Долго не может уснуть, завидует Яне.

У Яны «варёнки», в компе фрилансера арсенал;
Она на пяти языках говорит свободно,
Увлечена фэн-шуй и пишет в Живой Журнал,
И, кажется, собралась штурмовать Сорбонну.
Однако работа доводит до слёз и до искр
из глаз.
Три ночи без сна, заказчики, блин, достали...
Яна пинком выключает компьютер и, дымом
давясь и злясь,
На кухне над кружкой кофе завидует Алле.

У Аллы косуха, берцы, «Харлей» и шлем,
В наушниках – панки, на шее – кило металла.
Газ до отказа – и никаких проблем,
А все ваши правила Алла в гробу видала.
Птичья свобода, ветер и жизнь вверх дном.
Не нужно вставать в пять утра или гладить
рубашки...
Но, останавливаясь в мотеле очередном,
Алла порой вздыхает: везёт же Машке...

Я не хочу убивать в себе слабого – а зачем?
Он добрый и славный, и нос у него в веснушках.
От этого нет ни грязи, ни зла, ни – почти
никогда – проблем;
Его же не бить, а жалеть и лелеять нужно.
Он знает, какие на запах конфеты, какая
на вкус мечта,
Какие на ощупь звёзды... Смешной такой
и умильный.
А если мой слабый обижен, болеет или устал,
Или заплакал, на помощь придёт мой сильный.

2

Он придёт, под собой ломая пласты коры
Земной, на ходу разрушая замешкавшиеся
миры –
Не со зла, конечно, просто он прёт, как танк
С отказавшими тормозами. И его не пугает
ни браунинг, ни винчестер,
Ни ракетный комплекс – в тот момент ему
по фигу. И никакой дурак
На пути у него не встанет. Вот честно-честно.

3

А потом, не дождавшись, чтоб раны слегка
подсохли,
Превозмогая свирепую боль, он встаёт на лапы,
Чуть шатаясь, идёт и ищет, куда же забился
слабый,
Улыбается, утирает с лица ему слёзки-сопли,
Наливает чай, стиснув зубы, приносит
варенье, мёд –
Он ведь очень сильный, он всё простит
и всегда поймёт...
А тем временем слабый стирает ему грязь
и копоть с кожи,
Прикладывает к ожогам и ранам салфетки
и чистый лёд,
Обнимает...
И сильный его обнимает тоже.

ЭПИЛОГ

Раздавай щедрее, Всезнающий Судия!
Мне уже объясняли, что воля на всё Твоя,
И никто не посмеет оспорить решения Бога.
Только не впечатляет эта галиматья:
Что бы там ни случилось, а у меня есть я.
У меня
Есть
Я.
И это предельно много.

*В каждом человеке есть своё одиночество,
Тоже своего рода друг –
Спасительный или опасный (в последнее
 верить не хочется,
Но такие друзья порой берут на жалость
 и на испуг).
Строительство перегородок между собой
 и прочими – зодчество
То ещё. Замкнут порочный круг.*

Нет, мы неплохо живём тут с моим
одиночеством – я шучу,
Оно не смеётся, говорит, что я рухнула
если не с дуба, то с верхней полки
В каком-нибудь поезде... Колет слева внутри...
Одиночество тут водило меня к врачу.
Он сказал, там одни осколки.

...В поликлинике летом особо печально –
все в горах,
На морях; в крайнем случае – на пикнике
на даче или в окрестных чащах...
А мы с одиночеством вот сидим, играем
в шахматы в телефоне (мне снова шах).
Вообще, одиночество побеждает гораздо

чаще. 107

*Знаешь что, приезжай. Иначе оно меня просто
сожрёт,
Предварительно не сварив. И не подавится
(это жалко). И всё такое...
Вдруг одиночества наши встретятся –
и пойдут вперёд,
Наконец нас оставив в покое...*

Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА,
г. Кострома

ЛАСТОЧКИ

Кружась над сонною землёй
В вечернем небе,
Бьёт в окна звонкою волной
Весёлый щебет.

И этот радостный полёт
К закату станет
Крикливой сотней чёрных нот
На нотном стане.

Неровным всполохом пойдёт,
Случайным всплеском,
Влетит в мой дом, как дикий кот, —
По занавескам.

Умрёт в последней из октав
Легко, привычно,
В ночи безлунной потеряв
Свой ключ скрипичный.

* * *

Февраль явился в жуткой кутерьме...
Который вечер бешеная вьюга
Визгливо носится в крошечной тьме,
Гоняя снег по замкнутому кругу.

Боясь от страха замертво упасть,
Прозрачный месяц – призрак невесомый –
Глядит с тоской в разинутую пасть
Метели злой,
как псу сторожевому.

* * *

Меняю мелочь на билет.
 И час, как вечный!
 Один маршрут,
 один сюжет —
 Я до конечной...
 Троллейбус катится, и мне
 Сквозь дождь
 усталой
 Тоскливо мнится в полусне
 Разбег кварталов,
 Движение улиц и круги
 Огней слепящих,
 Ажурность каменной дуги
 В зелёной чаще,
 Высоток правильный парад,
 Цветным потоком
 Летящий мимо ровный ряд
 Горящих окон,
 Бессвязный шум и толчея,
 Привычный гомон...
 Я здесь.

Но я – уже не я,
А тень другого...

* * *

Мысль не двузначна – предельно ясна...
Но оттого состояние грусти
Даже на грани сознания и сна
Вряд ли болящую душу отпустит.

Против безумства оружия нет,
Да и, наверное, просто не надо, –
Ржавая совесть за давностью лет
Бьёт куда лучше и пули, и яда.

Александр РУДЫКА

К ШУКШИНУ

Пикет. Постою у подножия...
Разуюсь у всех на виду.
А то получается, что же я,
Обутым к босому иду!..

Миную подъём, что накатанный,
Пойду по зелёной канве –
По благоухающей ладаном
Цветущей июльской траве.

Вершина – венец восхождения.
Подобно святому лучу,
Ко мне снизойдёт откровение,
Что тщетно повсюду ищу.

Вгляжусь я в глаза изваяния,
А в них оживает печаль...
На что через все расстояния
Он смотрит задумчиво вдаль:

На дерево, серьги надевшее,
Катунской водицы струю,
На поле, ещё не созревшее,
А может быть, в душу мою?..
Сростки

* * *

Так странно... Время тихо тает,
В душе – осеннее жнивье,
Но всё яснее проступает
Из прошлого лицо твоё.

Во взгляде с нежностью ранимой
Надежду хрупкую неся...
И для меня ты в этом вся.
Так и не ставшая любимой.

ЭТЮД

Ещё на озере тает
Изгибом бледным луна.
Ещё чирок не летает.
Карась клубится у дна.
Ондатра ряску не чертит.
Сова трясёт головой.
Лысухи спят, словно черти,
Вокруг коряги кривой.
Похожа выпь в болотине
На вопросительный знак.
Звезда на дальней осине
Горит – не гаснет никак.

...А в камышах напряжённо,
И вдох, и выдох тая,
Охотник замороженный
Стоит, не вскинув ружья.

Владимир Обухов,
г. Калуга

* * *

Искусство возрастает из тайны
уж так на земле повелось.
Большие удачи случайны.
К успеху идут на авось.
Не верьте в надежность приема,
а верьте, как дети в игру.
Бездарность солидно весома,
а Пушкин – как пух на ветру
И только за неким пределом
игра обретает итог –
и слово становится делом,
и Словом становится Бог.

* * *

Никому. Никогда. Ниоткуда.
Но ведь где-то, наверное, есть
слово вещее: слово-чудо,
слово-даль, слово-высь, слово-весть.
Ты не слышишь его? Я не слышу.
Ты не веришь в него? Что ж, не верь.
Под окошком убогие крыши.
И закрыта железная дверь.
Как услышать нам небо отсюда?
Ведь, наверное, где-то вдали
ждут нас все же свобода и чудо –
там, где небо коснулось земли.

* * *

Часовня у дороги
Орел – Елец.
Вокруг поля широкие,
а тут, как остров, лес:
прозрачной чащи месиво
к погосту льнет, к крестам.
Стоял на этом месте –
в войну сожженный – храм.
Тут на потеху швали
немецкой – выл костер:
в тот храм селян загнали,
спалив – как сор.
И тут же похоронены
И мать моя, и брат...
Машины свищут. Вороны
О чём-то говорят.
Решёточка узорная.
И чуть дымится черная
орловская земля.

* * *

Жизнь происходит невзначай.
Она почти случайна.
Так пьют и выпивают чай,
в задумчивости, в чайной.
Так с незнакомцем говорят,
зевая, в электричке –
на полпути в небесный град
и к черту на кулички.
И вот что странно: пусть сама
жизнь – миг и фигли-мигли,
но вслед за ней растут дома
и расцветают книги.
И прорастает дух в душе,
и, словно весть благая,
из жизни жизнь растёт – уже
какая-то другая.

Алексей Бурко,
г. Кемерово

* * *

И будет жечь неожиданная похожесть
минувшего на все, что впереди,
как будто бы неузнанный прохожий,
внезапно встав, в глаза тебе глядит.

И будут ждать положенного срока
те чудеса, что озаряют путь,
все письма запальчивого рока
и красоты бесхитростная суть.

Всё впереди, а я живу все так же,
и так же свят бессменный ход веков,
над маковкой жилых многоэтажек
ведущий строй тяжелых облаков.

Всё впереди, лоснится купол храма,
чуть вдалеке – квартальная мечеть.
Голодный кот, неприбранная яма
и пешеход, стремящийся взлететь...

* * *

– "Что делать?" – спросил нетерпеливый
петербургский юноша.

– Как что делать: если это лето – чистить
ягоды и варить варенье; если зима – пить с этим
вареньем чай.

Василий Розанов. Из цикла "Эмбрионы" (1918)

Сто лет прошло – но не решен вопрос:
что предпринять, как дальше развиваться?
Край родников и праздничных берёз
не может от напасти отвязаться.

106

«Что делать!» – рек бесстрашный комиссар,
и уходили полем эскадроны,
свой выпускал «наш бронепоезд» пар,
и золотые сыпались погоны...

«Я всё равно паду на той...» –
теперь поёт печальный Окуджава,
Гагарин жив, и «Ленин молодой»,
и так сильна советская держава...

Мы отстояли дружеский Вьетнам,
народ един, с чем спорить бесполезно,
и держит курс на молодежный БАМ,
согласно воле скучного партсъезда...

Но вдруг тупик, и дальше нет путей.
И это крах? И все теперь бессильны?
Мы пали жертвой вражеских сетей?
Или сгустился сумрак над Россией?

Зачем гадать – лысеет голова,
к чему метаться – лишние волнения,
запомни, друг, жемчужные слова:
в вине – тоска, но истина – в варенье!

* * *

бескрайний Дух расправил небо
над благостным простором дня
и в этом дне как часть вселенной
ласкал и пестовал меня.

как оттиск древнего свершенья,
как инкрустированный рай,
примером чистого свеченья
казался наш лесистый край.

и с умилением призывая
себя почувствовать я смог
простой крупницей мироздания,
соринкой у державных ног.

величием чуда покоренный,
что я высматривал вдали,
когда на плечи, как погоны,
Твои ладони мне легли?

Диана ЛУГИНИНА,
г. Омск

* * *

У меня к тебе первый снег –
еще чистый, наивный, хрупкий.
Самый первый бывает слеп,
потому и живет лишь сутки.

У меня к тебе первый снег,
что не хочет парить на воле.
Ветер в спину, быстрее бег...
чтоб погибнуть в твоих ладонях.

У меня к тебе первый снег,
видно, посланный небесами.
Скажешь – он выпадает всем?
Это так. Только мой не тает.

* * *

Не нужны мне моря в закате –
всех милее родная заводь.
Я ныряю в твои объятия,
хоть совсем не умею плавать.

* * *

Ты мне не нужен.
Нужен твой ласковый голос
и извинения шепотом в трубке в полночь.
Ты не мне не нужен.
Нужен всего лишь повод,

чтобы нечаянно встретить тебя. А впрочем,
ты мне не нужен.
Нужно тепло ладоней
или тепло твоей куртки, немного плечи.
Ты не мне нужен.
Нужен хозяин в доме,
кто нанесет дров, воды и еще увечий.

* * *

Нам не случилось ссориться...
В. Тушнова
Я не стала твоим трофеем,
потому что досталась сразу.
Ты не знал ни моих истерик,
ни презрительного отказа.

Даже не назначал свиданий.
При "добыче руки и сердца"
совершенно не пострадали
никакие цветы. Лишь брейся.

Не пришлось выручать из башни
или вырвать из рук злодея.
Я сама приходила. Дважды.
По щелчку. Не сродни трофеям.

Но не буду стоять на полке –
это мы понимаем оба.
Я досталась легко. А толку?
Ты еще удержишь попробуй.

* * *

Мы боялись стать теми людьми,
кто с утра гладит клетчатый галстук,
в шесть уходит, приходит к восьми,
а при встрече не скажет «здравствуй».

Потому что болит голова,
времени нет – отчеты, завалы.
Дома ждет только кот и диван,
кружки кофе и два сериала.

Мы боялись с тобой постареть,
в двадцать пять мир увидеть серым.
И считали, что хуже, чем смерть –
заниматься немилым делом.

Мы боялись смешаться с толпой;
затерявшись, угаснуть без вспышки;
жить с опущенной головой.

Ну и что же в итоге вышло?

Татьяна ХРИСТЕНКО

СТЕРНЯ

*Я прошлым не могу не дорожить,
Хотя, наверно, это так немного:
Всего-то – поле золотистой ржи
И через поле узкая дорога;*

*И – солнечными каплями из сот
Стекает мед и капает на руки;
И на двоих один счастливый год
До вечной и безвременной разлуки...*

*Всего-то – на поляне сена стог,
Закатный луч и легкие стрекозы...
От счастья под собой не чуя ног,
К его любви спешу в дожди и грозы.*

*Но прошлым вечно не пристало жить,
И я ходить туда стараюсь реже.
Стерня на поле золотистой ржи
До крови сердце колет мне и режет.*

НЕ УХОДИТЕ ПО-АНГЛИЙСКИ

*Не уходите по-английски,
Невольно, вольно,
Потерь моих дополнив списки.
С меня довольно!*

*Считите данью суеверью,
Но днем иль ночью
Уйдите, лучше хлопнув дверью,
Чем просто молча.*

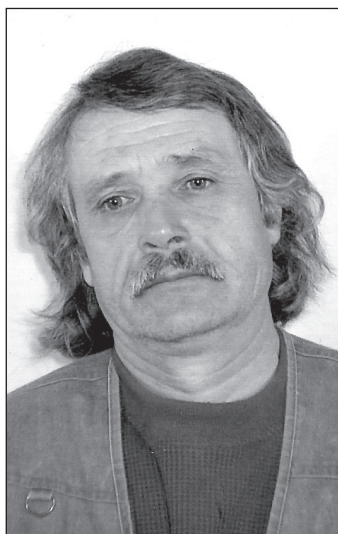
*Не уходите ради шутки.
Всерьез, тем паче.
Годами кажутся минутки
Для тех, кто плачет.*

*Не уходите по-английски
С цветком в петлице.
Из дома ли – или из жизни,
Забыв проститься...*

Александр БРЮХОВЕЦКИЙ

БЕЗ ЛИЦА

Ветер февральский злой, неугомонный, как сто чертей – бросает пригоршни ледяных колючек в лицо, шлифует скулы, словно наждачной бумагой. Потом поутихнет на время и тут же вновь стеганёт батогом, с оттяжкой жгучей по неприкрытым частям тела. Неуютно Притыкину Михаилу – голову втягивает по самые плечи, прячась с заветренной стороны дома, нужду малую справляя. Оставив на сугробе желтый автограф нужды, спешит в дом. Сам себе под нос, хлопая перекошенной дверью: «Ох, и сучий февраль!» Ему, Притыкину, можно принципиально и с крылечка... либо в ведро – один живёт, но под воздействием культурного наследия от старой жизни, пока не проделывал этого.

Сейчас у него – новая жизнь, личная. Бабу он похоронил с полгода назад. Сегодня как раз полгода. На печке что-то доваривается, в доме грязь и густая тенета по углам. Даже зеркало почти не отражает Притыкина. А он редко в него заглядывает – боится увидеть себя одного старого и несчастного, а может, и само зеркало боится увидеть небритое и грязное существо. Порой Михаилу кажется, что в доме вообще никого нет, даже его самого, и тогда непомерная печаль, перемешанная со страхом, овладевает им. В такие моменты он начинает тщательно ощупывать свои ноги, руки, убеждаясь в их наличии, а, значит, и всего остального в теле, включая печень, селезёнку и что там ещё внутри... даже зычно крикнет на всю избу: «Эх, жисть бекова!...» После этих

процедур ему сразу становится легче. А сегодня могут быть и гости. А могут и не придти. Надо же всем напоминать, что его бабе уже полгода... а была ли эта баба, Притыкин даже стал сомневаться. Да вроде была.

Вещи её перебрал в старом шифоньере, фотокарточки посмотрел. Вдвоем жили – детей не было. Если бы не эти старые фотографические изображения, то он бы толком и лицо своей супруги не вспомнил, настолько оно становилось размытым в сознании. Может, от того, что не любил?.. Или в ней темперамента особого не было – лежала в постели холодная, как бревно – не достучишься до желаний... а может, сам Притыкин стучаться, как полагается, не мог?.. Но хоть и бревном она была – всё ж веселее время короталось. После её смерти Михаил ошкурил чурку в два метра и положил рядом с собою в кровать, чтобы легче переносить одиночество. Даже болтал с ним иногда, обнимал.

В дверь постучали. Вошел Кабанцов Вася, с большим сизым носом, из которого текло от холода – бобыль преклонных лет со стажем. В деревне все его называли Вася-утконос. Посидели, помянули покойницу самогоном. Долго молчали, посапывая.

– Бабу свою стал на лицо забывать, – нарушил молчание Михаил. – Порой думаю, а была ли она?

Кабанцов, рассеяно глядя на пустой стакан, развил сюжет:

БРЮХОВЕЦКИЙ Александр Николаевич родился в 1954 году, профессиональный художник, писатель, член Союза писателей России, автор трёх книг прозы: «Летящий мужик», «Камень», «Поехать в небывшее». Печатался в журналах «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс». Проживает в Кемеровской области, с. Колмогорово.

— А я так и приблизительно не скажу про свою, но помню с бородавкой была. А вот жратву она хорошо готовила. Жратву вот помню, а лицо — нет. Только вот эту бородавку... слева от носа... или справа... от носа. Это от того, Миша, что нет любви, однако. Да я, правда, к ней шибко и не присматривался — так мелькала, мелькала и убралась потихоньку...

— Да, все мы по краю ходим... а любовь, Вася, она есть... — вздохнул тяжело Михаил.

Ещё опрокинули по полстакана ядреного напитка, крикнули, захрустев солеными огурцами. Кабанцов, ковыряя вилкой в зубах, продолжил тему:

— По мне, сейчас покажи голую задницу и лицо моей бывшей, я так сразу и не определюсь, где что... вот так!

— Может, у неё лица и не было? — спросил Притыкин, пьянея и глупея.

— Как это не было?!.. Была бородавка, значит, и лицо было! — обиделся гость. — Просто она не была красавицей, вот и всё.

— Бородавка, она, где угодно прицепится, а я вот что, Вася, подмечаю, — хозяин вновь плеснул в стаканы. — Подмечаю, что все бабы, особенно у нас в деревне, как бы на одну морду — какие-то стандартные... то ли от того, что их знаешь, как облупленных, то ли... а может, красивых и отродясь тут не было?

— Верно, Миша! На своих деревенских посмотришь, и никакого желания тебе!.. Красоты особой не замечается. Где им тут красивым да изящным взяться?

— Правильно, Вася, что им тут делать. Давай ещё по соточке, помянем грешную!.. Кх-х! крепкая зараза! Я, признаться, всегда мечтал о таких, как в телевизоре — изящных, умных!...

Оставшись один, Притыкин начал бродить из угла в угол не находя места. «Надо что-то менять», — бормотал он. А как менять, он не знал. Вновь, как и раньше, на него накатила волна страха и горькой печали. И такая жуть овладела им, что начало знобить всё тело, будто от холода, и Михаил залез под одеяло, но, постепенно придя в себя, натаскал воды в баню, протопил её.

Разомлевши от горячего пара, Михаил долго разглядывал свои ноги, руки, шевелил пальцами, удивляясь их безупречному подчинению мысли. Потом напрягал бицепсы и остальное: кожа местами уже пообвисла, но сила в теле

ещё чувствовалась — мышцы бугрились, в общем, все анатомические части исправно работали, и Притыкин находил, что он ещё не труп — он ещё запросто может устроить личную жизнь в свои пятьдесят семь. Перебрав мысленно весь свободный женский пол, пришел к неутешительному выводу — все они без лица, да к тому же с приличными довесками в виде детей и внуков.

Перед сном, как всегда, он смотрел вечерние новости на одном и том же канале — ему нравилась телеведущая Катя. Она была тонкой и миниатюрной, с красивыми чертами лица и с обворожительной улыбкой. Когда Катя, после окончания новостей, улыбалась широко и белозубо, то у Притыкина Михаила вся изба переворачивалась — ему было невыносимо хорошо и так же невыносимо тоскливо. Вот такую он смог бы взять себе даже с большим довеском! Красавица, умница! А какая улы-ы-бка!.. Напрягая память, он пытался вспомнить — улыбалась ли когда-нибудь его жена? Кажется — да, но очень и очень редко, а Катя каждый вечер улыбается... Её даже щекотать не надо — говорит и улыбается.

По ночам ему часто снилась Катя. Она протягивала к нему руки, подмигивая глазками, но только Михаил приближался к ней с замиранием сердца, как она исчезала, смеясь. Просыпался он, а в объятиях — бревно. Дурно ему становилось от этого: с вечера — своя бывшая в виде бревна, ночью — Катя олицетворяла холодную и скользкую деревяшку. На следующий день после поминок он распилил это бревно и поколол на дрова — «две бабы — это уж слишком», — бурчал он, складывая поленья в аккуратную стопку.

После этого Притыкин почувствовал себя совсем одиноким. Из дома он не выходил практически после смерти жены, разве что за хлебом и продуктами сходит раз в три дня, а пенсию шахтерскую он давно заработал — принесут. Вот так и коротал время. Иногда приходил всё тот же Кабанцов: посидят, смоля дешевые сигареты, на правительство пожалуются, потом на свою судьбу — баб при этом обязательно «пропесочат» — покойниц и ныне здравствующих. Сходились во мнении, что все они без лица... мол, нет той одухотворенности, обаяния...

Михаил немного пришел в себя, и чтобы окончательно отвлечься от всевозможных лишних дум, решил походить на рыбалку. Морозы к концу февраля стали не такими злыми, хотя с

утра могло и под минус двадцать пять ударить, но к полудню заметно теплело. Вот только ветерок колючий всё так же заявлял о своем непокладистом характере – дул настойчиво во все щели изб.

Река широкая, и местами где отсутствовал прибрежный лес – продувалась постоянными ветрами, отчего лёд там был чист. Рыба здесь практически не водилась, но Михаил особо и не печалился – развеяться бы...

Попав под ветер на открытом участке, он широко распахнул полушубок, изображая из себя парусник, после чего успешно заскользил по льду к противоположному берегу. Он несся стремительно, подгоняемый упругим ветром – это было похоже на всю его жизнь – от берега и до берега, без любви и счастья, без денег и без славы. Он катился минут пять, но так и не успел осознать для чего ему, Притыкину, дана эта глупая жизнь. Он отъехал от одного берега, теперь прибыл к другому, сзади было рождение, впереди смерть... но если в масштабах вселенной, то человек живёт практически долю секунды, размышлял он, и многое, как ни странно, успевает сделать. Вот только обустроить свою личную жизнь по своему желанию не может – судьба... и ведь важнее и значимее любви, выходит, ничего и нет!

Он раз десять возвращался назад, подставляя лицо жгучему ветру, потом с восторгом катился в обратную сторону, блаженствуя и философствуя о бренности всего сущего. Ему казалось, что его жизнь наполнялась каким-то глубоким смыслом. Какая-то особая значимость проникала в его естество. Он приходил на реку каждый день, постепенно становясь её неотъемлемой частью, только вот ночью...

Ночью он опять видел Катю... – это было тяжелым испытанием, и он перестал вечерами включать телевизор, чтобы ненароком не натолкнуться на милое лицо. Но через несколько дней не выдержал – включил, но Кати уже не было. Вместо неё передачу вела совсем другая особа. Тяжело переживал Притыкин отсутствие желанной телеведущей, тешился мыслью, что Катя, возможно, пошла в отпуск, а может и вовсе забросила телевидение. Ему показалось, что весь мир стал обезличенным без Кати, и эта страшная мысль заставила вновь лихорадочно ощупывать себя: все части тела были на месте, вот только когда он проходил мимо зеркала...

Проходя мимо зеркала, Притыкин Михаил бегло взглянул на своё отражение и оторопел – там отсутствовало его лицо. Весь Притыкин отражался, а вот лицо – нет. Не веря этому, он схватился за нос, но рука провалилась куда-то внутрь. Отсутствовали ещё губы, скулы. Не веря до конца в это происшествие, он поплевал на зеркало и протер рукавом рубашки свое отражение. «А-а-а-а!» – вырвалось страшное и протяжное изнутри его тела, как из глубокой ямы. В зеркале он четко увидел голову, на ней лоб и уши, шею, а вместо лица была большая дыра. Он дико взвыл, и, испугавшись собственного звука, который исходил буквально из желудка, стал бегать по избе, круша всё, что попадалось под руки, потом придя в себя, задернул занавески на окнах, набросил крючок на дверь.

Ночь он провел тихо, боясь прикоснуться к лицу, а утром на цыпочках подкравшись к зеркалу, стал осторожно в него вглядываться – лица так же не было. Вскоре в дверь громко постучали. Притыкин молчал. С той стороны крикнули:

– Миша, это я. Открывай.

Это был Вася-утконос. А другие к нему как-то и не заходили.

– Не могу, – промычал глухо Михаил.

– От чего так? – недоумевали за дверью.

– У меня... меня... в общем, я без лица, Вася!.. – донеслось глухое.

– Да будет тебе!.. Хватит шутить! У тебя его и вчера не было... вон, как страдания нас доводят!.. Я, Вася, самогончики выгнал – первачок – может, дерябнем с устатку?

Это, казалось, был выход. Нужно действительно напиться, а там будь, что будет!.. вдруг лицо обнаружится или наоборот – весь исчезнет, что даже и лучше... – подумал так Притыкин и утробно выкрикнул:

– Ты, только того... не испугайся.

Сидели за столом визави. Притыкин с наброшенным на голову грязным полотенцем, и слегка удивлённый Кабанцов.

– Ну, будя, издеваться, Миха, давай по маленькой, не придуряйся! Ежели ты действительно без лица, то, как будешь пить? Куда пойло вливать будешь?

Несчастный сдернул полотенце. Эффект был потрясающим – Кабанцов упал со стула и в бессознательном состоянии провалялся несколько минут.

– К-как же теперь без лица-то? – заикаясь, спрашивал он, немного придя в себя, и разгля-

дывая со страхом своего друга. — Без лица, Вася, тебя никуда из деревни не выпустят. В паспорте есть лицо, а на тебе его — нет.

— Вот так и жить будем, Вася, — просипел утробно Притыкин, опрокидывая стакан с жидкостью в большую дыру на месте лица.

Выпили основательно, от души. Михаил плакал, и звук неся, как из глубокого колодца, сырой и низкий, наводя ужас на Кабанцова. Тот глубоко вобрав голову в плечи, тоже тихонько подвывал.

— Тебе, Миха, на улицу точно никак нельзя. Увидят, определяют куда-нибудь... Это ж как, спросят, с таким видом на люди показываешься?.. А в магазин я буду ходить, ты не переживай сильно! Главное даже за дверь не высывайся, а я всем скажу, что ты уехал к брату на Сахалин, вот так. А там, глядишь, и лицо новое нарастёт.

Трое суток сидел безвылазно Притыкин дома, потом осмелился и стал совершать ночные прогулки: поднимет ворот полушубка, втянет туда голову по самые брови и, как медведь шатун, туда-сюда по окраине деревни, где собственно и стояла его изба. Луна полная и бледная, молча любовалась странной фигурой, освещая её жиденьким лимонным светом. Ночной мир казался странным и призрачным: закуржавевшие деревья, освещаемые этим глупым и холодным ночным светиллом, казались нарисованными — нереальными. Притыкин отмечал про себя, что даже луна имеет лицо, потому как там явно читались и рот, нос, глаза... от тоски ему хотелось завывать. И он завывал долго и протяжно, как это делают волки. В деревне эту дикую мелодию дружно подхватили собаки.

Вскоре он расширил территорию своих ночных посещений. Теперь он вновь стал выходить к своему излюбленному месту, которое определил для себя неким жизненным пространством, чтобы хоть как-то наполнить смыслом своё прискорбно-ужасное состояние. Ветер был настолько слаб, что о глупом катании от берега к берегу не приходилось и помышлять и ему оставалось только бесцельно бродить по зеркально чистому льду. Меряя широкое пространство реки старыми подшитыми валенками, Притыкин вдруг увидел её...

Нет, ему не показалось... под его ногами, лицом кверху, лежала полуобнаженная женщина, полностью вмерзшая в лёд. На ней были только ажурные трусики и лифчик. Фигура и лицо были безупречны по форме (по крайней мере, так по-

казалось Притыкину) а длинные темные волосы утопленницы застыли в причудливых извивах вокруг шеи, рук... Носик был слегка вздернут, аккуратен, глаза были открыты и удивительно чисты, как будто нисколько не осознавали свою ужасную кончину. А чувственный полуоткрытый ротик с припухшими губками, как будто призывал к плотской страсти.

Михаилу как током пронзило голову: «Не Катя ли это?» потому как была так же божественно красива. Потом прикинул, что телеведущая исчезла с экрана буквально на днях, а труп, конечно же, находится в реке с поздней осени. Но удивительно, что утопленница нисколько не искажена, ни страданиями, ни временем — цвет тела, как у живой... да и вся она в целом пахнет здоровьем. Дрожь пробежала по телу Притыкина, страшно ему стало. «Какой же негодяй так разделался с красавицей или сама утопла?» — размышлял он.

Прибежав домой, он долго не мог найти себе место. Хотел позвонить Кабанцову, потом участковому, но передумал. Немного уняв нервную дрожь, Михаил взял фонарик и вновь поспешил к реке. Он внимательно изучил тело: следов побоев не находилось, в общем ничего такого, что свидетельствовало бы о насильственной смерти — она даже сияла вожаделенно... После этой несложной процедуры Притыкин неумело перекрестился на всякий случай, и решил никому об этом пока не сообщать.

Весь день он не находил покоя, бегая по избе мучимый странным желанием видеть и видеть утопленницу, а как только стемнело, побежал на реку.

Он находился там почти до рассвета, любясь в лунном свете своей странной и страшной находкой. Последнее его уже сильно не пугало, потому как сам того не ведая, стал влюбляться в ледяное изображение, принимая это как знак судьбы. Михаил нежно гладил шершавой рукой лёд, под которым скрывалось её лицо, волосы, шептал что-то лирическое, и терзаемый мыслью, что буквально через полтора, два месяца начнётся ледоход и его красавица исчезнет, он решил на отчаянный поступок.

На следующую ночь Притыкин прихватив санки, веревку, топор и ножовку, принялся решительно извлекать свою красавицу из ледяного плена. При этом он старался, чтобы не одна прядь волос не пострадала при этом, не говоря уже об остальных частях тела. Он её,

конечно, похоронит потом по-человечески, но сначала пусть она в своём ледяном панцире постоит у Притыкина на веранде: он будет любоваться ею. Никто не знает, каких усилий ему это стоило, можно лишь догадываться, как он это проделывал. Но долгий процесс был завершен, и к утру ледяная красавица уже стояла у него на веранде, прикрытая старым половиком.

Часам к одиннадцати с хлебом пришел Вася-утононос, он же Кабанцов.

— Я вот что думаю, — начал он с порога, — надо тебе, Миха, врачу показаться... этому... пластическому. Может, соберет кое-что с ушей, с подбородка, со лба и натянет на дыру... рот, я думаю, не сложно будет сделать — отверстие и всё... а вот с носом будет сложнее, но они ж специалисты!.. А так до ишачьей пасхи ждать надо, пока новое лицо нарастёт. А нарастёт ли, ещё неизвестно.

Притыкин стоял к нему спиной, а когда обернулся, то из рук Кабанцова выпала буханка. Михаил был с лицом, словно оно никогда не исчезало, мало того — оно было с горящими, почти безумными глазами, и с улыбкой до ушей.

— Мать моя женщина, отец большевик! — топтался назад утононос. — Я, кажется, схожу с ума! Нет лица — есть лицо! Это как же?..

— А я влюбился, Вася!

— А кто она, Мишаня? Неужто не из наших краёв? Да и где ты мог найти такую, чтобы влюбиться? А она как же?.. ведь ты без лица был, да и дальше калитки не выходил, разве что ночью?..

— Да ты угадал, она не из наших краёв, приезжая она... приплывшая... — опустил глаза в пол Притыкин. — Но ты только не пугайся, она очень красивая.

— Да я, Миха, уже пуганный перепуганный! Что может быть страшнее человека без лица?

— Страшнее только красивая баба, Вася.

— Покажи, покажи её!

Притыкин показал. Нашатырного спирта в доме не было, поэтому в чувство утононоса приводил с полчаса.

— Она, она уто-пппп-ле-ница-а... — лепетал тот, приоткрывая один глаз. — Ты с ума сошел! Нас с тобою вместе посодют.

— Не посодют, ежели не стуканёшь. Немного баба растает, похороним, как следует.

— Потом снова лицо потеряешь. О, горе мне стобой!

Придя на следующий день, Кабанцов уже без особого страха, разглядывал бабу-ледышку, находя её очень красивой.

— Жалко, конечно, будет с ней расставаться, вон какая прелесть неопиcуемая, просто картинка... и ноготочки разукрашены, тонкая, изящная... а губы, губы, Миша, прям поцеловать хочется!.. И реснички одна к одной!..

Они переворачивали глыбу и так, и сяк, рассматривая всё до мелочей, та лишь потихоньку таяла под их горячими руками.

— Это ж надо такую красавицу изничтожить, — продолжал бормотать Кабанцов. — А может, она сама в реку бросилась. Разлюбила видно и в реку!..

— В таком виде и в реку?

— Да, прям с постели и в реку... не одеваясь. Эх, какая! — ножки, шейка точенные, грудь что надо! Скоро ледоход, Миха, может пустим её — пущай дальше плывёт! — настороженно закончил Кабанцов.

— Можно и так, яму хоть не копать, — согласился Притыкин.

И хоть им было жаль расставаться с этой страшной находкой, но придя к этому правильному решению, стали дожидаться ледохода. А красавица всё таяла и таяла под горячими руками двух мужчин: они ежедневно и непрерывно вертели её во все стороны, анализируя параметры тела, черты лица, находя их безупречными. И как-то Вася-утононос при очередном осмотре высказался.

— А не кукла ли это?

Это прозвучало для Притыкина, как выстрел из пушки.

— Да-да, Миха, ты не удивляйся, счас бывают такие куклы для утех, сам знаешь, которые дорого стоят, очень дорого... халупа, Миха, твоя не стоит столько!

Эта новость была потрясающей настолько, что они оба вдруг заулыбались.

— Так тогда, Вася, и хоронить не надо будет! — радостно воскликнул Притыкин. — Пущай живёт у меня, сколько хочет. Жрать я сам сварю, в доме уберусь... баба она для красоты пусть будет! Главное что не скандальная.

— Ну, это... — Кабанцов почесал затылок короткими, толстыми пальцами, — я тоже холостой... могла бы она и у меня пожить...

— Ну и ладно, пущай неделю у тебя, другую — у меня. Хотя по-честному — я её нашел и у меня она должна больше оставаться, — резюмировал Притыкин.

– И на том спасибо, – согласился утконос.

Дело шло к весне. В середине марта к полудню была уже плюсовая температура, хотя по ночам ещё сильно примораживало. Так или иначе, весна брала своё, и нареченная красавица почти полностью освободилась из ледяного заточения. Сначала выглянули наружу розовые пальчики левой руки, потом вдруг отвалился большой кусок льда от ягодич, головы...

– Процесс пошёл! – шумел Кабанцов, принюхиваясь к её телу. – Вроде не пахнет!

– Её в тепло надо, – настаивал Притыкин. – Быстрее отойдёт, потом нюхать будешь. Трупный запах, он в тепле обнаружится быстрее.

– Да чё тут нюхать! Кукла это, Миха! Ты пощупай пальчики – точно резина или с чего их там делают... а задница, во! – И тот хлопнул утопленницу по мягкому месту, после чего весь лёд разлетелся вдребезги.

– Как живая! – ахнул Притыкин, потрогав её нос.

Потом ощупывали её вместе, убеждаясь, что это всё-таки кукла. Шарили руками в интимных местах, сняв трусики и лифчик.

Ровно через две недели река освободилась ото льда, а красавица-кукла освободилась от двух назойливых мужиков. Она просто рассыпалась в прах – переморожена была, а оттаяв, прожила недолго, затисканная в объятиях.

Хоронить её понесли в ведре. Креста не ставили. Повздыхали тяжело. Разлили по стакану самогонки. Выпили, не глядя друг на друга.

– Ты, Миха, лицо случаем не потеряешь снова? – спросил Кабанцов, он же утконос.

– Нет, Вася, не переживай. У меня Катя появилась!

– Какая ещё Катя?

– Какая, какая... из отпуска видать вышла. Краса-а-а-вица писаная!

– И где же она?

– Ты только не пугайся. В телевизоре она.

Вячеслав РУКОСУЕВ

РАССКАЗЫ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ДЕЯТЕЛЯМ МИРОВОЙ НАУКИ

Начну свою речь с того, граждане, что всё в этой жизни подвержено переменам. И переменам не в лучшую сторону. И даже такое огромное понятие как климат не стоит на одном месте, а движется, опрокидывая по пути все наши планы и вгоняя в краску сотрудников прогноза погоды. Или, например, та же водка. Вот раньше какая была водка? Бывало, откупоришь поллитру, стопку поднимешь и задумаешься: где сегодня заночуешь? А сейчас? Сколько её ни выпей, всё равно просыпаешься дома.

Но я не об этом.

Вот объясните мне, почему наука не борется, чтобы повернуть вспять эти и другие негативные мировые проявления? Почему она с позапрошлого века сидит в кабинетах и решает какую-то дохлую теоремку в четыре буквы, не обращая внимания на острые насущные проблемы? Если мы можем из мешка берёзовых дров получить три кубометра дыма, почему никто не занимается обратным процессом? Учёные не оправдывают своего гордого названия. И возникает вопрос об их пригодности.

Конечно, нынешнее образование легче дешёвого. Но дело не в этом. В другом кроется причина всех наших бед. Учёные недавно посоветовались и открыли, что человек – животное, только у него мозги большие. И тут же добавили, что он

ими пользуется всего на десять процентов. Так вот, именно от этого несерьёзного процента, граждане, мы и имеем прорехи в научном сообществе.

Сильно удивляет, как правительство терпит такой низкий показатель.

Хотя к правительству тоже есть вопросы. Букву «ё» чуть не отменили, вовремя одумались. Полстраны бы языка лишилось. Теперь моду взяли – время менять. Где зимнее, где летнее, когда часы переводить, в какую сторону? И в этой неразберихе то до двух не продают, то после одиннадцати. Совсем запутали рабочего человека.

Но я не об этом.

Я об мозгах. Мне, как говорится, становится мучительно больно, что мы так безответственно относимся к нашему достоянию. Вот вам два примера. Витька Селезёнкин – он по жизни гопник. У него одна мысль на два полушария, и то не каждый день. Вот вы и объясните мне, зачем ему такой большой мозг? Если бы Витькин мозг, например, курице вставить, может, какой-нибудь толк и вышел бы, а Витьке от него только лишние проблемы. Взял, поспорил с мужиками, что съест полкило слив с майонезом и «Зиту и Гиту» в клубе до конца досмотрит.

Он один и досмотрел. Ещё ума хватило спорить на кружку пива.

Но я не об этом.

А вот вам Серёга Кожевкин, который свой мозг использует на полную катушку. Он год в городе по-

115

РУКОСУЕВ Вячеслав Владимирович родился в 1968 году в Иркутской области. Жил в Красноярском крае, из армии вернулся в Кемеровскую область. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Живёт д. Старочервово Кемеровского района.

таксовал и новую «семёрку» купил. И это на десяти процентах! А если бы он свою голову на всю мощь включил? Получается, у него бы в год десять «жигулей» выходило. Гигант! Это ж какие развитые надо иметь мозги, чтобы додуматься кнопку от звонка на ворота повесить, а звонок провести кобелю в конуру?

Хотя, если посмотреть на размер черепа, то выйдет, что Витька должен быть в два с половиной раза умнее Серёги.

И вот становится интересно, почему один человек с большими мозгами – гопник, а другой, у кого голова-то меньше, чем у того кулак, такой успешный бизнесмен и умнейший человек нашего времени? И назревает потребность изучения человеческого мозга с целью улучшения процента его работы. Вот чем надо заниматься современной науке, которая устранилась от проблем.

Но есть, граждане, много непризнанных самородков, вынашивающих государственные идеи, и перед вами, граждане, именно такой самородок, пишущий эти строки. И он сам, без всякой посторонней помощи, додумался о причинах такого явления.

Я думаю, что у Серёги мозг извилистый, а у Витьки он, конечно, большой, но гладкий.

Вот только доказать, граждане, это своё открытие я в современных условиях не могу. Не позволяет государство. Ну, с Серёгой – ладно, понятно. Но Витьку могло бы и отдать. От Витьки у государства только лишний зуд и головные боли. И, кроме того, прогрессивная общественность сильно подозревает его, подлеца, в краже кур из моего курятника.

И потому я публикую это письмо с целью войти в альянс с научным светилом, пользующимся непроницаемым доверием правительства. Со своей стороны обязуюсь пострадать за убеждения и поделиться лаврами в нужной пропорции, а так же согласен взять на себя самую трудную работу относительно Витьки.

Ели кто-то решит откликнуться на этот открытый крик моей души, прошу подтвердить по адресу: Саратовская область, Семёнкинский район, деревня Калачёво, пенсионеру-естествоиспытателю Шапошникову М. Е.

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Хочу вам рассказать про роль личности в истории. Я раньше к этому делу относился сильно скептически и никакой путной роли отдельной личности категорически не признавал. И только в старости признал свою ошибку.

Так случилось, что я этой зимой загремел в больницу. Слёг. На нервной почве. Ну, как на нервной? Старуха заначку мою нашла, а я в сердцах кадушку с огурцами пнул. И меня увезли на скорой помощи лечить подозрение на перелом. Только в травмированном отделении мест не оказалось, и я попал в палату, где лежали всякие недобитые нервной болезнью: у кого рука не шевелится, у кого нога, кто глазом дёргает.

Ох, доложу я вам, и народец! Сроду я такого не видал. Лаялись чуть не круглые сутки, даром, что больные. Я так думаю, если бы они шевелиться толком могли – добились бы друг друга на хрен. А так по большей части просто собачились. Главная, конечно, была причина – телевизор. Олимпиада шла. Ну и, как водится, одному лыжи надо смотреть, другому катание, и на этой почве обстановка сильно накалялась и часто перерастала в мордобой по мере возможностей, предоставляемых ихним заболеванием.

Больше всех Тимофеич шумел, который напротив окна лежал. Ох, задиристый старикан! Вынь да положь ему кёрлинг. «Включай, говорит, и всё тут, так-перетак! Мне, говорит, против вас льгота положена как слепому!» Ему дочка по телефону звонит, когда кёрлинг, и, если другое включишь, он начинает блажить и обещает удавить после отбоя, кого первого нащупает. Это он не видит ни хрена, а бегает, как таракан. Так что кёрлинг смотрели все. Но по другим видам спорта постоянно разгорались разногласия, обострённые тем, что дедок, который до меня выписался, спёр пульт.

У нас поначалу кто попало телевизор тыкал. Один Семёныч не участвовал – бывший профессор. То ли по причине повышенной интеллигентности, то ли потому, что у него руки тряслись и он пальцем в кнопку попасть не мог.

А потом определились два фаворита: Генка Рыжий – он лёжа до кнопок костылём доставал, и Толян, который на ходунках курсировал. Основные сражения между ними происходили. Остальная публика отступила со следами от Генкиного костыля на разных частях тела.

Но общее положение было ничего, терпимое. Самое страшное началось, когда телевизор сломался. Причём, сломался-то как-то не по-человечески. Главное, когда кёрлинг – он исправно показывает, а в остальное время самостоятельно на хоккей переходит. Включит Толян себе лыжи, пока до кровати дошкандыбает – опять хоккей! Три дня прояснялась эта загадка. Оказалось: Семёнычу жена пронесла в батоне пульт. И этот интеллигент три дня втихаря стрелял им из-под

одеяла. И пока эта невыносимая тайна над палатой витала, народ до того успел раскалиться, что стали всерьёз опасаться смертельного случая. Издёргались и запугали друг друга напрочь. В такое состояние вошли, что почти не ели. Исхудали, лечение забросили. Да ещё обнаружилось, что у Тимофеича из тумбочки вилка пропала. Тут и вообще паника пошла. Ночью под одним кровать скрипнет, семеро холодным потом покрываются. Пять дней жили в таком диком страхе.

И вот тогда в нашу палату подложили Витьку — здорового бугая со сложным диагнозом: у него нога отнялась, говорил он не шибко понятно, и всё это происходило на фоне осложнения запором. И ему сразу от основного заболевания выдали горсть разнокалиберных таблеток, а от осложнения — пузырёк со слабительным. И пока сестра за пипеткой бегала, он, конь, всё это сожрал и из пузырька запил. Потом уже, когда сестра раскудаhtалась, выяснилось, что на пузырьке для дураков написано: употреблять по пять капель после еды, а ни в коем случае не хлебать целиком, не жравши.

С полчаса после этого в палате затишье было. А потом началось. Ох, как началось! Гром и молния! Буря мглой. Мы, конечно, Витьку за воротник: «Ты что, говорим, падла, творишь?! Ты зачем весь пузырёк выкалал?!» А толку-то? Поздно уже. У него уже у самого глаза, как у рака. «Думал, говорит, не поможет, если помаленьку...» Не поможет, как же! Помогло. Так помогло — мы весь день в коридоре на скамейке сидели. Сидим, молчим, а за дверями — прямо мировая трагедия разыгрывается. И взрывается, и свистит, и грохочет и два раза даже как будто конь заржал.

Семёныч, интеллигент наш, первый не выдержал. Послушал этот грохот: «Да, говорит. Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые... Это, говорит, экологическая катастрофа. Крепитесь, мужики.»

Ну, слово за слово, оттаяли мы. Разговорились. Кто про что, да кто откуда. И оказалось — нормальные люди. Обычные. А ведь до этого, страшно подумать, друг друга зубами грызть готовы были. Сами потом удивлялись: как могли до такого дойти? Но вот появилась личность — Витька, и сыграла свою огромную роль в этой истории.

И благодаря ему мы перешагнули этот этап и рассмотрели олимпиаду без человеческих жертв, мордобоя и разных обидных слов и сравнений.

Правда, ухо у Семёныча с неделю ещё было синее — из-за пульты, но следы от Генкиного костыля с тех пор только на потолке были — Тимофеич им комаров бил. Мы его наводили, а он бил.

Вот ещё, кстати, вопрос. Что за больница такая: кругом зимняя олимпиада, а у них комаров — пропасть!

СПЕЦИАЛИСТ

Трудно в наше время жить человеку. Особенно, если он слабого пола. Я вот работу ищу, не могу найти. Хотя в своём бизнесе давно. Специалист. С опытом. В Газпроме работала, в Сбербанке, в Энергосбыте. В областной администрации. По линии образования некоторое время занималась. Полы мыла. Последнее место было — агентство недвижимости. Вот там-то моя жизнь и изломалась, там и пошла под откос моя карьера. А что случилось? А вот что.

Изо дня в день я честно, ничего не подозревая, трубила в этом агентстве уборщицей. И вдруг через полгода мне кадровичка проговаривается, что я у них устроена — кем бы вы думали? Специалистом по уборке помещений! А? Это вам как?

Ну и, конечно, обиделась я. Сильно обиделась. А я, когда сильно обижусь — себя не помню. Такого могу наворотить, сама потом удивляюсь. И в таком обиженном состоянии пошла к директору требовать повышения. «Это что, говорю, такое? Это как так?» Он мне: «Успокойтесь, говорит, уважаемая, всё нормально, всё согласно договору. И вообще вы на прежнем месте намного меньше получали!» «Ах ты, говорю, чёрт лысый! На прежнем-то месте я уборщицей работала, а здесь специалист!» И мы стали спорить, и он закрылся в туалете, а я стала ему возражать.

Ну, слово за слово, вызвали милицию, увезли меня в отделение. Там сидит какой-то. Тоже — лысый. «Что, говорит, гражданка, дебоширите?» Ну и, конечно, этим вопросом испугал меня. А я, когда сильно пугаюсь, то лучше бы я обиделась. «Это я-то, говорю, дебоширю? Ах ты, говорю, протокольная душонка, пособник режима! Сидишь тут, взяточник, щёки наел! Ой, не там ты сидишь!»

Ну, слово за слово, вызвали наряд. Заманили меня в комнату, где раньше стол был, на котором раньше графин стоял. Закрыли там и стали через дверь спрашивать мой день рождения, где я живу и замужем я или нет. Ни стыда, ни совести. Видят ведь, в каком женщина состоянии. Кобели. А я стала открывать столом дверь и попутно приводить им свои доводы.

Ну, слово за слово, вызвали скорую. Те приехали, врач меня посмотрел, «Нет, говорит, не берём! Женщина, говорит, нормальная, адекватная!» А я в то время ещё в испуге была. «Ах ты, говорю,

гадина в халате, клятвопреступник Гиппократ! Это я-то нормальная? Это я-то адекватная?»

Ну, слово за слово – забрали. Привезли, гады, в психушку. Продержали до утра. Утром отпустили, велели только характеристику с работы принести. А я от волнения по дороге слово-то забыла – характеристика. Пришла, говорю: «Дайте мне в психушку рекомендацию!» Дали. Два месяца отлежала.

Как вышла, хотела всё ихнее агентство в пыль разнести, а потом думаю, чего с дураками связываться? Пусть живут. Пришла, говорю: «Давайте мне характеристику на следующую работу, и будем прощаться, чтоб вы тут сдохли все». Ну, и выдали они мне характеристику. Убила бы. Написали: «Морально устойчива». А кому я нужна по нынешним временам с таким клеймом? Хотела поменять, зашла к ним несколько раз. Так они адрес сменили. И название. Обидно. Вся карьера псу под хвост.

Вот и маюсь третий месяц, не могу работу найти. Уборщицей не пойду, а на специалиста нет вакансий. Но я всё равно место себе достойное найду. Всё-таки с опытом. И карьера. Пробьюсь. Мне ведь для моего бизнеса ниша большая не нужна. Два на два, под лестницей.

ДАЧНИКИ

– Доброго утречка, Анастасия Павловна! Как ваше здоровычко? И ладно, и хорошо. Я же к вам с вопросом. Аполлинаруй Матвеевич был у окна и увидел в вашем огороде нашу курицу. Так я её заберу. Да. Точно. Точно наша. Ну, и что, что рыжая? Это ничего не меняет. Ваша внучка тоже месяц назад была рыжая.

Я не поняла, вы что, мне не верите? При ваших-то сединах... Вы же порядочный человек. Когда я увидела, как вы разгружаете вещи, я сказала Аполлинаруй Матвеевичу: «Аполлинаруй Матвеевич, нам наконец-то повезло с соседями!» И теперь вы хотите меня разочаровать?

Да что вы, не надо, не надо, зачем! Зачем звать Нину Петровну? Вам что, чтобы отдать курицу, надо у дочери разрешения спрашивать? Я просто удивляюсь, такие на вид приличные люди... Ну ладно, зовите... Зовите, если вам курица дороже дочери.

Здра-авствуйте, Нина Петровна! Я дико извиняюсь за причинённое беспокойство, но по вашей капусте дефилирует наша курица. Так не могла бы я её получить? Точно наша. Абсолютно уверена. Нина Петровна, вы знаете меня, как себя, к чему эти оскорбительные вопросы? И вообще, по-

кажите мне человека, который спутает наших с Аполлинаруй Матвеевичем кур с вашими задохликами. Ну и что, что рыжая. А я говорю наша. Уверена. По походке. Не надо так горячиться, мы же с вами интеллигентные люди. И не нужно звать Петра Аркадьевича. Во-первых, он слепой, как крот, а, во-вторых, я удивлюсь, если он отличает курицу от вороны. И кроме того, вы ведь не хотите, чтобы он услышал, что от вас прошлой ночью выходил телефонист?

Милочка, вопрос не в том, выходил он на самом деле или нет. Вопрос в том, услышит ли об этом Пётр Аркадьевич. Ну, как хотите... Если вам всё равно... Страшная вы, оказывается, женщина, Нина Петровна! Видит Бог, я всякого повидала на веку, но чтобы после тридцати лет совместной жизни из-за курицы сделать мужу такой удар...

Здра-авствуйте, Пётр Аркадьевич! Пётр Аркадьевич, дорогой, вы знаете меня, как себя, мы с вами интеллигентные люди. Отдайте курицу.

Что значит: «Нина Петровна сказала...»? Мало ли что скажет Нина Петровна. Вы мужчина или тряпка? Сумейте настоять на своём!

Я знаю, что жена. Я знаю, что тридцать лет. Я всё знаю. Вы про неё не знаете, что я знаю. Всё! Всё, говорю! Успокойтесь. Успокойтесь и сядьте. Сядьте и закройте рот. Вы так кричите, как будто вам есть что сказать.

Анастасия Павловна, утихомирьте зятя, ему станет плохо. Дайте ему валидол и идите уже в дом!

Господи, ну и семейка! А ещё интеллигентные люди... А я всегда подозревала. Едва я увидела, как вы разгружаете вещи, я сразу сказала: «Аполлинаруй Матвеевич, нужно прятать кур!»

Что вы машете, Нина Петровна? Кому вы машете? А-а, сынок со снохой здесь! Идите сюда, я вас выведу на чистую воду. Вы что, думаете, если у вас новая машина, то всё можно? Или если у вас папа профессор, то уже все куры в огороде ваши? Ничего, я на вас найду управу! А машину в долг купили, все знают. Видали мы таких! Машину купили, а из-за курицы удавитесь!

Нина Петровна, в последний раз прошу, как интеллигентный человек интеллигентного человека – верните птицу. Давайте расстанемся друзьями. Верните, и я забуду, что вы мне тут наговорили. Ну вот, давно бы так... Спасибо, Нина Петровна. Сами подавитесь. Цып-цып-цып... Иди ко мне... Ты моя хорошая, ты моя красавица! Цып-цып-цып...

Аполлинаруй Матвеевич, у нас на ужин лапша с курятиной!

Евгений МЕЛЬНИКОВ

Я НИКОГДА НЕ ЕЗДИЛ НА СЛОНЕ

Если уж вести разговор о дрессированных слонах – премьерах дуровских аттракционов, а именно этим я решил заняться, то рассказ надо начинать, конечно, с Рези – главной слониhi нашего цирка. Но в то же время было немало и других слонов – прекрасных цирковых артистов. А воспитали и выучили их многим цирковым премудростям всемирно известные дрессировщики Дуровы.

Поэтому, подумал я, не мешало бы совершить небольшую экскурсию в прошлое, окинуть взглядом события минувших дней. Тем более что и отдельные страницы истории нашего цирка, и многотрудная, полная радостей и тревог жизнь дрессировщиков Дуровых достойны, чтобы о них рассказать.

ГАМБУРГСКИЙ СЧЁТ

О том, что Гамбург находится в Германии, вы, конечно, знаете. Городу Гамбургу мы обязаны понятием «гамбургский счет». Есть такое выражение. Стало оно крылатым. По «гамбургскому счету» – значит без обмана, без скидок и уступок, с предельной требовательностью. Но и к цирку это понятие имеет прямое отношение. В предыдущем столетии всемирные чемпионаты по французской борьбе проходили в цирках. И становились частью циркового представления. Победители этих чемпионатов, понятно, именовались чемпионами мира. Русские борцы Иван Поддубный, Иван Заикин, Генрих Лурих, Георг Гаккеншмидт не раз становились победителями этих чемпионатов. А проводились они во всех цирках России. И, как часто бывает, превратились не столько в спортивное, сколько в коммерческое предприятие. Борцы стали жулить, применять грубые и жесткие приемы. Ложились на лопатки по приказу антрепренера или хозяина цирка. Короче, побеждали иногда не самые сильные борцы. И это было несправедливо.

Поэтому раз в год в гамбургском трактире собирались борцы. Они боролись при закрытых окнах. Боролись долго, некрасиво, тяжело. Вовсе не как в цирке. Зато без обмана, по-настоящему. И выясняли – кто чего стоит? Кто действительно самый сильный борец. Борец по «гамбургскому счету».

«Какое отношение к «гамбургскому счету» имеют слоны?» – спросите вы. Слон он и есть слон. Всегда настоящий!

Дело в том, что все, так или иначе связанное с Гамбургом, стали считать делом верным. Без обмана. Считал так и Владимир Леонидович Дуров, когда решил купить в Гамбургском зоологическом саду слоненка. Тут я должен сказать, что зоологический сад в Гамбурге известен всему миру. В нем самая большая и разнообразная коллекция животных. Но в Гамбургском зоосаде не только демонстрируют зверей. Там и торгуют животными. И многие дрессировщики покупают зверье для своих номеров и аттракционов.

Хозяином Гамбургского зоосада в то время был известный немецкий предприниматель – дрессировщик Карл Гагенбек.

Так вот, пришел Владимир Леонидович в Гамбургский зоосад, и Карл Гагенбек показал ему маленького слона.

– Это не слоненок, – сказал Гагенбек. – Это слон-карлик! Он никогда не станет большим!

– Слон-карлик! – воскликнул Дуров. – Это же замечательно! Что может быть лучше! Цирковой зритель любит все необычное.

Владимир Леонидович купил маленького слона. И назвал его Бэби. Потому что по сравнению со взрослыми слонами Бэби действительно выглядел ребенком. И если вас в школе учили английскому языку, то вы должны знать, что бэби по-английски – дитя. Привез Дуров маленького слона в Россию и стал готовить из него артиста. Бэби очень привязался к Владимиру Леонидовичу и даже полюбил его.

Шло время, и Дуров стал с удивлением замечать, что Бэби весьма порос и прибавил в весе.

– Интересно, – подумал Дуров. – Вот тебе и «гамбургский счет»!

И решил слоненка взвесить. Вы, конечно, понимаете, что взвесить даже слоненка – дело не простое. Повели Бэби на железнодорожную станцию, туда, где взвешивают товарные вагоны с грузом. Поставили на весы. Когда весовщик подсчитал вес, оказалось сорок пудов. Если вы захотите узнать, сколько это килограммов, то знайте – в каждом пуде шестнадцать килограммов. Не ленитесь, посчитайте сами. Посчитали? Хорош слоненок! А было Бэби в то время чуть больше года.

Вот так «гамбургский счет» не сработал!

У КЛАССНОЙ ДОСКИ

Делать из животного циркового артиста трудно. И неизвестно еще, кого легче дрессировать – большого слона или маленькую мышь! Но мышь все-таки если и не легче, то, по крайней мере, безопаснее. Что же касается слонов... Вот тут, я думаю,

уместнее всего обратиться к рассказу самого Владимира Леонидовича Дурова:

«Слон не только умное, но и терпеливое животное. Посмотрите, как изорваны уши у любого слона, работающего в цирке. Обычно дрессировщики, обучая слона или ходить по «бутылкам», или кружиться, или вставать на задние ноги, или садиться на бочку, действуют не лаской, а болью. Если слон не слушается, они рвут ему уши стальным крючком или же втыкают шило под кожу. И слоны все терпят. Впрочем, некоторые слоны не выдерживают мучений. Когда-то в Одессе громадный слон Самсон рассвирепел и начал разносить зверинец. Служители ничего не смогли с ним поделать. Ни угрозы, ни побои, ни угощения не помогали. Слон ломал все, что попадалось ему на пути. Пришлось его окопать и держать несколько дней в яме. В Одессе только и разговоров было, что о Самсоне:

– Слышали, Самсон сбежал?

– Но ведь это очень опасно! Что, если он побегит по улицам?

– Надо его убить!

– Убить такое редкое животное?!

Но Самсон никак не хотел возвращаться в зверинец. Тогда решили его отравить. Наполнили большой апельсин сильным ядом и преподнесли Самсону. Но Самсон не стал есть и даже не подпустил к себе отравителей. Тогда предложили желающим убить Самсона из ружья.

Нашлись любители, которые даже заплатили за «стрельбу в цель».

Выпустили массу пуль и прикончили великана.

И никто не подумал, что если бы Самсона в зверинце не мучили, а обращались с ним ласково, то не пришлось бы в него стрелять».

Вот какую грустную историю поведал Владимир Леонидович Дуров в своей книжке «Мои звери».

А еще есть рассказ Александра Куприна «Слоновья прогулка». Судьба слона Зембо очень напоминает трагедию Самсона. Куприн любил Одессу и часто бывал в этом знаменитом городе. Возможно, кто-то рассказал Александру Ивановичу историю Самсона. А возможно, писатель сам был свидетелем печальных событий. Куприн любил животных и частенько повторял: «Как часто без нужды и смысла бывает человек жесток к животным!»

Дуровы, обучая животных, стараются действовать лаской, лакомым кусочком, а не побоями.

Бэби был отличный ученик. Он научился вставать на задние ноги, овладел искусством «парикмахера». И с тех незабвенных пор во всех дуровских аттракционах непременно работал слон-парикмахер.

В сценке «У классной доски» Бэби еще и прекрасно играл ученика-отличника.

На манеже появлялась школьная классная доска. И парты. За парты рассаживались ученики:

морские львы, свиньи, теленок, ослик, пеликан. Я, к сожалению, не знаю, как их звали. Даже «Маленькая энциклопедия «Цирк» об этом умалчивает. Ведь запоминают имена выдающихся артистов. А эти были так, массовка. Однако имена двух учеников этой необычной цирковой школы дошли до нашего времени – фокстерьера Пика и большого сенбернара Лорда.

Так вот, дуровские ученики размещались за партами. На партах лежали огромные деревянные, а скорее фанерные книжки. И ученики листали их страницы: пеликан – клювом, морские львы – лапами, свиньи – пяточком, собаки – лапами. Кто как мог.

А Бэби с самого начала урока стоял у доски. Потому что у него не было парты. Он, хоть и маленький слоненок, но все-таки очень большой. И его парта, вероятнее всего, заняла бы весь манеж.

Вот почему с начала урока Бэби стоял у доски и решал задачки, которые ему задавал строгий и справедливый Учитель.

– Сколько будет два плюс три? – спрашивает Владимир Леонидович.

Бэби берет хоботом здоровенный кусок мела и пишет на доске пять палочек. Представляете себе, что это были за палочки? Да и почерк у слоненка был не самый лучший. Но ведь это был урок арифметики, а не чистописания. А считал Бэби отлично. Но иногда все-таки ошибался. И писал лишнюю палочку. Тогда из-за парты срывался морской лев, шлепал к доске, вставал на задние лапы, а передней стирал лишнюю палочку.

Бывало и по-другому: Бэби так размахнется с палочками, что все на доске не уместится.

Пеликан шипел – видимо, пытался подсказать.

– Какой правильный ответ? – спрашивал Владимир Леонидович.

– Сколько палочек не хватает?

Вот тогда сенбернар Лорд лаял столько раз, сколько палочек не доставало.

Когда Бэби все задачки решал правильно, Лорд сонно сидел за партой и позевывал. И Дуров ставил ему по поведению четверку.

Вы, конечно, понимаете, что все эти трюки были отрепетированы заранее, много раз. А Лорд вообще был старый пес и, как все собаки, часто зевал.

Здесь я хочу напомнить вам о том, что Владимир Леонидович не просто показывал зрителям дрессированных животных и трюки, а заставлял своих зверюшек разыгрывать на манеже сценки «из жизни» с намеком на некоторые человеческие недостатки. «Забавляя – поучай», – частенько говаривал Владимир Леонидович Дуров. Такова была одна из главных художественных задач не только Владимира Леонидовича, но и всех поколений дрессировщиков Дуровых.

Дуровские сценки «из жизни» стали классикой нашего цирка. И многие дрессировщики охотно пользуются дуровским наследием, создавая свои номера с дрессированными животными. И вы, и ваши родители, наверное, хорошо помните номер дрессировщика Николая Ермакова «Школа». За партами и у классной доски собачки пародийно имитировали нерадивых учеников, отличника, подсазчика. Сейчас на манежах наших цирков собачью школу демонстрирует сын Николая Ермакова – тоже Николай Ермаков.

А дрессировщик Сергей Богуслаев создал похожий номер с «музыкальным уклоном». Называется «Ансамбль «Собачьи песни». Веселый, остроумный номер.

ГРУСТНАЯ ГЛАВКА

Когда рассказываешь о цирковых животных, да и вообще о животных, хочется вспомнить веселые, подчас комические истории. Но в жизни животных, как и в жизни людей, радость и печаль ходят рядом. Животные болеют. И, не всегда дожив до старости, погибают.

Шел 17-й год. Грозные революционные дни принесли страдания не только людям, но и животным. Артисты дуровского аттракциона в это время находились в Крыму. По улицам Симферополя, как шальные осы, носились пули. Жалили они насмерть. От случайной пули, залетевшей в цирк, погиб пеликан. Цирковые служащие разбежались по домам. Некому да и нечем было кормить цирковое зверье.

Бэби к этому времени стал роскошным, огромным гигантом. Весил сто восемьдесят пудов. И аппетит у него был соответствующий.

Случилось так, что самого Владимира Леонидовича в Симферополе не было. И позаботиться о животных было некому. Обезумев от голода, Бэби вырвал цепь с крюком, на которую обычно приковывали слонов, и вышел из слоновника. Всегда шумный и веселый цирк был пуст, Бэби вышел из цирка и пошел по улицам.

Людам еды тоже не хватало. Когда в булочную привезли хлеб, мгновенно образовалась длинная очередь. Бэби почувствовал запах свежего хлеба. Чертовски вкусно пахло свежим хлебом! Но он был воспитанный слон. Не полез без очереди, а скромно встал в хвосте. Но люди испугались серого великана, и очередь мгновенно рассыпалась. Бэби протянул хобот и аккуратно, но быстро стал брать хлеб с полок и отправлять в рот.

Толпа угрюмо и молча наблюдала за слонен-налетчиком. Бэби же, когда наелся, – он же артист! – стал кланяться, благодарить публику. Но на этот раз грома аплодисментов в ответ не услышал.

Половина дуровских артистов погибла в Крыму. Но Бэби выжил, и вместе с оставшимися в живых

животными зимой восемнадцатого года его привезли в Москву.

Зима была злая. На Бэби надели кожаные сапоги с войлочной подошвой, теплую попону и капор. Но Бэби все равно мерз. И вели его не домой – в Дуровский уголок, на Старую Божедомку, в зоологический сад.

Бэби стал жить в огромном полуразрушенном слоновнике. Ни березовых веников, которые он так любил, ни сена, ни даже соломы не было. Слон голодал, мерз и слабел с каждым днем. Владимир Леонидович ничем не мог помочь своему любимцу и очень страдал от собственного бессилия.

Последние свои дни Бэби не ложился на холодный цементный пол. Он был умный слон и понимал: если ляжет, то никогда уже не сумеет поднять свое могучее тело. Он держался на ногах до последнего. Но силы иссякли, и слон рухнул на пол. Прибежал Владимир Леонидович. Он обнимал Бэби, старался согреть его своим телом. Но и это не помогло. Бэби не стало.

«Погиб лучший мой друг, честный, преданный товарищ, – писал впоследствии Владимир Леонидович. – Погиб мой Бэби – дитя, которое я воспитал и в которое вложил часть своей души...»

Вот такая грустная история...

А Я ИДУ, ШАГАЮ ПО МОСКВЕ...

В книжке «Дрессированный паровозик» я уже писал о том, что для своих научных опытов в 1909 году в особняке на Старой Божедомке в Москве Владимир Леонидович организовал зоолабораторию и зверинец. В 1927 году Старую Божедомку переименовали в улицу имени В. Л. Дурова. Дочь Владимира Леонидовича – заслуженный деятель искусств России Анна Владимировна Дурова организовала в старом «Уголке Дурова» театр зверей. Спектакли этого уникального театра полюбили и детворе, и взрослым. Посмотреть удивительное театральное-цирковое представление специально приезжали из других городов.

Здание «Театра зверей» много раз перестраивалось. А несколько лет назад рядом со старым на улице Дурова появилось новое роскошное здание, специально построенное для необыкновенных спектаклей. В 1978 году художественным руководителем «Театра зверей» стала Наталья Юрьевна Дурова, народная артистка.

Так вот. Со дня основания «Уголка Дурова» слоны там не переводились. Это и понятно, ведь слоны – премьеры всех цирковых спектаклей. Довольно долго выступали слоники Дженни и Ненна. После войны, видимо, из Европы в театр прибыла слониха Пунчи. А вместе с ней слоновожатый – так зовут работников, ухаживающих за слонами, – чех Карел. На представлениях Пунчи звонила в звонок, играла на

медных тарелках, танцевала вальс. Кроме того, Пунчи была образцовым пешеходом. Когда вместе с Карелом Пунчи гуляла по улицам вокруг Театра и нужно было перейти дорогу, она внимательно глядела на светофор. Красный свет – стоп, машина! Загорелся зеленый – поехали дальше!

Раньше газированной водой торговали со специальных тележек или в киосках. Один из таких киосков стоял у входа в Театр зверей. А сатураторной установкой управляла тетя Даша. Она была знакома со многими артистами Театра зверей, частенько бывала на спектаклях, но к Пунчи, и это понятно, относилась с особой нежностью.

Когда слониха выходила с Карелом на прогулку, она всегда останавливалась у киоска, и тетя Даша угощала Пунчи газированной водой. стакан за стаканом. С двойным сиропом.

Когда же киоск был закрыт – ведь у тети Даши тоже были выходные дни – Пунчи подходила к двери, проверяла, на месте ли замок и, убедившись, что все в порядке, отправлялась гулять дальше.

Пунчи солировала в спектаклях Театра зверей, гуляла в свободное от работы время по улицам и ведать не ведала, что ожидает ее блестящая карьера кинозвезды.

Дело в том, что на «Мосфильме» кинорежиссер Владимир Иванович Герасимов снимал картину «Гуттаперчевый мальчик». Вы, наверно, читали повесть Дмитрия Григоровича про трагическую судьбу мальчика Пети, про доброго клоуна Эдвардса и злого акробата Беккера. В этой книжке о слонах ни слова!

Но режиссер, видимо, решил, что, снимая цирк, без дрессированных слонов обойтись нельзя. Он позвонил в Театр зверей и спросил, не может ли слониха Пунчи принять участие в съемках фильма. Конечно, это была высокая честь! Не всякой слонихе предлагают сниматься в кино. И Пунчи с радостью согласилась. Но тут же возникли некоторые сложности: как доставить слониху на киностудию? Такси за ней не пришлешь! Да и грузовую машину тоже. Мощных КРАЗов и БЕЛАЗов тогда не было. «Как же быть?» – ломали голову помощники режиссера. Но для киношников и цирковых, скажу я вам, нет безвыходных положений!

Вспомнили, что Пунчи – большая любительница уличных прогулок. И если все хорошенько организовать, то слониха преодолет двадцать километров по улицам Москвы. Именно на таком расстоянии находился «Мосфильм» от улицы Дурова.

О том, что слониха пойдет по улицам днем, не могло быть и речи. Знаете, что творится днем на московских улицах! Толпы народа, шум, гам. Сотни машин! Мало ли что!

Но дойдет ли Пунчи до киностудии за ночь? Все-таки двадцать километров. Стали считать и выяснили,

что выходить надо в двенадцать часов. Тогда к восьми утра, к началу съемок, слониха будет на месте.

Пунчи старательно готовили к съемкам: мыли и чистили. Слониха была великолепна! Ну, а когда на нее водрузили праздничную попону! Глаз не оторвешь! Все было готово. Прибыли два милиционера на мотоциклах – почетный эскорт. Пора в путь! Но не тут-то было. Пунчи ни за что не соглашалась отправляться в дальнюю дорогу одна. Без надежного и верного друга. Слава Богу, что такой друг у слонихи был. Верблюд Рачо.

Впрочем, была и другая версия. Не то, чтобы Пунчи была тщеславна, но все-таки ей хотелось, чтобы кто-нибудь был свидетелем ее кинотриумфа. И рассказал об этом всем остальным обитателям Театра зверей. Кстати, в обыкновенных театрах тоже так бывает. Далеко не всех артистов снимают в кино. А те, кого снимают, конечно же хотят, чтобы все знали об их успехах. В этой ситуации люди и животные ведут себя абсолютно одинаково!

Так или иначе, но Пунчи и Рачо вместе с Карелом в сопровождении двух милицейских мотоциклов тронулись в путь. Давайте возьмем схему Москвы и проследим маршрут наших путешественников. Ну, а если у кого схемы не найдется, пусть поверит мне на слово. Выйдя из Уголка Дурова, вся компания не спеша отправилась до Самотечной площади, потом по Садовому кольцу – от площади Маяковского до площади Восстания, затем мимо Киевского вокзала, по Бережковской набережной и до «Мосфильма».

По ночным улицам Москвы Пунчи шагала спокойно, неторопливо, снисходительно поглядывая на редких прохожих:

Ишь, гуляки!

К шести утра, когда людей на улицах стало побольше, добрались до площади Маяковского. Приветствуя пробуждающееся вокруг нее утро, Пунчи подняла хобот и затрубила. А может, просто слониха поздоровалась с «талантливейшим поэтом нашей эпохи».

А день набирал скорость. Толпы на улицах становились все гуще и гуще. Люди спешили по делам, на работу. Нельзя сказать, что Пунчи была затворницей. В Уголке Дурова полно народу. Но столько людей сразу Пунчи все-таки никогда не видела. Да и московский люд не часто встречал гуляющую по утрам слониху. Но такая встреча не пугала, не нарушала их планов, наоборот, довольные друг другом и неожиданной удачей, на секунду притормозив, москвичи продолжали двигаться по своему маршруту, слониха – по своему.

К девяти утра добрались до площади Восстания. Пунчи и Рачо остановились. В Уголке Дурова все звери жили по определенному расписанию. В девять часов полагался завтрак!

О завтраке помнили не только слониха с верблюдом, но и служители Уголка Дурова. Еда была доставлена вовремя. Путешественники перекусили и отправились в путь.

Следующая заминка – ну, абсолютно непредвиденная – произошла у Окружной дороги. Маршрут пролегал под железнодорожным мостом. И в то время, когда вся компания подошла к мосту, по нему прогрохотал товарняк. И слониха испугалась. Вскинула хобот. Затрубила. Но сейчас это было не жизнерадостное приветствие, а сигнал опасности! Пунчи предупреждала Карела, Рачо и милиционеров на мотоциклах.

У моста остановились надолго. Слониху никак не могли убедить в том, что проход под мостом безопасен. В качестве наглядного примера верблюда водили под мост и обратно. Но и это не помогало. Хорошо хоть, что по Окружной дороге за два часа, пока уговаривали Пунчи, не прошло ни одного состава. Это, видимо, и решило дело. Слониха успокоилась и двинулась дальше.

Только к трем часам караван подошел к проходной «Мосфильма». Но здесь задержки не произошло. Всегда бдительная вахта беспрепятственно пропустила слониху и ее сопровождение.

А в съемочном павильоне Пунчи давно ждали. Кроме съемочной группы, собрался весь «Мосфильм». Чего только ни видели работники студии! Удивить их трудно! Но и слониhi не каждый день снимаются в кино.

К съемкам давно все было готово: кинокамера на месте, осветительные приборы ярко светят, «гуттаперчивый мальчик», уже как бы упавший с перша – длинного металлического шеста, – лежит за кулисами на полу. Над ним склонился клоун Эдварде.

Чего же хотел кинорежиссёр от Пунчи? Он хотел, чтобы слониха прошла мимо лежащего мальчика на манеж и стала работать свой номер. Тем самым он как бы хотел подчеркнуть, что даже в самые трагические моменты своей жизни, цирковые артисты зависят от хозяев и вынуждены продолжать веселить и развлекать зрителя.

Пунчи, видимо, не разделяла режиссерской трактовки происходящих событий. Увидев яркий свет и массу народа, слониха принялась демонстрировать свое искусство. Для начала она сделала «ласточку», потом стойку на передних ногах, поднялась на задние ноги, повальсировала и под гром аплодисментов стала раскланиваться. Пунчи хлопали осветители и звукооператоры, ассистенты режиссера и оператора, хлопали сами операторы, хлопали все, кроме режиссера и директора картины. Кинорежиссера удивляла бестолковость цирковой слонихи. Директор картины мрачнел от того, что смена затягивалась, кино, как известно, дело дорогое, а смета не бесконечна. Кинодиректор

умел считать деньги. Глядя на него, заскучали и все остальные, весь творческий и технический коллектив, работавший на картине «Гуттаперчевый мальчик». Вместе стали всячески упрашивать Пунчи пройти мимо упавшего мальчика. Однако слониха никак не могла взять в толк – с чего бы это ей продемонстрировать в фильме только свои ноги, когда ежедневно в Уголок Дурова приходит масса народа любоваться ее искусством.

Тут я должен вам сказать, что кинокамера стояла так, что в кадр попадали только слоновьи ноги, шагающие на манеж мимо мальчика. Вот такой была режиссерская задумка. И она рушилась из-за упрямства слонихи.

И тут опять всех выручил Рачо. Дело в том, что двугорбые верблюды – а Рачо был двугорбым верблюдом – до припадочности боятся степных гиен. Гиены – их главные враги. В зоопарк немедленно была отправлена машина. И через час (хочу заметить – целый час простоя всей киносъёмочной группы) из зоопарка была доставлена гиена. Что и говорить, выглядела она довольно мерзко.

Рачо провели на импровизированный манеж. И неожиданно ему показали гиену. От страха верблюд заорал на весь «Мосфильм». Пунчи, увидя, что ее друг в опасности, рванула ему на помощь!

– Мотор! – истошно закричал режиссер.

Кинооператор вовремя успел включить камеру. Нужный план был снят.

Вот такая слониха жила в Уголке Дурова.

Слоны и сейчас премьерствуют на спектаклях Театра зверей. Понятно, это уже другие слоны. Но о них лучше прочитать в книжках Натальи Юрьевны Дуровой. Потому что Налья Юрьевна не только народная артистка, но и известная детская писательница.

РЕЗИ И ДЯДЯ САША

В предыдущих главах я вам рассказывал о слонах Владимира Леонидовича Дурова, с которым сам знаком не был. Меня тогда еще на свете не было. Теперь же речь пойдет о моих знакомых слонах. И в первую очередь о Рези – главной слонихе нашего цирка. Работала Рези на манеже почти полвека. Научил ее всяким цирковым премудростям, сделал великой артисткой Владимир Григорьевич Дуров.

Знала Рези вся страна. Многие даже не подозревали, что были с ней знакомы. Они думают, что каждый раз встречались в цирке с разными слонами. А на самом деле почти полвека им демонстрировала свое великое мастерство одна и та же слониха.

И бабушка, когда она была молодой, и папа, когда был юным, да и сами вы видели все ту же Рези.

Кого она только ни брила! И Карандаша, и Георгия Карантониса, и Олега Попова, и клоуна Макса, и... сколько их было за многие годы!

В конце своей артистической карьеры фанерной бутафорной бритвой Рези скребла моего хорошего знакомого – клоуна Макса (Сергея Семеновича Максимова).

Многих Рези побрила за свою долгую цирковую жизнь и всех, между прочим, помнила. Всегда трубанет при встрече и помашет хоботом. Потому что, уж это-то я знаю точно, Рези была еще и самой доброй слонихой нашего цирка.

Во всех цирках сценка с бритьем, как вы помните, обычно идет в конце представления. Накануне этой самой сценки стояла Рези перед занавесом и ждала своего выхода. Но не только выхода. Ждала Рези и дядю Сашу.

Каждый вечер торопился Дядя Саша угостить Рези перед работой чем-нибудь вкусненьким и обязательно похлопать по ноге.

Не дай Бог этого не сделать!

Ангельского характера как не бывало! Слониха ужасно расстраивалась, на манеже капризничала, своевольничала. Какая уж тут работа!

Поэтому клоуны каждый вечер перед бритьем заглядывали в слоновник.

Узнать, какое настроение у партнерши. Угостить ее булочкой. Перекинуться словечком с дядей Сашей.

Дядя Саша – Александр Анисимович Золотарев – познакомился с Рези, когда ей было два года. Да и сам Александр Анисимович в далекие двадцатые годы был высоким светловолосым парнем. И никто его еще не звал дядей Сашей. Да и вообще мало кто знал его тогда. Через многие годы дядя Саша стал широко известным в кругу цирковых артистов.

Одним словом, с тех давних пор дядя Саша не расставался с Рези. Путешествовали вместе по городам страны. А дядю Сашу и днем, и ночью можно было найти в слоновнике.

У Рези не было родственников, кроме дяди Саши, как, впрочем, и у дяди Саши не было более близкого существа, чем Рези.

Но дядя Саша об этом никому не говорил. Он, как и Рези, предпочитал помалкивать.

Рези любила дядю Сашу и была очень ревнива. Когда в слоновник заходили свои, цирковые. Рези приветливо трубила, принимала угощение и стояла себе поглядывала, не обижают ли дядю Сашу? На всякий случай.

А незнакомцев Рези не любила. Кричала, махала хоботом, пока дядя Саша не объяснит, что пришел просто хороший человек.

У Рези была скверная привычка – все тащить себе в рот. Ну, как малый ребенок! Однажды дядя Саша получил зарплату. И положил деньги в бумажник. А – бумажник – в карман пиджака. Пиджак, естественно, висел в слоновнике. Когда дядя Саша вышел, Рези запустила хобот в карман, вытащила

бумажник и отправила его себе в рот. Дядя Саша не сердился на Рези. Тем более что цирковые – очень дружные люди, всегда выручают товарища в беде. Они помогли дяде Саше прожить месяц без проглоченной зарплаты.

В молодости дядя Саша, случалось, выпивал. Дело житейское – что уж тут сделаешь! Но выпивать при Рези дядя Саша стеснялся. Поэтому, когда ему хотелось выпить, он уходил, но перед этим покупал Рези ее любимые заварные пирожные. Десять штук. Чтобы загладить свою вину.

Иногда бестолковые дружки дяди Саши приносили его «тепленького» в слоновник. Дружков Рези прогоняла. А дядю Сашу заботливо забрасывала сеном. Чтобы не замерз. И чтобы не увидел его таким Владимир Григорьевич Дуров. Он таких дяди Сашины выходок очень не любил.

Бывали и более сложные ситуации.

Случалось, дядя Саша сам, по недоразумению, приходил в слоновник «под градусом». И вместо того, чтобы прилечь на свой ларь, укладывался на подстилку, под Рези.

Слониха стояла, как каменная, охраняя покой дяди Саши. Тут ей было неважно, есть там представление или нет. Раз дядя Саша лежит на подстилке, Рези с места не сдвинешь. Хоть трактором тащи! И к дяде Саше никого не подпускает. Хоботом бьет. Попробуй сунься!

Вот такие невеселые события происходили в цирке в такие дни. О чем зрители, конечно, не подозревали.

Но надо знать цирковых! Для них нет невозможного! Находились умельцы, набрасывали лассо на дяди Сашину ногу и выуживали его из-под Рези. Хотя она, конечно, протестовала.

Правда, это было очень давно. И дядя Саша, и Рези не любили вспоминать эти события. Но цирковой люд вспоминает эти деликатные истории исключительно для того, чтобы подчеркнуть трогательную дружбу Рези и дяди Саши.

ТАЛАНТ! НЕСОМНЕННЫЙ ТАЛАНТ!

Дружба дружбой, но все-таки ГЛАВНЫМ УЧИТЕЛЕМ Рези был Владимир Григорьевич Дуров. Слониха любила Владимира Григорьевича и уважала. С ним она не позволяла себе лихих безответственных выходок.

К Владимиру Григорьевичу Рези относилась нежно. Мягко обняв хоботом, чуть приподняв над ковром, слониха очень осторожно раскачивала Дурова из стороны в сторону. Все это происходило на репетициях. Иногда Владимир Григорьевич брал аккордеон и, сев на барьер, что-то наигрывал. А Рези стояла рядом и дирижировала хоботом.

Рези была очень талантливая артистка! Я помню, как она «делала» цыганку. В бутафорской ко-

сынке с косами, на груди – монисто. Огромные слоновьи уши украшены не менее огромными серьгами. Попона в виде цветастой шали с бахромой. Как она самозабвенно плясала! Как потряхивала плечами! Публика стонала от восторга!

Но и в быту Рези вела себя, как примадонна. Была очень равнодушна к цветам. Помню, сколько шуму было в моем родном городе, когда по дороге в цирк Рези опустошила цветочные клумбы перед кинотеатром.

Конечно же, она была настоящей артисткой! Из города в город всю дуровскую компанию перевозили по железной дороге. И на больших станциях Рези выводили поразмяться. Немедленно собиралась огромная толпа. Увидев яркие цветы на привокзальной площади, слониха принималась их рвать и, к неопишуемому восторгу пассажиров, бросать в толпу.

Какие бы слова я ни написал, какие бы прилагательные ни позаимствовал в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля, все равно их будет недостаточно, чтобы вы поняли, какой была Рези. На нее надо было смотреть и удивляться.

Сколько о ней писали! Сколько рассказывали! Какие слагали легенды! Какие люди восторгались ее талантом!

Известный цирковой художник Александр Павлович Фальковский как-то рассказал о трюке, который в цирке никто никогда не видел. На репетиции Владимир Григорьевич ложился на ковер и делал вид, что читает книгу. Рези подходили к Дурову и заносила свою мощную ногу над его головой. Владимир Григорьевич не обращал на ногу внимания, делал вид, что не замечает Рези. А слониха продолжала держать ногу над головой.

У Фальковского есть фотография этого уникального трюка с автографом Дурова. Но на представлениях дрессировщик этот трюк не демонстрировал. Чтобы не «играть» на нервах зрителей.

Вместе с дуровским аттракционом Рези объездила все цирковые города страны. Как-то прибыли на гастроли в Ярославль. Стояла жара. Рези топталась на цирковом дворе и очень хотела пить. Дядя Саша помогал на разгрузке других животных. Нервное это дело. Всех животных с товарного двора, где обычно разгружают вагоны, нужно переправить в цирк. Как всегда, нелады с транспортом. Нервничают служащие, нервничают животные.

Появление Рези во дворе не осталось незамеченным. Для начала ее облаяла собака. Лягнула лошаадь. Попытался боднуть олень! «Совсем обнаглели», – возмутилась Рези и решила рвануть на волю через цирковые ворота, которые, как вы понимаете, для слонихи преградой не были.

Тут, к счастью, появился дядя Саша, взял ведро и напоил Рези свежей водой.

Вообще Рези была чистюля и очень любила купаться. Дядя Саша знал это и частенько поливал слониху из шланга. Когда дяде Саше было некогда, Рези сама открывала пожарный кран хоботом, брала шланг и обливала себя с ног до головы. А когда появлялся дядя Саша, слониха поворачивала шланг в его сторону. Дядя Саша не сердился – ведь Рези шутила!

Бывала Рези и за границей. Гастролировала в Англии, Франции, Италии, Люксембурге, Бельгии. В бельгийском городе Льеже, когда слониху вели с вокзала в цирк, дорогу перегородил грузовой трамвай. Вагоновожатый открыл рот от изумления – слоны по улицам гуляют! А Рези эта заминка не понравилась. Она решительно подошла к трамваю, уперлась в него лбом и перевернула. Как пишут в газетах, к счастью, никто не пострадал. А вот журналисты и невесть откуда взявшиеся фоторепортеры время зря не теряли. Уже в вечерних газетах появились фотографии дуровской артистки и описание ее подвига. Какая реклама! И льежский житель валом валил в цирк. Все хотели посмотреть удивительную и умную слониху. В Льеже было трехматнежное шапито. Хозяева цирка убрали два манежа. Вместо них соорудили дополнительные места для зрителей. Но от этого цирк не стал удобнее ни для зрителей, ни для артистов, ни для животных. Зрители мирились с неудобствами! Очень хотелось посмотреть яркое цирковое зрелище.

Выход на манеж из-за кулис был очень низкий. Рези приходилось нагибаться, приседая на своих мощных ногах. После представления нормально отдохнуть было негде. Вместо просторного, привычного слоновника – стойло из брезента. В конце концов вся эта заграничная самодеятельность надоела слонихе. Как всегда в таких случаях, Рези рванула из цирка, вышла на площадь Изер, где стоял цирк, а осмотревшись, решила прогуляться по бульвару Соси. Возвращали беглянку с помощью десятитонного трактора.

Прямых наследников у Владимира Григорьевича не было. Когда он закончил выступления, аттракцион принял Мансур Ширвани. Так что следующую историю Рези мне рассказывала Джемма – дочь Ширвани – воздушная гимнастка и дрессировщица.

Аттракцион «Смешанная группа животных» – так он назывался – должен был начать работу в Ялтинском цирке. По железной дороге зверье довезли до Симферополя. Началась разгрузка. Клетки с животными грузили в бортовые машины и отправляли в Ялту. Когда очередь дошла до Рези, слониха отказалась покидать вагон. Дело в том, что в Ялту Рези решили везти на лафете. Этот транспорт оказался слонихе ненадежным. Уговаривали Рези целый день. Бесполезно. Стали считать варианты – семь слоновьих тонн не выдержит ни один грузо-

вик. Морем? Но, во-первых, возможна качка. А Рези не любит, когда под ногами нет твердой почвы. Оставался единственный вариант – вести Рези до Ялты пешком. Шоссе Симферополь – Ялта – место бойкое: множество машин, троллейбусов, провода, до которых Рези всегда дотянется хоботом. Дорога высокогорная, с множеством, поворотов – сплошной «серпантин». Мало ли что? А если учесть Резин характер... Решили довести Рези по железной дороге до Севастополя. А там до Ялты дорога равнинная...

Вскоре жители Крыма и отдыхающие наблюдали такую картину: ехала легковая машина, в которой сидели Мансур Ширвани и дядя Саша. За машиной вышагивала Рези. Время от времени дядя Саша давал Рези что-нибудь вкусненькое. А вдоль дороги стояли взрослые и дети и угощали Рези крымскими яблоками, грушами, сливами, персиками, айвой. Рези ни от чего не отказывалась.

Через каждые десять километров делали привал. Прогулка вдоль моря продолжалась трое суток. С двумя ночевками на берегу.

ЁЛКА ДЛЯ РЕЗИ

Для меня всегда, с самого детства (а было это очень-очень давно) существовала залитая солнцем яркая волшебная поляна, населенная, это уж абсолютно точно, самыми умными в мире животными, самыми сильными и благородными в мире людьми. Одним из первых ощущений детского военно-послевоенного счастья было латаное-перелатаное камуфляжное шapито.

В тыловом моем городе было в то время немало военных заводов. Но мы, тогдашние пацаны, свято верили, что ветхий брезент циркового шатра украшен многочисленными заплатами для маскировки, ибо считали цирк не менее важным военным объектом. Детская наша наивности оборачивалась житейской мудростью: цирк дарил смех, радость, уверенность, так необходимые в военное время.

Как мы уж проникали внутрь, я рассказывать не буду. Предприятие требовало отваги. Мы устраивались на самом вершy, на краешке деревянных лавок, так, что прохладный брезент касался наших стриженных затылков.

На манеж выходил Дуров. Приветственно вскинув руку, он декламировал стихи Демьяна Бедного:

*Народу близкое искусство цирковое
Для фронта создает оружие боевое!*

После дуровского монолога за дело принимались четвероногие артисты. В ярком цыганском одеянии лихо танцевала слониха. А брила она тогда Георгия Карантониса – единственного клоуна моего детства.

Сам того не подозревая, в те давние годы я первый раз увидел Рези. Атракцион Владимира Григорьевича Дурова эвакуировали в Сибирь. Зимой Дуров работал в стареньком Кемеровском цирке, а летом – в Новосибирском шapито.

Вторично я встретился с Рези три десятилетия спустя, в Новокузнецке, где гастролировал атракцион, тогда уже Ширвани, а я с киносьемочной группой трудился над созданием документального фильма. Снимали мы пусковой период прокатного стана 450. Впоследствии я написал об этом повесть. Почти документальную. С кинематографом и цирком. «Прогулки по потолку». И Рези в этой книжке, конечно, присутствует. В цирке предновогодние денечки были напряженными и горячими. В зимние школьные каникулы – а они неумолимо надвигались – в цирке каждый день по три представления для ребят. В цирке эти представления зовут «елки».

Цирковой режиссер, специально приехавший из Москвы, соорудил шикарное елочное действо. Его безудержная фантазия заставляла Бабу Ягу взмывать под купол на «летающем блюде» Славы Запашного. Василиса Прекрасная разъезжала по манежу на битюге Мане. С пиратским пистолетом в руке разнузданной бармалеевской походкой гонялся за Элен-Чебурашкой мой приятель клоун Сережа Максимов. Цирковые дети всех возрастов были «гномами».

126 Крокодил Гена выползал на манеж самым натуральным образом. Он был живым крокодилом из атракциона «Смешанная группа животных».

Московский режиссер был сторонником реалистического направления в искусстве и считал, что зверей в цирке должны играть звери. Крокодила – крокодил, Зайца – заяц, а Волка – волчиха Асунта.

Правда, это было не очень смешно и смущало директора цирка Юрия Соломоновича. Но он пасовал перед столичным авторитетом.

Не помню уж, по какой причине у нас сорвались съемки (а может быть, на стане просто нечего было делать). Одним словом, у меня образовался свободный денек и я пошел в цирк.

Репетиции «елок» шли полным ходом.

Я постоял в проходе, посмотрел на елочную суету и пошел в слоновник.

Дядя Саша сидел на ларе с морковкой и свеклой и разговаривал с Рези:

– Ты же цены себе не знаешь! Ты же великая артистка! Посмотри на свои ножки – где ты видала такие ножки? Балерина!

К Резиным ножкам у дяди Саши было особое, трепетное отношение. Массаж и педикюр делались неукоснительно. В чан наливалась горячая вода. Рези опускала в чан свою «ножку». Нога распаривалась, и дядя Саша ножом снимал лишнюю роговицу. На каждую «ножку» уходил день.

Увидев меня, дядя Саша протянул малогабаритную свеколку:

– Вот посмотри, чем животное кормят! Свеколка сквозь нее, как дробина, пролетает!

Я взял свеколку за хвост, покрутил ее и бросил обратно в ларь, а сам выбрал пару морковок покрепче.

Животное уже теребило меня за хлястик: пришел в гости, давай угощение!

А угощали слониху частенько. Народ заглядывал в слоновник, как в музей.

Поглазеть на два уникальных экспоната – Рези и дядю Сашу, о которых по всему свету ходили легенды.

– К директору сегодня ходил, – сказал дядя Саша. – С ума, что ли, сошли. Ничего не понимают. Всем дают, а нам нет!

Со взрослыми, детьми, животными дядя Саша разговаривал одинаково серьезно.

Я не понял, о чем идет речь.

– Всем елки дали, а нам с Рези нет. К директору ходил!

– Рези ест елки? – удивился я.

– Зачем ей их есть? Ты ешь?

– Я – нет!

– У нас каждый год елка. Для Рези наряжаем.

– Молодцы! – сказал я. – Ну и что? Не дал?

– Дал, – сказал дядя Саша. – Только не очень хорошую. Он ткнул в угол слоновника. Действительно, сосенка была какая-то однобокая. Для Рези могли бы дать и получше.

– Давай наряжать, – предложил дядя Саша.

Я с радостью согласился.

Дядя Саша взял пожарное ведро, набил его доверху песком и воткнул сосенку. Извлек из заначки пачку рафинада. Помыл в тазике десяток морковок.

Дядя Саша подавал мне морковки. Я привязывал к ним шпагатик и вешал на колючие ветки. Потом дело дошло до сахара.

Рези делала вид, что не замечает всей этой предновогодней суеты, что ей наплевать на все сладости. Она-то знала, что увидеть елку, обрадоваться ей, пощипать морковку и сахарок, на радость дяде Саше, положено тридцать первого, после представления, вернувшись в слоновник.

Окончив работу, я придирчиво оглядел елку. Явно чего-то не хватало. Тут я сообразил, что и самому неплохо что-нибудь повесить на елку, и отправился в цирковой буфет.

Буфетчица поняла меня с полуслова. Для Рези нашлись яблоки, конфеты «Гулливер» и ее любимые пирожные.

Тут ко мне подошел клоун Макс – Сергей Семенович Максимов.

– Побалуем старика коньячком на Новый год, – сказал клоун. И прихватил у буфетчицы сувенирную

бутылочка с коньяком. – Не все же кагором баловаться!

Я понял, на что намекает Максимов. В рацион слонихи входил кагор. Для бодрости и для здоровья в один прием Рези принимала восемь-десять литров вина. Для здоровья и бодрости, но в других количествах его принимал и дядя Саша.

Мы пошли в слоновник.

Рези узнала клоуна, потянулась к нему хоботом. Сергей Семенович приобнял ее огромный небритый хобот и угостил яблоком.

Потом мы вешали на елку яблоки, конфеты, пирожные, а, когда дядя Саша отвернулся, Сергей Семенович прицепил на елку бутылочку с коньяком.

Разве мог я думать тогда о том, что наряжаю последнюю в жизни Рези и дяди Саши елку.

Не знал я тогда, что поздней февральской ночью нового високосного года разбудит меня телефонный звонок.

Я привычно взял трубку:

– Аллеу! Привет, Сережа! Как там у вас в Нижнем Тагиле?

– Старик, – услышал я далекий голос клоуна. – Рези умерла.

Недолго пережил Рези и дядя Саша.

ПАРИЖАНКА КАТРИН

С народной артисткой Терезой Васильевной Дуровой я знаком достаточно давно. Со времен работы над документальным кинофильмом «Дрессированный паровозик». Тогда же я познакомился со слонихами Дуровой – Монри и Лаймой. И даже кое-что о них рассказал в книжке «Дрессированный паровозик».

А вот о первой своей слонихе Катрин мне рассказывала Тереза Васильевна. Мне остается только повторить ее рассказ.

Катрин приехала из Парижа. Весила парижанка шесть тонн и смотрела на всех, в том числе и на свою новую хозяйку, свысока. В прямом и переносном смысле. Как ей прикажете смотреть при росте три с половиной метра?

В день слониха съедала сто восемьдесят килограммов сена, белого хлеба, фруктов и овощей. Кроме того, как истинная парижанка, Катрин обожала легкое сухое вино. Естественно, лучших сортов. Как-то цирковой завхоз решил на слонихе сэкономить и предложил ей дешевое фруктовое вино. В народе его зовут «бормотуха». Это оскорбило «француженку». И она вылила «бормотуху» на голову завхоза.

То, что характеры слоних «не сахар», я понял достаточно быстро. Да и Тереза Васильевна не раз об этом говорила. Ведь прежде чем учить животное, работать с ним, необходимо как можно лучше разобратся в его характере. Понять его.

Биография Катрин изобиловала темными пятнами. Однако в России она вела себя вполне прилично. Правда, знакомство Терезы Васильевны с Катрин началось с неприятностей.

Дуровой позвонили с вокзала:

– Для вас прибыл слон. Срочно приезжайте! Слон ломает вагон!

Когда Тереза Васильевна с помощниками приехала на вокзал, увидела такую картину: Катрин старалась всю. От ее вагона осталась лишь платформа. Слоניה принялась за соседний вагон.

Тереза Васильевна сразу поняла, в чем дело: вагон, в котором везли Катрин из Парижа, был много ниже, чем следовало. И слониха не то мстила, не то исправляла оплошность железнодорожников.

Катрин была умная и довольно хитрая слониха. Все почему-то думают, что слоны спят стоя. Может быть, в этом виноват Самуил Яковлевич Маршак. В своей книжке «Детки в клетке» он написал такие строки:

*В зоопарке дремлет слон –
Стоя спать умеет он.*

Я эти строчки с детства помню.

Слоны, действительно, ложатся довольно редко. На репетициях, на представлениях нагрузки огромные, и даже слоновьи ноги устают.

И Тереза Васильевна радовалась, когда слониха ложилась отдохнуть. Как-то раз заходит дрессировщица перед репетицией в слоновник, а Катрин лежит.

– Ну и ладно, – сказала Тереза Васильевна. – Пусть отдохнет!

И перенесла репетицию на другой день.

Через несколько дней – та же самая история. Вновь перенесла репетицию – жалко животное!

Катрин быстро все поняла, почувствовала жалостливое отношение к себе.

– Как только надо начинать репетицию, – рассказывала Тереза Васильевна, – она ложится, глаза закрывает – мол, не трогайте меня, я так редко отдыхаю. Еле отучили...

Цирковые трюки, иногда кажущиеся чрезвычайно простыми, на самом деле сложны и даже опасны.

Вы видели, наверное, на представлении Дуровой, как она лежит на ковре, а слониха перешагивает через дрессировщицу.

На самом деле этот трюк очень опасен. Дело в том, что слоны ходят весьма своеобразно – волочат ноги по земле. Невысокие препятствия не переступают, а просто сносят, отбрасывают в стороны.

На репетициях этого трюка сначала вместо препятствия укладывали туго набитый мешок. Этот мешок почему-то очень злил слониху. Катрин пинала

его, рвала в клочья. Но Тереза Васильевна – мужественная женщина.

– Будь что будет, – решила она и сама легла под ноги слонихи. Катрин подошла к Терезе Васильевне, занесла над ней ногу и замерла. Она не знала, что дальше делать. Не понимала дрессировщицу.

– Ей казалось, что ее хотят заставить наступить на меня, ее хозяйку, – рассказывала Дурова. – Заставить наступить на своего друга. И Катрин заплакала. На меня падали крупные слезы. Стало очень жалко слониху.

Через полтора часа Катрин все-таки перешагнула через дрессировщицу. Помогло этому терпение Терезы Васильевны, время и ползапаса лакомства, предназначенного для всех артистов аттракциона. Произошло нарушение всяческих лимитов. За это директор цирка вынес Дуровой строгий выговор.

Женщины никогда не дрессировали слонов. Считалось, что не женское это дело. Тереза Васильевна первой стала работать со слонами. И делает это блестяще.

И ЭТИ ИЗ ГАМБУРГА

Жизнь цирковых животных в манеже не вечна. Животные, как и люди, стареют, устают и уходят на отдых. Вместо них приходят новые молодые артисты. Катрин в дуровском аттракционе сменили слонихи Монри и Лайма. О них я уже упоминал. Сейчас познакомлю вас с ними поближе. Обе слонихи родились в Гамбургском зоопарке. Видимо, можно считать Гамбург постоянным поставщиком слонов для дуровских аттракционов. Монри – старше. Лайма – моложе. Обе серые, большие. Лайма чуть-чуть выше. На этом сходство кончается. Монри всегда спокойна и добродушна. У Лаймы же характер о-й-ой-ой! Но между собой слонихи ладят, живут тихо, мирно.

Дочь Терезы Васильевны – Тереза-младшая – прекрасно начинала свою цирковую карьеру, обещая стать блестящей дрессировщицей. Но потом увлеклась режиссурой и после окончания института создала немало цирковых номеров, получивших первые призы на самых престижных мировых фестивалях. Так что, если цирк лишился талантливой дрессировщицы, то приобрел замечательного режиссера. Что тоже прекрасно! Тереза Васильевна зовет дочь Тэтка. Так вот, огромные слонихи были любимыми животными маленькой дрессировщицы. Глядя, как работают родители, она усвоила главную заповедь дрессировщика: УМЕТЬ ОПЕРЕДИТЬ ЖЕЛАНИЕ ЖИВОТНОГО. Про слонов Тереза-младшая могла рассказывать часами:

«Слоны необычайно ласковые животные. И любят ласку. И реагируют на нее. Некоторые дрессировщики считают, что бить животное действеннее, чем уговаривать. И бьют. И получают неплохие, эф-

фектные номера. Но когда знаешь, чем достигнут этот эффект, смотреть номер не хочется.

Слоны очень тонко чувствуют, какой перед ними человек – добрый или злой. Они вообще прекрасно чувствуют настроение дрессировщика. Выйдешь на манеж вялым – работать будут черте как! Хорошее настроение – прекрасно работают.

Со слонами, да и с другими животными, надо обращаться ласково. Они это ценят. Некоторые дрессировщики бьют зверей. И если честно, то из-под палки работа идет быстрее. Животное боится и старается быстрее усвоить трюк. Но оно уже возненавидело дрессировщика и, поверьте, обязательно найдет случай жестоко отомстить за побои.

В цирке каждый артист хочет сделать что-то уникальное, что-то такое, чего не было нигде, ни у кого и никогда!»

Тереза Дурова-младшая, когда Тереза Васильевна работала в Москве, предложила сделать акробатический номер на слонах. Идея очень понравилась помощнику Терезы Васильевны Виктору Ивановичу Кочерженко. В прошлом он сам был акробатом и с удовольствием вспоминал свои молодые годы. Тереза-младшая написала сценарий номера, и начали репетировать!

СЛОНЫ И АКРОБАТЫ

Первыми перемены в устоявшейся жизни аттракциона заметили, конечно, слониhi. Монри спокойно, а Лайма с возмущением наблюдала за незнакомыми, неведь откуда взявшимися, молодыми людьми. Правда, вели они себя скромно. Потом стали приходить чаще, оставаться дольше. А дальше повели себя совсем странно: стали кататься на верблюдах, приглядываться к Монри и Лайме. К чему бы им такие кавалеры?!

Слонихам было невдомек, что появились их партнеры по новому номеру. Это были веселые молодые ребята. Все они закончили цирковое училище партнерными акробатами-вольтижерами. Отслужили в армии. Идея им очень понравилась. Парни загорелись! Готовы были работать днем и ночью.

Слонихам, однако, вся эта самостоятельность не очень понравилась. Ну, подумайте сами, кому понравится, когда у него на спине скачут молодые здоровенные парни?!

Да и среди цирковых появилась скептики, нытики и маловеры. Со всех сторон только и слышно:

– Испортите слонов! Неизвестно еще, что получится, а аттракцион свой погубите!

Такие были прогнозы. И надо сказать, что вначале они частично оправдались. Во-первых, на голой слоновьей спине особенно не поскачешь: мешает хребет, скользит подошва. Ну а босиком – какая работа!

Решили сделать панно и укрепить его на слонихах. Заказали в мастерских из легких титановых труб. Но панно получилось слишком жестким, мешало слонихам при ходьбе, причиняло им постоянное беспокойство.

А надо сказать, что и на Лайму, и на Монри раньше вообще ничего не надевали. Даже попоны. Представляете, как слониhi невзлюбили эти металлические доспехи.

Да и акробатам на титановых панно работать было тоже неудобно. Когда слониhi переступали с ноги на ногу, начиналась такая качка – площадка под ногами ходила ходуном, как палуба малого рыболовного сейнера. А ребята все-таки не матросы, а акробаты. Работать в такой обстановке было очень сложно. На репетициях творилось что-то невообразимое: акробаты летали по цирку, слониhi из кротких и спокойных становились дикими. Нервничали. Рвали подпруги. Особенно неистовствовала Лайма.

Все это могло плохо кончиться. Слониhi смотрели на всех, как на врагов.

Все понимали: надо менять панно. Решили его сделать из войлока, как у лошадей. Нашли опытного мастера-шорника и под его руководством взялись за дело. Представьте себе – панно для слона. Один мастер шил бы такое панно год или даже пять. Одно дело для лошади – даже самой большой. Другое дело – для слона, даже самого маленького. А Монри и Лайма, слава Богу, были довольно рослые слониhi...

Наконец панно было готово, и артисты поняли: здесь они не промахнулись. Войлочное панно гасило качку слоновьих шагов. Слониhi довольно быстро привыкли к этим обязательным атрибутам новой работы.

А работали от темна до темна. Репетировали, конечно, с лонжами. Лонжа по-французски – длинный ремень, веревка. А если вы заглянете в «Маленькую энциклопедию «Цирк», то прочтаете: лонжа – приспособление, обеспечивающее безопасность артистов, страхующее их при исполнении опасных трюков.

А трюки были весьма опасные. Артист делает сальто на высоте пяти метров. Но это не смущало молодых артистов. Ими владело безумное желание репетировать до полного изнеможения.

Номер получился замечательным. Это было что-то новое, такое, что и в голову никогда никому не приходило.

И наконец в Курском цирке состоялась премьера. Акробаты геройствовали без страховки. В их работе чувствовался кураж. А кураж по-французски – это отвага, смелость, задор. А еще – хорошее настроение, уверенность в себе, любовь к жизни!

Премьера прошла «на ура»!

ВАЛЕРЬЯНКА ДЛЯ СЛОНИХ

В цирковой жизни Монри и Лаймы были разные слоновожатые. Но, видимо, самым добрым был все-таки Валерий Филант. Он-то как раз был одним из тех, кто принял новый номер в штыки. Но происходило это не потому, что Валера консерватор и ретроград. Нет! Он просто обожал слоних. И вовсе не за то, что они хорошо работают, и не за то, что они талантливые артистки, а просто потому, что они слонихи!

Монри и Лайма, естественно, любили Валеру, слушались его. Он действовал на них успокаивающе – как валерьянка. Его в цирке так и называли: «Валерьянка для слоних». Если что-то не получается или закапризничала Лайма, стоит Валере встать рядом – и все в порядке.

Когда у Валерия Филанта спрашивают, что же все-таки самое сложное – взаимоотношения акробатов со слонихами или трюки, он отвечает:

«Наверное, все-таки трюки. Во-первых, очень трудно привыкнуть к работе на панно. Во-вторых, слон при ходьбе качается очень своеобразно – не только из стороны в сторону, но и вперед-назад. Хотя со взаимоотношениями тоже сложно. Монри – добрая. А вот Лайма...»

Но про Лайму мы уже кое-что знаем.

Мне довелось посмотреть новый номер в Москве, в шапито парка Горького. В цирке никогда не устаешь удивляться, и все-таки ничего подобного я никогда не видел. Даже на киноленте. Даже по телевизору. Акробаты исполняли уникальный трюк – сальто-мортале с плеч в плечи артисту, стоящему на слонихе.

Прост, но опасен трюк – сальто с хобота в руки и на манеж. В этом случае слониха становится «нижней». И куда она бросит партнера, никому в точности неизвестно.

О чем мечтают Тереза Васильевна и Виктор Иванович?

Да о том, что в скором времени введут в работу новые трюки. Введут в номер подкидные доски и батут.

А еще мечтают о третьем слоне. Тогда в работу пойдет трюк – сальто по кругу: с одного слона на второго, потом на третьего и вновь на первого.

Прощаясь, я спросил Терезу Васильевну – нельзя ли заглянуть к слонихам?

– Жарко очень, – сказала Тереза Васильевна. – Дикая жара. Скоро представление. Посмотри их в манеже.

Я шел по раскаленному асфальту к метро и пытался вспомнить, как жарким июньским днем, на хозжайственном дворе Новосибирского цирка играл со слонихами в догонялки. «Девочек» вывели размяться. Во время съемок документального фильма о дуровском аттракционе у меня сложились приятель-

ские отношения и с Монри, и с Лаймой. Я частенько заглядывал в слоновник, угощал их «чем Бог пошлет», и они привыкли ко мне. Во дворе мы затеяли возню, я убежал от них, слыша за спиной многотонный топот. Слонихи совсем расшалились и стали цеплять меня хоботом за ноги. Я рванул между двух цирковых вагончиков, надеясь, что слонихи туда не сунутся. Слишком узко. Не тут-то было! Обдирая шершавыми боками краску с вагончиков, слонихи ринулись между вагончиками. Мне ничего не оставалось, как спрятаться за спину Виктора Ивановича. А он приструнил слоних.

А может быть, ничего подобного не было. Просто на мое воображение подействовала московская жара и несостоявшаяся встреча со слонихами.

ПОГОВОРИМ О ЧЕМ-НИБУДЬ ДРУГОМ

Нет, это вовсе не значит, что мне надоели слоны и я решил переключиться, скажем, на львов. Нет. Сейчас речь пойдет об очень важной вещи! Собственно, даже не вещи, а инструменте... А точнее – органе. Одним словом, речь пойдет о слоновьем хоботе.

Недавно с моим внуком Митей мы ходили в цирк. И познакомились с африканским слоненком Флорой. Очень общительный, веселый слоненок. Митя угостил Флору морковкой и шоколадкой. Она аккуратно взяла и то, и другое хоботом и отправила в рот. А потом протянула хобот и слегка приобняла Митю. В знак благодарности.

Мы шли из цирка домой. С детской въедливостью Митя пытал меня вопросами. Главный из них – где Флорина мама? Я не знал, как слоненок попал в цирк. Вероятно, слониха обитала в каком-нибудь зоопарке. Скорее всего в Германии. Помните Гамбург? А может быть, слоненка привезли из Африки.

Мои путанные объяснения не очень устроили Митю:

– А кто Флору кормит? – спросил он.

– Служащие по уходу за животными, – ответил я бюрократической фразой.

– А когда Флора была совсем маленькая?

– Она питалась слонихиным молоком!

– Как?

– Как и все дети. Сосала.

– Хоботом?

Вот тут-то наконец мне повезло.

– Нет, не хоботом. Хобот – это и нос, и верхняя губа, и рука, и... Вообще незаменимая штука. А к соскам материнским слонята прикладываются ртом. И хобот им даже не мешает. Это только потом они понимают: без хобота не прожить. Хоботом слон дышит, хоботом различает тонкие запахи. Иногда слоны используют хобот вместо лебедки: нужно подняться на крутую гору. Слон вытягивает хобот, цепляется им за крепкое дерево и подтягивается. Хоботом слон может и выдернуть дерево с корнем.

В минуты опасности слоны поднимают хобот вверх и трубят.

Хобот – самое главное оружие слона. Удары хоботом очень чувствительны. Своего врага слон хватает хоботом и с силой швыряет на землю.

Хобот слона имеет сорок тысяч мышц. Мышцы переплетены между собой. Как сетка. Одни мышцы расположены вдоль – от кончика хобота до его основания. Другие мышцы расположены поперек. Как спицы в колесе.

Хоботом слон может поднять с пола иголку. В Индии рабочие слоны хоботом таскают огромные бревна.

Слоны очень хорошо плавают. Отлично плавают! В воде тело слона не видно. На поверхности торчит только кончик хобота.

А еще слоны пользуются хоботом, как насосом. Жарко! Слон втягивает воду в хобот и поливает себя, как из шланга. Я где-то читал, что во время длительных переходов слонихи набирают в хобот воду и время от времени поят слонят.

В своей книжке «Жизнь на манеже» выдающийся мастер чешского цирка Карел Клудский описал такой случай:

«Наш самый маленький слон Чарли, идя по городу, полюбостествовал и просунул хобот через витринный щит в лавочку какого-то сапожника. Тот разозлился и уколол Чарли шилом, хобот – очень чувствительное и болезненное место. Чарли тревожно затрубил и пошел дальше. Когда через десять дней мы возвращались к вокзалу, хобот у Чарли был свернут, и он ни на что не обращал внимание. Меня это беспокоило, потому что свернутый хобот – признак недомогания. Но Чарли быстро поправился: проходя мимо лавочки сапожника, он неожиданно подошел к ней, вытянул хобот и выплеснул несколько литров воды. Оказалось, он всю дорогу нес в хоботе воду и теперь радовался, как ребенок».

Вы поняли, какая у слонов отличная память!

И вообще, коль уж я вспомнил о книжке чешского дрессировщика, хочу обратить внимание еще на одно место:

«Слоны умнее лошадей, умнее человекообразной обезьяны. Говорят, у них есть свои причуды, и это правда. Но они очень чувствительны, и у каждого такого каприза свои причины. У слона есть свой язык, который надо понимать. Если он спокоен, то тихо и приглушенно ворчит. Когда испытывает страх, то издает глубокие грудные звуки. Когда слон напуган, он отрывисто и резко трубит. Он трубит печально и тоскливо, как рог, весело и радостно, как корнет-а-пистон. Он умеет плакать и умеет улыбаться, ненавидеть и любить, ревновать и подшучивать. Он обладает чувством юмора: украдет у сторожа шапку и передает ее товарищу, одному, второму, чтобы сторож ее не достал. И еще одно, и это

считаю самым важным: он умеет поделиться хлебом со слонем, которого любит».

Карел Клудский всю жизнь дрессировал слонов, работал с ними на манежах цирков всего мира и знает о слонах все или почти все.

Книгу ему помогал писать журналист Вацлав Цибула.

Карел Клудский. Вацлав Цибула. «Жизнь на манеже».

ЛИЛИ, СЛОНИШКА МОЯ МАЛЕНЬКАЯ

Ну а теперь пришла пора познакомить вас с еще одним Дуровым – Юрием Дуровым-младшим, старшим был его отец, народный артист Юрий Владимирович.

Как и все мальчишки, Юра рос, постигал в школе русский язык и арифметику, массу других нужных и ненужных премудростей. Но главной школой все-таки был цирковой манеж.

Когда Юре исполнилось шесть лет, ему сшили традиционный дуровский костюм. Серебристый, с пышным воротником-жабо. И он участвовал в новогоднем цирковом представлении. В одиннадцать лет Юра надел куртку униформиста. Он помогал свертывать цирковой ковер, разравнивал граблями опилки на манеже. А все свободное время проводил на конюшне или в слоновнике. И, конечно, помогал отцу на репетициях.

Юрий Владимирович учил сына самому гуманному, дуровскому методу дрессировки: «Не причиняй боли животному, не внушай страха кнутом и палкой, своим чутким умом и добрым сердцем сделай из питомца артиста. Понимай и люби животных – они жизнь твоя и работа!»

Юрий-младший «на отлично» усвоил отцовские уроки. В 1971 году на гастролях в Бельгии во время представления Юрию Владимировичу стало плохо. Сердечный приступ. Врачи ничем не могли помочь.

Юре тогда было шестнадцать лет. Он знал, что, несмотря ни на какие удары судьбы, цирковой артист обязан взять себя в руки и продолжать выступать на манеже. Этому учил его отец. Оставшиеся дни гастролей юный дрессировщик отработал уверенно, по-дуровски. Зрители, знавшие о случившемся, встречали и провожали его шквалом аплодисментов.

Шло время. Дуровские аттракционы заметно менялись. Нет, подбор животных оставался прежним: те же морские львы, гепарды, слоны... Вроде бы были прежними «классические» дуровские трюки.» Но почти в каждом из них появлялась новая «красочка».

Как-то раз мы долго сидели с Юрой в цирковой гостинице и разговаривали. О чем? Да все о том же – о цирке, о животных, о нелегком труде дрессировщика, ну и, конечно, о дуровских традициях.

«Главная дуровская традиция, – сказал Юра, – работать с животными без клетки, чтобы работали звери легко и радостно. Чтобы это видели и понимали зрители. А новые формы в традиционном всегда можно найти».

Конечно, он прав, молодой представитель дуровской фамилии. Вспомните слона-математика Бэби. Как лихо он решал арифметические задачки. У Дурова-младшего есть слониха Лили. Она демонстрирует зрителям все, что положено уметь цирковой слонихе. И, следуя дуровским традициям, научили слониху считать. Только теперь на манеже нет ни парт, ни классной доски. Счетные палочки укладываются прямо на ковер. Решая задачу, Лили хоботом собирает столько палочек, сколько нужно, и отдает дрессировщику.

– Сколько будет пять плюс шесть? – спрашивает Дуров.

Попробуйте-ка решить эту задачу! Палочек-то всего десять!

Но Лили с честью выходит из трудного положения. И взрослый человек не сразу додумается. Слониха отдает дрессировщику девять палочек. Десятую кладет на ковер, наступает на нее ногой и хоботом ломает пополам. И отдает половинки Дурову. Что же получается, друзья мои? А получается то, что Лили правильно решила задачку. Девять палочек и две половинки. Правильный ответ.

Лили была добрая, великодушная слониха. Она хорошо относилась к людям. Особенно к детям. Но если ее кто-нибудь обижал или вообще не нравился, Лили прекращала с этими людьми всякое знакомство. Просто не замечала их.

Как-то дуровская компания гастролировала в Донецке. Была ранняя весна. Свежий весенний ветер будоражил слониху. Лили обуюла жажда свободы.

Но она была дисциплинированная слониха. Во время школьных каникул в цирке давали по четыре представления. Чтобы все дети Донецка смогли полюбоваться чудесными дуровскими питомцами. И слониха честно отрабатывала свой номер. По четыре раза в день. Но однажды... Может быть, во всем виновата весна. А может быть, просто Лили надоела вся эта ежедневная канитель. Одним словом, во время представления она неожиданно рванулась в центральный проход, прогулялась по фойе и через стеклянную стену вышла на свежий воздух.

Дуровские помощники помчались за слонихой. Да и сам Юрий Дуров поспешил на улицу.

– Лили, слониха моя маленькая! – крикнул он. – Ну, куда же ты?! Нас с тобой ждут дети! Они пришли полюбоваться тобой! Твоим искусством!

И слониха послушно пошла за Дуровым на манеж. Великолепно отработала свой номер. Дети радостными криками благодарили слониху и долго хлопали в ладоши.

ЕДУТ И СМЕЮТСЯ, ПЕСЕНКИ ПОЮТ

Вы уже, конечно, поняли, что цирковые артисты не сидят на месте. Кочуют из города в город, из цирка в цирк. И добираются на новое место поездками или самолетами. А вот с животными все сложнее. Особенно со слонами. В самолет их не посадишь. Вспомните-ка, как Рези шла из Севастополя в Ялту. А Катрин! Неудобный, тесный вагон в одночасье разнесла по щепочкам! Потому что специальных вагонов для слонов на железной дороге нет. И приходится путешествовать в обыкновенных товарных вагонах.

Как и все Дуровы, Юрий-младший заботился о своем зверье. Вместе с помощниками он заделывал щели, утеплял полы. Зимой в железных печках за дорогу сжигали тонны угля. Но это мало помогало. Животные мерзли, простужались на сквозняке.

И тогда на Воронежском вагоноремонтном заводе Юрий заказал пять специальных вагонов для перевозки животных. Заводские рабочие старались вовсю! Наверное, еще потому, что Воронеж – дуровский город. Есть в нем улица Дурова. Сохранился дом, где когда-то жил Анатолий Леонидович Дуров. Теперь в этом доме музей Дурова. Дуровские вещи, костюмы, афиши, фотографии животных. А недавно в музее появился еще один интересный экспонат – дрессированный паровозик из аттракциона «Дуровская железная дорога».

Так или иначе, но вагоны получились замечательные. Два дизеля обеспечивают все пять вагонов теплом, светом, горячей водой. Для морского льва сделали персональный бассейн. А у слоних теперь есть свое отдельное купе. Путешествовать стало удобно и весело!

Время от времени по улицам городов проезжают... СЛОНОВОЗЫ. Да, да! Есть специальные автофургоны для перевозки слонов. Правда, только у Юрия Дурова.

Ведь какая морока вести слонов с товарной станции в цирк. Встречные машины, толпы людей. Животных пугают звонки трамваев. Одним словом, не соскучишься! А зимой надо слонов потеплее одеть – на ноги теплые валенки, на спину стеганую попону!

А теперь – пожалуйста! Собственная персональная машина для слонов! Раз-два – и на месте!

Очень удобная штука СЛОНОВОЗ!

Я НИКОГДА НЕ ЕЗДИЛ НА СЛОНЕ

Так я назвал свою книжку. Но если честно, то тут я слухавил. Попросту говоря, слегка приврал. Ездил я на слоне! Правда, всего один раз. Конечно, в цирке!

Были зимние школьные каникулы. В цирке шли «ёлки» – праздничный цирковой спектакль «Новогодние приключения Хоттабыча и Вольки». Хоттабы-

чем был Дуров. А Вольку играл кто-то из цирковых детей. Я уже не помню, как его звали.

Нужно было для информационной программы снять телевизионный сюжет. Чтобы все юные телезрители узнали, какие поразительные дела творятся на цирковом манеже. И обязательно сходили бы в цирк.

Оператор Гена Седов взял кинокамеру, Петрович – наш осветитель – фонари. И мы поехали в цирк.

Телевизионные сюжеты снимать довольно трудно. Если, конечно, их хорошо снимать. За две-три минуты нужно поведать о том, что происходит. Выделить самое главное. И постараться, чтобы сюжет смотрелся весело и интересно.

И вот что мы решили. Весь спектакль мы снять не можем. Пусть ребята придут в цирк и посмотрят его целиком. А для этого мы снимем самые интересные фрагменты. А в антракте пойдем за кулисы и пообщаемся с Волькой и Хоттабычем. Раз Хоттабыч джин, то и у нас он должен появляться, понятно, из сосуда.

В цирковой реквизиторской раздобыли кувшин. Достали немного сухого льда. Кувшин поставили на тумбу. Во время представления на тумбе обычно сидит кто-нибудь из дуровских артистов, ожидая своей очереди восхищать зрителей.

Задумано – сделано. Сняли мы все, что полагаются, в первом отделении.

Наступил антракт. Петрович поставил за кулисы 133 фонари и включил свет. Седов взял в руки камеру, я – микрофон, подошел к Вольке и спросил:

– Волька, а где Хоттабыч?

Волька ответил заранее отрепетированной фразой:

– А он во время антракта в кувшине отдыхает.

Я подошел к кувшину и стал звать:

– Гасан Абдурахман ибн Хоттаб! Несколько слов для телевизионной информационной программы!

– Господи! И тут достанут, – проворчал Гасан дуровским голосом. – Ладно уж. Сейчас!

А теперь я вам расскажу, что видели телезрители на экранах. Видели они крупным планом кувшин. Вдруг из кувшина повалил густой белый дым. Вот где пригодился сухой лед. Дым рассеялся, и все увидели Хоттабыча – Юрия Дурова. Как это получилось? Пока секрет!

Хоттабыч, как и полагается, поздравил теледетей с Новым годом! Пожелал им весело провести каникулы. Пригласил в цирк и пообещал выполнить все ребячьи желания.

Потом лукаво посмотрел на меня и спросил:

– А у тебя, о достойный сын телеэфира, есть какие-нибудь желания? Хоттабычевский комплимент меня несколько смутил, но тем не менее я воскликнул:

– Есть, о Хоттабыч! Есть! Я никогда не ездил на слоне!

– Нет ничего проще! – сказал джин. И три раза хлопнул в ладоши.

Чудесным образом появилась слониха Лили. Но оседлать ее оказалось не тако-то просто. Хоттабыч-Дуров попросил слониху опуститься на колени. Тут-то я и взгромоздился на жесткую слоновью спину. Лили поднялась и повезла меня в манеж досматривать второе отделение новогоднего циркового спектакля.

А НАПОСЛЕДОК Я СКАЖУ

Дуровские слоны не единственные дрессированные слоны нашего цирка. Все, кто любит цирк, знают дрессировщиков Филатовых – представителей старейшей цирковой фамилии. Народный артист Валентин Иванович Филатов создал знаменитый «Медвежий цирк». На манеж выходили медведи-жонглеры и медведи-гимнасты, медведи-канатоходцы и медведи-эквилибристи, медведи-наездники, роликобежцы, боксеры, велосипедисты, мотоциклисты...

У Валентина Ивановича росли две дочки – Люда и Таня. Конечно, они помогали отцу ухаживать за животными. В то же время, как все нормальные дети, они закончили школу, а потом и институты. Правда, вовсе не цирковые. Но все равно стали дрессировщицами. Если ты родился в цирковой семье, то навечно привязан к манежу. Шли годы, и в аттракционе Филатова появились и другие животные: удавы, обезьяны, леопарды, попугаи. И «Медвежий цирк» превратился в «Цирк зверей». Правда, слона в этом замечательном коллективе не было. А Таня – младшая дочь Валентина Ивановича – очень хотела дрессировать слона. Попозже вы поймете, откуда взялось это желание. Валентин Иванович, конечно, знал о желании дочери. И вот однажды в беспокоем филатовском хозяйстве появился слоненок.

– Ты рада слонишке? – спросил Валентин Иванович. – Ну а если рада, то и назовем ее Радой.

С тех пор Татьяна Филатова и слониха Рада выступали на манежах многих родных и зарубежных цирков.

– Радушка – редкий талант! – говорит дрессировщица.

А теперь я хочу вам сказать, что сестра Филатова – Мария Ивановна – жена и главный помощник народного артиста Александра Николаевича Корнилова, очень известного дрессировщика. Со слонем Рангу Александр Корнилов показывал сценку «Слон в ресторане». В военные сороковые годы Корнилов создал самый яркий, самый крупный и уникальный аттракцион «Слоны и танцовщицы».

Если учесть, что Таня Филатова не раз бывала на репетициях у Александра Николаевича, то ее пристрастие к словам очень даже понятно.

Корниловы – большая цирковая семья. Долгие годы с аттракционом работал сын Александра Николаевича Анатолий. Тоже народный артист.

Тая – дочка Анатолия Александровича – с шести лет стала репетировать с полутрагодовальным сло-
ненком. Сейчас она руководит знаменитым аттрак-
ционом. Конечно, очень многое изменилось. Появи-
лись новые слоны. Да и аттракцион стал называться
по-другому: «На слонах вокруг света». Поверьте
мне – преувеличения здесь нет. Корниловские сло-
ны, действительно, объехали весь мир. В каких
странах они только ни бывали! И везде их встречали
и провожали громом аплодисментов.

Корниловские слоны – замечательные артисты.
Их нужно смотреть. А вот о семилетней африкан-
ской слонихе Флоре мне хочется рассказать сей-
час. Семь лет для слонов не возраст. По слоновьим
меркам, Флора совсем еще дитя. Но очень талант-
ливое. В своем младенческом возрасте она демон-
стрирует удивительные трюки: ловит хоботом и
вертит кольца хула-хупа. Одновременно вращает
кольцо задней ногой. А еще Флора встает «на оф» –
на задние ноги, а хоботом вращает кольцо. До это-
го я ничего подобного не видел. А у меня все-таки
полувековой зрительский стаж.

У Флоры веселый и озорной характер, очень лю-
бит розыгрыши и своих учителей – Таисию Корни-
лову и ее мужа Алексея Дементьева. Любит и во
всем их слушается. Вам очень повезет, если удаст-
ся посмотреть аттракцион «На слонах вокруг све-
та».

Впрочем, в каком бы аттракционе слоны ни вы-
ступали, зрители всегда получают огромное удо-
вольствие:

– Какие умные! Добрые! Талантливые! Послуш-
ные!

Чего только ни услышишь в зрительном зале.
Поэтому, если вы увидите афиши народного арти-
ста Мстислава Запашного, быстро бегите в кассу за
билетами. Его аттракцион называется «Слоны и ти-
гры».

Увидите вы слонов и в аттракционе Любви и
Бориса Федотовых.

Я завершаю свое повествование историей, ко-
торую поведал мне Юрий Дуров-младший.

Он только что выпустил в Запорожье свой ат-
тракцион, отработал после премьеры две недели без
выходных и наконец получил два дня отдыха. И ре-
шил съездить в Москву посмотреть премьеру Сар-
вата Бегбуди. В аттракционе Бегбуди вместе с жи-
рафом и носорогом демонстрировали свое искус-
ство и слоны.

– Выхожу из вагона, – рассказывал Дуров, –
меня встречают. Прямо у вагонных ступенек слышу:
«Оля Бегбуди упала со слона и подвернула ногу. От-
менить премьеру нельзя. Давай прямо в цирк. Бу-
дешь работать. Через три часа начало!»

На Цветном бульваре цирковые портные пре-
взошли себя. Утром им дали мою мерку, и вот с ми-
нуты на минуту будет готов костюм. Поднимаюсь к
Славе (так в цирке зовут Сарвата) в гардеробную.
Он на пальцах объясняет, что я должен делать. Ко-
нечно, тут же все забываю. Бежим на манеж.

Кажется, все отработали нормально. И жираф, и
носорог, и слоны. И мы со Славой. Аплодисменты.

Но самое смешное я узнал потом. Оказывается,
долго думали, как нас объявить. Выход нашел ин-
спектор манежа Завен Григорьевич Мартиросян:

– Что вы тут голову ломаете! У них же одна
мать – Лола Михайловна Ходжаева!

Так нас единственный раз в жизни и объявили:
– Братья Ходжаевы!

Борис БУРМИСТРОВ

КОРНЕВАЯ СИСТЕМА

I. ОЛИГАРХИ ОТ КУЛЬТУРЫ

К написанию этого текста меня подвигло прочтение и непонимание в корне материалов семинара, проводимого лектором министерства культуры в феврале у нас в Кемерово. Могло показаться, что это очередной сброс информации, как бы рекомендаций для работы в регионах. Почему-то в центре считают, что в провинции не понимают исторического поворота в культурной политике современного мира.

Всё меняем, всё изменяем. Правда, не указывается, в какую сторону. Давайте, нормальные люди, попытаемся понять что-нибудь из этих «директив». Начнём: *«Мировые тенденции культурной политики», «Социодинамика культуры»* (А. Моль).

«Социодинамика подразумевает изменения, которые происходят в человеке под воздействием внешних и внутренних сил», – констатация и всё. А в какую сторону изменения, а из чего создаются, вернее, на какой основе возникают эти внутренние и внешние силы? Если отдавать всё на откуп нововведениям, то они и создадут, как ни парадоксально, новые разрушительные силы. Изменения сегодня чаще всего ассоциируются с разрушением прежних устоев, добрых традиций.

«Изменение – неотъемлемое свойство культуры». Опять же вопрос – в какую сторону и что останется от существующей культуры. Мы это уже проходили: *«Сбросим Пушкина с парохода современности...»*

Ну, а это просто абракадабра какая-то, привожу дословно: *«Развитие культуры происходит как через изменение уже изменившегося, так и через возникновение качественно новых форм»*. Без комментариев.

Другой автор, женщина (похоже, профессор) в статье *«Экономика желаний в современной цивилизации досуга»* – во как громко (!) – выносит определение о *«прагматике культуры»*. Вот дожили, культура стала прагматикой. А ведь всегда – это было творчество, душевная потребность, на которой трудно было зарабатывать большие деньги. Се-

годня же появились «олигархи» от культуры, но об этом чуть позже.

А вот ещё перлы из этой статьи: *«По мере роста благосостояния у человека появляется потребность в ком-нибудь, кто будет заниматься его желаниями»*. Во как – потребительство «чистой воды».

«На рубеже тысячелетий повышается темп обновления, усиливается стремление людей к новизне и разнообразию, меняются интересы». Вопрос – к какому разнообразию, какие интересы? Под этим можно представить и пропаганду пошлости и насилия, извращения духовного и плотского. Господа, научившись красиво говорить – научитесь красиво и доходчиво отвечать на вами же поставленные вопросы!

Дальше новые определения, термины вызывают просто отупение: *«Экономика желаний развивается за счёт эксплуатации этой потребности – искусственной и, на первый взгляд, несущественной, но тем более необходимой, как показывает её рыночный потенциал»*. Что-нибудь поняли? Единственно для меня понятно, что всё идёт по-другому. Уже за ниткой – иголка, т.е. культуру подстраивают под потребность, которую предварительно «опустили» ниже плинтуса. Тем самым высочайшее, настоящее искусство не получает нужного развития...

Вот здесь несколько об олигархах от культуры, которых обслуживает целая армия чиновников госструктур, различных продюсеров, финансовых воротил. Они обслуживают друг друга, а на народ им наплевать. Олигархи от культуры, чиновники от культуры слились в экстазе. Живут в своё удовольствие в этом замкнутом шоу-бомонде. Им – все мыслимые и немыслимые премии, награды. А настоящие творцы остаются с народом и помогают людям в этой вакханалии разгула пошлости и насилия.

Название раздела «Развитие культурных практик без государственного регулирования» уже само по себе вызывает сомнение. Должны быть разумные границы творчества, ведь и так называемая шизофрения тоже даёт образное восприятие и картину мира. Но она понятна и близка таким же больным людям: в ней нет границ. Однако посвящать нормальных людей в эти творения опасно. Кроме этого, я согласен, не должно быть цензуры идеологической и прочей, но должны быть институты нравственности, ограждающие юные души от мракобесия. И здесь роль государства, мне думается, нужна.

Но вернёмся к разделу. Различают *«высокую», «советскую»* и *«западную»* культуру (взято в кавычки). Согласен, что названия советская и западная закавычиваются, но почему высокая культуры в кавычках? Вот как звучит её определение: *«Высокая» интеллигентная культура, развивающая историче-*

скую традицию элитарной культуры, тяжело адаптируется к современным рыночным отношениям». А может ли такая культура обходиться без государственного регулирования и поддержки? Наверное, нет. Но вот парадокс – государство чаще поддерживает низкопробное искусство.

Диву даёшься иногда, когда какого-нибудь графомана от литературы (удобного для власти) распиарят, раскрутят до космического масштаба и на всех «тусовках» он главенствует.

Пойдём дальше: «Советская» культура, основанная на привычке населения к государственному патернализму в отношении любых социокультурных запросов людей». Не привычка, а естественное проживание в той социальной среде, потребность в духовном благосостоянии, которая давалась не без помощи государства. И что в этом плохого? Имена известных писателей, поэтов, актёров, певцов, художников, скульпторов, режиссёров кино и театра – перечислить не хватит десятка страниц – и всё это было не халтурно, а достойно и талантливо. И я не думаю, что было какое-то иждивенческое отношение – творили, сгорали прекрасные поэты и актёры...

Вообще любят москвичи свою учёность показывать. Вот вставили словечко «патернализм», и лезет русский мужичок в словарь, что за слово такое и с чем его закусывать. Ну, посмотрим, оно, оказывается, вот о чём: это отеческая забота государства, это помощь, благотворительность. Я понимаю – есть вторая сторона этого понятия – в политическом аспекте – под видом помощи закабалить ту или иную страну. Мы жили в то время, творили и ощущали поддержку культуры. А сегодня что? Пресловутый закон о творческих союзах «принимают» Думой более 10 лет. Ещё в начале века наш народный артист И. Кобзон обещал, что закон будет. «А воз и ныне там».

Далее: «Западная» культура либеральных ценностей, охватывающая **значительную** часть молодёжи, предпринимателей и интеллигенции. Для неё характерны установки на получение удовольствия от жизни, на престижность материального достатка...» Здесь явное потребительство, получение чаще всего удовольствия плотского характера. Человек, не создающий духовные ценности, удовлетворяется тем, чего он «достиг» в своём интеллектуальном развитии: «Чем выше любовь, тем ниже поцелуи» и т. д. Делая упор на западную культуру (я совершенно не исключаю гениальные творения западного мира – они безусловны), ставя её в противовес, а не дополняя отечественную культуру, литературу нашего народа, мы тем самым воспитываем молодое поколение в пренебрежении к русской культуре и **необоснованно** вкладываем в их душу чуждые нашему обществу ценности.

Знать мировую культуру надо обязательно, но не строить новые пирамиды, создавать «новые» ценности, несущие разрушение великих традиций и нравственных основ любого народа. Вот я уже в который раз обращаюсь к защите культуры от новоявленных реформаторов, демагогов. А ведь по-настоящему умных людей не слушают. Культура должна объединить все слои общества, а не делить их на классы, кланы. Культура – это то, что в тебе... Все мы, от бульдозериста до министра, должны знать нашу историческую правду, сохранять великие традиции. Хорошо бы жить по законам духовной близости и равновесия, а не так, как сегодня – жить лучше других, во чтобы то ни стало. Страшно – это и я понимаю, что задача культуры – изменить эти отношения.

II. КОРНЕВАЯ СИСТЕМА

Вы посмотрите – сколько производных от слова «корень»: корневая система, коренные породы, коренные народы, корневые растения и т. д.

Корень – всему основа. В движении к свету, к совершенству, в продолжении всего живого на Земле. Чем больше, крепче корневая основа, тем сильнее и крепче побеги её и ветви. Давайте представим огромное дерево во времени и пространстве с мощными корнями, стволом. Это, образно говоря, наша русская культура с родословной памятью, традициями. Теперь представьте – каждый год мы подкапываем эти корни, убираем с них слой за слоем плодородную почву, а, чтоб не торчали они (не красиво ведь) и не засыхали – присыпаем неплодоносным грунтом. Вот примерно так власть в лице министров действует сегодня. Пример тому – вышеописанные министерские рекомендации.

В одном из номеров «Литературной газеты», размышляя о состоянии культуры в стране, пишут: «До чего же надо не любить своего ближнего, чтобы имитировать государственное внимание к человеку, гражданину страны в области культуры, имитировать работу чиновничьего аппарата – осознанно создавать «одесский шум», похожий на работу, производя впечатление деятельности». Вот такой шум и создают чиновники министерств, чтобы оправдать свои немалые зарплаты.

Беда, когда насаждают всем чуждую нам культуру, прививают, особенно молодому поколению, не те ценности. «Господа хорошие», занимайтесь своими докторскими диссертациями, экспериментируйте на ветвях, делайте свои прививы, но не трогайте корни. Иначе в один момент может рухнуть всё. Примеров в мире таковых предостаточно.

Проверенные веками национальные традиции несут в себе нравственные основы, которые сохраняют народ.

Культуру сегодня продают оптом и в розницу. Оптом – всё, что честно, правдиво, душевно и по-настоящему народно.

В розницу – за большие «бабки» псевдоискусство, – безголосых графоманов, отвязанных полу-голых певичек.

И, похоже, продадут скоро всё, что сердцу близко и душе радостно...

Останется розничная пошлость, враньё, кривляния, ужимки, хохот, гогот... На эстраде, в кино и в литературе. Не хочу пророчествовать, но рождают-ся образы:

ИСХОД

*Боюсь назвать тот страшный год,
Боюсь пророчества отныне.
Я вижу, как бредёт народ
С сумой по выжженной равнине.*

*Покинув Родину свою,
Бредёт, бредёт живой стеною.
Я эти лица узнаю –
В них много схожего со мною.*

*Народ мой – стой, остановись.
Нельзя без Родины, как птицам.
Вся наша будущая жизнь
Лишь на земле родной продлится...*

Культуру на цифры разнесли, на проценты. 137
Устроили сплошной пиар и отчётность, творить некогда?!

А культура – это каждый человек, его состояние духовное и физическое, его уровень духовного тестостерона. На плоть лекарства действуют, а на душу только слово. Дарить слова надо, а не мзду брать за них. А то получается, сказал хорошее, доброе слово – помог человеку, а потом плати, мол, за это? Не по-русски как-то! Кстати, о литературе. Место литературы нынче на бастионе. Настоящая, совестливая литература там и находится. А вот разные читива, проповедующие страсти, похоти человеческие и прочие животные инстинкты, никогда не выйдут из своих затхлых, вонючих подвалов: шабаш, эпатаж, муляжи – характерные определения этим произведениям. Настоящее литература – долготрудное дело!

Да и соизмерять надо своё творчество с вечными постулатами нашей тысячелетней веры, нашего православного восприятия мира, где проповедуется добро и милосердие. Без художественного слова общество не может двигаться вперёд. Главное, что-

бы художественное слово формировало человека, воспитывало в человеке любовь к своим корням и традициям.

Я был бы не прав, если бы сказал, что большинство думает удручающе о нашей культуре и советует всё мерить на рубли и доллары. Нет и ещё раз нет. В России и в регионах много умных, болеющих душой за нашу культуру, за наше будущее.

В «Литературной газете» №5 за февраль 2016 года в разделе «Искусство» опубликована развёрнутая статья главный редактор газеты «Культура» Е. Ямпольской. «Культура – не в процентах, а в настроении людей, которые идут по улице». Как это близко мне и понятно. Конечно же, в культуре на первом месте должна быть творческая составляющая. Надо поддерживать одаренных людей, тех, кто несёт своим творчеством добро, любовь, милосердие, а не насилие и пошлость.

Вот мысли из этой статьи: «Было бы здорово, если бы все российские чиновники, в какой бы они области ни функционировали, помнили про свою сверхзадачу: создание благоприятного климата в стране, сохранение психического, а значит и физического здоровья людей».

Вот тут и приходит мысль – не пора ли трём министерствам впрягаться в одну упряжку – в деле культурно-просветительского воздействия на молодое поколение: министерства – культуры, образования и спорта. Возможно, нужен вневедомственный Координационный Совет для формирования личности.

Возвращаясь к лекторским материалам, я всё же нашёл ложку мёда в этой бочке дёгтя. На одной из страниц пропечатано: «Именно регионы сегодня являются источником создания уникальной культуры... именно регионы питают культуру государства и дают богатый материал для формирования культурного облика страны, именно регионы формируют запросы на самые сложные вызовы времени, и именно регионы дают на них ответы, привнося свой уникальный культурный опыт в общее национальное богатство».

За чем же дело стало?

Давайте поддерживать провинцию с её действительно уникальной культурой. Может, это и сохранит наше древо, корни которого действительно в глубине Земли, под названием – Россия. И здесь роль государства – очевидна. И от умных слов пора перейти к делам умным и необходимым для просвещения народов, проживающих в России и считающих её своей Родиной.

Денис ЗЛОБИН (о. Дионисий)

С ЛЮБОВЬЮ К ДОНБАССУ, И КУЗБАССУ, И ВСЕМУ ОТЕЧЕСТВУ

*В честь 70-летия со Дня Победы Советского
Союза в Великой Отечественной войне,
В ознаменование 73 годовщины со дня
возникновения Кемеровской области, и 20-летней
годовщины образования Кемеровской Епархии
в составе Русской Православной Церкви
посвящается бойцам 383-ой Шахтерской
стрелковой дивизии, оборонявшей Донбасс от
немецких захватчиков, а также всем шахтерам и
труженикам угольной промышленности Кузнецкого
края, ковавшим Победу в годы войны.*

*Спят курганы темные, солнцем опаленные,
И туманные белые ходят чередой.
Через рощи шумные и поля зеленые
Вышел в степь Донецкую парень молодой.*

(шахтерская песня).

МЕДОВЫЙ СПАС, ИЛИ «БУДЕМ ЖИТЬ!»

Хочу поведать вам историю об одном человеке, который приходился дедушкой моей супруге. Говорю о нем в прошедшем времени потому, что двадцать лет минуло, как его не стало. Все, что мне о нем поведали его сын и внучка – есть подлинная правда. Все их рассказы, воспоминания самого дедушки я упорядочил и связал в одно повествование. Эта история, как мне кажется, очень русская и шахтерская. Судьба Михаила Кузьмича Манаева удивительная, сложная, грустная, местами драматическая, а в итоге счастливая. Человек, подобный ему, способный преодолевать скорби, находить в себе силы жить, трудиться, – обречен стать счастливым. Вот почему это повествование можно назвать «Будем жить!» – как жизнеутверждающий девиз или же – «Медовым Спасом».

Он был потомственным шахтером, в юности трудился на Донбассе. Воевал в 383 Шахтерской стрелковой дивизии, мобилизован в Кузбасс как специалист угольной промышленности. Прежде чем изложить эту историю, скажу, что в силу любви моей супруги к дедушке взялся я за повествование. «Дедушка!» – с восторгом вспоминает она. И сколько в этом слове заключено для нее приятного и бла-

годарного впечатления. Она часто повторяет, что никто так не повлиял на ее характер и, следовательно, на ее воспитание, как дедушка. Он был для нее стареньким, немощным и усталым ангелом, милосердием которого согревалась ее детская душа.

I

Дедушка Михаил родился в семье Кузьмы Павловича и Матроны Манаевых в 1914 году в селе Барсучье Ровенского района Воронежской области (ныне Белгородская область). Когда он был еще младенцем, скончалась его мать Матрона Польникова (это ее девичья фамилия). Она взяла его в кровать, обняла, по обыкновению, поцеловала и – умерла. Мальчик напугался оттого, что она сдавила его своим весом – не было сил дышать. Он закричал. Прибежали родные, подхватили маму, но было поздно: маму к жизни не вернуть. Началась паника, вопли. Мишутка навсегда запомнил омраченный горем взор отца. Кто знает, от чего она умерла, вследствие болезни ли или от сердечного приступа.

Больше года вдовствовал отец. Потом досталась Кузьме жена Ефросинья – молодая и красивая. Нрав ее был гордый, властный и сильный. Тут Мишутка и узнал, почему у листика растения мать-и-мачехи одна сторона теплая, а другая холодна... Ефросинья родила отцу шестерых мальчишек, души в них не чаяла, а вот Мишутку будто недолюбливала. В чем он провинился – теперь не узнаешь: то ли характер ей его не нравился; а может она, не сознавая, руководствовалась простой слепой женской ревностью. У некоторой женщины так бывает: она, завладев мужчиной, который когда-то был женат и овдовел, не может смириться с тем, что он в прошлом принадлежал другой, любил другую и та ему рожала, а потому отзывается ревностью, причем болезненно, и возмещает свою ревность на ребенке от той – первой женщины. И эта ее ревность едкая, если не ядовитая, и лукавая; а лукавая оттого, что женщина зачастую не может понять, что приводит в движение это чувство. Когда же поймет – откуда это чувство, то не хочет принять.

Все детство Мишка вкалывал. Он помогал мачехе ухаживать за детьми. С утра бежит пасти корову. Годы были голодные, коровку надо сторожить, чтобы чужие не зарезали или, в лучшем случае, не выдоили молока. Мачеха посылала его в поле или пастбище, часто голодного и холодного. Голод все детство сопровождал его. Ночью надо пеленать и убаюкивать братишек меньших. Он просто не высыпался и днем валялся с ног. Но ведь иначе тогда нельзя было жить. Страна пережила революцию, гражданскую войну. Кое-как пережили голодный 1921 год. Накатывались суровые тридцатые. И мачеха была не столь виноватой, что он голодал и боролся за каждый кусок хлеба. Тогда все голодали. Для Мишки такая жизнь послу-

жила наукой. Он еще долго надеялся, что мачеха согреет его детскую душу лаской матери, что он, ни разу не преступивший ее заповедей, найдет в ее сердце отзвуки любви, но она так и осталась к нему холодна, а отец безучастно смотрел на их отношения. Дедушка вспоминал о мачехе Ефросинье с сожалением, пеняя не столько на нее или отца, сколько на обстоятельства. Мудрость научила его не винить вторую маму. Она от жизни хлебнула больше горечи, как оказалась, чем он. Папа имел неосторожность покрикивать местное начальство, за что в тридцать седьмом был арестован и сгинул в лагере «Богословские копи» Свердловской области, а шестерых мальчишек в войну немцы на глазах у Ефросиньи расстреляли.

В шестнадцать лет Мишка ушел из дому, когда отношения с мачехой зашли в тупик. Надо начинать самостоятельную жизнь и кормить себя. Отправился в Донбасс. И тут его настигло тяжелое испытание: по дороге он разболелся. Мишка не сразу осознал, что недуг серьезный и опасный. И в первые дни не придавал значения острой боли в животе, потом она стала невыносимая. Организм отторгал пищу. Началась лихорадка. Вот когда смерть и заглянула пареньку в глаза! Его наспех погрузили в телегу и повезли в городскую больницу. Мишка смутно смотрит по сторонам и видит, как попадающиеся на пути люди расступаются, спешат отойти подальше, вздыхая, говорят: «Зараженного везут; видать, помер». Кто-то крестит себя, потом его. Лошадью понукает возница – старичок лет семидесяти в потертой сермяге, соломенной шляпе на голове. Дымя самокруткой, он то и дело оборачивается на Мишку, пытается с ним заговорить:

– Держись, казачок! С Божьей помощью доедем до больницы. Лошадь у меня хиленькая. Говорю старосте: лошадь мне нужна сильная, а он мне, другой нэма, сам запрягайся и кати свою телегу. Маленький он человек! А вот доктор Илья Трофимыч – большой человек, человечийше! Давеча возил к нему такого же доходягу, как ты, но тот спасти его не смог. «Поздно хватились», – говорит.

Голос старика скрипел, как колеса его телеги. Временами голосовые связки отказывали ему, от чего старик заикался и кричал. Лошадь буксовала, качалась в затопленных лужами низинах то влево, то вправо, норовя сойти с дороги, чем вызывала в нем раздражение:

– Э-э-э! Ну шо она делает?! Ух, треклятая!

Старик начинает рассказывать про старосту, какой тот странный человек, потом про своих родных. Мишка, не в состоянии вникнуть в содержание рассказа, безмолвствует. Внезапно теряет сознание и так же пробуждается.

Было теплое ласковое утро, обещающее хороший солнечный день. Кругом бескрайняя степь.

Одинокие деревья стоят в стороне, как застывшие, засмотревшиеся путники. Далеко виднеется донецкий кряж, затянутый лиловой дымкой. Солнце стремилось к зениту. Воздух прозрачен и свеж после ночной грозы. В лазури неба, в сочной еще зеленой ржи и высокой придорожной траве пели птицы. Тут и там дорогу перебежали кулич, чибис. Суслик выбегал и останавливался посреди дороги, приподнявшись, изучал надвигающуюся повозку, а потом как ужаленный подпрыгивал, поднимая пылинки и клочки травинки, мгновенно исчезал в придорожной ржи, откуда, притаившись, продолжал свое наблюдение. Какие-то птицы застыли в воздухе и удивленно смотрели на движущуюся повозку. Сверху безразлично взирал парящий коршун, плавно взмахивая крыльями. Все живет, все движется, все имеет свое продолжение – ветерок, травы, деревья, птицы. Все живет, а он – Мишка умирает. «Как мне хочется жить!» – в бреду думает он.

– Вот кукушка-то раскричалась, разошлась. Пущай насчитает тебе, хлопец, жить сто лет, – узнает он голос старика.

Дедок монотонно распевает песню: «Ох, не кукушка во сыром бору, во сыром бору, вскуковала во сыром бору...» Лошадь вострит уши, слушает, как тот поет.

Солнце, парящий коршун, щебечущие птицы, старик из сознания смываются, тают и исчезают. И теперь Мишка в бреду видит, как в стороне стоит отец, почему-то один, провожает взглядом повозку. Отец что-то хочет вымолвить, но не может, приподнимает на прощанье руку. Мишка силится махнуть ему в ответ, вслушаться в слова, но безрезультатно: речь отца ему кажется невнятной. Отец исчезает, и теперь он видит мачеху Ефросинью с ребятишками. Младший братишка срывается с места, бежит за телегой, но не догоняет, оступился и упал. Ефросинья закрывает уста ладонью: Мишка знал, что так она делает тогда, когда плачет. По небу как будто распространяется мгла, зарождается буря, и уже грохочет гром. Мачеха, ребятишки исчезают. И вот он видит, как над ним склонилась мама все такая же молодая. Она улыбается, целует его в лоб и идет рядом с повозкой. Он тянется к ней: ему много надо ей рассказать, да пожаловаться, да расспросить. Она исчезает, и вновь Мишка видит солнце в зените и парящего коршуна. «А может, не следует держаться за жизнь, – думает он, – отрешиться от тела и полететь к солнцу в небеса? Превратившись в птицу, метаться с жаворонками или вместе с тем коршуном, подружившись, взирать на землю?».

В больнице Илья Трофимыч – здоровенный мужик осмотрел, прощупал его.

– Ну что, милоч? У тебя тиф, – обратился он к Мишке.

Он помыл руки и, возвращая полотенце медсестре, сказал ей по-простому, даже несколько, как показалось Мишке, весело:

– Брюшной. Надо спасать парня. Дело плохо. Руки его видели? Его искуса ли крысы.

И только теперь Мишка видит на своих руках язвы.

Следует сказать, что работники больницы боролись за Мишку: его отмыли, поили микстурами, носили на руках, кормили. Кушать он не хотел. Организм отвергал любую пищу. Он часто терял сознание. Его из своих рук кормила Варвара – молоденькая, добрая, милая девушка, обожаемая всеми больными, чуть старше Мишки. Он есть не хотел, отказывался, просил пить.

– Ну, Михаил, кушай, пожалуйста, – умоляла она его. – Я сама готовила и приправила чесночком.

Он открывал рот, глотал, потому что не хотел ее огорчать. Каждый раз Варвара приправляла еду новыми компонентами, чтобы в организме паренька проснулся аппетит. И аппетит вернулся, а за ним и силы. Он выжил, встал на ноги.

– Ну и напугал же ты нас, Михаил Кузьмич, когда тебя привезли обморочным, – радостно обращался к нему доктор. – Скажи спасибо своему организму. Он у тебя молодой и сильный. Надо, Мишка, жить! Надо!

II

После выздоровления он достиг городка Горловка, называемого в старину «Корсуньской копью», что в Донбассе. Устроился на шахту со звучным именем «Кочегарка», где когда-то работали его дедушка и отец. Там, в подземелье, в лаве, таких юнцов, как он, способных из-за малого роста влезть в любую дыру, впрягали в небольшие повозки, груженные углем. И он, как выючное животное, на четвереньках тянул тележки на поверхность. В результате, в юные годы повредил ключицы и колени. Ключицы срастались, но вот колени в поздние годы болели. Благо, его перевели в коногона. С какой благодарностью и жалостью дедушка рассказывал о лошадях, которыми управлял. Эти бессловесные животные настолько верны и послушны человеку, что сошли с ним в недра земли, разделяя с ним тяжелое, опасное шахтерское ремесло. Мишка мужал, набирался ума. Шахтеры его как собрата уважали. Стали водиться у него деньги, хоть и небольшие, но на пропитание хватало. Приоделся. В 36-ом году он уже вступил в профсоюз. Ростом он вымахал выше среднего. Теперь он удал и крепок. С виду его признавали за малоросса. Он не заметил, как мужики стали его называть не Мишкой, а Михаилом. Частенько величали «Кузьмичом». Он весь погрузился в мир шахты, в шахтерские отношения. Бывало, заспорит с товарищами крепким словом,

как положено в среде шахтеров, – как надо подбоиться к вагонетке, как надо махнуть кайлом, как придержать лошадку. Спорит, как будто от того зависит все производство шахты и, более, сама жизнь. Однажды он видел Стаханова. Тот приезжал к ним: смотрел, как идут дела. Шахта послужила Михаилу главной школой, более того, самой жизнью, семьей. Шахта, шахтерское братство для души всегда были главными критериями, которыми он измерял мир, людей. Он уважал всех работяг, что прошли через шахту. Другие же, не прошедшие через нее, для старенького дедушки были не интересны. Помнится, сядет он у телевизора, посмотрит, послушает, махнет рукой и кричит в экран: «В шахту всех их надо! В шахту плясунов, певцов, болтунов. В шахту!»

В шахте он освоил все профессии. В 38-ом году, в 24 года, он приметил молоденькую казачку, дочь шахтера по имени Мария Прокопьевна Воробьева. Все ходил кругом да около, робел, думал-думал да и пошел свататься. Горняк горняка за версту видит, с полуслова понимает.

– Свадьбе быть! – утвердительно согласился отец девушки.

Михаил на радостях побежал к себе думать, как браться за дело. А Прокопий всплакнувшей жене сказал:

– Парень серьезный, крепкий и проверенный. Нечего тут слезы тебе лить!

Сказано – сделано! Свадьбу сыграли скромную. Мария была хороша собой, сама не зная того. Поначалу боялась Михаила, но прижились и полюбились. В 40-ом году родила ему сына – Андрюшку. Получили комнатку для жилья. Вот оно, долгожданное счастье, и обрушалось на него! И казалось, что не будет тому счастью предела, и нет той силы, что омрачит его и нарушит!

III

22 июня 41-го года на шахтерской площади через динамик услышали, что началась война. Повестки в армию пришли почти в каждую шахтерскую семью. Потянулись очереди к военному столу. Михаил не исключение: отправляется на фронт. Женщины и дети в слезы. Михаил на прощанье целует жену, ребенка и уходит на вокзал, где формировались военные эшелоны. Доехали до поселка Сталино (ныне Юзовка). Там за 35 дней была сформирована 383-я Шахтерская стрелковая дивизия. Командовал ею полковник Провалов. 30 сентября Шахтерская дивизия вошла в состав 18-ой Армии Южного фронта и тут же была брошена на оборонительный рубеж «Гришино – Солнцево – Трудовой». С 14 октября начались военные действия. Шахтеры держали рубеж пять дней при полном господстве в небе вражеской авиации. Немцев и итальянцев в

этом направлении погибло три тысячи. В Шахтерской дивизии потери составляли полторы тысячи человек.

Бои выматывали горняков. Отдыхали по ночам. Вспоминал дедушка, как лежал навзничь в окопе и смотрел в ночное небо. Оно усыпано звездами голубого цвета. Оно торжественно и приводит душу в восторг, манит своей загадочностью, и страшит величием. В небе царствует луна, покрытая бесформенными, замысловатыми, зелеными пятнами. Воздух чистый, свежий и даже теплый. Пытаешься сосчитать в созвездиях звезды, и как напрягаешь взор, замечаешь, что за привычными блестящими точками проявляется новая россыпь светил, за нею другая, третья; и тогда понимаешь, что сосчитать их невозможно; что этот мир не объять и не познать. Небесные светила смотрят ему в лицо, а он думает: «Какая вечная красота! Зачем мы, люди, вместо того чтобы эту красоту созерцать, воюем и убиваем друг друга?» В лунном свете отчетливо проявлялись заградительные редуты и сооружения. Они выглядят зловеще. Луна и звезды теряли силу своего света, когда над редутами вспыхивали сигнальные огни, всполохи которых расстраивали небо тревогой, и на сердце становилось так же тревожно, прежде всего, за жену Марью и сыночка Андрюшку, потом за себя и за родину. И он погружался в томную думу. Вспоминал, как в это время он вместе с Машей укачивал детскую кроватку. Она в полголоса напевала ребенку: «Всегда я везде за тобою, как призрак хожу, и с тайною думой порою, в милые очи гляжу...». Машеньку он когда-то заметил, прежде всего, потому, что она дивно и задорно пела казачьи песни, столь любимые им. Он ее не увидел, а услышал. Вспоминая вечера, проведенные с нею и ребенком, он невольно улыбался звездам. И в той улыбке не было радости столько, сколько отчаяния: нет полноты счастья, но лишь обрывки его.

С 18 октября дивизия стала отступать к Сталино (Донецк), потом к рубежу «Донск – Батайск». Надо сказать, что Шахтерская стрелковая дивизия никогда не отступала с занимаемых позиций без приказа командования, служила примером мужества и стойкости для всей Советской Армии. 17 октября 1941 года пришел приказ за номером № 21 от Командующего Южного Фронта – генерал-полковника Черевиченко: «объявить 383 Шахтерской дивизии и входящим в ее состав стрелковым полкам 149, 694, 696, 690-ому благодарность. (В Донецке есть мемориальная доска на здании ДК имени Франко, в котором размещался штаб 383 стрелковой дивизии в августе 1941 года). Как ни странно, но полк, в котором служил дедушка, несмотря на героические оборонительные действия Шахтерской дивизии и сведения, поступающие от линии фронта, так и не столкнулся с фашистами вплоть до декабря. Де-

душка, вспоминая, разводил руками: «Мы вечером только окопаемся, приготовимся к бою, как на утро поступает приказ: оставить позиции, то есть отступить. Я даже под бомбежку не попал, а немцев и в глаза не видел, хотя в окопах лежал».

Дедушка не любил рассказывать о войне, поэтому ничего более к изложенному периоду прибавить не могу, но сохранилось ясное воспоминание о том, как в декабре в Шахтерский полк нагрянул высокий военный начальник. Приказали выстроиться, пересчитаться «на первый – второй». Все, кто назвались «вторыми», сделали несколько шагов вперед, как приказал высокий чин. Михаил Манаев был среди «вторых». Потом приказали «вторым» оставив оружие, шагать колонной на железнодорожную станцию. На станции высокий чин зачитал Приказ: «Указом ЦК ВКП из отдельных бойцов Красной Армии 383 Шахтерской дивизии вы мобилизуетесь в шахтерские резервы следующих угольных регионов Советского Союза, а именно в Кондомский, Томь-Усинский, Мрасский и Кузнецкий. Приказываю – грузиться в вагоны!» Многие ничего не поняли, получив паяк, взбирались в вагоны.

– Куда едем, хлопцы? Не понял! – кричали в вагонах. – Зачем?!

– По крайней мере, ребята, выживем, – обратился какой-то паренек к товарищам.

– Это значит, что линия фронта для нас будет проходить в другом месте, хоть и в тылу, при других обстоятельствах, и работать придется с удвоенной силой, до потери пульса, во имя победы, – рассудил старик и протянул ему руку. – Полезай-ка в вагон, казачёк. Что ты сделаешь для своей страны, чтобы разбить фашистов? Этот вопрос должен каждый задать сам себе.

И помчался эшелон что есть мочи.

– Прощайте, «первые»! – кто-то крикнул.

В душном, курящем вагоне под стук стальных колес Михаил думал о семье, о своей будущности. Мозг точила протестующая мысль: почему нельзя было взять с собой жену и ребенка? Что с ними, как они живут?! Он часто с фронта писал домой, но ответных писем не дождался. Нет ничего мучительнее, как находиться в неведении. На фронте он узнал, что несколькими неделями позже, как он уехал, жителей Горловки срочно эвакуировали. Шахта, где он работал, затоплена. И в то же время в город вошли немцы. Он ясно представлял, как горит его город, пылают дома, в окнах метаются люди, все превращается в прах, пепел, в нечто непоправимое, и гибнет все, что так дорого его сердцу. От этих тревожных мыслей он приходит в отчаяние. И все его товарищи думали о том же, – о своем заветном доме. В вагоне тоска и тревога. В темноте с легким украинским акцентом прозвучали странные, непонятные слова, удивившие Михаила: «Живой в помо-

щи вышнего, в крове Бога небесного водворится...» Михаил сообразил: кто-то молится. Сам он не верил в Бога. Верил в Родину, Сталина, Армию, верил в Машу и Андрюшку. Станные слова он принял не враждебно, но спокойно и с некоторым одобрением. Поезд останавливался один раз в сутки на четверть часа, чтобы накормить шахтеров. Ели наспех, и вновь в вагоны, и в путь. «Везде был конвой, так что местные нас принимали за зеков, которых гонят по этапу да в Сибирь», – вспоминал дедушка.

IV

Кузнецкий край донбасскую братию встретил крепкими рождественскими морозами. Дедушка оказался в Ленинске-Кузнецком на шахте имени Ярославского. Работал кононом, подземным запальщиком. Вкалывали не покладая рук по двенадцать часов в сутки, без суббот и воскресений, без праздников. В шахту шли все – уцелевшие мужчины, женщины, дети. Еще не взойдя солнцу – спустились в забой: солнце возвращалось «восвояси» – поднимались на свет Божий и по темну шли домой. Некогда даже подумать о прежних временах. Установленный режим не позволил Михаилу загрустить. Хотя однажды он закручинился в 44-ом году. Пришел конверт из родимых мест. Его вручил ему политрук. Михаил давно через профсоюз запрашивал информацию о судьбе своих родных в Донбассе. В письме сухо уведомлялось, что его Мария и сынок Андрюша во время эвакуации попали под бомбежку и – погибли. Выжил только тесть. В глазах у Манаева потемнело. Он час просидел за столом в кабинете политрука, взъерошенный, мрачный, в окружении товарищей. Руками обхватил голову и поник. Письмо лежало на столе. Заглянул горный мастер: он давно разыскивает Михаила и нервничает от того, что запальщик не на рабочем месте. Хотел было выругаться, но, заметив сдерживающий жест товарищей и лежащее письмо на столе, все понял. Потоптался и, вздохнув, махнул рукою, ушел. Товарищи не знали, какие подобрать слова для Михаила.

В кабинет забежал машинист Алексей Степанов – хороший приятель начальника. Сообразил, что к чему, и, пожав всем руку, усаживается нога на ногу, закуривает. Человеком он был рассудительным, степенно разговорчивым, веселым. В нем чувствовалась сила духа, отчего он пользовался у горняков и машинистов большим авторитетом. Степанов любил между делом забежать и перекинуться несколькими словами с мужиками и узнать сводки, поступающие с фронта. Однажды ребята вывели о нем историю, как в 37-ом году его арестовали НКВД-ешники по ложному доносу: якобы он, будучи машинистом, умудрился стать японским шпионом. Так вот, его год добры молодцы в СИЗО дубасили,

требуя подписаться под чистосердечным признанием или показать на товарищей, а он – ни в какую. Так и отпустили с миром седого и с переломанными ребрами. Начальство восстановило его в должности. Семье вернули дом. Теперь он управляет «особым» паровозом ФД21 и возит уголь в Новосибирскую область да в Сталинск (Новокузнецк).

– Сейчас загрузят вагоны. Василий нацепляет «коксовые» к эшелону, и помчимся на запад, наверняка в Барабинск, – между делом начал он.

– Как его звать? – спросил он осторожно у товарища. – Михаилом? Ага!

Подумав немного, он вздохнул, как вздыхают умудренные люди, покачал головой и сказал:

– Ты, Михаил, поплачь, но не унывай. Проклятая война! Сколько зла от нее. Надо, Михаил, жить...

– Как теперь жить-то? – поднял голову Манаев. – Как, ежели не хочешь более, и мочи нет.

– А вот так, – загорелись глаза у Степанова, – вздохнул, встал и пошел по жизни. На то воля Высшая.

Сказал и сам удивился, как мог помянуть Бога, вспомнив, что когда-то в детстве хотел стать семинаристом.

– Вот тебе плохо, жить не хочется, – он решительно придвинул стул к столу и обратился к Манаеву. – А я тебе расскажу, как я выживаю! Нет-нет! Не маши рукой! Я уже со счета сбился считать, сколько раз сгонял на своем «локотке» на запад в начале войны. Бывал на Урале. Уголь я вожу... на металлургические. Чаще всего перецепляюсь в Барабинске. Так вот, летишь на паровозе, а приказ такой – не останавливаться, что бы то ни было. Заводы Магнитки, Челябинска, Омска, нашего Сталинска куют танки на фронт: им нельзя ждать уголь. Уголь должен всегда вовремя поставляться! Приказ: не останавливаться! Так вот, летишь на всех парах и видишь, как по железке идут люди. Ты их нагоняешь, а они тебя не видят. Ты им в гудок раз, два, три, а они что – уши потеряли? Не слышат – и все тут! Останавливаться нельзя, а вдруг диверсия! Да еще за твоим составом, бегут другие эшелоны, как мураши. Им нет резона ждать! Ты притормаживаешь, хотя и этого нельзя делать. Ору им: «С дороги! Уйдите!!!» Нет, не слышат! И тогда давишь их, давишь!!! Только глаза закроешь и слышишь глухое «бум-бум!». Но это еще только присказка. А вот, я тебе поведаю, как мы вкалывали в 41-ом, и 42-ом, и 43-ем годах, когда наши отступали по всем фронтам. Нас тогда, самых лучших машинистов, по всему Союзу собрали и велели на запад рулить... Правда, технику дали отличную... Обижаться не следует... Видел моего ФД-е 21-го?.. Нет?!.. А ты вот сходи и посмотри... Вон там он стоит! Не паровоз, а зверь! С тех пор он у меня в распоряжении... Так вот в первые годы войны мы эвакуировали заводы,

шахтовое оборудование и население с той территории, где со дня на день немцы грозились нагрянуть. Вот, тебе скажу: беготня-то была. Только и подкидывай в топку! Местами я со своим составом под бомбардировку попадал. Во как! Но все обходилось – слава Богу! Тогда и вышел приказ: не останавливаться. Спешно заводы демонтировали и увозили в Поволжье да в Сибирь, где заново монтировали. Вот работка-то была! Вас, шахтеров из Донбасса, тащил сюда же. Сам помнишь, каково было! Но пока, дружок мой, вас вез, не ведаешь ты, сколько людей посбивали. Не до морали было! А самое ужасное было для меня, когда эвакуировал население – стариков да баб с детками малыми! Останавливались мы редко и не каждый день. Мчишься на восток, а они голодные и холодные в вагонах не приспособленных для люда трясутся. Много тогда страдало народа. Но и это не так страшно в сравнении с тем, что было дальше. Остановимся мы на пять, десять минут, чтобы народ по нужде сходил да продукты получил. Вот давка-то была!.. Бабы в круг соберутся, простынями закроются... сам знаешь зачем... Мужики так ходили по нужде, никого не стесняясь... Мрак – одним словом! Когда все опять взбирались в вагоны и трогались, то выяснялось, что не все бабы деток-то доглядели. Тогда такой стон да крик подымался! Мы мчимся, а потерявшиеся детки бегут за составом, ручки тянут и плачут. Бабы сигают из вагонов и бьются с риском для жизни. А что им оставалось делать? Сам понимаешь: 173 в нашей огромной стране, если потерялся, то уже навряд ли найдешься, да в условиях войны. Ребенку только и оставалось, как в «приютские» записываться да ждать счастья. Бабы кричат – «останови!» – а мне да Ваське нельзя. Нельзя потому, как попятям следующие составы мчатся, а за ними немцы-изверги! Нельзя останавливаться – иначе трибунал и расстрел. Сколько я от этих баб, не досмотревших своих детей, наслушался проклятий... Как я им в глаза смотрел, знаешь ли ты, Михаил? Вот и спроси меня, как мне жить с этим?

Степанов вскакивает со стула и начинает ходить по комнате, нервно смоля папироску. Мужики таким его еще не видели. Стараясь вернуть себе самообладание, после некоторой паузы он начинает чеканить слова:

– Стране нужен уголь. Вот этот черненький... Этот сок земли, эта кровь для жил наших заводов, добываемая, кстати, вами, горняками.

Успокоившись, он усаживается на свое место, ищет глазами того, кто одарит его новой папироской. Ему дают две. Одну он закуривает, другую подкладывает за ухо.

– Сколько было на моем пути горемык? В степи зимой собьются с пути, найдут железную дорогу и радуются, что по ней можно дойти до станции. Же-

лезная дорога – это же, действительно, жизнь. Но по ней иногда бежит смерть. И что они не прислушиваются, не оборачиваются? Одним словом – горемыки. Коров сколько посбивал! Но то – четвероногие и то жалко! – он, улыбаясь, смотрит на мужиков. – Вот так вот, братцы!

– Ты спрашиваешь, Михаил, «как жить, ежели мочи нет?» – наклоняется он к Михаилу. – А я хочу спросить у тебя: как мне, мне жить? Ведь эти бедняги мне по ночам снятся. Молчишь? То-то дело. То не немцы, а наши, родимые бедолаги.

Потом он быстро встает, пожимает всем руку, спешит к выходу.

– Что-то я тут с вами заговорился, братцы! Пора мне наверняка. До встречи! – махнул рукою и уходит, по дороге сожалея, что рассказал много лишнего.

На его глазах проступают слезы. На улице рядом со своим составом он сталкивается с начальником погрузки и молодым лейтенантом.

– Степанов! Где тебя носит? – возмущается начальник.

Степанов тушует.

– Предъявите документ! – сделав отмашку, требует лейтенант.

– Да, Степанов это! – убеждает начальник офицера.

– Так положено!

Степанов от растерянности не сразу нашел в кители удостоверение, показывает. Лейтенант убедительно кивает, вынимает из планшета два конверта и вручает машинисту. На конвертах написано – «Сталинск».

– Первый распечатывайте сей же час. В нем маршрутные путевые листы, а второй конверт лично в руки товарищу начальнику железнодорожного узла города Сталинска. Приступайте к своим обязанностям!

– Слушаюсь! – отвечает Степанов и бежит к своему локомотиву.

– В Барабинск? – осведомляется второй машинист. – В Сталинск так в Сталинск! И то хорошо, что ближе дорога.

– Слухай, Васька, новый анекдот, – говорит Степанов. – Как-то раз по дороге в Москву тащатся индюки – Гитлер, Муссолини и Антонеску, а навстречу им танк Т-34, на котором написано Иосиф Виссарионович Сталин....

Через минуту воздух сотрясается оглушительным гудком паровоза. Состав трогается с места. Начальник погрузки в одиночестве провожает их угрюмым взглядом. Не нравится ему, как, проезжая мимо него, машинисты вздумали обдать его клубами пара. Случайно ли, или назло это они сделали – гадал он. «Вероятно, назло, – решил он, – иначе зачем они в окне ржут во все горло; и лица у них такие довольные».

«Ничего, – соображает он, – ты у меня, Степанов, еще побегаешь за мною, чтобы путевой конверт получить. Тогда я тебе и припомню твою физиономию, когда трубил здесь в гудок и паром метался».

Кабинет месткома пустеет. Все молча расходятся на свои рабочие места. Манаев идет в забой. Жизнь начинается с чистого листа.

V

И дедушка нашел в себе силы жить, трудиться. В Москве и по всем городам грянули салюты в честь Победы советского народа. Солдаты Красной Армии, заводчане, хлеборобы и, конечно, шахтеры победили фашистов! Выстояли! Выстрадали! Теперь наступает пора восстанавливать страну и, конечно, налаживать личную жизнь. Приметил Михаил молодую женщину – Екатерину Полянскую, что работала медсестрой на той же шахте. Светлорусая, добрая женщина с робким характером. Приехала она в Ленинск-Кузнецкий из Барнаула. Детство у нее несчастное. В двадцатые годы в село Белово, где жила ее семья, заехали красноармейцы. Начались репрессии. Отец Екатерины – Илларион Полянский – участник Русско-японской и Первой Мировой войн, уважаемый селянами казак на тот момент работал старостой при сельской церкви. Красноармейцы изъяли церковное имущество, закрыли храм. Иллариона, его супругу и детей вывели на пустырь и закололи штыками. Зарыли на том же месте неглубоко, так что земля через некоторое время обнажала их растерзанные тела. Спаслись только братья Захар с Петей и малютка Катя: их успели забросить на чердак. И там, через чердачное оконце она видела все, что произошло с ее семьей. Ужас от увиденного преступления и непонимание, почему так все произошло, навсегда поселились в ее сердце. Вот почему она всю свою жизнь чего-то страшилась, боялась говорить о родных, о Боге. Екатерина сохранила фотокарточку своего папы – Иллариона, на которой чуть позже, по ее просьбе, «страха ради смертного», фотограф-реставратор старательно затер на фуражке и кителе царские символы и ордена. Ребят воспитала и подняла на ноги тетушка. Они все получили хорошее образование. В Барнауле Екатерина вышла замуж за красавца-летчика Ивана Сысоева и родила сына – Валю. Когда началась война, ее муж тут же был направлен в военную авиацию, бомбил врагов. В воздушном бою сбит и погиб как герой. Екатерина долго оплакивала его смерть. Она все надеялась, что он выживет, все ждала во время войны и после. Суровая действительность не оправдала ее надежд: мужа не вернуть. И теперь Екатерина, от самого замужества не подавшая повода ни одному мужчине, думала о своей доле: остаться ли вдовой

или писать свою личную жизнь с чистого листа. Приходил Михаил, вздыхал, когда видел ее бремения, слезы – уходил и все же надеялся. Он был удал, спокоен, общителен, уважаем товарищами и тоже, как и она, покалечен судьбою. От него чувствовалась надежность, порядочность. Здравый ум подсказывал ей: «Смотри и не зевай, ведь за ним можно жить как за каменной стеной, а главное, он любит». Она внешне напоминала ему Машу. С «малых ногтей» до мужественного возраста и до самой старости он не пьянствовал, не распускал руки, не позволял себе выразиться грубым, нецензурным словом. Как рано он начал курить, так скоро бросил. Он далеко стоял от мелочей, капризов и от неправд, что очень нравилось Екатерине. После войны вдов, желающих устроить свою личную жизнь, было много, но они имели меньше шансов перед молоденькими невестами, не обремененными детьми. Мужчин же мало. Им легче связать себя с молоденькими девушками. Михаил мог взять в жены одну из них, но на сердце запечатлелся образ Екатерины. Он продолжал к ней ходить и вздыхать. Он надеялся и добился-таки ее согласия. Она вышла за него замуж. Для Михаила Кузьмича наступило время личного благоденствия, когда бежишь на работу, общаешься с товарищами, а на сердце сладость от ощущения, что у тебя есть семья и тебя дома ждут, что ты кому-то нужен. Теперь и Екатерино сердце ему в ответ отозвалось любовью к Михаилу. Он же новую супругу и малого Валентина окружил заботой и достатком. В 48-ом году в семье Манаевых родился мальчик. Его назвали Николаем. Сохранились семейные фотокарточки от 53-ого года, где Манаевы вместе одной семьей (но без Вали), и в окружении семьи Петра Илларионовича Полянского. Работал Манаев по-прежнему на шахте имени Емельяна Ярославского запальщиком, как уже было сказано, затем проходчиком, в 48-ом году – горным мастером. В 54 году переводится в шахту Полысаевскую – «Вторую» (т.е. «Октябрьская»). Там же в Полысаево и поселился в небольшом домике. Трудился на шахте вплоть до 1977 года, когда его сын Николай уже женился на Татьяне Дмитриевне Донченко. Михаил Кузьмич и Екатерина Илларионовна всегда жили с ними. Дедушка никогда не унывал и жизнеутверждающе мыслил. Сидя на скамеечке, он ненавязчиво убеждал соседей и молодых простыми словами: «Надо жить и терпеть, трудиться и радоваться, иначе нельзя». Даже тогда, когда почил бабушка Катя, он не опустил руки, не сломался, но посвятил себя воспитанию внуков. Особым вниманием и теплой заботой он окружил Любу, свою старшую внучку. По вечерам, укладывая спать внучку, он усаживался рядом и читал или рассказывал по памяти ей сказки, будто

он сам из сказочной страны. Днем, когда уже жили в благоустроенной квартире, играл с нею в прятки, водил на прогулку. Любе трудно было представить свое детство без дедушки. Он часто ей рассказывал истории встреч с интересными людьми, о том, как тяжело ему жилось, как он болел, умирал и выжил. Она смотрела на него и думала: «Мой милый и дорогой дедушка». Потом родились еще внуки Коля и Настенька. Настя почти не помнит дедушку. Когда ей было пять лет, он уже не мог ходить. Она просила поиграть с ним в прятки. Он, закрывая глаза, говорил: «Хорошо, беги, Настенька, прячься». Она пряталась за комод в спальне, а он сидел на месте, топал ногами по полу, имитируя шаги, говорил: «Прошел по залу, заглянул за шкаф, но там нет Настеньки. Прошел по кухне, заглянул под стол, но и там нет. Пойду-ка я в спальню посмотреть!» Настя, затаившаяся в своем углу, смеется, стараясь не выявить себя. Ей кажется, что он проходит мимо.

VI

Все когда-то кончается. Каждому положено в срок покинуть этот мир. Дедушка слег, врачи были бессильны. Николай зашел в молитвенный дом. На тот момент храм в Полысаево еще не был достроен. Душа, предчувствуя утрату, просила помощи у Высших сил. Ноги сами привели его сюда. Помолился, посидел, вышел на крыльцо и тут услышал, как кто-то его окрикнул:

– Николай Михалыч! Вас не узнать, вы бледны! Что-то случилось?

Николай увидел священника Александра. Священник одет не в церковное платье, а в рабочую робу. Он много трудился на церковной территории, ведь завершалось строительство церкви. По роду своей профкомовской деятельности Николай был знаком с отцом Александром.

– Отец мой умирает, – вздохнул Николай.

– О! Его надо срочно напутствовать таинствами, – настоятельно сказал священник.

– Я предлагал ему, батюшка, – еще раз вздохнул Николай. – А он мне: «Ты что вздумал?! Никаких попов мне не нужно!».

– Тогда сейчас же едем к нему! – потребовал отец Александр. – Садимся на мой мотоцикл и едем!

Николай хотел возразить, сказать, что все бесполезно, но, видя, как священник решительно зашагал к мотоциклу, последовал за ним. Доселе он не встречал в отце Александре такой прыти. Как правило, батюшка выглядел степенным; ходил медленно, как будто носил себя как святыню. И вдруг такая решительность.

Дедушка Миша не хотел верить своим глазам: перед ним действительно стоял священник. Он уди-

вился от того, что священник в рабочей робе. На робе еще видны свежие следы строительных материалов. Он, к изумлению Николая, не сетовал, не роптал, не протестовал, но спокойно, даже с некоторым радушием пригласил священника присесть на стул.

– А почему вы не одеты в рясу? – спросил он.

– Так приходится работать не только кадилом, но и лопатой, и строительным мастерком, – ответил священник, радуясь, что завязывается разговор и его не прогонят.

– Я не думал, что вашего брата можно назвать трудягой, – озадачено отозвался дедушка.

– Я пришел вам рассказать о Боге, о церкви, о таинствах, – предложил священник.

Николай, убедившись, что разговор продолжится, и дед не протестует, решил не мешать им, вышел, прикрыв за собою дверь. Два часа священник проговорил с отцом, вышел и с облегчением вздохнул:

– У-у-ух! Слава Богу! Дедушка согласился исповедаться и причаститься. Я помчусь в храм, переоблачусь и возьму святые дары. Через час обернусь.

– Батюшка, а чай пить? – предложила Татьяна.

Отец Александр уже бежал по ступенькам вниз. Он махнул рукой и, не оборачиваясь, крикнул:

– Не заслужил еще... через час. Ждите!

Николай зашел к отцу и еще с большим удивлением заметил, что тот плачет и улыбается.

– Хороший у нас батюшка, – сказал дедушка.

Николая удивляло все в отце: взор, улыбка, слезы и эти слова – «наш батюшка». Как он может стать для него «своим», когда тот его увидел впервые?

– «Наш батюшка?» – в растерянности спросил Николай.

– Я видел его руки... Они в мозолях. Спасибо, что пригласил его.

Дедушка с нетерпением ждал священника. Отец Александр его исповедал и причастил. Дедушка тепло попрощался с ним. Весь день он проплакал, но не от отчаяния, а от умиления.

VII

Молиться он не умел, да и поздно, считал. Просто, не отрывая глаз, смотрел на образок, оставленный священником. Что-то теплилось в его душе. Ему вспомнилась белая церковь, куда водила его малышом мама, потом мачеха. Дедушка даже вспомнил, как церковный праздник назвала мама – «Медовым Спасом». В храме пахло воском и, потрескивая, горели свечи. В полумраке они освещали лики святых. И эти лики строго смотрели на Мишутку. Мама беседует со священником. Потом (дивное дело!) целует ему руку и подводит Мишутку. Священник старенький, с большою окладистой боро-

дой. Он полагает руку Мишке на голову и что-то читает в маленькой книжке. Мишка рассматривает пуговицы и узоры на его ризе, бороду. Мама стоит и с умилением смотрит на него, а он из-под руки священника на нее. Потом с мамой он подошел к мальчику, что неподвижно стоял в длиннополой красивой одежде с подносом в руках. У мальчика лицо светлое, глаза большие. На подносе круглые, красивые хлебцы. На них запечатлены святые с бородами, как тот священник, крестики и, как показалось Мишутке, бабочки.

– Какую просвиру ты, Мишутка, выберешь? – спрашивает мать.

– С бабочкой.

– Бери! Глупыш, какая же это бабочка! – смеется она. – Это такой ангелочек. Вот как звать его – не помню... Ты знаешь, Тимоша?

И мальчик в длиннополом одеянии как будто оживает и говорит:

– Я еще многого не знаю. Али его звать «серафимом», али «херувимом»... не помню.

На прощанье Мишка спрашивает Тимошку:

– А тебе не трудно ходить в такой вот... как ее... ну, в этой рубашке, не запинаешься?

Мальчик не ответил. Мишка ест хлебец, и кажется ему, что ничего дотоле не ел слаще, и нет на земле счастливее человека, чем он. На улице люди угощали друг друга освященным медом. Все так же счастливы, радуются, смеются, и колокольный звон льется над церковью, домами, речкой и лугами. Солнце светит ярко-ярко!

* * *

Дедушки не стало 14 августа 1992 года в день «Медового Спаса». На этом мое повествование о дедушке завершено. Осталось только назвать заслуги дедушки. От 2 ноября 1946 года указом Президиума Верховного Совета СССР он награжден медалью «За добросовестный труд в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.»; в 1948 году медалью «Трудового отличия»; в 1955 году от Министерства Угольной промышленности СССР удостоен Почетной грамотой.

Сын его трудился на шахте и теперь на пенсии. Внук Николай до отъезда в Германию тоже работал на шахте. Настя вышла замуж за шахтера. Люба стала моей супругой. О себе же скажу, что первое мое образование шахтерское. Сам я прихожусь внуком того машиниста по имени Алексей Степанов. Как моего дедушку, так и Михаила Кузьмича в живых не застал. На этом с вами и расстаюсь. Будем жить!

Р. С. Как хорошо, что в России появилась традиция: выходить на главную площадь в День Победы с портретами отцов, сражавшимися на фронте или потрудившимися в тылу. Эта традиция получила название «Бессмертный полк». Вот и мы нашли фотокарточки Михаила и машиниста Степанова, и сделали из них наш семейный транспарант, и теперь выходим на демонстрацию. Это наши святыни! И мы ими дорожим. Мы смотрим на них, а они взирают на нас.

Дорогая Нина Петровна, разрешите Вас поздравить с наступающим юбилеем и пожелать ещё многие годы радовать подрастающее поколение своими книгами.

**Нина
ГЛУШКОВА**

МАГНИТНЫЕ ЛУЖИ

* * *

*Только ранней весной, после стужи,
Вырастают магнитные лужи.*

*И чем больше в тех лужах водицы,
Тем труднее от них уклониться.*

*Так и тянут они ребятишек,
Самых смелых девчонок, мальчишек.*

*Так и манят измерить до края,
Так и дразнят, на солнце сверкая.*

АКРОБАТ

*Замечали вы ворону
Наверху большой сосны.
Ветерок качает крону,
А вороне – хоть бы хны!*

*Ловко делает наклоны
Вправо, влево, да притом,
Не касаясь колкой кроны,
Балансирует крылом!*

*Видно хочется вороне
Акробатом ловким стать:
Трюк отточит всесторонне –
Будет в цирке выступать!*

ТОЧНАЯ КОПИЯ

*Вновь соседка убеждает маму,
По плечу её нежно хлопая,
Мама верит ей мало-помалу,
Что я – её **точная копия!**
И глаза, и лицо, и руки...
И, не выдержав этой муки,
Возмущаясь я, громко топая,
«Неужели я – **ксерокопия?!**»*

ОГОРЧЕНИЕ

*Снова солнце целый день,
Как ему светить ни лень?!*

*Солнце завтра и вчера,
Уж дождю пойти пора!*

*Вот бы дождик ливанул,
Я бы зонтик развернул!*

*Зонтик новый, расписной
По краям узор резной!*

*Как мне дождик приманить,
Чтобы зонтик обновить?!*

ДОМ ДЛЯ ЩЕНКА

*Строим домик для щенка
Из большой коробки:
Наш щеночек мал пока,
Тихий он и робкий.*

*Смастерим в стене окно,
Дверью служит арка,
Будет в домике светло
И совсем не жарко.*

*Мы бы сделали балкон,
Пленкой «застеклили»,
Но щенку не нужен он –
Дружно мы решили.*

*Получился классный дом,
Но пока что – под столом!..*

ТОПОЛЁК

*На асфальтовой дорожке,
Где ступают сотни ног,
Поднатужившись немножко,
Вырос тонкий тополёк.*

*Он дорожку вековую
Расколол, как скорлупу,
Приподнял её вручную
И протиснулся к теплу.*

*Греет солнышко листочки,
Витя громко ставит точку:
– Ох, и сильный тополишка!
Он, наверно, ел «Растишку!»*

КИНО

*– С папой ты смотрел кино,
Чем закончилось оно?*

*И, причмокнув губками,
Сын ответил:
– Бук-ва-ми!*

АВТОБИОГРАФИЯ БУРАВЛЁВА ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВИЧА

Родился 21 сентября 1921 года в селе Гридино Спас-Деменского района, Калужской области. В семье служащих, строителей-железнодорожников.

Отец – Сергей Георгиевич – строитель-мостостроитель и прорабом на строительстве железных дорог. В 1934 году он умер от воспаления легких.

Мать – Антонина Александровна – работала на строительстве железных дорог секретарем-машинисткой. В настоящее время – пенсионерка, живёт вместе со мной.

В 1938 году на ст. Промышленная Кемеровской области, окончил 9 классов средней школы № 56 и ушёл добровольцем в армию. Ленинск-Кузнецкий райвоенкомат направил меня в Иркутское Военное авиационно-техническое училище, которое я окончил в 1940 году. В училище в сентябре 1938 года я был принят в ряды ВЛКСМ.

С 1940 года по август 1944 был офицером Военно-Воздушных Сил (последняя должность – инженер авиационного полка, звание – ст. техник-лейтенант), а с 1944 по ноябрь 1945 года – сержант инженерных войск Советской Армии (последняя должность – адъютант командира бригады, звание – старшина).

За время Великой Отечественной войны был трижды ранен, трижды (в 1941, 1943 и 1944 гг.) осужден Военным трибуналом к различным срокам отбывания наказания в штрафных батальонах, разжалован в рядовые и исключен из Комсомола. В декабре 1941 г. – за попытку самовольного возвращения в свой полк из запасной бригады, куда я был командирован для получения новых машин; в августе 1943 года – за получение денег по почтовому переводу, принадлежавшему моему однокурснику по Академии ВВС им. Шуковского; и в июле 1944 года – за самовольные полёты на транспортном самолёте.

Наказания в штрафных батальонах отбыл досрочно (в 1941 г. командовал ротой при наступлении 31-ой Стрелковой дивизии на г. Калугу; в 1943 г. – за три дня вместо месяца – на смоленском направлении с группой штрафников доставал «языка», немецкого пулемётчика; и в 1944 г. – за 13 дней вместо двух месяцев, – во время прорыва немецкой пограничной обороны на Верхнебловском (? в тексте неразбочиво) направлении. За отличие в боях все судимости были сняты. В 1945 году награждён тремя правительственными наградами. Был участником Парада Победы в Москве.

Демобилизовался из армии в конце ноября 1945 г. С января 1946 года работал старшим техником Игарского аэропорта, а затем бортмехаником Игарской авиагруппы Полярной авиации Севморпути. В апреле 1947 за незаконное хранение привезенного с фронта трофейного пистолета и поддельную справку на право его ношения был осужден народным судом г. Красноярск к 5 годам лише-

ния свободы и трём годам поражения прав. Наказание отбывал в Красноярской тюрьме № 1 – воспитателем несовершеннолетних, а с июля 1948 года – на строительстве № 503 Главного управления железнодорожного строительства МВД – топографом и прорабом.

1 мая 1950 года за успехи в работе был освобожден от дальнейшего отбывания наказания, а впоследствии, указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года, и эта судимость была с меня снята.

С мая 1950 года работал на Строительстве № 503 ГУЖДС МВД в должности инженера, а затем начальника отдела технической инспекции Туруханского строительного отделения.

В сентябре 1952 года в связи с реорганизацией 503-го и 501-го Строительств МВД, я уволился и вместе с женой – Валентной Ульяновной Савицкой, – в брак с которой я вступил там же, переехал в Кузбасс, в г. Сталинск, где проживала моя мать. До июля 1953 года отдыхал и занимался литературным трудом.

С июля 1953 года работал инспектором группы заказчика МТС на строительстве ж. д. Сталинск – Абакан на ст. Междуреченск. С сентября 1955 г. – ответ. секретарем газеты «Строитель транспорта» управления дороги Сталинск – Абакан «Сталинскстройпуть», а в октябре 1956 года был переведен на должность главного инженера Комбината производственных предприятий этого же управления.

В конце мая 1958 года уволился со строительства и занимаюсь литературным трудом. В декабре 1957 года парторганизация Комбината производственных предприятий «Сталинскстройпути» приняла меня кандидатом в члены КПСС.

Литературным трудом начал заниматься с сентября 1951 года, сотрудничая в газете «Строители» на Строительстве № 503 МВД. С 1952 года состоял членом Красноярского краевого литературного объединения при отделении Союза советских писателей. С 1953 года член литературного объединения Кузбасса. Первые произведения были опубликованы в 1953 году в альманахе «Енисей», журнале «Сибирские огни» и в областных газетах Кузбасса. В 1956 году в Кемеровском областном издательстве вышел первый сборник стихов «Кладовик» – о людях Заполярья, Сибири, о строителях железных дорог и геологах.

В 1956 году был участником III Всесоюзного совещания молодых писателей. С 1957 года являлся членом бюро областного литературного объединения Кузбасса. С 1955 года учусь на заочном отделении Литературного института им. Горького при Союзе писателей СССР. В настоящее время работаю над книгой стихов по договору с кемеровским издательством, посвященной строителям дороги Сталинск – Абакан и строителям и горнякам города Междуреченска.

Е. С. БУРАВЛЁВ

г. Междуреченск, Кемеровская обл.
30 декабря 1958 г.

Виктор ЧУРИЛОВ

БАЛЛАДА О ПОЭТЕ

С 1940 года по август 1944 года был офицером Военно-Воздушных Сил (последняя должность — инженер авиационка, звание — старший лейтенант), а с 1944 по ноябрь 1945 года — старшим инженером войск Советской Армии (последняя должность — адъютант командира бригады, звание — старшина).

Мы безмерно любим
жизнь
и страну...

Евгений БУРАВЛЁВ

ПРОЛОГ

В штабе

срочный приказ:

завтра утром — атака на крепость!

«Что ж, ударим ещё! Будь, что будет... —
подумал комбат. —

Эта чёртова крепость — фашистов
свирепость,

неприступный сплошной каземат...

Каземату — ни танки, ни пулемёты,

даже бомбы — ему не указ.

Вся надежда на бога да на огнёмёты.

Огнёмётчики — смертники.

Но приказ есть приказ!»

И одним из бойцов огнёмётного взвода
был Поэт.

Духом рыцарства не обделён,

защитил санинструктора от уroda.

...Трибунал. И штрафной батальон.

Был он лётчик.

Теперь огнёмётчик.

Вот и Завтра.

Лишь грозно «катюши» пропели

и утих дальнотойной

раскатистый гром,

шли на подвиг бойцы,
шли на штурм цитадели,
на огонь отвечавшей огнём.

Крепость пала.

И враг

белый

выбросил

флаг!

Сам комбат

заглянул в медсанбат

после этой атаки.

И Поэту сказал:

— Напиши обязательно Стих!

Только честно пиши,

обо всех напиши

без утайки! —

и о мёртвых,

и о живых...

1. ВСТРЕЧА

Он стоял на Проспекте. Один.

(И была уже поздняя осень).

Был усталым, как пахарь.

Оброс бородой.

150 (А ведь прежде он был безбородым!).

Не держал сигареты в руке,

как на тех,

как на книжно-журнальных портретах извест-
ных...

Был, как прежде, Большой,

даже очень Большой

и с осанкою благородной.

Я к нему подошёл.

Он на миг показался мне братом.

Старшим братом, которого не было у меня.

Я к нему подошёл...

Так,

как прежде к нему подходил,

за советом.

Он внимательно выслушал.

Обещал непременно помочь...

Разве знал я,

что это — прощальная встреча с Поэтом?

Разве думал:

быть может, не мне,

а ему

срочно надобно было помочь?

Он стоял,
как солдат на посту,
как тогда,
 перед взятием Кенигсберга.
Враг был рядом.
И он был готов побороться с врагом.
А сейчас,
в мирный день,
в ясный день
 проходила поверка:
«Так же зорок дозор
 на запасном пути,
где стоит бронепоезд
 с сигнальным гудком?»
И хранят ли единство,
 как прежде,
однополчане?
Продолжают ли дело отцовское
их сыновья?

И готовы ли встать на защиту его
кузнечане,
и не только они –
вся советская наша семья?

Он страну защитил.
Он в Завтра дорогу построил.
И воспел тех, кто рядом, –
трудом,
день за днём
прославляли Кузбасс.
И, казалось, на Пост
вместе с ним
заступают герои
тех стихов и поэм,
что он спел вдохновенно для нас.
И паромщик – «российской земли рядовой»,
кузнецкстроевец Кусургашев,
и взрывник Никодим
с крановщицей Настасьей,
и Костя-шофёр...
Все они рождены Атлантидой советской,
незыблемой нашей,
сотворившие Щит и Меч,
что, как бритва, острёр!

Он страну защитил...
Он верил в то светлое Завтра,
что, как солнце, взойдёт
в ореоле счастливых лучей,
и родная земля
с майским громом победного залпа
расцветёт ещё краше –
без лжи лихоемцев
и властителей-палачей!

Только враг был умён
и коварен,
и беспощаден.
Он не с фронта, а с тыла пробрался
в советский наш Дом.
И однажды
сигнальный гудок бронепоезда
был украден.
Ну, а дальше...
Рассказывать дальше –
что было потом?!

3. СОНАТА

...Вот опять говорят:
«Был бы, как Одиссей,
к корабельной он мачте привязан,

да не слушал Сирену,
да меньше людей,
тех, которым вином он обязан,
всё пошло бы на лад!
Может, бросил курить
и лечился бы в нужные сроки.
Может...
смог бы и до «перестройки» дожить,
вставить «лыко» в строку «перестройки».

Да ведь он же Поэт!
А Поэту дано
только Музе служить неизменно.
Ну, а Музе... А Музе порой суждено
обрести сладкий голос Сирены.
Сладкий голос Сирены
запел о любви –
«беспощадной и жаркой любви».
...Оглянулся вокруг –
только Он и Она!
И – неведомая страна...
Только Он и Она
над пучиной без дна...
А в ушах –
сладкий голос Сирены!

152

Но опять говорят:
«Не дошло б до беды,
будь он накрепко к мачте привязан...»
Да ведь он же Поэт! –
вечный раб Красоты,
поклоняться которой обязан.

Он увидел Её! И на миг обомлел...
Обомлел и забыл всё на свете.
И запел о любви
Так, как прежде не пел:
откровенно, наивно, как дети...

Он не помнил,
как это произошло:
словно выпил хмельного вина.
Закачался корабль.
И его понесло.
Только море. Пучина без дна...
Только Он и Она.
Только Он и Она!
И – неведомая страна...
А в ушах – «Вальс цветов»!
А в ушах – зов любви! –
«беспощадной и жаркой любви»...

Может, всё это
 только приснилось ему –
 Одиссея... И голос Сирены?
 И, что мир раскололся на свет и на тьму,
 И явил Афродиту из пены...

Да ведь он же – Поэт!
 А Поэту дано
 видеть то лишь,
 что Муза велела,
 слышать то лишь,
 что Муза хотела.

А она посмеялась...
 Ведь ей всё равно:
 и – что сердце Поэта болело,
 и – что боль переходит в отчаянный крик...
 Ей ли слышать глухое: «Не надо!..»
 Из «туза» превратилась она в «даму пик»,
 ту, коварную, «даму пик»,
 а потом прогремела сонатой,
 злою Крейцеровой сонатой,
 разорвавшейся гранатой...

ЭПИЛОГ

Мне балладу хотелось бы завершить
 на мажорной возвышенной ноте.
 Да смогу ли я Память свою сокрушить,
 что, как рана, и ноет, и ноет?

Как же вышло –
 страна,
 что в боях рождена,
 Щит и Меч, задремав,
 уронила?

И, как волки, враги
 обнажили клыки,
 и жульё-вороньё закружило...
 Чёрной тучей накрыло Поэта страну,
 где он пел вдохновенно, встречая весну,
 об Отчизне, что не было краше...

Я не знаю, что смог бы Поэт нам сказать,
 доживи он до нашего века.
 Но придворным певцом вряд ли смог бы он стать
 и унижить в себе Человека.
 И не смог бы, как прежде,
 он в песне солгать.
 И не смог бы предать
 свою Родину-мать.
 Никогда, никогда бы не стал подлецом...
 Он всегда был Бойцом!
 И остался Бойцом!
 Был бы тем, кем он был.
 И любил, как любил.
 И врага не щадил.
 И себя не щадил.
 И не жил без труда
 никогда, никогда...

153

г. Юрга

Виктор СЕНК

ОТ ШАХТЫ – К ГОРОДУ!

Об авторе очерка:

Трудовая деятельность Виктора Константиновича Сенка началась и завершилась в Кемеровской области (1953–1998 гг.). По специальности он – горный инженер-маркшейдер. Из 45 лет трудового стажа более 30 лет приходится на строительство угольных предприятий (шахт, разрезов, обогатительных фабрик).

В. К. Сенк работал в городах: Междуреченск, Березовский, Анжеро-Судженск, Кемерово. В числе шахт и разрезов, в строительстве которых он принимал непосредственное участие – шахта «Березовская», о возведении которой повествует автор.

Я стал специалистом – маркшейдером с шахтостроительным уклоном, шахта определила дальнейшую направленность моей деятельности. Вот три знаменательные даты из трудовой биографии города Березовский, где я жил и работал 11 лет. В августе 1949 г. было образовано Березовское шахтостроительное управление (далее БШСУ) треста «Кемеровошахтострой» для целевого строительства шахты «Березовская». 4 ноября 1958 года коллектив БШСУ сдал в эксплуатацию эту шахту – первую в Березово-Бирюлинском месторождения коксующихся углей.

Более 50 лет назад родилась шахта, на которой установлены кузбасские, всесоюзные и мировой рекорды добычи угля и прохождения горных выработок. Родилась шахта, взрастившая плеяду знатных шахтеров, отмеченных высокими правительственными и областными наградами и заслуживших уважение не только своих товарищей по труду и жителей города Березовский, но и всей Кемеровской области.

Через 7 лет после сдачи шахты, 11 января 1965 года, рабочий поселок Березовский приобрел статус города. В области появился девятнадцатый по счету город – шахтерский!

Эти два события (рождение шахты, а впоследствии и города) разделяют семь с небольшим лет, но фактически они неразрывно связаны друг с дру-

гом, так как шахта и поселок Березовский строились одновременно, одним коллективом строителей и приняты в эксплуатацию как единый комплекс. В те далекие времена горнодобывающие предприятия строили обязательно с необходимым количеством жилья для шахтеров и объектами соцкультбыта. Без шахты не было бы этого поселка. Без рабочего поселка Березовский не было бы и города. История области убедительно показывает, что большинство шахтерских городов в Кузбассе росли по принципу: «шахта – поселок – город». Символично и то, что названия шахты, поселка, а впоследствии и города также подчеркивают отмеченную взаимосвязь.

ШАХТА – НОВОСТРОЙКА «БЕРЕЗОВСКАЯ»

В ноябре 1955 г. комбинат «Кузбассшахтострой» назначил меня главным маркшейдером БШСУ треста «Кемеровошахтострой», которое строило подрядным способом шахту «Березовская» треста «Кемеровоуголь». Строящаяся шахта располагалась в незастроенной части поселка Кургановка бывшего Барзасского района, а точнее – в глухой Барзасской тайге.

31 ноября 1955 г., 24 лет от роду, я, молодой специалист, приступил к работе в должности главного маркшейдера. Сейчас, мысленно прокручивая период своей работы в Березовском ШСУ (1955–60 гг.), поражаюсь своей смелости согласиться на столь ответственное назначение. Ведь в вертикальных стволах я только спускался и поднимался в клетях на производственных практиках, стволы не проходил и не армировал, копры с укосными ногами, шкивы и подъемные машины не устанавливал, серьезных сбоев выработок не имел. Одним словом, нужного опыта для такой должности у меня не было. Тогда я не задавался вопросом: почему меня, молодого специалиста, назначили исполнять столь ответственную должность? Наверное, других кандидатур просто не было. В те годы маркшейдеры неохотно шли работать в шахтное строительство из-за более низких окладов, чем на шахтах из-за недостаточного числа маркшейдеров на выполняемые объемы работ и бытовой неустроенности в районах нового строительства. Однако я был уверен, что справлюсь с порученной работой, потому что умел работать с книгой, мог и занимался служебными делами дома, не стыдился обращаться за советом к более опытным товарищам. Наконец, у меня были помощники, мои коллеги в маркшейдерском отделе, консультанты в тресте и комбинате. Я с уважением вспоминаю начальников отделов треста «Кемеровошахтострой»: технического – Игоря Александровича Решетникова, производственного – Василия Семеновича Якина, главного механика Николая Емельяновича Муранова, а также главных маркшейдеров треста и комбината «Куз-

бассшахтострой» Георгия Ивановича Каргополова и Валентина Васильевича Шрамко.

На строительстве шахты было много таких же молодых специалистов, как я. Мы одновременно учились, набирали опыт и работали. В итоге подарили области и стране первоклассную шахту мощностью 1 млн. тонн коксующегося угля в год. Шахта «Березовская», осуществив реконструкцию (1975–1993 гг.), и ныне успешно действует.

ОСВОЕНИЕ БЕРЕЗОВО-БИРЮЛИНСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ КОКСУЮЩИХСЯ УГЛЕЙ

Шахта «Березовская» является первенцем Березово-Бирюлинского месторождения ценных коксующихся углей. Освоение этого месторождения планировалось начать еще в 30-е годы прошлого столетия. Но затянувшиеся проведение геологоразведочных работ и строительство железной дороги Кемерово-Барзас, без которых невозможно начинать освоение нового угольного месторождения, отодвинули первоначально намеченные сроки. Осуществить инженерную подготовку района строительства помешала Великая Отечественная война. После войны, в связи с начавшимся бурным восстановлением народного хозяйства страны, потребовалось много металла, проката, рельсов, металлоконструкций и прочих изделий. Чтобы металлургическая промышленность смогла обеспечить эти потребности, нужен был кокс. Поскольку Донбасс находился в руинах, Кузнецкому угольному бассейну отводилась первостепенная роль в наращивании добычи коксующихся и энергетических углей, для чего нужно было срочно приступить к освоению двух ранее намеченных перспективных месторождений области.

Сразу после войны, 26 августа 1945 г., приказом наркома угольной промышленности В. В. Вахрушева в г. Кемерово был образован шахтостроительный трест «Кемеровошахтострой».

В помощь Кемеровской ГРП, находящейся в г. Кемерово, для поисков и разведки угленосных площадей в северной части Кузбасса с коксующимися и энергетическими углями в 1947 г. была создана Глушинская ГРП с размещением в поселке Арсентьевка Барзасского района. А на имеющихся геологоразведочных данных Кемеровской ГРП уже проектировалась шахта «Березовская».

В августе 1949 г. было образовано Березовское шахтостроительное управление с дислокацией в поселке Кургановка. Как видим, создание предприятий для освоения Березово-Бирюлинского месторождения коксующихся углей производилось оперативно. Начинали работы в плохо освоенном таежном районе, со слабо развитой промышленностью и инфраструктурой. Основное развитие в районе получили: лесное хозяйство (заготовка и сплав леса по рекам в районный

центр, поселок Барзас, где из леса изготавливались, в основном, пиломатериал и тарная доска), сельское хозяйство и легкая промышленность. Бездорожье на большей части района, отсутствие в районе новостройки электроэнергетики, карьеров местных строительных материалов, объектов строительной базы – такова была ситуация.

На первых порах строителям приходилось завозить все со стороны – кирпич, цемент, песчано-гравийную смесь, пиломатериал, продукты питания и многое другое. И все это – по железной дороге с последующей перегрузкой на автотранспорт и тракторы.

Но, чтобы стране выжить после войны, восстанавливать народное хозяйство, нужен уголь.

Надежная круглогодичная автодорожная связь с областным центром в 1955 г. все еще отсутствовала, не было даже автобусного сообщения в пределах поселка Кургановка, в том числе и с шахтой «Южная».

Прежде чем приступить к освоению Березово-Бирюлинского месторождения угля на территории железнодорожной станции Забойщик был организован временный пункт для размещения первых рабочих, строительного мастера и специалиста по приему грузов БШСУ. Пункт был оборудован в пустующем складе и состоял из помещений для сторожа, мастера (Дмитрий Семенович Протченко), снабженца и жилья для рабочих и грузчиков. Чуть позже здесь появился металлический гараж на две грузовые машины. Сразу за гаражом простиралась Барзасская тайга.

Наступление на тайгу началось в конце августа 1949 г. от станции Забойщик из трех расположенных друг за другом таежных площадок восточного склона реки. Первая площадка располагалась восточнее станции примерно в полутора километрах. На ней был запроектирован временный жилой поселок шахты. На этой площадке работы проводил второй строительный участок. От него до жилого поселка действующей шахты «Южная» было около двух километров бездорожья.

Старожилы стройки и жители пос. Федоровка рассказывали о курьезном случае, происшедшем на стройке со сборными финскими домами, предназначенными для сборки на втором участке (ныне они еще сохранились и расположены вблизи Кургановского лесничества). Их ошибочно завезли на полустанок железной дороги Кемерово – Барзас у поселка Федоровка, расположенный примерно в 10 километрах севернее второго участка. Убедившись в ошибке, сборные каркасы привезли обратно на станцию Забойщик, оставив в Федоровке два одноквартирных дома. Эти два дома были собраны вблизи полустанка, в одном из них был устроен магазин, другой стал жилым.

Под промплощадку шахты была отведена площадка примерно в полутора километрах от участка №2 в северном направлении (в сторону Анжерки) и в трех километрах от железнодорожной станции «Забойщик». К промплощадке не было даже проселочной дороги. Кругом царила тайга. Здесь начал аналогичные работы, что и на участке № 2, строительный участок № 4.

Площадка под постоянный жилой поселок располагалась в северо-западном направлении на расстоянии двух километров от промплощадки шахты. Строил постоянный поселок участок № 1, от которого до станции было порядка пяти километров.

Площадки под строительство временного поселка, промплощадки и постоянного поселка были выбраны удачно – достаточно ровные и на возвышенных местах, с наличием естественных водостоков. Однако таежные грунты были обводнены, что затрудняло устройство фундаментов под жилые дома и промышленные сооружения.

Шахтостроителей и избытка шахтеров среди местного населения не было, поэтому руководство Березовского ШСУ вынуждено было укомплектовывать стройку рабочими и ИТР в основном за счет притока кадров извне, в том числе и выпускников профтехучилищ.

Собрали сборные одноэтажные жилые дома (бараки) и одно- и двухквартирные финские дома (за пределами горного отвода шахты). В бараках разместили временную контору управления, общежития и объекты соцкультбыта (2 магазина, столовую, парикмахерскую и пр.). Построили кирпичную баню и водокачку.

К лету 1955 г. строительные работы на втором участке были полностью закончены.

На промплощадке после окончания работ по подготовке территории к строительству приступили к сооружению подстанции 35/6 кв и ЛЭП 35 кв от существующей Крохалевской подстанции 110 кв. Без подстанции 35/6 кв невозможно было начинать проходку вертикальных стволов.

Все основные сооружения на промплощадке возводила бригада каменщиков Егора Афанасьевича Тарасова. Он прибыл на стройку после демобилизации, вначале работал каменщиком, затем стал бригадиром, а после окончания курсов стал мастером, передав бригаду опытному каменщику Ивану Васильевичу Хрыкину. Е. А. Тарасов награжден в 1957 г. орденом Трудового Красного Знамени.

Бригадой плотников участка № 4 руководил 60-летний Иван Ефимович Игнатов, который овладел многими строительными специальностями за 30 лет работы на стройках. Другую бригаду плотников возглавлял Кирилл Афанасьевич Супруненко.

Одновременно с подземными работами шло строительство на поверхности. В конце 1956 г.

строительным участком № 4 (начальник Владимир Ильич Дукор, прораб Юрий Ведерников, строительный мастер А. Х. Хайруллин) было завершено строительство завода железобетонных изделий (ЗЖБИ) на промплощадке шахты.

Участок № 1 начал монтаж временного жилья (каркасно-щитовых сборных домов и бараков). Но многие из этих временных домов и бараков стоят до сих пор, подтверждая поговорку строителей: «Нет ничего постоянного, чем временное».

Разбивочные работы для строительства поселка, в особенности капитальных зданий, в основном производились маркшейдерской службой стройки.

Кемеровская ГРП приступила к бурению контрольных скважин для уточнения гидрогеологических условий прохождения шахтных стволов. Гидрогеологические условия оказались очень сложными ввиду ожидаемых притоков воды до 100 куб. м/час, что и подтвердилось. Такие притоки воды при проходке вертикальных стволов требовали применения специальных способов проходки (замораживания или цементации пород, водопонижения), что не было предусмотрено техническим проектом шахты.

В одно время с геологами горный цех начал подготовку к проходке устьев клетового и скипо-клетового стволов.

Проходка клетового ствола была начата только в 1952 г., окончена в октябре 1954 г. Ствол был закреплен монолитным бетоном толщиной 0,55 м. Пройден обычным способом, без подавления притоков воды, поэтому и проходилась почти два года. Проходка его велась преимущественно по обводненным песчаникам (60 %). Максимальный приток воды в ствол при проходке составлял 106 куб. м/ч. В 1954 г., вскоре после окончания проходки ствола, случилась непредвиденная крупная авария с водоотливом, в результате которой ствол оказался полностью затопленным, а у шахтостроителей появилась дополнительная проблема – откачивать воду.

Проходка скипо-клетового ствола (диаметр в свету 6 м) была начата в октябре 1952 г. и велась обычным способом, в тех же горно-геологических условиях и по той же технологии, что и клетовой ствол.

Спустя 6 лет после начала строительства на стройке новый начальник – Журавель Андрей Филиппович.

Он родился в феврале 1920 г. в семье крестьянина-середняка; вдали от Кузбасса, на Украине, но всю свою жизнь посвятил развитию нашей области.

Березовское ШСУ он возглавил в августе 1955 г., сразу после окончания высших инженерных курсов (далее ВИК) в Новосибирске.

Новый начальник (четвертый с начала строительства) был опытным специалистом-строителем, участником строительства КМК.

Первым делом он перебазировал контору строительного управления со второго участка поближе к производству – на промплощадку строящейся шахты, для более оперативного руководства строительными участками № 4 и № 1 и горным цехом. Под контору, как и прежде, отвели одноэтажный барак, но уже с паровым отоплением от временной котельной на промплощадке.

А. Ф. Журавель был хорошим организатором строительного производства, требовательным руководителем, порой жестким, но справедливым и отзывчивым. И с уважением относился к своим сотрудникам. Многих рядовых рабочих из 3-тысячного коллектива стройки он знал лично.

Автобусного сообщения между строительными площадками и конторой управления не было до 1957 г. Дорога к четвертому участку была единственной дорогой на шахту. При наличии места в машине, завидев знакомых людей, Андрей Филиппович останавливал машину и забирал их. Поскольку это случалось постоянно, а людей мы обгоняли, в основном, одних и тех же, то скоро водитель стал останавливать машину уже без приказа руководителя.

Вместе с А. Ф. Журавелем на стройку приехала его команда, однокурсники ВИК, инженеры-строители: супруги Мальцевы, А. Д. Кривчиков, Юрий Ведерников и Иван Неткачев. Всего 6 опытных специалистов, а это уже сила.

Я появился на строительстве шахты глубокой 157 осенью 1955 г., немногим позже команды Журавеля.

Мне пришлось сразу заниматься маркшейдерским обслуживанием работ, с которыми я еще не сталкивался, – армировкой клетового и проходкой скипо-клетового стволов. Эти сугубо маркшейдерские работы выполнял Федор Тарасович Рыжухин, техник – землеустроитель. Вот он и оказал мне первую помощь и консультацию. Этот человек заслуживает, чтобы рассказать, как он стал шахтостроителем. Он окончил в 1938 г. курсы землеустроителей в г. Томске, работал по специальности в Алтайском крае. Призван в армию в апреле 1941 г., демобилизован в сентябре 1946 г. В поселок Кургановка приехал в 1951 г., устроился в производственно-технический отдел управления. Затем, в связи с производственной необходимостью, его перевели маркшейдером на разбивочные работы по оснащению стволов к проходке и разбивке временных и постоянных зданий на промплощадке. С Федором Тарасовичем мне повезло. Он оказался мастером на все руки не только на производстве, но и в быту – рисовал картины, играл на баяне, охотник, рыбак, пчеловод. Жил в доме, построенном собственными руками. Одаренный от природы смекалкой, наблюдательностью и умением все схватывать на лету, он помог мне быстро акклиматизироваться на новом

месте и оказался хорошим помощником и в дальнейшем. Не имея специального горнотехнического образования, он с успехом заменял его творческим подходом. Например, там, где требовалось произвести аналитические расчеты, он применял графические построения в крупном масштабе. Вычисление координат съемочных точек он производил с помощью специальных таблиц. Был он трудолюбивым и жизнелюбом.

Бедя грянула на маркшейдерский отдел в январе 1956 г. – моих сотрудников уволили как внештатных специалистов. И остался я один в должности главного маркшейдера. Исправил возникшую сложную ситуацию главный инженер стройки Л. К. Григорьев – он оставил мне Ф. Т. Рыжукина, назначив его взрывником с исполнением обязанностей маркшейдера. Мы с Ф. Т. Рыжукиным вели работы в двух стволах и обслуживали горные работы с поверхности. Работать пришлось крайне напряженно – вдвоем за троих.

Так продолжалось до мая 1956 г., до выпуска приказа «Об улучшении состояния маркшейдерской службы в системе Министерства строительства предприятий угольной промышленности». В штатное расписание нашего управления были дополнительно к должности главного маркшейдера введены должности инженера-маркшейдера и инженера-геодезиста, т.е. появилась возможность образовать небольшой отдел. В маркшейдерский отдел были приняты чертежница и два постоянных горнорабочих на маркшейдерских работах, а позднее и инженер-маркшейдер Семен Шершневу. Из рабочих маркшейдерского отдела назову двух, самых толковых. Николай Коняшин интересовался маркшейдерскими инструментами и впоследствии самостоятельно выполнял простейшие работы: съемку выработок, нивелировку рельсовых путей, продолжал направление в горных выработках, временно исполняя обязанности маркшейдера. Впоследствии работал машинистом выемочного комбайна. Леонид Никулин – старейший из маркшейдерских рабочих. Он отличался трудолюбием и исполнительностью.

К одной из приоритетных задач управления (кроме скорейшего развития горных работ), намеченных А. Ф. Журавелем на ближайший год, относилось форсированное строительство объектов строительной базы. Они требовались для окончания строительства шахты «Березовская» и последующих шахт. В число этих объектов вошел строящийся на промплощадке шахты завод железобетонных изделий с растворобетонным узлом (пуск в 1956 г.).

Строительство приоритетных объектов собственной базы поддержали и утвердили в тресте «Кемеровошахтострой». Особый интерес в тресте вызвал завод железобетонных конструкций с же-

лезнодорожным тупиком, так как с его пуском значительно упрощалась сложная поставка управлению удлиненных сборных железобетонных конструкций. Управлению выделили необходимые средства на начало строительства собственной базы и завода ЖБК.

Вспоминается необычный случай, когда А. Ф. Журавель показал твердость характера даже по отношению к своему непосредственному начальнику – управляющему трестом А. И. Лосеву, причем в присутствии работников треста и стройки. Анатолий Иванович проводил в управлении совещание с главными специалистами и начальниками горных участков по поводу невыполнения стройкой указаний и заданий треста по ведению горных работ. Он начал «распекать» руководителей и ИТР горного цеха. Андрей Филиппович вмешался и вежливо, но твердо сказал: «Извините, Анатолий Иванович! Но перед трестом отвечаю я, поэтому в моем присутствии за упущения в работе прошу ругать меня. А я всем виновным воздам должное».

Главным маркшейдером треста работал Георгий Иванович Каргополов.

Мне вспоминается неприятный случай, происшедший однажды с нами при спуске в скипо-клетевой ствол, когда забой его приближался к сопряжению с горизонтом +100 м. В бадье кроме меня были Ф. Т. Рыжухин и Георгий Иванович. Машинистом подъема в ту смену работала Ольга Хрякова, известная своей лихостью на рабочем месте, т.е. способностью спускать и поднимать людей в бадье с максимальной скоростью. Не изменила своей привычке машинистка и на сей раз, спуская в забой нас. Примерно в 30 м от предохранительного полка произошло аварийное отключение электроэнергии бадейного подъема и сработали тормоза подъемной машины. Не хотелось бы мне еще раз пережить такой случай. Бадья по инерции пошла вниз – мы очень хорошо почувствовали, что канат вытягивается – потом вверх, бадья покачалась несколько раз и остановилась. Мы облегченно вздохнули и разом заговорили, наверное, каждому из нас требовалось снять стресс. Висим в бадье, разговариваем, ждем, когда подадут энергию на бадейный подъем. Пришлось нам спускаться на полку на тормозах подъемной машины, а подниматься на поверхность в бадье материального подъема, который обеспечивался независимой подачей электроэнергии. Выходим с нулевой площадки ствола, навстречу нам спешит взволнованный горный мастер Иван Павлович Чудов (не освобожденный секретарь комсомольской организации). Оказывается, при спуске нас на тормозах до подвесного полка еле хватило тормозной жидкости.

У меня остались о Георгии Ивановиче Каргополове самые теплые воспоминания, как о моем учителе, чутком человеке и прекрасном специалисте.

При Журавеле Березовское ШСУ стало сверхкарьерным, одним из крупнейших управлений в комбинате; оно вынуждено было производить собственными силами все строительные работы в рабочем поселке Березовский, так как других управлений, кроме дорожно-строительного управления (далее, ДСУ), здесь не было.

А. Ф. Журавель и его команда сразу поняли, что стройке необходим щебень, чтобы заменить хотя бы наполовину привозную песчано-гравийную смесь (далее – ПГС), нехватка которой нередко сдерживала строительные работы. С развитием горных работ потребность в ПГС и щебне существенно возрастала. ПГС привозили из Кемерово по железной дороге, не всегда вовремя, к тому же обходилась она стройке дорого, особенно зимой из-за трудностей разгрузки смерзшейся ПГС. Нужен был свой щебень, изготовленный из местных природных пород. А они были рядом. Нужно было построить карьер на Федоровском месторождении известняков и дробильно-сортировочную установку, позволяющую выпускать щебень по фракциям и даже мытый щебень, так как месторождение известняков располагалось на правом берегу реки Шурап, к тому же рядом с железной дорогой Кемерово – Барзас и небольшой деревушкой Бирюли. Простиралось месторождение от этой деревни, вдоль реки, вплоть до поселка Федоровка. Жители Федоровки использовали известняк для выжигания извести. Руководил заготовкой извести для Березовского ШСУ мастер Мотырев, житель Федоровки.

Федоровский каменный карьер и дробильно-сортировочная установка были запущены в эксплуатацию в установленные сроки.

Но развитие горных работ значительно отставало от желаемого, хотя шел седьмой год с начала стройки. И этому были объективные причины. Вертикальные стволы проходились в тот период с помощью временных проходческих машин, копров и бадей с последующим переходом на постоянные подъемные машины, постоянные копры и трехтонные вагонетки.

В связи со значительным отставанием проходки стволов и околоствольных выработок перед руководителями стройки в 1954 г. встал вопрос – как наверстать время, потерянное при проходке стволов и околоствольных выработок? Решили проходку бремсбергов начинать сверху, с поверхности, хотя это и более трудоемко, так как фактически будет проходка уклонов, а не бремсбергов. Проходка уклонов сложнее и дороже и с меньшими темпами из-за отсутствия в те годы средств механизации для погрузки угля и породы – породопогрузочных машин. Погрузка проводилась вручную.

После окончания армирования клетового ствола и переоборудования временного клетового подъе-

ма на работу по постоянной схеме началась проходка околоствольных выработок.

Длительное затопление клетового ствола впоследствии отрицательно повлияло на скорость проходки околоствольных выработок в связи с увеличением обводненности пород.

К проходке с выработки по крепким песчаникам и огромным притоком напорной воды – более 90 кубометров в час! – приступила сквозная комплексная бригада Алексея Михайловича Семенова. Напор воды в породном массиве был настолько силен, что струи из пробуренных шпуров вырывались фонтанами на несколько метров в сторону ствола и даже выбрасывали буровые штанги. Проходку этой выработки пришлось остановить и отперемычить до снижения притока воды. Бригада двинулась к водосборникам обходным путем – стала форсировать проходку однопутевой клетовой порожняковой выработки к обгоночной ветви, чтобы потом с обгоночной ветви повернуть на «север», в сторону водосборников. Этим достигалась также скорейшая сбойка между стволами в соответствии с требованиями Правил безопасности.

Примерно в середине 1956 г. в скипо-клетовом стволе приступили к очень сложной и ответственной работе – к разделке и бетонировке сопряжения ствола с выработками гор. + 100 м. Руководил работами начальник участка №1 горный инженер Ефим Иосифович Молдавский. Он приехал на стройку после окончания института и начал работу горным мастером сразу с проходки клетового ствола.

Повторная сбойка выработок между стволами произошла в пределах двухпутевой выработки обгоночной ветви. У горняков появилась возможность после этой сбойки начать проходку обгоночной ветви на север, в сторону водосборников, проходка которых находилась на «критическом пути». Одной из главнейших задач в проходке околоствольных выработок, наряду с проходкой водосборников и постоянной насосной камеры, являлась скорейшее продвижение бригадой Почетного шахтера А. М. Семенова клетовой порожняковой выработки на юг, к узлу №1, от которого начинался квершлаг «юг», вскрывающий на горизонте + 100 м пласт первой очереди под номером 24. Это задание сквозная комплексная бригада с честью выполнила в марте 1957 г. Главный квершлаг «юг» бригада проходила по-скоростному: сначала 110, а затем 140 м в месяц при плане 60 м.

1956 г. оказался переломным в развитии горных работ на строящейся шахте. И не только потому, что появился энергичный и пробивной начальник стройки Андрей Филиппович Журавель, но также из-за того, что дальше отступать было некуда – были сорваны установленные сроки строительства

шахты, и за это стали строго спрашивать. Андрей Филиппович стал практиковать регулярные групповые поездки (2–3 раза в год) в проектный институт под своим руководством – в основном главных специалистов управления, с целью быстрого решения возникших проектных вопросов, согласований по изменению и корректировке проектных решений.

Технология отработки угольного пласта 24: нужно было нарезать 7 лав, в которых выемка угля будет осуществляться широкозахватными комбайнами типа «Донбасс», а крепление лав производиться деревом. Шахтостроителями проектные решения были исполнены.

Первое знаменательное событие для строящейся шахты (встреча через 2 года напряженной работы проходчиков участков №1 и 3 в забое основного штрека) произошло в ноябре 1957 г. Ответственная «сбойка» произошла успешно, с несмыканием встречных забоев по высоте на 0.15 м. Второе знаменательное событие для стройки произошло вслед за первым, в декабре 1957 г. – забой основного штрека С-В горного участка № 2 также сбился успешно, тоже через два года, с забоем основного штрека Ю-З участка № 1.

Комбинат «Кузбассуголь» был озабочен тем, что на предпусковой шахте готовят к пуску 7 лав по одному пласту, причем самому высокозольному и при отсутствии обогатительной фабрики в районе действия будущей шахты. Поэтому он обязал заказчика (трест «Кемеровоуголь») и подрядчика (Березовское ШСУ) форсировать работы по вскрытию и подготовке малозольных пластов 26 и 27, более того, – скорректировал пусковую программу, включив в нее дополнительно к семи лавам пласта 24 одну лаву № 8 по пласту 26, оставив прежним срок пуска шахты в эксплуатацию.

Но и для подготовки одной лавы № 8 нужно было выполнить большой объем работ, на что потребовалось бы порядка 2,5 года. У нас же оставалось до пуска шахты всего 1,5 года. И нужно было уложиться в ранее установленный срок. Чтобы выполнить возросшую пусковую программу в оставшееся время, главный маркшейдер треста «Кемеровошахтострой» Георгий Иванович Каргополов и автор настоящего очерка предложили ускоренный вариант подготовки дополнительной лавы № 8 пласта 26 с расчетом заложения гезенка между пластами 26 и 27. Наше предложение было одобрено руководством управления, принято заказчиком и осуществлено горным цехом БШСУ в установленный срок.

Благодаря нашему предложению лава № 8 была ооконтурена до первого января 1959 г. Березовское ШСУ сдало в эксплуатацию шахту «Березовскую» в установленный Правительством срок, а шахта «Березовская» запустила лаву № 8 пласта 26 в работу в январе 1959 г.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД

В июне 1958 г. трест «Кемеровоуголь» назначил директором предпусковой шахты «Березовская» Владимира Павловича Фурсу, успешно работавшего до этого главным механиком шахты «Южная». Главным инженером шахты был назначен Виктор Демьянович Клочков.

В июле 1958 г. приказом начальника комбината «Кузбассуголь» создана комиссия по приему в эксплуатацию шахты. Приемная комиссия приняла решение провести до 1 ноября 1958 г. пробную проверку работоспособности всего смонтированного оборудования в шахте и на поверхности. Иными словами – провести пробный запуск технологической транспортной цепочки «уголь из лавы в железнодорожный вагон». И этот запуск успешно свершился 31 октября 1958 г. Шахтостроители смогли

наверстать время, упущенное за первые шесть лет строительства.

Для пуска шахты коллективу горного цеха потребовалось пройти 17 километров подземных выработок, подготовить семь очистных забоев (лав) с суммарной линией очистного забоя 900 метров. Чтобы построить шахту в комплексе с жилым поселком строителям потребовалось 9 лет. По тем временам это не такой уж большой срок, учитывая применяемые в те годы технологические схемы строительства, не всегда обеспечивающие сокращение сроков строительства, в том числе стволов. Привожу простые, скупые слова из «Акта государственной комиссии»: «...Принять шахту «Березовская – 1» в эксплуатацию при хорошем и отличном качестве строительно-монтажных и горнопроходческих работ».

Подготовил к публикации В. Иванов

ШАХТЕРСКИЕ ЗНАКИ:

1

2

3

Знак «Шахтерская память» I, II, III степеней

Нина ЯГОДИНЦЕВА

ОБРАЗ И ЕГО ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

I

Образ – информационная единица искусства, представляющая собой эмоционально-смысловую целостность. В отличие от понятия, в котором ведущую роль играет ментальный уровень смысла, а звуковой, эмоциональный и событийный практически не задействованы, в структуре образа разноуровневая информация сочетается гармонично и потому воспринимается как единое целое. Образ задействует все уровни восприятия: он прямо или косвенно указывает на физические реалии, даёт ощущение пространства, эмоциональную наполненность и темпоритмическую организованность, осмысленность, вовлечённость в поток событий, глубокое соотношение с нравственными ценностями – и так или иначе обозначает идею вещи или явления.

Образ возникает в сознании мгновенно и так же мгновенно воспринимается. Все его составляющие можно выделить только в процессе анализа, переводя их в плоскости понятий. В момент рождения и восприятия образа они срабатывают целокупно, одновременно. Целое пространство образа может быть сколь угодно великим или малым – в любом случае оно сохраняет своё единство, которое может быть развёрнуто или свёрнуто в зависимости от художественной задачи.

Время внутри образа на разных уровнях осмысления протекает по-разному. Быстрее всего оно движется на уровне физических реалий. Чем дальше в глубину образа мы погружаемся, тем более время замедляется, в самой глубине, в центре образа обретая неподвижность – вечность. И потому образ в целом можно сравнить с маленьким озерцом вечности, в котором время волнами скользит только по поверхности: чем глубже – тем медленней движение, до полного покоя в глубине.

Образ отличается от более привычных нам в обиходе понятий своей особой точностью, которая учитывает три параметра: особенность состояния творца образа, неповторимость конкретного мгновения общения, особенность индивидуального восприятия собеседника. Эту уникальную точность в мире понятий принято называть «поэтической воль-

ностью». Именно на неё человек откликается интуитивно – мгновенно и безрассудно, это один из тайных «магнитов» искусства.

Образ передаёт уникальные сведения. Если универсальные сведения адресованы всем и одинаковы для всех, то уникальные единичны и направлены каждому конкретному адресату. В целостном мире не существует информации «вообще» – она всегда конкретна, и общий, глобальный диалог ведётся с каждым персонально. Так, стихотворение адресовано в общем никому, но конкретно – каждому, кто способен воспринять и понять его: лирическому собеседнику.

Образ подобен точке в пространстве сферы и открыт для смысловых связей одновременно во все стороны. Из всех информационных единиц именно он имеет наибольший смысловой объём, передающийся с максимально возможной скоростью. Поэтому поэзию и называют совершенной формой речи: уникальная точность, максимальный объём чётко структурированной информации, мгновенная скорость – и «щадающий режим» диалога: собеседник получает ровно столько информации, сколько способен воспринять, при этом структура смыслов – от реального до идеального – полностью сохраняется.

Структура образа аналогична и структуре психофизики, и структуре Универсума – мира как единого целого. Благодаря структурному единству, взаимопонимание может выстраиваться на любую глубину – от физической реальности до вечного идеала. Условно эту структуру можно разделить на семь уровней:

- физический – предметный мир (*проявленная материальность*);
- ощущения – цвета, звуки, запахи, вкус, свойства поверхности (*то, что дано нам в ощущениях*);
- чувства – темпоритм внутренний и внешний, волновая организация материи (*выражается как эмоциональное состояние, настрой*);
- осмысление – классификация, типизация явлений (*фиксируется в словах, предложениях, словесных описаниях*);
- событийный уровень – степень соучастия в общем бытии (*находит выражение в сюжетах*);
- ценности – нравственная основа событий (*то, что обеспечивает устойчивость существования духовно и физически*);
- идея – главный, центральный, «вечный» смысл существования (*самый сложный для формулирования уровень, часто его смысл постигается только интуитивно*).

Рассмотрим на простом примере, как образ способен «запаковать» в себе большое количество разноуровневой информации. На одном из занятий подростка спросили, на что были похожи его летние каникулы. Он ответил: «Моё лето было как длинное асфальтовое шоссе». Охарактеризуем пространственные очертания образа: *лента дороги, полоса; пространство ограниченное с двух сторон, длинное,*

границы чёткие. Цветовые ассоциации: основные – серый цвет асфальта, дополнительные – блёклое от пыли небо, грязно-зелёные обочины, иногда яркие дорожные знаки или надписи. Звуковые ассоциации: приглушённые звуки, шорох шин, свист ветра, изредка сигналы машин. Вкусовые ассоциации: привкус дорожной пыли. Запахи пыли, бензина, иногда свежий ветерок. Плотность вещей, составляющих основу данного образа, степень их тяжести: плотное, тяжёлое полотно дороги, возможно, машина – жёсткая снаружи и мягкая, уютная внутри. Динамика внутри образа – постоянное, монотонное, ровное движение по шоссе, но и покой – внутри предполагаемой машины. Эмоциональное наполнение образа – скука, изредка вспышки интереса, некоторое утомление, как от всякой долгой дороги.

Что самое ценное в летних каникулах? Свободное время, дающее возможность движения, новых впечатлений. Складывается цепочка ассоциаций: свободное время (летние каникулы) – жёсткое пространственное ограничение (лента асфальтового шоссе) – время, которое тянется (движение в одном направлении) – серые и блёклые краски (скука и грусть). У мальчика не было возможности куда-то поехать, это лето он провёл в городе, у окна, наблюдая чужую жизнь, чужие праздники и другие радости. Отклонения от идеального представления передаются через различные ограничения пространства, а физическая неподвижность – через движение времени.

Событие сворачивается в образ по определённым законам соответствия. Физический уровень (пространственные очертания) образа реализует внутреннее представление об идеальном бытии, в ощущении формулируется степень внутренней свободы как главная нравственная ценность, а цветовая информация передаёт степень вовлечённости в общее бытие: чем ярче цвета, тем более вовлечён в него создатель образа. Ключевым моментом, «точкой поворота» здесь является уровень переосмысления, а само оно происходит целостным образом.

Разворачивая образ, мы превращаем своё внутреннее представление о событии, его эмоциональное переживание в связную, цельную картинку внешнего мира.

Поэты вводят образы в литературный и культурный обиход. Некоторые из этих образов начинают активно эксплуатироваться, становятся расхожими. Их эмоциональное содержание постепенно «стирается» – формулы живого чувства сначала превращаются в штампы, затем высмеиваются и пародируются – и в конечном итоге выводятся из обращения. По логике поэтического развития начинающий автор чаще всего обращается именно к штампам – так ребёнок начинает освоение мира с повторения за взрослыми. Пройдя этот этап учёбы, он начинает подражать любимым поэтам. И только потом формируется собственный, индивидуальный поэтический язык. Высшим поэтическим мастерством является умение обновлять поэтические штампы, возвращать их в литературный обиход в первозданной силе и яркости.

II

Два основных свойства окружающего нас мира – единство и бесконечное разнообразие – являются неразделимыми противоположностями. Разнообразие очевидно прежде всего на уровне предметного мира, в ощущениях и эмоциональных переживаниях, а единство возникает уже на более высоких уровнях: осмысления, события, ценностных ориентиров и идеи. В языке для снятия этого противоречия и реализации единства мира есть инструменты перехода от образа к образу – преобразование и преобразование.

Сущность преобразования и его высокого синонима *преображение* – разворачивание идеи в ином смысловом пространстве и создание нового образа. Простейшими моделями преобразования в языке являются речевые параллелизмы. Параллелизм прослеживается во всей системе языка – от звукового до композиционного уровня.

РАЗНОВИДНОСТИ ПАРАЛЛЕЛИЗМА

Разновидности параллелизма	Название	Пример
Подобие синтаксических структур	Синтаксический параллелизм	<i>То не ветер ветку клонит – То моё сердечко стонет.</i>
Звуковое подобие	Аллитерация	<i>Загаром крылся виноград, Забором крался конокрад</i>
	Ассонанс	<i>В соседнем доме окна жолты...</i>
Единоначалие периодов речи	Анафора	<i>Зима – томительный пробел, Зима – смятение и тревога</i>
Концевое созвучие	Рифма	<i>Годы – воды</i>
Антитеза	Хиазм	<i>Всё во мне и я во всём</i>
Слоговое равенство периодов речи	Изоколон	<i>Спасите меня! Возьмите меня!</i>

Новый образ рождается с помощью метафоры. Метафора переносит идею в иное смысловое пространство, облекает в иную форму, обновляет смыслы, освежает эмоционально, показывает вещь или явление с необычного ракурса. Мета-

форы являют нам бесконечную смену одних форм вечных ценностей и идей другими. Способы перенесения главного смысла – идеи – можно классифицировать по нескольким основным признакам.

ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТАФОР

Признаки	Разновидности
Принципы соотнесения	Сходство (внешнее)
	Контраст (глубокое внутреннее сходство)
Степень условности	Полная условность (сравнение)
	Частичная условность (метонимия)
	Безусловное перенесение (собственно метафора)
Вектор перехода	Восходящий (от предметности к идее)
	Нисходящий (от идеи к предметности)

По принципу внешнего сходства смысловое пространство расширяется: «*Но упала любовь на сурового Данта, как на камень серьга золотая*» (Д. Самойлов), по принципу контраста – сужается: «*Любовь есть предисловие к разлуке*» (И. Бродский).

На основе частичного сходства прослеживается неожиданное родство различных вещей. Сопоставление по принципу контраста также основывается на общем признаке: за явной антонимичностью всегда стоит глубокое родство вещей или явлений.

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТАФОР ПО СТЕПЕНИ УСЛОВНОСТИ

Степень условности	Разновидность	Пример
Полная условность	Сравнение	<i>И как два огнетушителя наши красные носы</i>
Перенесение имени из одного смыслового пространства в другое по принципу смежности	Метонимия	<i>Смелость города берёт</i>
Безусловный переход из одного смыслового пространства в другое	Собственно метафора	<i>Озёр агатовых колдующие очи</i>

Степень условности характеризует полноту перенесения знака в другое смысловое пространство. Можно просто сопоставить две вещи, используя связки как, словно, будто, подобно и др., можно пе-

ренести только имя – или саму идею в другое смысловое пространство и полностью развернуть её там.

Метонимия предполагает перенесение имени от вещи к вещи.

РАЗНОВИДНОСТИ МЕТОНИМИИ

Варианты метонимии	Пример	Совмещение	Характер перенесения
Прямое значение накладывается на переносное	<i>Я две тарелки съел</i>	Тарелка – кушанье и столовый прибор	Совмещение смыслов
Название части становится названием целого	<i>Эй, шляпа!</i>	Шляпа – часть одежды и человек	Расширение смысла
Название материала переходит к предмету, изготовленному из него	<i>На серебре и золоте едал</i>	Материал, из которого сделана посуда, и сама посуда	Сужение смысла
Имя содержимого переходит к содержащему	<i>Трещит затопленная печь</i>	Печь – дрова	Распространение смысла
Имя носителя свойства переходит к свойству	<i>Смелость города берет</i>	Смелость (качество) – человек	Сужение смысла
Имя творца переходит к творению	<i>Прочёл всего Достоевского</i>	Достоевский – его произведения	Совмещение смыслов

Вертикальное переосмысление может быть направлено вверх (от физического, предметного ряда к идеальному) – это восходящая метафора: «*И ландыш встаёт балеринкой*» (Я. Белинский), и вниз (от идеальных уровней к физическому) – это нисходящая

метафора: «*Но любовь – это райское яблоко с бритвами*» (А. Вознесенский). В первом случае результатом восхождения смысла является одухотворение (растение – человек), во втором смысл нисходит от чувства к предмету.

ВОСХОДЯЩИЕ И НИСХОДЯЩИЕ МЕТАФОРЫ

Вектор пре-образования	Направление перемещения	Пример
Восходящий	От предметного к идеальному через ощущения, чувства, мысли, со-бытие, ценности	<i>Далёкий огонёк как надежда</i>
Нисходящий	От идеального к предметному через ценности, со-бытие, мысли, чувства, ощущения	<i>Надежда как далёкий огонёк</i>

Когда метафора поднимает смысл через несколько уровней восприятия до уровня события, происходит олицетворение – перенесение на вещь человеческих черт. Олицетворение может быть и нисходящим, когда явлениям со-бытийного, ценностного и идеального уровней придаются человеческие черты: *судьба, Муза, Бог...*

Учитывая возможность бесконечного количества комбинаций предметов и явлений в Мироздании, можно смело сказать, что метафорическое творчество неисчерпаемо. Типы связи могут быть самыми разнообразными. Мы привели только базовые модели переосмысления. Реализуются они в разных масштабах: метафора может охватывать несколько фраз, речевых периодов, или всё произведение целиком (как «*Мёртвые души*» Н. Гоголя) – в последних двух случаях она называется развёрнутой. Степень развёрнутости метафоры зависит от художественной задачи.

Метафора – только инструмент преобразования. Результат её действия – создание образа, новой цельной единицы информации, соединяющей в себе исходное ядро (идею вещи или явления) и обновлённые (развёрнутые в другом смысловом пространстве) связи. Новый образ заключает в себе двойственную реальность: сохраняя исходный смысл, он обогащает его новым содержанием. Например: «*Каспия неполный горький ковш у горячих губ моей земли*» (О. Сулейменов). Событие переносится в ряд человеческих реалий: земля олицетворяется, и горький вкус моря лирический герой (и читатель) ощущает вместе с ней. Внутреннее пространство этого образа точно и живописно. «*Тишайший снегопад, закутавшийся в хлопья, в обувке пуховой проходит по земле*» (А. Межиров). Здесь тоже используется приём олицетворения, и поведение героя не противоречит «манерам» снегопада: тишине, мягкости, укутанности, неслышного движения. Так решается одна из сущностных задач поэзии – прибавление смысла.

III

Метафорическое мышление делает речь яркой и эмоциональной, по скорости оно гораздо быстрее логического, а по объёму информации – насыщеннее в разы. Лучше всего его развивать в лёгкой игровой форме. Игры могут быть коллективными или командными (соревновательными), играть можно в аудитории или на детской площадке, в летнем лагере и др. Чтобы игра прошла интересно и продуктивно, необходимо правильно оценить возможности потенциальных игроков, продумать и тщательно проработать условия игры, чётко сформулировать задание и предусмотреть реквизит, например, цветную бумагу для самолётиков, набор игрушек, колокольчики, ручки, ватман для табло в соревновательных играх. Вот несколько примеров простых игр для детей и подростков на создание метафор.

«САМОЛЁТИКИ»

Цель игры – научиться создавать метафоры, объединяя пары случайных слов общим смыслом. **Правила создания метафоры:** даже очень разные вещи имеют между собой какое-то сходство: по цвету, форме, вкусу, запаху, характеру движения и т. д. Задача – найти сходство в случайно подобранной паре слов и придумать, как можно объединить эти слова общим смыслом.

Порядок создания метафоры из пары слов (например, *карусель* и *ромашка*): 1. Выбрать исходное слово (например, *ромашка*). 2. Обнаружить сходство с другим словом (например: *карусель* и *ромашка* круглые, могут крутиться вокруг своей оси, лепестки ромашки могут быть похожи на секторы с фигурками, которые есть на карусели, общее время года – лето, вызывают общие эмоции: радость, веселье, лёгкое головокружение). 3. Придумать метафору – словосочетание, строчку или четверостишие, в которых одна вещь превращается в другую (например: «*На белых каруселях луговых кружатся мошки, бабочки и пчёлы*»).

Игры могут быть как полностью свободными, так и тематическими – в этом случае слова подбираются на определённую тему (например, одна команда пишет слова на тему зимы, другая – на тему школы). По возможности в ходе игры сочиняются метафоры для всех пар слов, если у детей не получается – на помощь может прийти ведущий.

Командная подвижная игра. Дети делают бумажные самолётики (3–5, в зависимости от количества раундов в игре). В каждом раунде проводятся следующие действия. 1. Каждая команда пишет на крыле своего самолёта имя существительное и отправляет самолёт соперникам. 2. Соперники пишут на другом крыле второе существительное и возвращают самолётик противоположной команде. 3. Каждая команда из получившихся пар слов придумывает метафоры. Метафоры могут придумывать только те, кто поймал самолётики, или вся команда. Результаты каждого раунда отображаются на игровом табло, экране или доске.

Точно так же может проводиться **командная аудиторная игра**. Разница только в том, что обе команды будут сидеть за партами.

Коллективная аудиторная игра предполагает, что каждый участник игры делает самолётики, надписывает и отправляет в полёт, а метафоры придумывает на слова того самолётика, который удастся поймать. Поскольку игра достаточно сложная, её лучше проводить в небольшой аудитории.

«КОЛОКОЛЬЧИКИ»

Эта игра отличается от предыдущей только способом подбора случайных пар слов. Для её проведения нужны два колокольчика.

Коллективная подвижная игра. Дети встают в круг. Ведущий пускает по кругу два колокольчика. Каждый должен позвенеть колокольчиком и быстро передать его по кругу дальше. По хлопку ведущего те, у кого в руках колокольчики, называют по одному слову. Ребёнок, первым придумавший метафору с этими словами, становится ведущим.

Коллективная аудиторная игра. Проводится точно так же, как и командная, только колокольчики запускаются в левую и правую стороны аудитории. Игру можно проводить и с индивидуальным зачётом, выдавая за удачные ответы игровые фишки. В конце игры количество игровых фишек подсчитывается, победителю вручается приз.

«СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТИК»

Игроки по очереди вытягивают из лотерейного барабана или выбирают на «экзаменационном сто-

ле» по два билетика со словами и сочиняют метафоры с доставшейся им парой слов.

Командная аудиторная игра. Игроки от каждой команды выходят и поочерёдно вытягивают пары билетиков. Результаты отображаются на игровом табло, экране или доске. Цель команд – набрать наибольшее количество правильных ответов.

Коллективная аудиторная игра. Участники игры вытягивают пары билетиков по очереди и получают приз за каждый правильный ответ. В затруднительных ситуациях игрок может попросить помощи зала, но этот ответ в зачёт не идёт.

«ВОЛШЕБНИКИ»

Разновидность предыдущей игры. Вместо билетов подбираются игрушки или предметы, которые нужно сравнить с чем-то по заданной теме игры, например, с явлениями природы, настроением и др. Может проводиться в **командном и коллективном аудиторных вариантах**. Игрок достаёт из «чёрного ящика» или «волшебного мешка» предмет (например, мячик) и сравнивает его с явлением природы (например: *зимой солнце мячиком катится за горизонт*).

«СЕАНС ТЕЛЕПАТИИ»

Игра также направлена на создание случайных пар слов, которые затем нужно соединить метафорами. Может использоваться в качестве разминки и во взрослых аудиториях, перед началом любых творческих литературных занятий.

Коллективная аудиторная игра. Ведущий говорит о том, что большую роль в поэзии играет телепатия и нужно проверить телепатические способности аудитории. Но чтобы правильно «услышать» слово, которое будет телепатировать ведущий, нужно расслабиться, закрыть на минуту глаза и погрузиться в себя. То слово, которое придёт на ум первым, и окажется правильным. Главное – оно должно нравиться, быть интересным, приятным. Ведущий загадывает слово и выдерживает 15 секунд тишины. Затем просит записать «услышанные» слова и назвать их. Сообщает, что все угадали, потому что он загадал слово... – и называет своё слово. Общий смех, затем ведущий предлагает всем доказать, что они действительно услышали телепатически переданное слово, и придумать метафору, чтобы загаданное им слово превратилось в слова, записанные детьми. На придумывание метафоры даётся время – не более пяти минут. Опрос проводится сначала по желанию детей, потом все вместе придумывают метафоры для тех, кто сам не смог это сделать.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).
«Природа Алтая» (Барнаул)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40. Как подписаться на журнал, читайте на последней странице обложки.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением
Свидетельство о регистрации средств массовой информации № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Корректоры: **Е. В. Фефелова, Т. Э. Панибратова**
Компьютерная верстка **П. Б. Исакова**

Подписано к печати 15.10.2016. Дата выхода в свет 26.10.2016. Формат 60×84½. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 196. Цена свободная

Адрес редакции и издателя: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, Советский проспект, 40. Адрес общества с ограниченной ответственностью
«Авторское издательство «Кузбассвуиздат» (ООО «АИ «Кузбассвуиздат»):
650043, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б, типографии: ул. Грузовая, 11.
Тел. 8 (3842) 36-36-00, т/факс 36-83-77. E-mail: 58293469@mail.ru